

экономические и социальные перемены

№ 5 (177)
сентябрь — октябрь 2023

СОЦИАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА

МЕТОДЫ
И МЕТОДОЛОГИЯ

СОЦИОЛОГИЯ
ОБРАЗОВАНИЯ

МИГРАЦИЯ

18+

ISSN 2219-5467

9 772219 546006 >

Главный редактор журнала:

Федоров Валерий Валерьевич —
кандидат политических наук, генеральный директор ВЦИОМ,
профессор НИУ ВШЭ

Заместители главного редактора:

Седова Наталья Николаевна —
помощник гендиректора по науке ВЦИОМ

Подвойский Денис Глебович —
кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент РУДН

Ответственный редактор:

Бирюкова Светлана Сергеевна —
кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Института социальной политики НИУ ВШЭ

M77 Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — М.: АО «ВЦИОМ», 2023. — № 5 (177). — 304 с.

ISSN 2219-5467

Объективная, точная, регулярная и свежая информация «Мониторинга» полезна всем, кто принимает управленческие решения, занимается прогнозированием и анализом развития общества. Наш журнал пригодится сотрудникам научных и аналитических центров, работникам органов управления, ученым, преподавателям, молодым исследователям, студентам и аспирантам, журналистам.

Тематика материалов охватывает широкий круг социальных, экономических, политических вопросов, основные рубрики посвящены теории, методам и методологии социологических исследований, вопросам взаимодействия государства и общества, социальной диагностике. Каждый номер журнала содержит двухмесячный дайджест основных результатов еженедельных общероссийских опросов ВЦИОМ.

Мы публикуем статьи специалистов, представляющих ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также ВУЗы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность выступить на его страницах представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные.

Журнал издается с 1992 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОКАЗАТЕЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

*Е. Р. Ярская-Смирнова, Е. Ю. Рождественская, Р. Н. Абрамов, С. П. Борзов,
М. Ю. Александрова*

Социальная технология оказания социальной помощи семьям с детьми:
опыт внедрения и оценка эффективности 3

М. Ю. Александрова

Возможности применения количественного анализа для оценки эффективности
в социальной работе: кейс социальных технологий оказания социальной
помощи семьям с детьми.....26

К. Н. Обухов

Роль социального капитала в дифференциации стратегий подотчетности
в региональных социально ориентированных НКО50

Ж. В. Чернова

Методологические аспекты экспертных интервью:
подходы, возможности и ограничения 74

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Н. Г. Малошенок

Роль гендера и гендерных стереотипов в восприятии учебной нагрузки
и вовлеченности студентов математических и инженерных направлений
подготовки 91

СОЦИОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Ю. А. Афанасьева, Б. О. Соколов, А. А. Широканова

Факторы ковид-скептицизма в России: результаты анализа материалов
двух волн лонгитюдного опроса «Ценности в кризисе» 115

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Мониторинг мнений: сентябрь — октябрь 2023 138

МИГРАЦИЯ

К. Ю. Волошенко, Е. С. Фидря, А. В. Лялина, Ю. Ю. Фарафонова, А. А. Новикова

Мотивы переезда ИТ-специалистов в Калининградскую область
из регионов России151

С. И. Поляков, Д. А. Ситкевич, И. В. Стародубровская
Модель адаптации мигрантов через спортивное сообщество на примере
северокавказских мигрантов в Санкт-Петербурге177

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

В. В. Радаев

Эмоционально нагруженное потребление в современной России.
Часть первая: теоретические основы 202

О. Л. Чернозуб, М. Л. Белоножко

Сравнительный анализ имплицитных измерений ГАТО и IAT:
единство в многообразии.....221

К. В. Дукельская, О. Р. Михайлова

Социологические исследования вебкам-моделинга в условиях
цифровизации рынка секс-услуг: теоретический обзор 240

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

Е. А. Коваль

Новые алгоритмы власти в мире алгоритмов.
Рец. на кн.: Hasselbalch G. Data Ethics of Power: A Human Approach in the
Big Data and AI Era. Cheltenham ; Northampton, MA : Edward Elgar, 2021 262

ФРАГМЕНТЫ БУДУЩИХ КНИГ

Н. Н. Седова

Динамика смысложизненных установок россиян
и консолидационного потенциала общества..... 283

DOI: [10.14515/monitoring.2023.5.2406](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2406)

**Е. Р. Ярская-Смирнова, Е. Ю. Рождественская, Р. Н. Абрамов,
С. П. Борзов, М. Ю. Александрова**

**СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ОКАЗАНИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ СЕМЬЯМ С ДЕТЬМИ:
ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ**

Правильная ссылка на статью:

Ярская-Смирнова Е. Р., Рождественская Е. Ю., Абрамов Р. Н., Борзов С. П., Александрова М. Ю. Социальная технология оказания социальной помощи семьям с детьми: опыт внедрения и оценка эффективности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5. С. 3—25. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2406>.

For citation:

Yarskaya-Smirnova E. R., Rozhdestvenskaya E. Y., Abramov R. N., Borzov S. P., Aleksandrova M. Y. (2023) Social Technology for Providing Social Assistance to Families with Children: Implementation Experience and Evaluation of Effectiveness. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 3–25. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2406>. (In Russ.)

Получено: 30.03.2023. Принято к публикации: 25.09.2023.

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ОКАЗАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ СЕМЬЯМ С ДЕТЬМИ: ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ

ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Елена Ростиславовна — доктор социологических наук, профессор кафедры общей социологии Департамента социологии Факультета социальных наук, заведующая Международной лабораторией исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: elena.iarskaia@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3139-5215>

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; ведущий научный сотрудник сектора исследований социальных изменений качественными методами, Институт социологии ФНИСЦ, Москва, Россия
E-MAIL: erozhdestvenskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6874-2404>

АБРАМОВ Роман Николаевич — доктор социологических наук, профессор департамента социологии факультета социальных наук, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; ведущий научный сотрудник отдела теории и истории социологии, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия
E-MAIL: rabramov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4967-1169>

SOCIAL TECHNOLOGY FOR PROVIDING SOCIAL ASSISTANCE TO FAMILIES WITH CHILDREN: IMPLEMENTATION EXPERIENCE AND EVALUATION OF EFFECTIVENESS

Elena R. YARSKAYA-SMIRNOVA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor at the Department of General Sociology of the School of Sociology, Faculty of Social Sciences; Head of the International Laboratory for Social Integration Research
E-MAIL: elena.iarskaia@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3139-5215>

Elena Yu. ROZHDESTVENSKAYA^{1,2} — Dr. Sci. (Soc.), Professor at the Faculty of Social Sciences; Leading Researcher, Sector of Social Change Research Using Qualitative Methods
E-MAIL: erozhdestvenskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6874-2404>

Roman N. ABRAMOV^{1,2} — Dr. Sci. (Soc.), Professor at the School of Sociology of the Faculty of Social Sciences; Leading Research Fellow at the International Laboratory for Social Integration Research; Leading Research Fellow at the Department of Theory and History of Sociology
E-MAIL: rabramov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4967-1169>

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

*БОРЗОВ Сергей Петрович — президент, Благотворительный фонд «Новое развитие», Томск, Россия; ведущий эксперт Центра инновационных экосистем в социальной сфере, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: borzovsp@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0006-6148-1743>*

*АЛЕКСАНДРОВА Марина Юрьевна — преподаватель, аспирант кафедры методов сбора и анализа социологической информации департамента социологии, стажер-исследователь Международной лаборатории исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: myaleksandrova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7683-7750>*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования эффективности технологии работы со случаем, предназначенной восстанавливать способность семьи самостоятельно справляться с трудными жизненными ситуациями, удовлетворяя основные потребности ребенка. Оценка реализована в смешанной качественно-количественной методологии с прикладной задачей управления технологией в классификационной сетке У. Трочима. Качественная оценка технологии выполнялась с применением полуструктурированных интервью с кураторами и супервизорами. Количественный этап включал статистический анализ данных мониторинга состояния семей, полученных в ходе реализации технологии в шести московских Центрах помощи семье и детям. Проводилась проверка на внутреннюю согласованность шкал с помощью коэффициента α Кронбаха,

*Sergey P. BORZOV^{3,1} — President; Leading expert of the Center for Innovative Ecosystems in the Social Sphere
E-MAIL: borzovsp@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0006-6148-1743>*

*Marina Yu. ALEKSANDROVA¹ — Lecturer and Doctoral Student at the Department of Sociological Research Methods, School of Sociology; Research Assistant at the International Laboratory for Social Integration Research
E-MAIL: myaleksandrova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7683-7750>*

¹ HSE University, Moscow, Russia

³ Charitable Foundation "New Development", Tomsk, Russia

Abstract. The article presents the study of the effectiveness of casework technology aimed at restoring the family's ability to independently cope with difficult life situations and satisfying the child's basic needs. The evaluation is implemented in a mixed qualitative-quantitative methodology and employs a model of technology management assessment in terms of W. Trochim. A qualitative assessment of the technology was carried out using semi-structured interviews with case managers and supervisors. The quantitative stage included a statistical analysis of family monitoring data obtained during the implementation of the technology in six selected Family and Child Care Centers in Moscow. The authors estimate correlations and descriptive statistics for various indicators and test proposed monitoring scales for internal consistency using Cronbach's Alpha coefficient.

расчет корреляций и мер средней тенденции и разброса.

Анализ интервью позволил выявить основные составляющие успеха технологии и барьеры, которые могут стоять на пути ее успешной реализации. Достоинства анализируемой технологии: системность, последовательность, связность, внутренняя согласованность этапов, высокая точность и качество обеспечиваемой диагностики проблем семей, потенциал раннего выявления рисков кризисной ситуации в семье, появление понятного специалисту инструментария, возможность формализации, упорядочивания и архивации работы со случаем. Барьеры успешного внедрения технологии связаны с высокой нагрузкой кураторов, в том числе в формате «бумажной работы», отсутствием поддержки и сопровождения супервизоров, сложностями языка описания технологии, одновременно создающими перспективу ее оптимизации. Полученные количественные данные свидетельствуют о наличии положительной динамики в состоянии семей в целом, включая сокращение риска жестокого обращения с ребенком в семье.

Ключевые слова: социальная работа, технология работы со случаем, оценка, эффективность, семья и дети, профилактика риска, внедрение социальных технологий

Благодарность. Исследование проводилось Международной лабораторией исследований социальной интеграции НИУ ВШЭ по заказу Таганского детского фонда (в рамках проекта, поддержанного фондом Е. и Г. Тимченко).

Analysis of the interviews allowed to identify the main components of the technology's success and barriers that may stand in the way of its successful implementation. The advantages of the analyzed technology include systematicity, consistency, coherence, internal consistency of the stages, high accuracy and quality of the provided diagnosis of family problems, the potential for early identification of risks of a crisis situation in the family, the emergence of tools understandable to a specialist, the possibility of formalizing, organizing and archiving case work. Barriers to the successful implementation of the technology are associated with the high workload of supervisors, including large volume of paperwork, lack of support and mentorship for supervisors, and the complexities of the technology description language, which at the same time creates the potential of its optimization. The quantitative data obtained indicate the presence of positive dynamics in the state of families in general, including a reduction in the risk of child abuse in the family.

Keywords: social work, case work technology, assessment, effectiveness, family and children, risk prevention, social technology implementation

Acknowledgments. The study was conducted by the HSE International Laboratory for Social Integration Research and commissioned by the Taganka Children's Fund (within the framework of a project supported by the E. and G. Timchenko Foundation).

Введение

Контуры политики в отношении семьи варьируются от невмешательства и компенсации ущерба до интервенции и поддержки самоорганизации. Тренд в России последних 30 лет — создание центров социальной помощи родителям с детьми, социально-психологических консультативных и кризисно-реабилитационных центров¹. В этом контексте возникает запрос на инструментарий социальной работы с семьями, которые переживают кризис, находятся в трудной жизненной или социально опасной ситуации. Такой инструментарий должен быть воспроизводим с точки зрения стандарта оказания социальных услуг, который обоснован в рамках доказательного подхода и позволяет оценить меру достижения запланированных результатов². Развитие стандартизации и усиление менеджериализации социальных сервисов в научной литературе рассматривают как часть общей политики рационализации, во многом обусловленной идеологией неолиберализма и либеральным режимом социального государства [Ярская-Смирнова, Романов, 2005]. Воспроизводимость, этапность и процедурная упорядоченность превращают такие практики в социальные технологии. Социальная технология работы с семьей — методология и методика, а также сумма последовательных процедур социального воздействия с целью обнаружения скрытого потенциала позитивных изменений в структуре семейного взаимодействия. Язык социальных технологий сегодня включает понятия моделирования, конструирования, диагностики, последовательности процедур, критериев эффективности, оценки, коррекции.

Социальные технологии, нацеленные на рост эффективности профессионального вмешательства посредством стандартизации или процедурной упорядоченности и контроля тем не менее не лишены издержек. Они ограничивают профессиональную автономию специалистов помогающих профессий, могут снижать взаимопонимание между социальными работниками и их клиентами из-за бюрократизации и специфической категоризации знаний и языка, вызванных стандартизацией процедур взаимодействия. Новые нормативные рамки, технологии и стандарты³ вступают во взаимодействие с уже сложившимися практиками оценки качества и результативности социальных сервисов, системой реализации социальных услуг, мотивации персонала и методами управления. В связи с этим развиваются разнообразные подходы к оценке социальных услуг их потребителями, поставщиками услуг, надзорными органами и общественностью. Зада-

¹ В утвержденной Концепции государственной семейной политики в России на период до 2025 г. приоритетом обозначен переход от политики поддержки семей, находящихся в трудной жизненной ситуации, к политике обеспечения семейного благополучия и поддержания социальной устойчивости семьи URL: <https://mintrud.gov.ru/social/family/139> (дата обращения: 28.10.2023).

² Стандарт доказательности социальных практик в сфере детства // Фонд Тимченко. 2018. С. 4. URL: https://timchenkofoundation.org/wp-content/uploads/2020/02/standart_dokazatelnosti_socialnyh_praktik_v_sfere_detstva.pdf (дата обращения: 28.10.2023).

³ Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 № 442-ФЗ, национальный стандарт «Социальное обслуживание населения. Система обеспечения качества учреждений социального обслуживания» ГОСТ Р № 52497 — 2020 от 01 мая 2021, а также Кодекс этики и служебного поведения работников органов управления социальной защиты населения и учреждений социального обслуживания 2013 г. и Кодекс этики специалистов, работающих с получателями социальных услуг от 2019 г., принятые Минтруда и соцзащиты РФ.

чи таких оценочных процедур будут различаться по дизайну и даже языку описания проблем у различных стейкхолдеров. В комплексный подход к обслуживанию населения включаются специализированные службы по оказанию социально-реабилитационных, психолого-педагогических, правовых, медико-социальных, материально-бытовых услуг семьям и детям. Важнейшей типовой моделью организации такой территориальной социальной работы с семьей являются Семейные центры, которые и станут основным объектом нашего исследования.

В этой статье мы фокусируемся на одной из таких социальных технологий, внедренной в российский контекст. Целью предпринятого исследования являлась оценка эффективности данной социальной технологии в целях совершенствования практики работы с семьей и детьми. Исследование проводилось Международной лабораторией исследований социальной интеграции НИУ ВШЭ по заказу Таганского детского фонда (в рамках проекта, поддержанного фондом Е. и Г. Тимченко) и предусматривало оценку эффективности применения в центрах помощи семье и детям технологии профилактики семейного неблагополучия. Ниже мы охарактеризуем предмет исследования — технологию работы со случаем, а также опишем результаты исследования ее эффективности.

Описание оцениваемой социальной технологии «работа со случаем»

Социальная работа со случаем (case work) — это система профессионального взаимодействия с семьями, включающая последовательность шагов, комплекс методов и инструментов. История работы со случаем уходит корнями в деятельность благотворительных организаций в США и Великобритании конца XIX века и, в частности, связана с вкладом таких основоположниц профессиональной социальной работы, как Джейн Аддамс и Мэри Ричмонд [Richmond, 1922; Spray, Jowett, 2012]. Этой теме посвящены национальные и международные модели и школы, журналы⁴, монографии, учебные материалы и конгрессы, по ней реализуются образовательные программы различных форм и уровней. В процессе рационализации социальной политики характер деятельности социальных работников в большей степени трансформируется в направлении моделей case management или care management⁵, по аналогии с британской или американской системой социального обслуживания. В перспективе это может инициировать процессы подгонки новых правил и сопротивления им со стороны социальных работников и их клиентов, как это было при реализации таких проектов на Западе, под влиянием специфических практик, обусловленных местным контекстом и традициями взаимодействий между службами и клиентами, разными ведомствами и специалистами [Ярская-Смирнова, Романов, 2005].

Рассматриваемая здесь технология «Организация работы междисциплинарной команды специалистов со случаем нарушения прав и законных интересов ребенка» («работа со случаем») была разработана Национальным фондом защи-

⁴ Например, известный журнал «Families in Society: The Journal of Contemporary Social Services» был основан Мэри Ричмонд еще в 1920 г.

⁵ Кейс менеджмент (case management) известен более как практический подход к реабилитации в сфере здравоохранения, он шире, чем менеджмент по уходу (care management) и предоставляет больше услуг. Менеджмент по уходу фокусируется на фактическом уходе за пациентом или клиентом и помогает ему эффективно переходить от лечения к другим этапам ухода.

ты детей от жесткого обращения⁶ в 2013 г. в целях восстановления способности семьи самостоятельно справляться с трудными жизненными ситуациями, обеспечивая стабильное удовлетворение минимальных возрастных и индивидуальных потребностей ребенка. Основная цель применения технологии — минимизация риска возникновения/повторения случаев жестокого обращения с ребенком в его семье. Хотя в настоящее время в РФ нет единого подхода к практике организации «работы со случаем» (так называют комплексное сопровождение обратившейся за помощью семьи с детьми), тем не менее присутствует как относительный консенсус по этапам и принципам такой работы, так и различия в моделях межведомственного взаимодействия, по инструментарию, подходам к «рisku» и процедурному воплощению ценностей и принципов социальной работы. Многие зависят от конкретных социальных сервисов, которые нередко реализуют различные методы, создают свои модели работы со случаями жестокого обращения или пренебрежения потребностями ребенка. На создание и успешность реализации такой модели влияют такие региональные особенности, как развитость социальной инфраструктуры, политическая воля, профессиональная подготовка специалистов и многое другое.

Технология работы со случаем построена как процесс, состоящий из последовательных этапов: прием информации; оценка риска жестокого обращения с ребенком в семье; признание ребенка нуждающимся в государственной защите; открытие случая; разработка и утверждение плана реабилитации семьи и/или ребенка; выполнение плана реабилитации семьи/ребенка; мониторинг; закрытие случая. Куратор (специалист по работе со случаем) проводит углубленную диагностику семейной ситуации, применяя обязательный пакет инструментов: генограмма, экокорта (графические изображения связей между членами семьи и с внешними социальными контактами), оценка семейной ситуации, оценка психосоциальных факторов. Эти четыре обязательные формы позволяют специалистам собрать релевантную информацию об особенностях жизненной ситуации конкретной семьи: истории жизни членов семьи, особенности социального окружения и его влияния на семейную ситуацию, особенности функционирования семьи как системы, личностные особенности родителей, влияющие на благополучие ребенка в семье.

Решение о закрытии случая принимается при достижении запланированных результатов либо при отсутствии перспективы дальнейшей работы по реабилитации. В последнем случае принимается решение о соответствующих мерах административного воздействия, при наличии оснований, предусмотренных законодательством, в том числе об ограничении или лишении родительских прав. Помимо кураторов, в реализации технологии участвуют супервизоры — это специалисты с более обширным опытом работы и специальной подготовкой, которые оказывают методическую и социально-психологическую поддержку кураторам⁷. Поскольку супервизоры имеют возможность аккумулировать

⁶ URL: <https://www.sirostvo.ru/> (дата обращения: 21.10.2023).

⁷ Супервизия — профессиональное консультирование специалистов помогающих профессий и метод контроля качества, что подразумевает исследование выбранных практических подходов и методов оказания помощи, а также отношений между специалистом и клиентом с точки зрения их соответствия требованиям стандарта. Подробнее о содержании супервизии деятельности по защите прав ребенка см. URL: <https://www.sirostvo.ru/files/4389/6.pdf> (дата обращения: 21.10.2023).

информацию о прогрессе различных кейсов, они координируют процесс разработки и реализации мероприятий, обеспечивающих стабильность функционирования технологии.

Оценка технологии: предмет и метод исследования

Данная технология применяется в России уже около десяти лет, и накопленный опыт требует аналитического осмысления и социологической оценки, что позволит зафиксировать лучшие практики применения технологии и станет практической основой для ее совершенствования — тем самым будет внесен вклад в развитие доказательной социальной политики в России.

В оценке эффективности участвовали кураторы и супервизоры, а психологи опрашивали членов семей⁸. С одной стороны, такой подход представляет собой распределенный процесс обсуждения практики с экспертами различного уровня, с другой, интервью имеют продуктом оценочные высказывания, систематизация которых служит основой коррекции процедур социальной технологии и условий адаптивного обучения специалистов данной технологии. Привело ли применение социальной технологии к изменениям личности клиента или клиентской системы? Достигает ли своей цели деятельность обученного технологии специалиста? Ответы на эти вопросы сфокусированы на одном объекте — семье с детьми, но задают разные контексты и уровни анализа. Исходя из этого, существует множество стратегий оценки, которые можно использовать для оценивания эффективности социальной работы. Все они могут быть объединены в четыре модели, сформулированные У. Трочимом: научно-экспериментальная модель; модель, ориентированная на управление; качественная антропологическая модель; клиентоориентированная модель [Trochim, 2007].

Научно-экспериментальные модели делают основной акцент на объективности, точности, достоверности данных. Здесь чаще всего используются экспериментальный и квазиэкспериментальные подходы, целенаправленное исследование и оценка, основанная на теории. В моделях, *ориентированных на управление*, используются оценка и обзор программ, а также метод критического определения последовательности действий в целях своевременной реализации социальной технологии. *Качественно-антропологические модели* фокусируются на важности наблюдения, необходимости отслеживать феноменологические характеристики и качество контекста, ценности человеческой субъективной интерпретации в процессе оценки. Наконец, в *клиентоориентированной модели* центральное место занимают конечные участники оценки, клиенты и пользователи услуги. Фокусируясь на самой технологии, аспектах ее внедрения, освоения и оценки специалистами (кураторами и супервизорами), мы характеризуем данное оценочное исследование как качественно-антропологическое и управленческое в классификационной сетке У. Трочима. В проведенном исследовании была избрана микс-модель оценки эффективности социальной технологии в качественной и количественной методологии.

⁸ В настоящей статье не задействованы данные оценочных интервью с семьями, это будет отражено в отдельной публикации.

Качественное исследование

В течение двух полевых этапов (весной и летом 2022 г.) было собрано 24 интервью с кураторами и супервизорами шести Центров социальной помощи семье и детям различных районов г. Москвы. Гайды разрабатывались в процессе регулярного обсуждения в команде исследователей и с заказчиком и включали разделы: влияние технологии на динамику ситуации в семье; организация труда и процесс работы кураторов и супервизоров; организационно-профессиональный контекст деятельности специалистов; оценка эффективности методики и барьеры для ее более результативного применения. Кодированию [Charmaz, 2014; Страусс, Корбин, 2001] и тематическому анализу полученных кодов подверглись не только транскрипты интервью, но и отчеты специалистов о динамике в семьях. Тематический анализ состоял в сведении массива качественных данных к компактным смысловым категориям или темам [Braun, Clarke, 2006; Fereday, Muir-Cochrane, 2006].

Количественное исследование

Для работы с данными, подготовленными на основе заполненных форм кураторами, использовался статистический анализ. С его помощью удалось оценить средний уровень по шкалам, которые используются специалистами Центров помощи семье и детям в рамках применения технологии: комплексная оценка семейной ситуации (КОСС), оценка психосоциальных факторов, связанных с жестоким обращением с ребенком (ОПФ), и оценка безопасности и оценка риска жестокого обращения с ребенком (ОР). В распоряжении исследователей также оказались данные в целом по всем анализируемым семьям и по всем этапам работы, на уровне организаций и по всем супервизорам, что позволило проанализировать динамику изменений в процессе работы с семьями как в целом, так и в зависимости от организаций. Как интервью, так и данные отчетов специалистов о семьях анализировались в анонимном виде.

Далее мы переходим к последовательному описанию полученных результатов оценки технологии работы со случаем: 1) качественный этап (оценка технологии супервизорами и кураторами; оценка ими динамики состояния семей), 2) количественный этап (ретроспективный анализ данных мониторинга состояния семей на основе полученных в ходе реализации технологии данных в контексте шести отобранных Центров помощи семье и детям).

Результаты исследования: качественный этап

Оценка технологии супервизорами

Супервизия — важный элемент в практике социальной работы и развитии профессиональной идентичности. Супервизор консультирует и поддерживает куратора в соответствии с профессиональными знаниями, навыками и этикой [Sewell, 2018: 253]. Такие профессионалы в работе со случаем играют роль моста между семьей с детьми, специалистами и более широким фреймом помогающих организаций. Их задача — своими знаниями и навыками поддерживать специалистов в расстановке приоритетов и развитии навыков предупреждения эмоционального выгорания, в грамотном и вдумчивом наблюдении, в достижении успешной ко-

мандной культуры. По сути, они служат образцом для подражания и вдохновляют практиков [Ruch, 2005].

Как показали интервью с супервизорами, освоение технологии натолкнулось на сложившиеся практики социальной работы и вначале вызвало сопротивление как самой технологической новации, так и переменам в режиме труда. Инерция прежнего формата с патронирующей логикой опеки постепенно уступает рационализирующей логике социальной технологии. «Представьте себе ситуацию, когда средний возраст коллег где-то около 50, и они всю свою жизнь отмотали в социальной сфере, и они все знают. И тут появляюсь я, которая без году неделя работает, да и говорит: „Давайте я вас сейчас научу, я вам сейчас расскажу“. Сопротивление было жуткое», — прозвучало в одном из интервью.

Технология работы с семьями реализуется конкретными специалистами, значимым условием ее результативности выступает их профессионализм, в том числе опыт, способность к командной работе и обмену знаниями, умению справляться со стрессами и устанавливать доверие. В этом отношении становится важной так называемая практическая мудрость или аристотелевский фронезис — интеграция формальных знаний, опыта, коммуникативных навыков и этической повестки в профессиональную практику [Абрамов, 2015]. Участники исследования высоко оценивали качество и необходимость систематического обучения технологии и подчеркивали критически важную роль руководителя проекта в формировании начальной мотивации к освоению технологии и поддержанию долгосрочного интереса к ней. Обращали внимание на то, что личная харизма лидера и промоутера методики стала определяющей в восприятии технологии, так же как и сочетание обучения с наработкой практических навыков на первых этапах освоения технологии.

Не менее важен и обслуживающий социальную технологию язык описания. По словам супервизоров, термин «случай» несет проблемы интерпретации как для участников, так и проверяющих органов, равно как и различие терминов «жестокость» и «насилие». По языку описания и стратегиям действия здесь обнаруживается конкуренция с патронирующей формой внимания к проблемной семье. Инструмент оценки риска (диагностическая часть технологии) получает неоднозначные оценки со стороны супервизоров, здесь нужны доработка и пояснения. С большим энтузиазмом супервизоры берутся за составление генограммы, видят в этом возможность совместной работы с семьей над перспективами изменений.

Технология в ее дизайне тесно связана с накапливаемой и архивируемой документацией, требует заполнять ряд форм, чтобы все случаи, с которыми работают специалисты, оставались «видимыми». Часть рабочей рутины требует времени и сил, недостаток которых чреват перегрузками. Опрошенные специалисты амбивалентно оценили важность документации для интервизии: затраты труда ведут к выгоранию, хотя продукт труда важен для коллегиально оцениваемого эффекта социальной технологии. По признанию супервизора, «большой вопрос в количестве сопроводительных документов с технологиями. Если предположить такую ситуацию, что вдруг на территории района риск жестокого обращения будет выявлен у всех состоящих на учете семей, то мы просто... Мы как начнем писать, скорее всего, так и не закончим».

При этом некоторые из информантов (чаще кураторы) отмечали, что предыдущий опыт и знания могут быть не только подспорьем, но и барьером в освоении технологии и прохождении обучения: накопленный багаж практической работы и предыдущие знания стимулируют к воспроизводству сложившихся паттернов профессиональных действий и решений. На этом фоне новая технология кажется чуждой имеющемуся профессиональному опыту, а ее освоение вызывает сопротивление или даже отторжение (как сформулировал один из супервизоров: «Часто включается личное сопротивление»).

Условие успешности технологии супервизоры видят в раннем выявлении начинающегося неблагополучия семьи, при котором возможен столь же ранний разворот подопечного родителя к самостоятельной заботе о своих детях, к осознанию проблем и обращению по их поводу к специалистам. Благодаря наличию богатого диагностического инструментария специалисты на входе собирают большой объем информации о семье, продумывают способы выхода из кризисной ситуации, аргументированно ведут диалог. Поэтому залогом успеха становится доверие специалистов технологичности самого процесса, его отлаженности как целого.

Что же такое успех технологии с их точки зрения? Наши собеседники отсылают к возникновению понятной семье, специалистам и поддерживающей организации системы регулярно повторяющихся действий и оценивания изменений, что заставляет родителя разворачиваться к благополучию ребенка.

Речь идет о самоопределении клиента — одном из знаковых принципов профессиональной социальной работы [Furlong, 2003]. Этот принцип отражает автономию и право индивидов принимать собственные решения и является ключевой ценностью в социальной работе наряду с ценностями участия и выбора. В литературе говорится о патернализме социальных работников, ограничивающих свободу человека для его или ее собственного блага [Reamer, 1983], хотя интервенция в семью осуществляется с целью «вырастить» самоопределение родителей, которые постепенно вовлекаются в более ответственное отношение к детям. Дилемма «патернализм — самоопределение» в нашем эмпирическом материале проявляется в типологически разнообразных реакциях — кто-то из подопечных склонен к принятию патерналистской установки быть ведомым и «подсаживаться» на помощь извне, но есть и примеры растущей самостоятельности постепенно автономизируемых родительских фигур.

По мнению супервизоров, успешность применения технологии зависит от глубины кризиса, переживаемого семьей, от стадии истощения ресурсов, готовности родителей к сотрудничеству со специалистами, степени привязанности между родителем и ребенком. Родители, по словам информантов, не всегда адекватно оценивают риски, и вместо того, чтобы помогать ребенку справиться с трудной ситуацией, «решают свои психологические какие-то проблемы». В таких случаях оказать профессиональную поддержку намного легче, чем на более глубоких стадиях кризиса.

Поэтому чуть более половины успеха супервизоры связывают с личностными особенностями родителей, еще треть — с личностью куратора и десятую часть — с внешними/случайными обстоятельствами. Такое распределение выглядит как наделение ответственностью в большей степени саму семью, чем сопровожда-

ющих ее профессионалов, или как уход от патернализма. Личные особенности родителей могут как облегчать работу кураторам и супервизорам, так и усложнять ее: тем не менее именно компетенции специалистов, их профессиональное обучение, растущий опыт позволяют лучше понимать состояние семьи, находить способы решения проблем.

Супервизоры, освоив технологию, обнаруживают рост субъектности родителей и предлагают для развития технологии собственные меры, включая разработку дополнительных методических материалов, ретранслирующих смысл, понятийный аппарат и логику технологии работы со случаем, формулировку типичных рабочих вопросов и ответов ко всем пунктам процедуры социальной технологии, а также разделение инструментария на подварианты работы с аспектами жестокого обращения; снижение объема бумажной документации; введение бланковых форматов, сберегающих время; перенос документации в электронный формат для упрощения работы с кейсом и ретроспективного обращения к подобным случаям.

Каковы перспективы технологии работы со случаем с точки зрения супервизоров? Пока технология внедрена в семейных центрах, поэтому со стороны других профильных служб, помогающих находящимся в кризисной ситуации, может встречаться непонимание данной технологии, сопротивление ей ввиду недостаточной информированности. Что касается дальнейшего расширения практик применения технологии в социальной работе с проблемными семьями, как полагают супервизоры, ее внедрение в регионах может быть осложнено ввиду того, что там «люди другие» есть и скепсис относительно достаточности регионального бюджета на обучение⁹. Серьезное расхождение и асинхронизация подобных инициатив, во многом находящихся в конкурентных отношениях за федеральное решение о распространении успешных моделей профилактики сиротства, требуют отдельного сравнительного исследования.

Оценка технологии кураторами

Кураторы ближе к семье и непосредственно вовлечены в работу со случаем. Вследствие этого их взгляд на эффективность технологии дает иную оптику оценки. По структуре и по заполнению документации технология оценивается как обеспечивающая намного более глубокую проработку с семьей тех аспектов, которых они раньше не замечали или поверхностно к ним относились. Работа становится более насыщенной (нагрузка варьируется от удовлетворяемой до перегруза) и интересная, «потому что здесь и законодательная база, и документы». Новшества воспринимаются не просто, а с сопротивлением, и процесс внедрения показывает, что на освоение требуется время. Существенно помогает организованное обучение с опорой на методические материалы.

По оценкам кураторов, не только они прошли профессиональную адаптацию к технологии, но и сама технология проходила «обкатку и доводку»: «Этот

⁹ Отметим, что в регионах есть примеры эффективного внедрения технологии работы со случаем. Например, Региональная модель профилактики социального сиротства. Опыт Томской области (2010) URL: <https://sirotstvo.ru/library/books/1062> (дата обращения: 22.10.2023); Актуальные вопросы внедрения технологий «Раннее выявление случаев нарушения прав детей» и «Организация работы междисциплинарной команды специалистов со случаем нарушения прав ребенка». См. URL: <https://fondpcc.ru/metodic/> (дата обращения: 22.10.2023).

инструмент мы пообтесали, поприменяли, посмотрели, выявили преимущества, недостатки». Сначала, по отзывам кураторов, супервизоры заняли контролирующе-предписывающую позицию: «Используете так и никак иначе. И поначалу и путаница была, и сложно было оценить эффективность, потому что все имеет отсроченный характер». Затем позиция супервизоров сместилась к наблюдательно-контролирующей, а также поддерживающей. В целом кураторы оценивают роль супервизоров как существенную, отмечают, что те могут обучить и разъяснить на примерах, что динамика в освоении технологии выглядит убедительно положительной: «Когда ты вместе с семьей это проводишь, у вас появляется эта совместная картинка и план действий. Начала работать гораздо удобнее и комфортнее, когда применяла это все и по правилам».

Профессионализм — это не только credenциалистский ресурс, воплощенный в сертификатах и дипломах о специальном обучении или практический опыт — это среда коммуникаций с коллегами и непрерывный обмен знаниями и «лайфхаками», позволяющий адаптировать технологию к реальным условиям. Опрошенные говорили о важности горизонтальных коммуникаций, совместных разговоров, общения, которые производят общее знание и понимание технологии, формируя локальную профессиональную культуру [Садыков, 2014:13]. Эта профессиональная культура помогала при форсированном освоении технологии и переходе к самостоятельному ее применению, который иногда приводил к недопониманию кураторами роли отдельных методических элементов, и лишь консультации с супервизором давали возможность использовать их с большим эффектом. Реальные примеры также стали важным элементом получения компетенций обращения с технологией для кураторов: «Без примеров — это вообще глухой лес, непонятно, кто чего хочет».

Кураторы отмечают, что им полезно изучение большего числа примеров для разбора, более подробные инструкции по заполнению плана работы с рисками безопасности для детей. По словам одного из опрошенных кураторов, «постоянно возникали дискуссии на тему, а кто должен заполнять бланки по рискам, делать инструментарий. Но потом, когда приводили примеры на обучении, как-то вера какая-то появилась в то, что это правда работает».

Плотный тайм-менеджмент фаз работы со случаем воспринимался кураторами как стрессовая задача. Не всегда была ясна последовательность шагов, не хватало дополнительной учебы по определению проблемы случая, обнаруживались темпоральные разрывы между различными этапами работы со случаем. Кураторам пришлось четче планировать свои действия, своевременно заполнять документацию, осваивая новые формы, готовить аналитические справки.

Исследование показало, что пространство коммуникаций охватывает не только обязательные сеансы обсуждения кейсов кураторами и супервизорами, но и всю локальную профессиональную субкультуру. Эмоциональная работа — важная часть профессионализма специалистов, чей труд связан с постоянным взаимодействием с другими людьми и необходимостью быть в определенной социально-профессиональной роли, предусматривающей контроль над чувствами, симпатиями и антипатиями. Эмоциональная работа сопровождается профессиональным выгоранием — происходит психологическое отчуждение от процесса

и результатов труда [Allday, Newell, Sukovsky, 2018]. Касаясь тренировки своего профессионализма через отработку психологических и эмоциональных реакций в различных обстоятельствах работы, кураторы говорили, что стараются прийти к балансу между вовлеченностью и выполнением профессионального долга, в чем помогает технология, «потому что была предложена наконец какая-то система работы».

Одним из серьезных вызовов для профессионализма кураторов стала также необходимость поддерживать профессиональную позицию и дистанцию с членами семей-благополучателей. Кураторы фиксируют различие и с другими службами, опекой, полицией, которые имеют другие полномочия и иную документацию. Кроме того, отмечаются трудности при взаимодействии с образовательными учреждениями, с которыми у кураторов может не совпадать понимание проблем с ребенком. Эти различия формируют фронезис, касающийся практического контекста освоения методики. По мнению куратора, необходимо обладать определенными чертами характера, «каким-то стержнем внутренним. Самообладанием. Ты должен уметь анализировать, много чего тебе нужно уметь». Информант говорит о «самообладании» как о части профессиональной компетенции (см., например, [Simonova, 2017]), а также как о форме эмоциональной работы, сочетающей телесность и «умение держать лицо» — то есть об управлении чувствами [Хокшильд, 2019]. С точки зрения обратной связи виден эффект освоенной технологии. «Я фанат технологии, во мне много что меняется, я могу точно отметить, что я стала профессионально более уверенной в себе», — признается одна из опрошенных.

Диагностика семейной ситуации — один из сложных для специалистов этапов совместной с родителями работы. Согласно новой технологии, план реабилитации не может быть навязан семье. Кураторы, как и супервизоры, отмечают заметный эффект технологии на начальном диагностическом этапе, хорошие результаты дает составление экокарты, а раннее составление совместных планов с семьей воодушевляет всех участников взаимодействия. Технология помогает вместе с семьей найти точки роста и эффективна, по отзывам кураторов, когда семье нужно представить ее проблемы и показать динамику изменений, что уже само по себе мотивирует родителей. Через отвержение/сопротивление, принятие и благодарность семья меняется, и взрослые начинают лучше относиться к своим детям, понимая и научаясь удовлетворять их потребности. В ходе реализации своих задач куратор должен убедиться в том, что выполнение плана реабилитации не перегружает семью и не создает ситуации, при которой кто-то из родителей должен находиться в двух местах одновременно, а дети остаются без присмотра, пока родители выполняют требования специалистов социальной службы.

Динамика состояния семей-благополучателей

Одной из задач проведенного оценочного исследования было отслеживание динамики состояния семей, подопечных в Центрах помощи семье и детям. Кураторы полагают, что в сравнении с другими способами социальной работы технология помогает быстрее добиться изменений к лучшему: «Глубже погружаешь»

ся в семью, семья глубже понимает, что вы от них хотите». В целом технология, по их мнению, помогает установить контакт, мотивировать на совместную работу, выявить динамику в процессе даже полугодовой работы с семьей. Технология результативна благодаря систематичности, процедурной упорядоченности, документации шагов, коллегиальности разбираемых сложных моментов, помощи супервизоров, а также когда семья готова сотрудничать, осознает свои проблемы или гипотезу, объясняющую проблемы, — те точки, над которыми нужно работать, когда поддержка системна.

Если в семье есть проблемы с алкоголем и наркотиками, то ситуация становится сложнее, поскольку сотрудничество родителей и специалистов затрудняется. Сопrotивляясь влиянию социальной службы или будучи не в силах противостоять зависимости от психоактивных веществ, клиенты закрываются от внешнего мира, что ускоряет движение к неблагоприятному исходу, связанному с подключением комиссии по делам несовершеннолетних, опеки или полиции.

И хотя технология работает достаточно эффективно, идеальных сценариев в жизни не бывает, ситуации очень разные. Некоторые информанты рассказывали истории со счастливым концом, когда удалось поддержать и перенастроить семью на самостоятельность и ответственность. Но в поле деятельности кураторов, по мнению супервизора, «попадали семьи в очень тяжелом, затяжном кризисе, где гораздо тяжелее что-то в принципе реанимировать». На результаты работы влияет также состояние ментального здоровья родителей. Информанты упоминали о случаях проявления агрессии, в связи с чем возник вопрос о безопасности специалистов. Хотя последние в процессе освоения технологии обучаются работе с сопротивлением клиентов, но в приоритете в любом случае остается «задача спасти ребенка».

Работа с теми клиентами, которые испытывают зависимость от психоактивных веществ, нередко носит циклический характер. По признанию супервизора, «доходим до лечения, прошли лечение, и бах — через какой-то момент снова срыв! Как будто бы приходится какие-то этапы по новой проходить вообще». Часто это связано с дефицитом знаний и навыков специалистов, которые необходимы для работы именно с этой группой благополучателей. По словам одного из супервизоров, длительное время до внедрения технологии прикладная философия работы с благополучием сводилась к стигматизации и осуждающей риторике: «Пить — это плохо, дети неопрятные — это плохо, посуда немытая — это плохо». Примерно такой нарратив воспроизводился профессионалами при работе с семьями, поэтому первые занятия по освоению методики проходили в атмосфере отрицания нового подхода. Однако затем, получив практический опыт применения технологии, специалисты вовлекались в процесс изменений, поскольку видели положительный эффект.

В период реализации плана реабилитации куратор может обнаружить не проявленные ранее слабые стороны клиента или семьи, факторы риска, провоцирующие срывы. На основе своих наблюдений куратор должен провести коррекцию плана реабилитации по нейтрализации не учтенных ранее факторов рисков. Обвинение или обида на клиента со стороны куратора может остановить процесс реабилитации или даже повернуть его вспять. Сохранение взрослой партнер-

ской и профессиональной позиции будет способствовать установлению продуктивных отношений в дальнейшем. Задача куратора — подобрать такой «ансамбль услуг», чтобы создать условия максимально быстрого снижения риска жестокого обращения и предупреждения возможности повторения подобных случаев в будущем. Все это возможно при условии обеспечения безопасности и соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетних членов семьи.

В процессе работы восприятие ситуации родителями трансформируется. Вначале у семьи, как правило, нет запроса на помощь, но со временем отношение меняется от закрытости к доверию. По окончании работы отношения обычно уже совсем другие: клиенты могут позвонить, когда кейс закрыт, что-то рассказать или обратиться за какой-то помощью даже спустя год после окончания работы. По признанию супервизора, отношения постепенно переходят к «партнерским и каким-то, не знаю, добрым». «У них понимание возникает, что мы — не зло». Технология направлена на фокусировку внимания родителей на ребенке. В ходе работы со случаем поведение родителей меняется, они становятся активнее и увереннее в своих действиях, начинают понимать, что именно наносит ребенку вред. В некоторых случаях мать просто отводит ребенка к врачу или в школу, «наконец начинает отстаивать интересы ребенка». В итоге родители учатся самостоятельно удовлетворять потребности своих детей и в случае необходимости уметь обращаться за помощью. «А если не знают, то могут позвонить в семейный центр за советом», — уточняет супервизор.

В ходе работы с куратором у родителей повышается самооценка, появляется возможность признавать проблемы и говорить о том, что их на самом деле беспокоит. Правильное применение технологии делает куратора союзником семьи, ставит его или ее по «нашу», с точки зрения родителей, сторону баррикад. Так работает «клиентоориентированная позиция», когда у человека снижается страх перед куратором как агентом контроля и наказания. Родители начинают более реально ощущать свои сильные стороны и увереннее стоять на ногах.

Результаты исследования: количественный этап

*Методология количественного анализа данных мониторинга состояния семей*¹⁰

Оценка эффективности примененной технологии включала мониторинг состояния обследуемых семей в контексте шести¹¹ Центров помощи семье и детям в Москве, которые дали согласие на участие в нашем исследовании. Мы воспользовались генограммами и экокортами в их динамике, которые отражают внутренние и внешние связи семьи и показывают меняющуюся степень ее интегрированности и социализированности. Одним из направлений анализа стала количественная оценка данных мониторинга состояния семей: мы прибегли к описательному анализу, включающему меры средней тенденции и разброса (среднее арифметическое, медиана, мода, квартили, стандартное отклонение). Оценка динамики изменения ситуаций в анализируемых семьях проводилась

¹⁰ Семьи, которые «вели» проинтервьюированные кураторы, но также и те из кураторов, кто согласился предоставлять данные по сопровождаемым ими семьям, но не участвовали в проведении интервью.

¹¹ Центры, которые согласились участвовать в нашем исследовании, — проинтервьюированные кураторы и те кураторы, которые не участвовали в интервью, но предоставляли данные по курируемым ими семьям.

через сравнение рассчитанных мер средней тенденции (медианы и среднего арифметического) для всех этапов сбора данных: в начале работы с семьями (1 этап), через три месяца работы (2 этап) и через шесть месяцев работы (3 этап). Мы также провели проверку на внутреннюю согласованность шкал КОСС, ОПФ и с помощью коэффициента α Кронбаха [James, Witten, Hastie, Tibshirani, 2021], чтобы оценить, допустимо ли приводить каждый набор суждений к соответствующей шкале (КОСС, ОПФ ОР)¹².

Генограммы (связи между членами семьи) и экокарты (связи семьи с внешними социальными контактами) служат специалистам источниками информации для определения проблем семьи, а также для формулировки целей работы с каждой из семей, находящихся на сопровождении. Генограммы и экокарты в нашем исследовании были переведены из формата графов связей между социальными контактами в табличный вид. Для экокарт рассчитывалось общее количество каждого из характеров взаимодействий (существенная помощь, отсутствие помощи, источник стресса, источник энергии) в сети внешних социальных контактов семьи. Поскольку для генограмм, в отличие от экокарт¹³, количество узлов в графе не является фиксированным (в семью может входить разное количество человек), мы, чтобы уравнивать между собой «многочисленные» и «малочисленные» по генограммам семьи, делили количество для каждого указанного характера взаимодействия на количество всех упомянутых на генограмме членов семьи. Полученные числовые значения можно охарактеризовать как силу или выраженность соответствующего характера взаимодействия в семье. В анализе мы использовали данную информацию, чтобы оценить, есть ли связь между состоянием семей и преобладающим характером взаимодействий по внешним и внутренним для семьи связям.

Социальные контакты семьи как ресурс и индикатор состояния

Работа со случаем включает в себя усилия по восстановлению и «оздоровлению» социальных контактов, однако статистической проверки того, как может быть связан характер этих контактов с состоянием семьи ранее почти не проводилось. Проверялось наличие связей между характером социальных контактов и оценками состояния семей, измеренными по шкалам КОСС, ОПФ и ОР. Была обнаружена статистически значимая прямая монотонная взаимосвязь между сумматорными шкалами КОСС, ОПФ и ОР с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена, результат статистически достоверен на уровне доверия 95 % (см. табл. 1). Выявлено, что существует взаимосвязь между характером внешних и внутренних отношений семьи и состоянием семей: статистически значимая обратная монотонная связь на уровне доверия 95 % наблюдается с позитивными социальными контактами.

¹² Мы получили допустимое значение коэффициента α Кронбаха для каждой из сумматорных шкал (КОСС — 0,825, ОПФ — 0,869, ОР — 0,753), из чего мы заключили о допустимости дальнейшего анализа с их использованием.

¹³ В случае исследуемой нами технологии экокарты представляли собой «жесткий» граф с фиксированным количеством узлов — внешних контактов, в число которых входили: здравоохранение, работа, родственники, церковь, досуг, друзья, школа, социальные службы и другие контакты.

Таблица 1. Взаимосвязь между сумматорными шкалами и выраженностью разных характеров взаимодействий семьи на основе генограммы и экокарты

	Характер взаимодействия	КОСС	ОПФ	ОР
Экокарта семьи	Существенная помощь	-0,254*	-0,332*	0,187
	Помощь отсутствует	0,107	0,060	0,007
	Источник стресса	-0,146	0,072	-0,084
	Источник энергии	-0,184	-0,100	-0,131
	Отсутствие взаимодействия	0,090	0,161	0,038
	Позитивное взаимодействие	-0,263*	-0,309*	0,077
Генограмма семьи	Хорошие отношения	-0,298*	-0,150	-0,044
	Дистантные отношения	0,066	0,204	0,175
	Симбиотические отношения	-0,244*	-0,194	0,130
	Эмоциональный разрыв	0,120	0,285*	0,087
	Конфликтные отношения	0,074	0,160	0,154
	Амбивалентные отношения	0,085	0,053	0,069

Итак, чем большее число баллов по сумматорной шкале набирает семья, что свидетельствует о более тяжелой оценке кризисной ситуации, тем меньше позитивных внутренних и внешних контактов будут отмечать члены семьи и наоборот: чем ниже у семьи оценки по сумматорным шкалам, тем скорее у данной семьи будет больше позитивных взаимодействий, как в самой семье, так и вне ее.

Динамика состояния семей-благополучателей: количественный анализ

Статистическая проверка различий в динамике не проводилась, поскольку выборка была небольшой, а также некоторые включенные на начальном этапе семьи на следующих этапах были исключены (завершение работы с семьей, переезд семьи и т. д.). Средние оценки по шкалам КОСС, ОПФ и ОР для анализируемых семей в целом незначительно понизились (см. рис. 1а).

На уровне каждого из центров также можно наблюдать снижение средних и медианных значений по шкалам КОСС, ОПФ и ОР. Средние значения выросли у центра ОРГЗ по шкале ОР, ОРГ5 по шкале КОСС и ОПФ. Медианные значения выросли у центра ОРГ4 по шкале ОР, у ОРГЗ по шкале КОСС. Мы полагаем, что снижение среднего значения при одновременном росте медианного может быть следствием того, что семьи с самыми высокими баллами могли понизить их сильнее, чем семьи, у которых в начале работы ситуация была оценена как менее тяжелая; или у этих семей с более низкими оценками в начале работы эти оценки могли подрасти к моменту повторных измерений их состояния. Улучшение положения семей в динамике наиболее заметно у тех семей, состояние которых в начале работы оценивается как более тяжелое. Можно предположить, что эффект от технологии во времени наиболее заметен в более «тяжелых» семьях.

Изменения, произошедшие в семьях на протяжении рассмотренного периода, невелики, а общее число наблюдений не позволяет провести статистическую проверку, и поэтому нельзя исключать, что изменения могут быть незначимыми, хотя

данный анализ полезен при оперативном мониторинге состояния семей и работы специалистов, которые работают с семьями. Кураторам эта информация может быть полезна для рефлексии об их взаимодействии с семьями и о том, как они проводят стандартизованную оценку их состояния. Супервизорам эти материалы служат основой для мониторинга и выявления проблемных зон работы, а также выявления наиболее эффективных практик работы с семьями. Администраторы также могут обращать внимание на изменения и оперативно реагировать на проблемы в работе центров, формировать новые гипотезы на основе получаемой информации, которые могут быть использованы для совершенствования работы по технологии сопровождения случая.

Рисунок 1. Динамика средних и медианных оценок по шкалам КОСС, ОПФ и ОР по организациям

Рисунок 1а — По всем центрам

Рисунок 1б — ОРГ1

Рисунок 1в — ОРГ3

Рисунок 1д — ОРГ4

Рисунок 1е — ОРГ5

Рисунок 1ж — ОРГ6

Заключение

Анализ интервью позволил определить достоинства анализируемой технологии глазами кураторов и супервизоров: системно работающая технология, каждый этап которой имеет внутреннюю согласованность, высокое качество диагностики семей и их проблем, возможность раннего выявления семей, находящихся в кризисной ситуации, появление понятного инструментария, который формализует и упорядочивает работу специалиста, «профессионализирует» ее, дает ориентир для деятельности и понимание процессуальной логики инструмента. Успешной работе технологии препятствуют высокая нагрузка специалистов, потребность супервизии для супервизоров, сложности в описании ситуаций в семьях на языке технологии. Имеется окно для совершенствования технологии, ее оптимизации. Объективными ограничениями технологии могут быть особенности мотивации и состояния ментального здоровья родителей, особо тяжелые и затяжные семейные кризисы.

Внедрение новой технологии работы со случаем апеллирует к эмоциональной, а не только компетентностной мобилизации. Супервизоры упоминают эффект увлеченности, эмоциональной вовлеченности как предусловие освоения технологии. Среди качеств, необходимых и востребованных на этой работе, называются самообладание, умение анализировать, остальные требования — скорость письма/печати, сопровождение документов, формулировки позиций для заполнения технологических блоков — рассматриваются как приобретаемые в процессе. Согласно отзывам, технология помогает значительному количеству специалистов упорядочить работу со случаем и достичь эффекта прогнозируемым образом.

Есть и сложности при внедрении технологии на уровне отдельного специалиста. Они связаны с бюрократизацией процесса работы со случаем, пробелами в исходной подготовке специалиста, темпоральными разрывами между различными этапами работы со случаем, сложностью нахождения в экспертной позиции и профессиональной дистанции при случаях, где требуется дополнительная эмоциональная работа, необходимостью интеграции процедурных элементов технологии в сложившиеся системы администрирования и отчетности.

Наше исследование показывает, что кураторы и супервизоры, прошедшие обучение технологии и активно применяющие ее на практике, образуют своего рода незримый колледж специалистов-единомышленников, прошедших общий путь репрофессионализации и сформировавших общее пространство практического знания и локальную культуру. Практическому освоению технологии способствует формирование фронетического комплекса, то есть системы знания, основанного на опыте, практической этике и рациональности, что позволяет контекстуализировать принимаемые решения, касающиеся каждого случая.

Полученные количественные данные свидетельствуют о наличии положительной динамики в состоянии семей — семейная ситуация демонстрирует улучшение в целом, сокращается риск жестокого обращения с ребенком. Тем не менее стоит учитывать ограничения данного исследования и полученных результатов в связи с неполнотой данных. Дальнейшая работа в рамках данного исследования предполагает сбор данных о ситуациях в семьях в конце периода работы в соответствии с технологией сопровождения случая (общая длительность работы составляет полгода), а также дополнительный сбор недостающих данных.

Список литературы (References)

Абрамов Р. Н. Обыденное и научное знание в исследованиях профессий и профессионализма: историко-теоретический анализ // Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации / отв. ред.: И. Ф. Девятко, Р. Н. Абрамов, И. В. Катерный. М.: Прогресс-Традиция, 2015. С. 246—309.

Abramov R. N. (2015) Ordinary and Scientific Knowledge in Studies of Professions and Professionalism: Historical and Theoretical Analysis. In: Devyatko I. F., Abramov R. N., Katerny I. V. (eds.) *Ordinary and Scientific Knowledge About Society: Mutual Influence and Reconfiguration*. Moscow: Progress-Traditsia. P. 246—309. (In Russ.)

Сафронова М. В., Осьмук Л. А. Технология социальной работы: методика оценки риска семейного неблагополучия. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011.

Safronova M. V., Osmuk L. A. (2011) *Technology of Social Work: Methodology for Assessing the Risk of Family Troubles*. Novosibirsk: NSTU Publishing House. (In Russ.)

Садыков Р. А. Профессиональная культура как комплексное понятие // Профессиональная культура: опыт социологической рефлексии / науч. ред.: Е. Р. Ярская-Смирнова. М.: Вариант, 2014. С. 8—22.

Sadykov R. A. (2014) Professional Culture as a Complex Concept. In: Iarskaia-Smirnova E. R. (eds.) *Professional Culture: The Experience of Sociological Reflection*. Moscow: Variant. P. 8—22. (In Russ.)

Симонова О. А. Эмоционализация труда в социологии и обществе: практики, этика и самоидентичность // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90—летию со дня рождения В. А. Ядова). Международная научная конференция (Москва, 28—30 ноября 2019 г / отв. ред.: М. К. Горшков. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 733—737. https://doi.org/10.19181/yadov_conf.2019.

Simonova O. A. (2019) Emotionalization of Labor in Sociology and Society: Practices, Ethics and Self-Identity. In: Gorshkov M. K. (eds.) *The Future of Sociological Knowledge and the Challenges of Social Transformations (The 90th Anniversary of the Birth of V. A. Yadov)*. International Scientific Conference (Moscow, November 28—30, 2019). Moscow: FCTAS RAS. P. 733—737. https://doi.org/10.19181/yadov_conf.2019. (In Russ.)

Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / пер. с англ. и послесловие Т. С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Strauss A., Korbin J. (2001) *Qualitative Research: Grounded Theory, Procedures and Techniques*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)

Хокшильд А. Управляемое сердце. Коммерциализация чувств. М.: Дело, 2019.

Hochschild A. R. (2019) *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. Moscow: Delo. (In Russ.)

Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В. Новая идеология и практика социальных услуг: оценка эффективности в контексте либерализации социальной полити-

ки // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 4. С. 497—522. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3734/3316> (дата обращения: 24.03.2023).
larskaia-Smirnova E.R., Romanov P.V. (2005) New Ideology and Practice of Social Services: Performance Evaluation in the Context of Social Policy Liberalization. *Journal of Social Policy Studies*. Vol. 3. No 4. P. 497—522. (In Russ.) URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3734/3316> (accessed: 24.03.2023).

Allday A. R., Newell J. M., Sukovskyy Y. (2018) Burnout, Compassion Fatigue and Professional Resilience in Caregivers of Children with Disabilities in Ukraine, *European Journal of Social Work*. Vol. 23. No. 1. P. 4—17. <https://doi.org/10.1080/13691457.2018.1499611>.

Braun V., Clarke V. (2006) Using Thematic Analysis in Psychology. *Qualitative Research in Psychology*. Vol. 3. No. 2. P. 77—101. <https://doi.org/10.1191/1478088706qp0630a>.

Brown J. D. (2002) The Cronbach Alpha Reliability Estimate. *JALT Testing & Evaluation SIG Newsletter*. Vol. 6. No. 1. P. 17—18. URL: <https://hosted.jalt.org/test/PDF/Brown13.pdf> (accessed: 21.10.2023).

Charmaz K. (2014) *Constructing Grounded Theory*. New Delhi: Sage.

Fereday J., Muir-Cochrane E. (2006) Demonstrating Rigor Using Thematic Analysis: A Hybrid Approach of Inductive and Deductive Coding and Theme Development. *International Journal of Qualitative Methods*. Vol. 5. No. 1. P. 1—11. <https://doi.org/10.1177/160940690600500107>.

Furlong M. A. (2003) Self-Determination and a Critical Perspective in Casework. Promoting a Balance Between Interdependency and Autonomy. *Qualitative Social Work*. Vol. 2. No. 2. P. 177—196. <https://doi.org/10.1177/1473325003002002004>.

James G., Witten D., Hastie T., Tibshirani R. (2021) *An Introduction to Statistical Learning*. New York, NY: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-1-0716-1418-1>.

Reamer F. (1983). The Concept of Paternalism in Social Work. *Social Service Review*. Vol. 57. No. 2. P. 254—271. <https://doi.org/10.1086/644516>.

Richmond M. (1922) *What Is Social Case Work? An Introductory Description*. New York, NY: Sage.

Ruch G. (2005) Relationship-Based Practice and Reflective Practice: Holistic Approaches to Contemporary Child Care Social Work. *Child and Family Social Work*. Vol. 10. No. 2. P. 111—123. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2206.2005.00359.x>.

Sewell K. M. (2018). Social Work Supervision of Staff: A Primer and Scoping Review (2013—2017). *Clinical Social Work Journal*. Vol. 46. No. 4. P. 252—265. <https://doi.org/10.1007/s10615-018-0679-0>.

Simonova O. A. (2017) Emotion Management and the Professional Culture of Administrative Social Workers in Russia: Common Standards Versus the Moral Mission of Social Care. *Journal of Social Policy Studies*. Vol. 15. No. 1. P. 129—142.

Spray C., Jowett B. (2012) *Social Work Practice with Children and Families*. London: Sage. <https://doi.org/10.4324/9780203821756>.

Trochim W. M. (2007) *The Research Methods Knowledge Base*. Ohio: Atomic Dog Publishing URL: <https://conjointly.com/kb/introduction-to-evaluation/> (accessed: 20.10.2023).

DOI: [10.14515/monitoring.2023.5.2410](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2410)

М. Ю. Александрова

**ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА
ДЛЯ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ:
КЕЙС СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ОКАЗАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ
ПОМОЩИ СЕМЬЯМ С ДЕТЬМИ**

Правильная ссылка на статью:

Александрова М. Ю. Возможности применения количественного анализа для оценки эффективности в социальной работе: кейс социальных технологий оказания социальной помощи семьям с детьми // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5. С. 26—49. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2410>.

For citation:

Aleksandrova M. Y. (2023) Possibilities of Using Quantitative Analysis to Evaluate Effectiveness in Social Work: The Case of Social Technologies for Providing Social Assistance to Families with Children. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 26–49. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2410>. (In Russ.)

Получено: 04.04.2023. Принято к публикации: 21.09.2023.

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА ДЛЯ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ: КЕЙС СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ОКАЗАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ СЕМЬЯМ С ДЕТЬМИ

АЛЕКСАНДРОВА Марина Юрьевна — преподаватель кафедры методов сбора и анализа социологической информации департамента социологии, младший научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: myaleksandrova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7683-7750>

Аннотация. Измерение эффективности социальной работы представляет собой актуальную прикладную задачу с учетом непрерывного роста интереса к оценке и разработке профессиональных стандартов и другим аспектам оказания социальных услуг. Исследования показывают, что, в зависимости от методов измерения и выбора эмпирического объекта, оценивание социальных услуг нередко дает большой разброс в получаемых результатах.

Цель статьи — попытаться объединить исследовательскую и практическую стороны оценки эффективности оказания социальных услуг с использованием количественных методов, что пока не получило широкого распространения в научной среде, но при этом активно внедряется в жизнь практиками и заинтересованными государственными структурами. На примере исследования по оценке эффективности технологии сопровождения случая как меры по профилактике социального

POSSIBILITIES OF USING QUANTITATIVE ANALYSIS TO EVALUATE EFFECTIVENESS IN SOCIAL WORK: THE CASE OF SOCIAL TECHNOLOGIES FOR PROVIDING SOCIAL ASSISTANCE TO FAMILIES WITH CHILDREN

Marina Yu. ALEKSANDROVA¹ — Lecturer at the Department of Sociological Research Methods, School of Sociology; Junior Researcher at the International Laboratory for Social Integration Research
E-MAIL: myaleksandrova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7683-7750>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. Measuring the effectiveness of social work is a relevant applied task given the continuous growth of interest in the assessment and development of professional standards and other aspects of the provision of social services. Studies show that the evaluation of social services might sometimes produce significantly different results, depending on the methods of measurement and the choice of an empirical object as a source for evaluation.

The purpose of the article is to combine academic and practical aspects in evaluation of the effectiveness of the provision of social services using quantitative methods. This approach has not yet become common in social work research but is actively employed by practitioners and government agencies. Using the example of a study on evaluating the effectiveness of case management technology as a method of social orphanhood prevention, the author attempts to understand how the quality of social work practices can be assessed.

сиротства предпринимается попытка попытку осмыслить то, как может проводиться оценка эффективности социальной работы.

В статье описан процесс работы в соответствии с технологией сопровождения случая и методология сбора и анализа данных для оценки технологии, затем приведены результаты ее количественной оценки. В анализе подтвердилось наличие внутренней согласованности используемых шкал оценки состояния семей, а также была выявлена статистически значимая разница в динамике состояния семей на разных этапах работы. Проведенное исследование оценки эффективности технологии сопровождения случая может быть полезно для развития методологии и стандартизации оценки, повышения качества социальных услуг и расширения возможностей для их оказания.

Ключевые слова: социальная работа, профилактика социального сиротства, технология сопровождения случая, кризисная ситуация, семьи-благополучатели, оценка качества, внутренняя согласованность измерительных шкал

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке РНФ (грант № 22-28-20490 «Семья на краю: пределы и возможности социально-технологической интервенции в профилактике социального сиротства»).

Введение

Социальная работа представляет собой сложную профессиональную деятельность, которая находится на стыке таких сфер, как медицина, социология, психология. Основная цель социальной работы — содействие социальной интеграции и солидарности в обществе [Lorenz, Shaw, 2017]. Оценка (эвалюация, аудит) соци-

The article describes the process of work in accordance with the case management technology and the methodology for collecting and analyzing data to evaluate the technology, then presents the results of its quantitative assessment. The analysis confirmed the internal consistency of the scales used to assess the state of families, and also revealed a statistically significant difference in the dynamics of the state of families at different stages of work. The conducted research on assessing the effectiveness of case management technology might be useful for developing methodology and standardizing assessment, improving the quality of social services and expanding opportunities for their provision.

Keywords: social work, prevention of social orphanhood, case management technology, crisis situation, welfare families, quality assessment, internal consistency of the measurement scales

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation (grant No. 22-28-20490 “Family on the edge: the limits and possibilities of socio-technological intervention in the prevention of social orphanhood”).

альных услуг представляет собой актуальную сенситивную тему и является предметом активных дискуссий среди исследователей. Измерение эффективности социальной работы — область растущего интереса и для практиков, и для исследователей [Lorenz et al., 2020; Evans, 2017], а развитие практико-ориентированных знаний в последнее время стало предметом исследований социальной работы [Choi, Pak, 2006; Nicolescu, 2008; Uggerhøj, 2011].

Концептуализация эффективности социальной работы является важной областью исследований, так как не только среди исследователей, но также и среди политиков и практиков [Šiška et al., 2021] продолжаются дискуссии о том, что представляют собой хорошие результаты социальной работы, каким образом их можно измерить и оценить.

Цель настоящей статьи — попытаться объединить исследовательскую и практическую стороны оценки эффективности оказания социальных услуг с использованием количественных методов, что пока не получило широкого распространения в научной среде, но при этом активно внедряется в жизнь практиками и заинтересованными государственными структурами. Исследование предусматривало оценку эффективности применения технологии профилактики семейного неблагополучия и социального сиротства в центрах помощи семье и детям.

Обращение к этой теме было обосновано несколькими причинами. Во-первых, она связана с практическим опытом авторов в применении исследовательского инструментария для оценки эффективности работы практиков именно в области профилактики социального сиротства. Во-вторых, проблема социального сиротства в России сохраняет свою актуальность как для отдельных индивидов (опыт сиротства может вести к серьезным психологическим последствиям для детей: они могут испытывать чувства одиночества, беспомощности, страдать от тревожности, депрессии, заниженной самооценки, иметь проблемы с социализацией и адаптацией к жизни в обществе [Крамчанинова 2018]), так и на уровне общества: создает дополнительную финансовую нагрузку на государство, дети-сироты нередко не имеют возможности в полной мере реализовать свой потенциал и способности, растет риск социальных проблем. Существующие подходы к работе с социальным сиротством, как правило, направлены либо на удовлетворение основных потребностей сирот и создание условий для их полноценного развития без родителей, либо на профилактику ситуаций, когда ребенок изымается из семьи, а родители лишаются права жить вместе с ребенком и воспитывать его [Barnett, 2000]. В 2021 г. число детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в России составляло, по разным оценкам, от 37¹ до 49² тыс. человек. При этом государственное обеспечение детей-сирот в детдомах, по подсчетам Благотворительного проекта «Теплый дом», обходится в два раза дороже, чем поддержка ребенка, который остается в семье³. Кроме того, в семье могут

¹ В России число детей-сирот в 2021 году уменьшилось на 6% // Регнум. 2021. 31 декабря. URL: <https://regnum.ru/news/society/3467620.html> (дата обращения: 20.10.2023).

² Меры социальной поддержки, предоставленные детям-сиротам, детям оставшимся без попечения родителей за счет средств консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации в 2021 году // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b22_103/Main.htm (дата обращения: 31.10.2023).

³ В 2 раза дешевле помочь оставить ребенка в семье, чем содержать в детдоме // Если быть точным. 2022. 6 июня. URL: <https://tochno.st/materials/deshvle-pomoch-ostavit-rebenka-v-seme-chem-soderzhat-v-detdome> (дата обращения: 01.09.2023).

быть более благоприятные условия для полноценного физического, эмоционального и психологического развития: сотрудники государственных учреждений могут обеспечивать полноценный уход за подопечными детьми, однако не всегда способны удовлетворять базовые потребности ребенка в любви, эмоциональной поддержке и близости. Поэтому именно профилактика социального сиротства становится актуальным направлением социальной работы с семьями, сталкивающимися с риском изъятия детей.

В данной статье мы рассматриваем основные исследовательские подходы к оценке эффективности социальной работы, а также приводим обзор исследований, в которых осуществлялись попытки проведения такой оценки в области социальной работы, фокусируясь на количественных методах оценивания. Далее мы описываем технологию «Организация работы междисциплинарной команды специалистов со случаем нарушения прав и законных интересов ребенка» («работа со случаем») ⁴ в области профилактики социального сиротства, по которой работали ГБУ ЦСПСид (Государственное бюджетное учреждение Центр социальной помощи семье и детям), принявшие участие в нашем исследовании. После мы описываем разработанную методологию количественной оценки эффективности технологии и представляем результаты анализа данных, что составляло часть всего реализованного нами исследования ⁵.

Научная новизна данного исследования заключается в следующем. Существует не так много исследований, посвященных количественному анализу эффективности социальной работы с использованием методов статистической проверки значимости результатов — количественный инструментарий чаще используется практиками, ведущими социальную работу, или государством, оценивающим качество проводимой социальной работы. Среди релевантных исследований можно упомянуть работу К. Юна с коллегами [Yoon, Park, Lee, 2020], однако этот труд имеет фокус на иных направлениях социальной работы, в то время как в области профилактики социального сиротства подобных изысканий не проводилось. Среди исследований на российских данных следует упомянуть статью К. Чагина, в которой проводилось количественное сравнение некоммерческих организаций с муниципальными учреждениями социального обслуживания по качеству и результативности услуг, тем не менее, этот анализ не включает в себя статистическую проверку результатов и решает скорее описательные задачи [Чагин, 2005]. Кроме того, мы предлагаем рассматривать применение количественных методов в оценке социальной работы не только как инструмент проверки успешности социальной работы, но и как источник для получения нового знания о скрытых в данных закономерностях, недоступных до проведения анализа. Мы предполагаем, что неожиданные открытия — это не преимущество качественных методов в сравнении с количественными [Ярская-Смирнова, Романов, 2005] в исследованиях социальной работы, а, скорее, в равной степени доступная возможность для обоих подходов.

⁴ Разработана Национальным фондом защиты детей от жестокого обращения в 2013 г. URL: <https://www.sirostvo.ru/> (дата обращения 01.09.2023).

⁵ Результаты анализа проведенных нами интервью со специалистами, работающими по рассматриваемой технологии, в данной статье не рассматриваются, но будут представлены в дальнейших публикациях как самостоятельный сюжет проведенного исследования [Ярская-Смирнова, 2023].

Оценка эффективности социальной работы: подходы к операционализации и методологии

Исследователи подчеркивают, что оценка социальной работы необходима [Blom, Morén, 2012]. Интерес к оценке, подотчетности и другим профессиональным аспектам для сферы оказания социальных услуг сделал измерение эффективности социальной работы крайне актуальной темой. Этот интерес исходит как со стороны общества, так и со стороны государства, причем для последних очевидна важность установления измеримых профессиональных стандартов для спектра оказываемых социальных услуг, по которым можно было бы оценивать эффективность работы практиков [Adams, 1998; Munro, 2004]. Уточним, что со стороны государства данный интерес выражается скорее в осуществлении контроля качества оказываемых услуг, обеспечении приемлемого уровня, получении понятных инструментов, позволяющих измерять эффективность, создавать отчетность по проводимым измерениям, определять наиболее эффективные практики или организации, поощрять их и, наоборот, регулировать те практики, которые отклоняются от существующего стандарта и ограничивать их распространение.

Оценка эффективности предполагает определение самого понятия. Российские исследователи определяют эффективность социальной работы как успешность и отмечают, что критерии успешности могут различаться в зависимости от заинтересованных лиц, которые проводят оценку, их целей и планируемого использования полученных результатов. В социальной сфере оценивать успешность можно в виде достижения запланированных результатов и разбора причин неудач, в случае возникновения таковых [Ярская-Смирнова, Романов, 2005; Алексеева и др., 1997]. Хотя, стоит отметить, что для этого необходима налаженная система мониторинга, оценки и представления результатов своей работы [Боровых, Грешнова, 2001].

Зарубежные исследователи отмечают, что во многих контекстах поиск критериев качества социальных услуг стал связан с ориентацией на «практику, основанную на доказательствах», инициатором которой стала медицина [Lorenz et al., 2020: 2]. В социальной работе ориентация на доказательства была обусловлена заботой о профессионализации и институционализации этой сферы по образцу и подобию наукоемких профессий [Gambrell, 2006; Thyer, 2015]. Дискуссия привела к целому ряду сложных подходов, с разным пониманием того, что считается свидетельством эффективности социальной работы в конкретных условиях [Gray, Plath, Webb, 2009; Mullen, 2014; Ziegler, 2019]. Оценка эффективности социальных услуг, считают Б. Блом и С. Морен, должна учитывать как то, что происходит внутри агентства или организации, так и влияние услуг на жизненную ситуацию клиента. Однако заинтересованные в качестве социальных услуг стороны на самом деле более многочисленны: это, помимо клиентов, политики, а внутри организации — руководство, административные и социальные работники [Blom, Morén, 2012: 73]. Например, У. Лоренц показывает, насколько различается восприятие оценки качества социальной работы менеджерами, социальными работниками и самими клиентами. Для менеджеров важно, чтобы рабочий процесс следовал четкому и прозрачному графику, чтобы соблюдались установленные правила. Качество, по их мнению, заключается в наличии согласованных методик ра-

боты, стандартов для оценки и рационального способа действий. Специалисты-практики предлагают «мягкие» индикаторы для оценивания социальной работы: сотрудничество в командах или гибкость, которая позволяет персонализировать социальную интервенцию [Lorenz et al., 2020]. Растущее внимание к экономии и эффективности [Beresford, Croft, 2004: 58] заставляет социальных работников стандартизировать и количественно оценивать свою работу [Lorenz et al., 2020]. Российские исследователи также обращают внимание на то, что в рамках социальной политики и социальной работы оценка может быть направлена на определение степени ее успешности [Алексеева и др., 1997]. В. Луков предполагает, что оценивание направлено на то, чтобы определять, насколько социальная программа или деятельность организации соответствует потребностям и ожиданиям людей, которые выступают в качестве получателей социальных услуг. Цель социальной экспертизы заключается в проверке, насколько деятельность государственных органов и других социальных институтов соответствует интересам граждан, целям социальной политики, а также в разработке предложений по достижению этого соответствия [Луков, 2003]. Б. Блом и С. Морен указывают на то, что результаты социальной работы, которые могут быть оценены, выражаются в разных формах: в формальных показателях, в виде поведенческих результатов на уровне клиента, глубинных индивидуальных изменений установок клиента. Существует и временное измерение, так как мы можем говорить о результатах как о процессе: оценка социальной работы не может быть однозначно проведена в определенный момент времени; так как процесс этой работы динамичен и изменчив [Blom, Morén, 2012: 77].

Исследователи предлагают разнообразные идеи по использованию методов оценки эффективности социальных услуг, а сама оценка имеет тенденцию к большому разбросу результатов в зависимости от выбираемых объектов, целей и методов измерения [Moullin, 2002; Blom, Morén, 2012; Yoon, Park, Lee, 2020]. Е. Ярская-Смирнова и П. Романов показывают, что для измерения эффективности, степени достижения целей социальных программ чаще всего применяют количественные методы. Например, системный анализ является довольно популярным подходом к оценке эффективности со стороны государства [Ярская-Смирнова, Романов, 2005]. В исследовании К. Чагина проводилось сравнение некоммерческих организаций с муниципальными учреждениями социального обслуживания по качеству и результативности услуг, которое основывалось на точке зрения клиентов организаций (например, доля довольных клиентов общественной организации была на 15% выше, чем у муниципального учреждения) [Чагин, 2005]. Предпринимались попытки и более сложного количественного оценивания эффективности социальной работы. Й. Когоут и соавторы предлагают использовать взвешивание при оценке качества оказания социальных услуг, так как разные элементы оценки обладают разным вкладом в итоговую эффективность воздействия для клиентов [Kohout et al., 2022]. Тем не менее остается не до конца ясным, какие именно веса назначать разным элементам оценивания, на основе каких критериев их рассчитывать. Применяется и статистический инструментарий для оценки количественных методов измерения качества оказания социальных услуг. Например, коэффициенты α Кронбаха и k Коэна использовались для оценки внутренней

согласованности используемого инструментария; методы измерения валидности (содержательной, конструктивной, критериальной и других) [DeVellis, 2016]. В качестве альтернативы коэффициенту α Кронбаха может использоваться метод главных компонент и факторный анализ [Yoon, Park, Lee, 2020].

Исследователи предлагают использовать более сложный и гибкий инструментарий для оценки разных практик социальной работы в различных ситуациях [Fargion, Nagy, Berger, 2019]. В исследовании качества предоставления социальных услуг в Южном Тироле в Италии с точки зрения основных заинтересованных сторон комбинировались качественные и количественные методы [Lorenz et al., 2020]. Аналогичным образом Е. Ярская-Смирнова и П. Романов предлагают обращать внимание на разные стратегии использования качественных методов для получения нового знания в области оценки эффективности социальной работы [Ярская-Смирнова, Романов, 2005].

Существуют практики на государственном уровне, направленные на оценку качества оказания услуг социальной сферы. Например, в США действует требование к штатам измерять влияние и качество услуг, которые они предоставляют людям с ограниченными возможностями здоровья, и без этого невозможно получить финансовую поддержку для реализации таких услуг [Yoon, Park, Lee, 2020]. В некоторых странах — например, в Великобритании и Корею, — количественная оценка качества социальных услуг осуществляется с привлечением частных коммерческих учреждений. Тем не менее сильной национальной системы количественной оценки качества может быть недостаточно, поэтому необходимы систематические показатели, с помощью которых может проводиться оценка социальной работы. Несмотря на то, что количественная оценка качества социальных услуг привлекает интерес государства и постепенно подпадает под государственное регулирование, существует предел возможностей количественной оценки с одной стороны, а с другой — сохраняется потребность в ее улучшении. Таким образом, появляются требования к улучшению, чтобы количественная оценка качества социальных услуг становилась более применимой на практике [Yoon, Park, Lee, 2020].

В данной статье мы рассматриваем понятие эффективности социальной работы в соответствии с принятой российской практикой, где эффективность включает в себя и оценку качества социальной работы. Тем не менее обратим внимание, что мы сосредотачиваемся только на измерении оценки эффективности социальной работы с точки зрения ее результативности в качестве достижения необходимого результата (для организаций это — наличие положительной динамики оценки состояния сопровождаемых семей)⁶. В эмпирической части нашего исследования мы сосредоточились на анализе и статистической проверке наличия динамики в этих показателях. Для это мы использовали коэффициент α Кронбаха, как это было проведено в исследовании [Yoon, Park, Lee, 2020], но измерение состояния семей мы проводили с помощью других способов статистической проверки, которые не использовались в цитируемой статье (далее будет описано подробнее в параграфе, посвященном особенностям процесса подготовки данных). В данной статье описываются результаты только количественной части

⁶ Подробнее о других результатах исследования (о восприятии и оценке работы технологии в представлении кураторов и супервизоров) можно прочитать в [Ярская-Смирнова и др., 2023].

исследования, которое, однако, включало в себя также качественную методологию, комбинируя в себе количественную и качественную стратегию [Ярская-Смирнова и др., 2023]. Количественная часть всего исследования сосредоточена на оценке того, как технология служит поставленной цели — выходу из кризисной ситуации.

Описание исследуемой технологии сопровождения случая

Сопровождение случая в социальной работе, социальная работа со случаем (case work) представляет собой метод профессионального взаимодействия с семьями, находящимися в кризисной ситуации. Роль и деятельность социальных работников в рамках развития социальной политики изменяется в сторону применения моделей case management⁷ или care management⁸, аналогичных британской и американской системам социального обслуживания [Ярская-Смирнова, Романов, 2005].

В данной статье описываются результаты исследования работы организаций по технологии «Организация работы междисциплинарной команды специалистов со случаем нарушения прав и законных интересов ребенка» («работа со случаем»)⁹. Данная технология направлена на помощь семье в возвращении или развитии способности справляться с трудными жизненными ситуациями самостоятельно, а также обеспечить стабильное удовлетворение основных потребностей ребенка в соответствии с его возрастом и особенностями. Основная цель технологии работы со случаем — снижение риска возникновения или повторения случаев жестокого обращения с ребенком внутри его семьи.

При применении технологии работы со случаем последовательно реализуются следующие этапы. Все начинается с *приема информации*: факты о возможном нарушении прав ребенка могут стать известны различным лицам и дойти до специалистов-кураторов из организаций, занимающихся работой с семьей и детьми. Далее наступает этап *оценки риска жестокого обращения с ребенком в семье*. Когда кураторы начинают взаимодействовать с семьей на ранней стадии кризиса, и ситуация семейного неблагополучия еще не так очевидна, особенно важно определить причины обнаруженного жестокого обращения с ребенком и оценить возможность его повторения в будущем. Одним из используемых инструментов является шкала оценки безопасности и оценки риска жестокого обращения с ребенком (ОБИОР). Именно на данном этапе необходимо оценить, насколько безопасно оставлять ребенка в семье, существует ли прямая угроза его жизни и здоровью. *Признание ребенка нуждающимся в государственной защите* осуществляется только после тщательной оценки риска жестокого обращения. Степень и экстренность потребности в защите оценивается по трем уровням риска: высокий, средний и низкий. Участие родителей является обязательным при

⁷ Планирование и координация спектра услуг, предназначенных для повышения качества жизни и обеспечивающих потребителя необходимыми услугами наиболее эффективным, действенным и рентабельным способом [Ярская-Смирнова, Романов, 2005].

⁸ Планирование и координация услуг, предназначенных для ухода за потребителем, с целью повышения качества его жизни наиболее эффективным, действенным и рентабельным способом [Ярская-Смирнова, Романов, 2005].

⁹ Разработана Национальным фондом защиты детей от жесткого обращения в 2013 г. URL: <https://www.sirostvo.ru/> (дата обращения 01.09.2023).

обсуждении и принятии решения о наличии и степени риска, собирается подтверждающая информация, родителям разъясняется, почему происходит вмешательство в жизнь их семьи, а кураторы определяют необходимые направления работы и мониторинга для семьи. Если подтверждается наличие риска жестокого обращения с ребенком, орган опеки и попечительства рассматривает ребенка как нуждающегося в государственной защите и вмешательстве государства, происходит *открытие случая*. Куратор случая (специалист по работе с семьей и детьми, который прошел специальный курс обучения) проводит подробную диагностику семейной ситуации, используя набор инструментов, включающих генограмму¹⁰, экокарту¹¹, и две шкалы: комплексную оценку семейной ситуации (КОСС) и оценку психосоциальных факторов, связанных с жестоким обращением с ребенком (ОПФЖО). Эти четыре формы позволяют специалистам получить информацию о истории жизни членов семьи, особенностях социального окружения, его влиянии на семью, личностных особенностях родителей, которые могут негативно сказываться на благополучии ребенка. Куратор *разрабатывает план реабилитации семьи и/или ребенка* на основе всей собранной информации о семье. Далее план *утверждается* консилиумом специалистов социальной службы (как правило, Центром помощи семье и детям). Куратор выполняет широкий круг задач в процессе работы со случаем: он анализирует основную проблему, являющуюся причиной открытия данного случая, идентифицирует причины ее возникновения, определяет цели и задачи реабилитации, разрабатывает набор действий, необходимых для достижения поставленных целей и задач, установив сроки их выполнения, проводит *мониторинг* в процессе своей работы (мониторинг осуществляется по трем шкалам — ОБИОР, КОСС и ОПФЖО), устанавливает контакт и строит доверительные отношения с семьей. Во время *выполнения плана реабилитации семьи и/или ребенка*, куратор играет роль координатора работ, выполняя функции помощи семье в определении необходимых услуг и ресурсов, которые могут помочь достичь поставленных в плане целей; информирования исполнителей указанных услуг о семейной ситуации и целях работы; оказания содействия семье в получении доступа к нужным услугам (например, организация транспорта или времен-

¹⁰ Генограмма — граф, отображающий связи между членами семьи. В качестве узлов графа выступают члены семьи (те люди, которых считают таковыми родители). В генограмме обычно указываются бабушки и дедушки ребенка, супруги бабушек и дедушек, родители и их супруги или сожители, другие родственники (дядя, тети ребенка), братья и сестры ребенка. Указанные родителями члены семьи могут как взаимодействовать, так и не взаимодействовать с сопровождаемой семьей. На генограмме могут присутствовать умершие члены семьи. После того как все члены семьи зафиксированы на генограмме, между ними отрисовываются ребра графа — связи, описывающие отношения между всеми парами партнеров семьи (официально зарегистрированный брак, развод, повторно заключенный брак, связь без брака), а также характер отношений между всеми членами семьи (их набор фиксирован: это хорошие отношения, дистантные отношения, симбиотические отношения, эмоциональный разрыв, конфликтные отношения, амбивалентные отношения). Для каждого варианта связи между членами семьи используются разные типы линий (прямые, двойные, прерывистые и т.д.).

¹¹ Экокарта — граф, отображающий связи семьи с внешними социальными контактами. В качестве узлов графа выступают внешние социальные контакты семьи, их набор фиксирован: это медицинские учреждения, работа, родственники, церковь, досуг, друзья, школа, социальные службы и другие возможные социальные контакты. Каждый субъект социального контакта семьи представляет собой отдельный узел (например, медицинские учреждения — это один узел графа). Куратор фиксирует, как семья в целом оценивает характер взаимодействия с внешними социальными контактами (существенная помощь, помощь отсутствует, источник стресса, источник энергии, отсутствие взаимодействия). Для каждого варианта связи между членами семьи в экокарте, так же как и в генограмме, используются разные типы линий.

ный уход за ребенком в случаях, когда родители отсутствуют); осуществления контроля (действительно ли семья использует получаемые услуги, довольна ли ими). В ходе визитов в семью куратор предоставляет поддерживающие консультации, включающие обсуждение проблем и потребностей с членами семьи, активизацию их сильных сторон, выработку возможных решений и уточнение плана действий. При необходимости куратор выступает в качестве «адвоката» семьи, представляя ее интересы перед различными службами и учреждениями.

По завершении работы, куратор проводит завершающий мониторинг состояния семьи и ребенка, вносит корректировки в план реабилитации и принимает решение о продолжении работы с семьей и ее направлениях. *Решение о закрытии случая* принимается, когда достигнуты запланированные результаты, или когда нет перспективы дальнейшей работы по реабилитации. В последнем случае принимается решение о возможных административных мерах, предусмотренных законодательством. Можно резюмировать, что вся работа куратора направлена на то, чтобы помочь семье в выходе из кризисной ситуации, а также развить у нее навыки самостоятельного преодоления подобных ситуаций в будущем.

В процесс применения технологии сопровождения случая, помимо кураторов, включены супервизоры — эксперты с более широким опытом работы и специальной подготовкой, которые предоставляют методическую и социально-психологическую поддержку кураторам. Основные (базовые) формы супервизии для оказания профессиональной поддержки специалистам — это индивидуальная сессия, групповая сессия, методический семинар/тренинг. Для методического контроля качества супервизоры проводят технологические разборы ведения случая, рабочие совещания, для оценки образовательных потребностей специалиста используются индивидуальные сессии; методические семинары¹². Супервизоры выполняют две основные задачи — поддерживают кураторов (например, занимаются профилактикой выгорания), а также оказывают поддержку в развитии их навыков, повышении качества их работы с конкретными случаями. Благодаря тому, что супервизоры накапливают информацию о прогрессе различных случаев, взаимодействуют с несколькими кураторами одновременно, они способны координировать процесс разработки и реализации мероприятий, направленных на поддержание стабильности функционирования данной технологии.

Особенности процесса подготовки данных для оценки качества технологии профилактики социального сиротства

Наше исследование было проведено по квазиэкспериментальному плану (анализ на основе нескольких замеров состояния семей). Проведенный эмпирический анализ был нацелен на то, чтобы описать и оценить взаимосвязь технологии сопровождения случая и оценки состояния семей по шкалам комплексной оценки семейной ситуации (КОСС), оценки психосоциальных факторов, связанных с жестоким обращением с ребенком (ОПФЖО) и оценки безопасности и риска жестокого обращения с ребенком (ОБИОР), по которым осуществляется мони-

¹² Супервизорская (профессиональная) поддержка деятельности по защите прав ребенка. URL: <https://www.sirostvo.ru/files/4389/6.pdf> (дата обращения: 01.09.2023)

торинг кураторами на протяжении всего периода сопровождения семьи (список индикаторов, который входит в каждую из шкал, можно увидеть в табл. 3—5 в параграфе «Основные результаты»). Чтобы достигнуть поставленной цели, нам было необходимо разработать и согласовать процесс подготовки данных мониторинга состояния семей кураторами. Далее на каждом этапе сбора данных мониторинга (в начале работы с семьями, спустя три месяца и спустя шесть месяцев работы) мы получали новые данные по семьям. На основе этих данных мы провели описательный анализ (частотные распределения, анализ мер средней тенденции и разброса), проверили сумматорные шкалы КОСС, ОПФЖО и ОБИОР на внутреннюю согласованность с помощью коэффициента α Кронбаха. Коэффициент α Кронбаха мы считали приемлемым тогда, когда он принимал значение не менее 0,6 [DeVellis, 2016]. Мы провели оценку изменения динамики состояния наблюдаемых семей на основе шкал КОСС, ОПФЖО и ОБИОР, чтобы наблюдать эффект от воздействия технологии сопровождения случая (проверка значимости изменений средних оценок состояния семей по шкалам была проведена с помощью t -критерия для парных выборок).

Сбор и анализ документов, содержащих оценки различных сторон жизни, проводился по семьям, которые на момент проведения исследования находились в работе у специалистов отделений ГБУ ЦСПСид (Государственное бюджетное учреждение Центр социальной помощи семье и детям). Процесс сбора документов проходил в несколько этапов, в соответствии с этапами проведения работы с семьями-благополучателями. Всего была собрана информация о динамике состояния 119 семей, с которыми велась работа по технологии сопровождения случая в шести организациях ГБУ ЦСПСид г. Москвы в течение периода с сентября 2021 г. по сентябрь 2022 г. В данных были представлены семьи всех трех степеней риска (на этапе оценки риска жестокого обращения были отнесены к группам высокого, среднего и низкого риска). Распределение семей по степени риска представлено в таблице 1.

Таблица 1. **Распределение семей по степени риска на основе первичной оценки риска жестокого обращения с ребенком в семье**

Уровень риска	ОБИОР	
	Частота	%
Низкий	48	40,3
Средний	34	28,6
Высокий	37	31,1
Всего	119	100,0

В данные были включены все семьи, которых в течение всего периода проведения исследования сопровождали кураторы, согласившиеся принять участие

в нашем исследовании. В исследование включались те центры, которые работали по единой технологии сопровождения случая с одинаковым инструментарием, расположенные в разных районах Москвы, которые дали согласие на участие в исследовании и предоставление информации о подопечных центра, и не прекращали свое участие в исследовании до окончания периода сбора данных.

Работа с собиравшимися документами по семьям проводилась по следующему плану. Во-первых, требовалось организовать процесс загрузки данных по семьям специалистами. Для них было подготовлено пространство для загрузки — система папок с инструкциями по загрузке, описание структуры папок, названия документов. Для сохранения анонимности были присвоены специальные коды организациям, специалистам и семьям, участвующим в исследовании.

После того, как данные по семьям были собраны, требовалась их подготовка к дальнейшему анализу. Заполненные формы по шкалам КОСС, ОПФЖО и ОБИОР требовали выбора единой единицы наблюдения. Шкалы ОПФЖО и ОБИОР заполняются по каждому из детей в отдельности в семье, в то время как КОСС — по семье в целом. Поэтому было решено выбрать в качестве единицы наблюдения семью, а не членов семьи, чтобы избежать влияния на результаты анализа числа детей и опекунов в каждой из семей. Для этого рассчитывались средние значения по каждому из элементов данных шкал.

Основные результаты

В процессе анализа собранных данных мы, во-первых, проверили сумматорные шкалы, используемые в технологии сопровождения случая, с помощью коэффициента α Кронбаха на внутреннюю согласованность, во-вторых, провели описательный анализ собираемых данных по данной технологии, на основе которого осуществили проверку статистической гипотезы о равенстве средних значений в зависимых выборках, чтобы судить о наличии или отсутствии значимых изменений в состоянии семей, участвующих в исследовании, на разных этапах работы с ними по технологии. Таким образом, данные представлены одной группой наблюдений, в которой присутствовало воздействие в виде используемой специалистами технологии сопровождения случая. Контрольная группа отсутствовала, из-за чего мы можем говорить о реализации квазиэкспериментального плана в данном исследовании — мы оценивали воздействие технологии в разные периоды времени на все включенные в исследование семьи.

Проверка внутренней согласованности шкал технологии сопровождения случая

При включении всех индикаторов по анализируемым шкалам самое высокое значение коэффициента α Кронбаха, равное 0,869, было получено для шкалы ОПФЖО. Ниже всего коэффициент α Кронбаха был получен для шкалы ОБИОР (0,753). Коэффициент α Кронбаха для шкалы КОСС составил 0,825 (см. табл. 2). Все полученные значения достаточно высокие, следовательно, можно утверждать, что анализируемые сумматорные шкалы обладают внутренней согласованностью между теми индикаторами, из которых они состоят.

Далее мы проверили, как может измениться внутренняя согласованность сумматорных шкал при удалении индикаторов, из которых они состоят (см. табл. 3—5).

Таблица 2. Статистика надежности сумматорных шкал КОСС, ОПФЖО и ОБИОР

Проверяемые шкалы	α Кронбаха	Количество индикаторов в шкале
КОСС	0,825	16
ОПФЖО	0,869	11
ОБИОР	0,753	14

В случае шкалы КОСС (табл. 3) сильнее всего коэффициент α Кронбаха может повыситься (до 0,840), если удалить первый индикатор (оценка положения ребенка: возможности у ребенка защитить себя). Кроме того, повышению коэффициента будет способствовать удаление третьего (до 0,837) и четырнадцатого индикатора (до 0,826). У данных индикаторов мы наблюдаем слабую корреляцию с сумматорной шкалой (0,122, 0,136 и 0,247). Низкая корреляция может объясняться тем, что данные индикаторы скорее связаны не столько с ситуацией в семье в целом, сколько с состоянием отдельных членов семьи. Кроме того, индикатор, связанный с оценкой возможности ребенка защитить себя, скорее всего, редко может быть оценен высоко в силу того, что в большей степени зависит от работы социальных служб, осведомленности детей о способах защиты своих прав, доверии ребенка социальным службам или другим учреждениям, чтобы он мог обратиться к ним (например, к врачам в медицинском учреждении, учителям в школе), чем от семейной ситуации. Что касается индикатора, связанного с наличием фактов жестокого обращения с родителями в их кровных семьях, то он, вероятно, менее тесно скоррелирован с остальными, так как проявляется в меньшей степени, чем, например, наличие жестокого обращения с родителями в их детстве — в процессе взросления у человека появляется больше возможностей защищать себя, самостоятельно прерывать с родными взаимодействие для того, чтобы не сталкиваться с повторением эпизодов жестокого обращения.

Рекомендовать удаление рассмотренных индикаторов из шкалы КОСС не обязательно — коэффициент α Кронбаха уже достаточно высокий, поэтому используемая шкала может быть оставлена как есть, без изменений. Мы полагаем, что индикатор, связанный с возможностью ребенка защитить себя, позволяет специалистам отделять семьи, в которых риск жестокого обращения с ребенком будет ниже. Не менее важна оценка индикатора наличия жестокого обращения с родителями в кровных семьях — данный факт также сообщает специалисту о степени независимости родителя, наличии дополнительных источников риска усугубления кризисной ситуации в семье.

В случае ОПФЖО коэффициент α Кронбаха может повыситься до 0,875 при удалении девятого индикатора, корреляция между данным индикатором и итоговой сумматорной шкалой равна 0,359, то есть, является достаточно слабой. Мы можем предположить, что состояние психического здоровья родителя не так тесно связано с остальными индикаторами шкалы ОПФЖО, так как проблемы с психическим здоровьем крайне разнообразны, и не все из них могут вести к повышению риска именно жестокого обращения с ребенком (например, тревожные расстройства, некоторые степени тяжести депрессии).

Таблица 3. Статистика индикаторов по отношению к сумматорной шкале КОСС

	Индикаторы	Скорректированная корреляция между переменной и сумматорной шкалой	α Кронбаха при исключении индикатора
1	Оценка положения ребенка: возможности у ребенка защитить себя	0,122	0,840
2	Оценка положения ребенка: физическое/ когнитивное/социальное развитие ребенка	0,437	0,815
3	Оценка положения ребенка: эмоциональная/поведенческая деятельность	0,136	0,837
4	Проблемы родителей в удовлетворении потребностей ребенка в уходе и заботе: социальные навыки	0,475	0,813
5	Проблемы родителей в удовлетворении потребностей ребенка в уходе и заботе: состояние физического здоровья родителей	0,539	0,810
6	Проблемы родителей в удовлетворении потребностей ребенка в уходе и заботе: состояние психического здоровья	0,502	0,810
7	Проблемы родителей в удовлетворении потребностей ребенка в уходе и заботе: наличие в семье домашнего насилия	0,467	0,813
8	Проблемы родителей в удовлетворении потребностей ребенка в уходе и заботе: употребление членами семьи психоактивных веществ	0,315	0,823
9	Проблемы родителей в удовлетворении потребностей ребенка в уходе и заботе: стрессоустойчивость	0,548	0,808
10	Проблемы родителей в удовлетворении потребностей ребенка в уходе и заботе: родительские навыки	0,479	0,815
11	Оценка семейной ситуации: роль семьи, взаимодействия и взаимоотношения	0,585	0,805
12	Оценка семейной ситуации: умение использовать ресурсы и вести домашнее хозяйство	0,523	0,809
13	Оценка семейной ситуации: сеть социальных контактов семьи	0,582	0,805
14	Жестокое обращение в истории семьи: наличие фактов жестокого обращения с родителями в их кровных семьях	0,247	0,826
15	Жестокое обращение в истории семьи: наличие фактов жестокого обращения с родителями в их детстве	0,621	0,803
16	Жестокое обращение в истории семьи: характер взаимодействия семьи с органами опеки и попечительства в прошлом	0,608	0,804

Таблица 4. Статистики индикаторов по отношению к итоговой шкале ОПФЖО

	Индикаторы	Скорректированная корреляция между переменной и сумматорной шкалой	α Кронбаха при исключении индикатора
1	Самооценка родителя	0,725	0,847
2	Способность поддерживать доверительные отношения с окружающими	0,637	0,853
3	Сформированность родительской позиции	0,668	0,851
4	Уровень родительской компетентности	0,683	0,850
5	Реалистичность ожиданий и требований родителя к ребенку. Характер эмоционального контакта с ребенком	0,693	0,850
6	Ролевая инверсия в родительско — детских отношениях	0,412	0,868
7	Отношение родителя к применению насилия в межличностном взаимодействии	0,526	0,861
8	Эмоционально-волевая регуляция поведения родителя	0,474	0,865
9	Состояние психического здоровья родителя	0,359	0,875
10	Наличие кризиса в семье, уровень стрессоустойчивости родителя	0,684	0,850
11	Наличие сети социальных (поддерживающих) контактов	0,450	0,866

В случае ОБИОР коэффициент α Кронбаха повысится, если удалить первый (возраст ребенка; до 0,764) или второй индикатор (особенности развития и личности ребенка; до 0,765). У данных индикаторов наблюдается слабая корреляция с сумматорной шкалой (0,170 и 0,127). Вероятно, данные индикаторы отражают в большей степени характеристики самого ребенка, которые меньше связаны с зафиксированными результатами жестокого обращения (индикаторы 3—7), чем характеристики самих родителей (индикаторы 8—14). Возраст ребенка, как и особенности развития и личности ребенка, являются вместе с тем важными индикаторами для специалиста, позволяющими оценивать степень риска жестокого обращения для ребенка: например, дети младшего возраста в большей степени зависят от родителей, им сложнее защитить себя, они более уязвимы для жестокого обращения. Поэтому рекомендовать удаление данных суждений из сумматорной шкалы не является обязательным — коэффициент α Кронбаха находится уже на приемлемом уровне (выше 0,6).

Таким образом, проведенный с помощью коэффициента α Кронбаха анализ позволяет нам говорить о приемлемой внутренней согласованности сумматорных шкал и об их содержательной валидности.

Таблица 5. Статистики индикаторов по отношению к итоговой шкале ОБИОР

	Индикаторы	Скорректированная корреляция между переменной и сумматорной шкалой	α Кронбаха при исключении индикатора
1	Возраст ребенка	0,170	0,764
2	Особенности развития и личности ребенка	0,127	0,765
3	Особенность травм: локализация травмы	0,458	0,737
4	Особенность травм: тип травмы	0,268	0,747
5	Особенность травм: частота нанесения травмы	0,261	0,748
6	Особенности поведения родителей, говорящие о возможности жестокого обращения	0,532	0,720
7	Роль эмоционального вреда	0,531	0,720
8	Индивидуальные особенности родителей: готовность родителей признать случай жестокого обращения с ребенком	0,611	0,713
9	Индивидуальные особенности родителей: заболевания, влияющие на поведение родителей	0,295	0,746
10	Индивидуальные особенности родителей: родительские навыки воспитания	0,278	0,747
11	Свобода доступа виновника насилия к ребенку	0,600	0,711
12	Бытовые условия и окружение	0,222	0,753
13	Предыдущие сообщения или случаи жестокого обращения	0,366	0,739
14	Восприимчивость к кризисам	0,512	0,722

Анализ изменений состояния испытуемых семей в динамике

Для того, чтобы проверить, изменялась ли оценка состояния семей на протяжении их сопровождения кураторами, мы проверили, есть ли статистически значимая разница в средних значениях по каждой из сумматорной шкал в трех парах: между состоянием семьи в начале работы и через три месяца работы, через три месяца и через шесть месяцев работы, и в начале работы и через шесть месяцев работы. Результаты анализа приведены в таблице 6. На основе проверки значимости гипотезы о равенстве средних значений с помощью t критерия для парных выборок на основе значений p -value, а также значений средних оценок состояния семей по шкалам КОСС, ОПФЖО, ОБИОР, мы можем утверждать следующее.

Средний уровень шкалы КОСС 3 статистически значимо ниже, чем КОСС 1 (6,65 и 8,34 соответственно) и КОСС 2 (6,36 и 8,20 соответственно) на уровне доверия 0,95. При сравнении КОСС 1 и КОСС 2 статистически значимой разницы не было обнаружено, хотя выборочные средние различаются (8,14 и 7,68). Можно предположить, что основные изменения в семье начинают происходить в среднем только с третьего месяца работы куратора с семьей. Возможно, это связано с тем, что за первые три месяца куратору удается в основном только наладить контакт с сопровождаемой семьей, преодолеть сопротивление со стороны семьи, что позволяет в последующие месяцы более продуктивно взаимодействовать в условиях сформировавшихся доверительных отношений. Можно предположить также, что возможное отсутствие положительной динамики в некоторых семьях может объясняться неуспехом в выстраивании отношений куратора с семьей в первые месяцы работы.

Средний уровень ОПФЖО 3 статистически значимо ниже, чем ОПФЖО 1 (5,08 и 6,79 соответственно) и ОПФЖО 2 (5,00 и 6,29). Среднее значение ОПФЖО 2 также значимо ниже, чем ОПФЖО 1 (5,72 и 6,57 соответственно). Можно утверждать, что оценка по шкале ОПФЖО начинает снижаться с самого начала работы куратора с семьей, в отличие от КОСС. Можно предположить, что данная разница объясняется спецификой работы кураторов в рамках технологии сопровождения случая — вся их работа по технологии направлена в первую очередь на снижение риска жестокого обращения с ребенком, обеспечение того, чтобы минимальные потребности ребенка удовлетворялись в семье в полной мере. Тем временем какие-то проблемы в семье, которые могут способствовать попаданию в кризисную ситуацию, но не оцениваются куратором как требующие решения в связи с отсутствием явной связи с положением ребенка, могут сохраняться (например, родитель испытывает постоянный стресс в связи с работой, который он приучается не переносить на ребенка, однако это не помогает справляться с самим стрессом).

Средний уровень ОБИОР 3 статистически значимо ниже, чем ОБИОР 1 (5,34 и 7,23 соответственно), то есть, оценка риска жестокого обращения в среднем снижается в процессе работы по технологии сопровождения случая. При этом снижение более заметно в первые три месяца работы: среднее ОБИОР 2 значимо ниже, чем ОБИОР 1 (6,58 и 7,48), в то время как среднее ОБИОР 3 ниже, чем ОБИОР 2 (5,71 и 6,59), но эта разница статистически не значима. Этот результат в целом соотносится с тем, что в анализируемых семьях наблюдалось значимое снижение оценки факторов жестокого обращения (ОПФЖО), однако мы можем наблюдать, что оценка меняется слабее после трех месяцев работы куратора с семьей.

Таким образом, мы можем утверждать, что по анализируемым сумматорным шкалам наблюдается статистически значимое улучшение оценки ситуации в среднем в семьях, включенных в исследование. При этом существуют значимые различия в том, как меняются средние оценки на протяжении работы кураторов по разным шкалам: оценка КОСС значимо сильнее меняется только через три месяца работы с семьей, оценка ОПФЖО стабильно снижается на протяжении всего периода работы, а оценка риска жестокого обращения (ОБИОР) сильнее меняется в первые три месяца работы с семьей, после чего изменения становятся незначительными или вовсе отсутствуют.

Таблица 6. Проверка равенства средних значений оценок состояния семей, находящихся в кризисной ситуации, с помощью критерия t для парных выборок

Пары сравниваемых средних значений по шкалам	Сравниваемые шкалы*	Среднее значение оценок состояния семей по шкалам КОСС, ОПФЖО, ОБИОР**	Число наблюдений в выборке***	Средняя разность между средними значениями в паре	Проверка значимости****
Пара 1	КОСС 1	8,14	72	0,46	0,27
	КОСС 2	7,68	72		
Пара 2	КОСС 1	8,34	41	1,70	0,00
	КОСС 3	6,65	41		
Пара 3	КОСС 2	8,20	38	1,85	0,00
	КОСС 3	6,36	38		
Пара 1	ОПФЖО 1	6,57	69	0,85	0,01
	ОПФЖО 2	5,72	69		
Пара 2	ОПФЖО 1	6,79	43	1,71	0,00
	ОПФЖО 3	5,08	43		
Пара 3	ОПФЖО 2	6,29	39	1,29	0,01
	ОПФЖО 3	5,00	39		
Пара 1	ОБИОР 1	7,48	66	0,89	0,01
	ОБИОР 2	6,58	66		
Пара 2	ОБИОР 1	7,23	48	1,89	0,00
	ОБИОР 3	5,34	48		
Пара 3	ОБИОР 2	6,59	35	0,88	0,12
	ОБИОР 3	5,71	35		

* Цифра обозначает этап работы с семьей, на котором производилась оценка состояния: 1 — начало работы с семьей, 2 — середина работы (через три месяца после начала работы), 3 — завершение работы (через шесть месяцев после начала работы).

** Суммарные шкалы комплексной оценки семейной ситуации (КОСС), оценки психосоциальных факторов, связанных с жестоким обращением с ребенком (ОПФЖО), и оценки безопасности и оценки риска жестокого обращения с ребенком (ОБИОР).

*** Количество семей, по которым имеются данные по соответствующей шкале и за соответствующий этап работы.

**** В столбце указаны значения p -value, с помощью которых проверялось наличие или отсутствие оснований принять или отвергнуть статистическую гипотезу H_0 об отсутствии связи (о равенстве средних значений в соответствующей сравниваемой паре).

На уровне отдельных организаций нами статистическая проверка не проводилась, так как количество доступных для анализа наблюдений в данном исследовании не позволило бы получить статистически достоверные результаты. Тем не менее описательный анализ был проведен, и позволил увидеть, что вне зависимости от организации, динамика является скорее положительной. Сами организации различались по средним и медианным оценкам ситуаций в семьях, что может объясняться разным местоположением организаций, коллективом специалистов и их загруженностью. Несмотря на ограничения для статистической

проверки значимости изменения оценок состояния семей внутри организаций в динамике, данная информация является полезной в первую очередь для практиков и может способствовать налаживанию процессов мониторинга и аналитики. Полученные результаты могут служить также в качестве проверки эффективности технологии сопровождения случая, с целью дальнейшей подготовки отчетов по проводимой работе перед руководством или представителями государства, вовлеченных в социальную работу, ее оценку и принятие стратегических решений, а также для выдвижения исследовательских гипотез, проверка которых может способствовать развитию методологии стандартизованного оценивания и мониторинга состояния семей, проходящих по технологии сопровождения случая. Систематический мониторинг состояния семей позволил бы представлять ценную информацию об актуальном состоянии семей, возможности для оперативного реагирования на возникающие проблемы, или для выявления наиболее успешных практик для их фиксации, включения в работу и экстраполяции результатов.

Выводы

Исследования качества социальной работы служат основой для развития методологии и стандартизации оценки качества социальных услуг. Разработка критериев оценки позволяет повышать качество оказываемых социальных услуг и расширять возможности для их оказания [Yoon, Park, Lee, 2020]. Использование стандартизованных инструментов для мониторинга состояния семей в технологии сопровождения случая обладает практической полезностью и для специалистов, работающими с семьями, и для руководства, и в целом для развития области профилактики социального сиротства. Подобный мониторинг позволяет оперативно выявлять текущие проблемы в работе, например, неравномерное увеличение или уменьшение нагрузки в центрах профилактики. Коммуникация между супервизорами и кураторами позволяет выявлять необходимость дополнительного обучения сотрудников или проведения консультаций, справляться с профессиональным выгоранием. Стандартизованные формы для мониторинга состояния семей в технологии сопровождения случая дают новые знания о семьях, находящихся в кризисной ситуации. Подобные инструменты делают видимыми результаты труда, который вкладывают специалисты при работе с семьями, способствуют обмену опытом между центрами. Мы также полагаем, что уже на ранних этапах введения систематического мониторинга по стандартизованным формам на первоначальных малых объемах данных целесообразно обращать внимание не только на статистически значимые результаты, но и на то, что может представлять интерес для практиков, что может служить основой формулировки содержательных гипотез для дальнейшей проверки при увеличении объема имеющихся данных.

Использование коэффициента α Кронбаха позволило нам, во-первых, проверить используемые в рамках технологии сопровождения случая сумматорные шкалы на внутреннюю согласованность. Во-вторых, данная проверка полезна тем, что позволяет получать основанные на данных практические рекомендации по улучшению используемого инструментария: какие именно его элементы нуждаются в корректировке или удалении. Или он может быть оставлен без изменений, если коэффициент получается высоким (что и произошло в данном случае).

Поэтому мы не предлагаем в качестве рекомендации изменение используемых шкал (как, например, это было сделано на основе исследования [Yoon, Park, Lee, 2020], в котором были получены низкие значения α Кронбаха).

Статистическая проверка наличия динамики в оценках состояния семей кураторами по шкалам КОСС, ОПФЖО и ОБИОР показала наличие значимой положительной динамики в средних оценках, причем данная динамика различна на разных этапах работы с семьями для разных шкал — это может говорить о том, что изменение разных аспектов состояния семьи происходит неравномерно. Мы предполагаем, что изменение семейной ситуации в целом начинает происходить после формирования контакта куратора с семьей, преодоления сопротивления. Оценка психосоциальных факторов жестокого обращения постепенно снижается на протяжении всего периода работы, в то время как оценка риска жестокого обращения в первые три месяца работы с семьей меняется сильнее, чем в последующие месяцы, когда положительная динамика сохраняется, но не является статистически значимой.

Проведенное исследование (включающее и качественные интервью с кураторами и супервизорами) показало явную заинтересованность практиков в том, чтобы влиять на формирование стандартов и правил социальной работы. Руководители-практики, знакомясь с результатами проведенного исследования, ищут пробелы, незакрытые лакуны в работе технологии, чтобы ее менять и совершенствовать. Данный результат несколько противоречит выводам некоторых других исследований: отмечалось, что практики не представляются активными участниками в формировании правил и стандартов, хотя это непосредственным образом влияет на их работу [Lorenz et al., 2020].

Отметим ограничения исследования. Во-первых, исследователи не имели прямого доступа к семьям, получая данные только из документов, которые предоставляли кураторы. Во-вторых, ограниченность по времени, доступ в небольшое количество центров, работающих по рассмотренной технологии, привело к тому, что число семей, которые участвовали в анализе, было недостаточным, чтобы проводить статистический анализ для сравнения центров между собой. Дальнейшие исследования могут быть реализованы в нескольких направлениях. Представляется перспективным изучение методов работы с родителями, факторов жестокого обращения, которые связаны с характеристиками родителей, и оценка эффективности такой работы. Кроме того, возможно проведение сравнительного анализа разных реализаций технологии сопровождения случая, а именно анализа различий в используемых шкалах для оценки и мониторинга состояния семей.

Список литературы (References)

Алексеева О., Алексеева Е., Бодунген А., Гашпар М. Слагаемые успеха некоммерческих организаций. М.: Charities Aid Foundation, 1997.

Alekseeva O., Alekseeva E., Bodungen A., Gašpar M. (1997) Components of Success of Non-Profit Organizations. Moscow: Charities Aid Foundation. (In Russ.)

Боровых А., Грешнова Е. Исследование эффективности проектов и программ благотворительных организаций // Благотворительность в России: Социальные и ис-

торические исследования / под ред. О. Л. Лейкинда. СПб.: Лики России, 2001. С. 322—330.

Borovykh A., Greshnova E. (2001) Study of the Effectiveness of Projects and Programs of Charitable Organizations. In: Leikind O. L. (ed.) *Charity in Russia: Social and Historical Studies*. St. Petersburg: Faces of Russia. P. 322—330. (In Russ.)

Крамчанинова Н. В. Основные риски социализации сирот // Семья и личность: проблемы взаимодействия. 2018. № 12. С. 44—50. URL: https://drive.google.com/file/d/1V4hJmQ6fIkLrk_SzgiAZwIWuJyui_XW/view?pli=1 (дата обращения: 27.10.2023).
Kramchaninova N. V. (2018) Main Risks of Socialization of Orphans. *Family and Personality: Problems of Interaction*. No. 12. P. 44—50. URL: https://drive.google.com/file/d/1V4hJmQ6fIkLrk_SzgiAZwIWuJyui_XW/view?pli=1 (accessed: 27.10.2023). (In Russ.)

Луков В. А. Социальное проектирование. М.: Издательство Московской гуманитарно-социальной академии; Флинта, 2003

Lukov V. A. (2003) *Social Design*. Moscow: Publishing House of Moscow Humanitarian and Social Academy; Flinta. (In Russ.)

Чагин К. Г. Новые технологии управления в сфере социальной помощи и социального обслуживания населения // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 4. С. 465—478. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3732> (дата обращения: 27.10.2023).

Chagin K. G. (2005) New Technologies of Administration in Area of Social Assistance and Social Services for the Population. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 3. No. 4. P. 465—478. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3732> (accessed: 27.10.2023). (In Russ.)

Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В. Новая идеология и практика социальных услуг: оценка эффективности в контексте либерализации социальной политики // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 4. С. 497—522. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3734> (дата обращения: 27.10.2023).

Yarskaya-Smirnova E. R., Romanov P. V. (2005) New Ideology and Practice of Social Services: Evaluation in the Context of Social Policy. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 3. No. 4. P. 497—522. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3734> (accessed: 27.10.2023). (In Russ.)

Ярская-Смирнова Е. Р., Рождественская Е. Ю., Абрамов Р. Н., Борзов С. П., Александрова М. Ю. Социальная технология оказания социальной помощи семьям с детьми: опыт внедрения и оценка эффективности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5. С. 3—25.

Yarskaya-Smirnova E. R., Rozhdestvenskaya E. Yu., Abramov R. N., Borzov S. P., Aleksandrova M. Yu. (2023) Social Technology for Providing Social Assistance to Families with Children: Implementation Experience and Evaluation of Effectiveness. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 3—25.

Adams R. (1998) *Quality Social Work*. Basingstoke: Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-1-349-13733-6>.

Barnett W. S. (2000) Economics of Early Childhood Intervention. In: Shonkoff J. P., Meisels S. J. (eds.) *Handbook of Early Childhood Intervention*. Cambridge: Cambridge University Press.

Beresford P., Croft S. (2004) Service Users and Practitioners Reunited: The Key Component for Social Work Reform. *British Journal of Social Work*. Vol. 34. No. 1. P. 53—68. <http://dx.doi.org/10.1093/bjsw/bch005>.

Blom B.; Morén S. (2012) Evaluation of Quality in Social-Work Practice. *Nordic Journal of Social Research*. Vol. 3. No. 1. P. 71—87. <https://doi.org/10.7577/njsr.2062>.

Choi B. C.K., Pak A. W.P. (2006) Multidisciplinarity, Interdisciplinarity and Transdisciplinarity in Health Research, Services, Education, and Policy: Definitions, Objectives, and Evidence of Effectiveness. *Clinical and Investigative Medicine*. Vol. 29. No. 6. P. 351—364. <https://doi.org/10.25011/cim.v30i6.2950>.

DeVellis R.F. (2016) *Scale Development: Theory and Applications*. Thousand Oaks, CA: Sage.

Evans S. (2017) The Social Worker as Transdisciplinary Professional: A Reflective Account. *Australian Social Work*. Vol. 70. No. 4. P. 1—8. <https://doi.org/10.1080/0312407X.2016.1265997>.

Fargion S., Nagy A., Berger E. (2019) Access to Social Services as a Rite of Integration: Power, Rights, and Identity. *Social Policy and Administration*. Vol. 53. No. 5. P. 627—640. <https://doi.org/10.1111/spol.12447>.

Gambrill E. (2006) Evidence Based Practice and Policy: Choices Ahead. *Research on Social Work Practice*. Vol. 16. No. 3. P. 338—357. <https://doi.org/10.1177/1049731505284205>.

Gray M., Plath D., Webb S. (2009) *Evidence-Based Social Work: A Critical Stance*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203876626>.

Kohout J., Šiškaa J., Beadle-Brown J., Čáslava P., Truhlářová Z. (2022) Measuring the Perceived Importance of Indicators of the Quality of Social Care Services. *Journal of Evidence-Based Social Work*. Vol. 19. No 3. P. 367—382. <https://doi.org/10.1080/26408066.2022.2045240>.

Lorenz W. A., Shaw I. (eds.) (2017) *Private Troubles or Public Issues? Challenges for Social Work Research*. Abingdon: Routledge.

Lorenz W. A., Fargion S., Nothdurfter U., Nagy A., Berger E., Rainer S., Frei S. (2020) Negotiating Quality for Social Work: A Participatory Research Project in South Tyrol. *Research on Social Work Practice*. Vol. 30. No. 5. P. 505—514. <https://doi.org/10.1177/1049731519897309>.

Moullin M. (2002) *Delivering Excellence in Health and Social Care: Quality, Excellence and Performance Measurement*. Buckingham; Philadelphia, PA: Open University Press.

Mullen E. (2014) Evidence-Based Knowledge in the Context of Social Practice. *Scandinavian Journal of Public Health*. Vol. 42. No. 13. P. 59—73. <https://doi.org/10.1177/1403494813516714>.

Munro E. (2004) The Impact of Audit in Social Work Practice. *British Journal of Social Work*. Vol. 34. No. 8. P. 1075—1095. <https://doi.org/10.1093/bjsw/bch130>.

Nicolescu B. (2008) *Transdisciplinarity: Theory and Practice*. New York, NY: Hampton Press.

Šiška J., Čáslava P., Kohout J., Beadle-Brown J., Truhlářová Z., Holečková M. K. (2021) What Matters While Assessing Quality of Social Services? Stakeholders' Perspective in Czechia. *European Journal of Social Work*. Vol. 24. No. 5. P. 864—883. <https://doi.org/10.1080/13691457.2021.1934411>.

Thyer B. A. (2015) Preparing Current and Future Practitioners to Integrate Research in Real Practice Settings. *Research on Social Work Practice*. Vol. 25. No. 4. P. 463—472. <https://doi.org/10.1177/1049731514538>.

Uggerhøj L. (2011) What Is Practice Research in Social Work: Definitions, Barriers and Possibilities. *Social Work & Society*. Vol. 9. No. 1. P. 45—59.

Yoon K., Park G., Lee M. (2020) How Should the Social Service Quality Evaluation in South Korea Be Verified? Focusing on Community Care Services. *Healthcare*. Vol. 8. No. 3. <https://doi.org/10.3390/healthcare8030294>.

Ziegler H. (2019) Evidence Based Social Work. In: Kessl F., Lorenz W., Otto H.-U., White S. (eds.) *European Social Work — A Compendium*. Leverkusen: Verlag Barbara Budrich. P. 229—272.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.5.2409](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2409)**К. Н. Обухов****РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ
СТРАТЕГИЙ ПОДОТЧЕТНОСТИ В РЕГИОНАЛЬНЫХ
СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НКО****Правильная ссылка на статью:**

Обухов К. Н. Роль социального капитала в дифференциации стратегий подотчетности в региональных социально ориентированных НКО // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5. С. 50—73. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2409>.

For citation:

Obukhov K. N. (2023) The Role of Social Capital in Differentiating Accountability Strategies in Regional Socially Oriented Non-Profit Organizations. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 50–73. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2409>. (In Russ.)

Получено: 03.04.2023. Принято к публикации: 05.10.2023.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СТРАТЕГИЙ ПОД ОТЧЕТНОСТИ В РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НКО

ОБУХОВ Константин Николаевич — кандидат философских наук, научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: fagotfrosch@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0336-0653>

Аннотация. Статья посвящена дифференциации стратегий подотчетности, существующих в региональных социально ориентированных некоммерческих организациях (СО НКО) России. СО НКО рассматриваются через призму теорий социального капитала, что позволяет обратиться к анализу совокупности социальных отношений, складывающихся вокруг организаций и поддерживающих их. Прозрачность и подотчетность анализируются как тесно взаимосвязанные процессы, освещающие и разъясняющие содержание деятельности СО НКО как ее сотрудникам, так и благополучателям, донорам и социальному окружению, вовлеченному в ее работу. Помимо этого, подотчетность и раскрытие информации о деятельности способствуют формированию доверия и гарантируют большую устойчивость СО НКО. Несмотря на нормативное закрепление принципов подотчетности, анализ практик показывает, что она в существенной степени остается декларативной, а ситуация с открытостью во многом неоднородна.

Цель статьи — прояснение роли социального капитала в существующих раз-

THE ROLE OF SOCIAL CAPITAL IN DIFFERENTIATING ACCOUNTABILITY STRATEGIES IN REGIONAL SOCIALLY ORIENTED NON-PROFIT ORGANIZATIONS

Konstantin N. OBUKHOV¹ — Cand. Sci. (Philos.), Research Fellow at the International Laboratory for Social Integration Research
E-MAIL: fagotfrosch@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0336-0653>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. This article deals with the differentiation of accountability strategies that exist in regional socially oriented non-profit organizations (SO NPOs) in Russia. The author applies theories of social capital to SO NPOs, which allows analyzing the social relations developing around organizations and supporting them. Transparency and accountability are analyzed as closely interrelated processes that clarify the content of SO NPOs' activities within the organization and explain it to the social environment involved in its activities. Accountability and disclosure of information help building trust and ensure SO NPOs' greater sustainability. Despite the regulatory consolidation of the accountability principles, an analysis of practices shows that accountability remains largely declarative, and the degree of SO NPOs' openness varies significantly.

The aim of this study is to clarify the role of social capital in the existing differences of the accountability strategies implemented by regional SO NPOs. For this purpose, the author held a series of semi-structured interviews ($N = 29$) with the leaders of such organizations. Based

личиях реализуемых стратегий подотчетности региональных СО НКО. Для этого была организована серия полуструктурированных интервью ($N = 29$) с руководителями таких организаций. Выделены три возможных стратегии подотчетности: формальная, адресная и расширенная. Выявлено, что создание СО НКО с опорой на определенный тип социального капитала может влиять на используемые в организации стратегии подотчетности. Опрошенные руководители СО НКО связывают применение той или иной стратегии с потребностями во взаимодействии с ключевыми ресурсными игроками региона и характером связи с ними. Продолжительность существования организации и развитие профессиональных навыков могут приводить к распространению расширенной стратегии подотчетности. Для каждой из используемых стратегий подотчетности выделены сложности и преимущества ее реализации.

Ключевые слова: некоммерческие организации, СО НКО, открытость, подотчетность, прозрачность, барьеры развития, социальный капитал

Благодарность. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Введение

Государственная политика в сфере соцобеспечения с 2010 г. направлена на расширение возможностей оказания социальных услуг некоммерческими организациями (НКО) [Старшинова, Бородкина, 2020: 413]. В настоящее время получили распространение социально ориентированные некоммерческие организации (СО НКО) [Toepler, Pape, Benevolenski, 2019: 48]. Обращение к подобной юридической форме осуществления деятельности связано с высоким уровнем

on the interviews, the following accountability strategies were identified in the studied organizations: formal, targeted, and extended. It has been revealed that the creation of SO NPOs based on a certain type of social capital can influence the accountability strategies used in the organization. The interviewed managers of SO NPOs associate the use of a particular strategy with the needs for interaction with key resource players in the region and the nature of communication with them. The duration of an organization's existence and the development of professional skills may lead to the proliferation of an expanded accountability strategy. In conclusion, for each of the described accountability strategies, the author highlights challenges and benefits of its implementation.

Keywords: NGOs, social non-profit organizations, openness, accountability, transparency, development barriers, social capital

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at HSE University.

гибкости в поиске социальных проблем и путей их разрешения на местах, с возможностью привлечением ресурсов из разных источников [Филиппова, 2021: 63].

После 2012 г., появления законов об «иностраннных агентах» возможности привлечения финансовых средств из-за рубежа исчезли, и к настоящему моменту основными источниками существования НКО являются гранты, субсидии государственных органов и частные пожертвования¹. Несмотря на изменения в законодательстве, регулирующем деятельность некоммерческого сектора [Toepfer, Pape, Benevolenski, 2019: 50], общие правила и принципы этого регулирования находятся в русле европейского законодательства [Lopez-Arceiz, Bellostas, Moneva, 2020: 45]. В рамках зарубежных исследований принято обозначать, что некоммерческие и неправительственные организации занимают особую позицию в системе регулирования и подотчетности — будучи созданными инициативными группами, они не имеют акционеров или избирателей, которые могли бы контролировать деятельность менеджмента [Goodin, 2003: 364]. В подобной ситуации крайне важным становится доверие, которое возникает у заинтересованных лиц и гипотетических доноров к деятельности организации и ее менеджменту [Ven-Ner, Gui, 2003: 21]. Доверие формируется, исходя из предсказуемости и понимания сути деятельности организации, ответственности, которую берут на себя представители НКО за определенные действия. С этой точки зрения возникает большой пул исследований, направленных на изучение влияния открытости и подотчетности НКО на их устойчивость и эффективность оказания помощи, роли менеджмента в проведении политики открытости [Schatteman, 2013; Agyemang, O'Dwyer, Unerman, 2019].

Исследования прозрачности и подотчетности российского некоммерческого сектора в основном концентрируют свое внимание на определении уровня информационной открытости [Нежина, Гомбожапова, Павловская, 2016], бухгалтерских формах отчетности [Муханова, 2021], обязательных отчетах в рамках законодательства [Ларионов, 2021] и роли коллективных органов управления в мониторинге и раскрытии ключевых показателей деятельности [Малахов, Якобсон, 2021]. Общими выводами данных исследований является ограниченная распространенность практик подотчетности и прозрачности в среде НКО, значительный уровень дифференциации организаций по объему и качеству раскрываемой информации. При этом для большей части таких исследований характерна концентрация внимания на формальных и относительно четко фиксируемых параметрах подотчетности и открытости, которые не способны зафиксировать содержательную сторону раскрытия информации о деятельности организации, прояснить механизмы целесообразности ее донесения до конкретных социальных агентов. За рамками подобных исследований остается логика действий руководителей НКО при поддержке деятельности в конкретных социально-экономических и политических условиях, когда раскрытие информации может быть связано не только с определенными преимуществами, но и рисками.

Таким образом, объектом исследования настоящей статьи являются региональные СО НКО в России, предметом — взаимосвязь стратегий раскрытия инфор-

¹ Доступность ресурсов // Оценка внешней среды развития НКО. URL: <https://pulsngo.ru/sredanko22#rec515144258> (дата обращения: 20.10.2023).

мации с социальным капиталом СО НКО. Ключевой исследовательский вопрос настоящей статьи формулируется следующим образом: каким образом социальный капитал, которым располагают региональные СО НКО, влияет на существующую дифференциацию стратегий подотчетности организаций? Первый раздел статьи содержит обзор подходов к определению подотчетности и открытости в НКО, там же проясняется специфика влияния имеющегося социального капитала на реализуемые стратегии подотчетности организации. Во втором разделе содержится описание дизайна эмпирического исследования региональных СО НКО. В третьей части представлены основные результаты исследования стратегий подотчетности в региональных СО НКО, их взаимосвязи с располагаемым социальным капиталом организации. В заключении обобщаются полученные результаты, формулируются основные ограничения исследования и выделяются вопросы, которые могут внести вклад в развитие дискуссии о существующих стратегиях открытости и подотчетности в СО НКО в России.

Социальный капитал и прозрачность НКО: основные подходы к определению

Взаимосвязь уровня развития некоммерческого сектора и наличия определенного объема социального капитала исследовалась неоднократно, в том числе российскими исследователями [Скокова, Рыбникова, 2022: 74]. При этом роль социального капитала в становлении и развитии НКО в разных странах неодинакова [Onder, 2011: 78] и противоречива [Neelmani, 2017: 342]. В частности, в ряде случаев обозначается, что НКО могут не только способствовать развитию человеческого потенциала, но и ограничивать возможности по развитию социальной среды, аккумулируя ресурсы исключительно для внутренних нужд организации в интересах ограниченного круга лиц [Subedi, Farazmand, 2019: 881]. Общая логика теоретических построений сводится к тому, что на территориях с развитой системой социальных отношений и доверия различного рода некоммерческие партнерства и ассоциации возникают чаще. Они аккумулируют потенциал человеческого взаимодействия, обозначаясь через всю совокупность социальных связей (носящих сильный или слабый характер), в интересах конкретного сообщества или общего блага определенной территории [Putnam, Leonardi, 1993]. Нарботанный теоретический потенциал в рамках построений Р. Патнэма и Дж. С. Коулмана [King, 2004] позволяет представить НКО через совокупность социальных отношений, которые складываются внутри и снаружи организации с заинтересованными в ее деятельности агентами. Характер внутренних и внешних отношений обеспечивает обмен различными ресурсами и совершение конкретных совместных действий. Чаще всего выделяется бондинговый тип социального капитала, который отсылает к сильным социальным связям, и бриджинговый тип социального капитала, возникающий из возможности «наведения мостов» между различными акторами за счет слабых связей. Обмен ресурсами напрямую будет зависеть от складывающегося между агентами доверия, циркулирующей информации и закрепления определенных норм или ценностей взаимодействия [Coleman, 1991: 21]. Таким образом происходит накопление и использование социального капитала разного типа при осуществлении дея-

тельности НКО в рамках заявленной миссии или совместного интереса участвующих в ее деятельности агентов.

Несмотря на то, что существует общий консенсус необходимости формирования доверия к СО НКО через раскрытие информации о деятельности и подотчетности менеджмента организации, к настоящему времени не сформировалось общих представлений о характере и специфике информационной открытости и подотчетности. В своих работах А. Эбрахим выделяет четыре основных компонента подотчетности: прозрачность — сбор и обеспечение доступности информации о деятельности НКО; ответственность — обоснование действия и решений в ситуации принципиальной возможности подвергнуть их сомнению; соблюдение требований — нормативный компонент отчетности и обеспечения доступа мониторинга деятельности; правоприменительный — набор санкций, которые могут быть использованы в ситуации нормативных нарушений [Ebrahim, 2016: 103]. Указанные компоненты изоморфны возможным направлениям анализа социального капитала по Дж. С. Коулману [Coleman, 1991: 397]: прозрачность связывается с раскрытием и передачей информации; ответственность ведет к формированию доверия в ситуации ожиданий относительно обмена или совершения определенного действия; два последних компонента являются нормативными. Кроме того, А. Эбрахим уточняет, что подотчетность может иметь два основных измерения в организации: внешнее — как соблюдение предписанных стандартов поведения; внутреннее — система мотивации сотрудников, которые ощущают свою ответственность за действия или бездействия в интересах благополучателей.

Исходя из анализа нормативной логики, закрепленной на уровне законодательных актов и самостоятельно выработанных норм регулирования, А. Эбрахим производит попытку систематизации существующих режимов подотчетности в некоммерческом секторе [Ebrahim, 2009]. Он выделяет три основных идеальнотипических режима. Первый — принудительный — обращается в большей степени к руководителям некоммерческих структур, когда на законодательном уровне вменяется определенный объем раскрытия информации и ограничения деятельности с соответствующими санкциями при несоблюдении норм. Второй — профессиональный или технократический — обращается ко всем сотрудникам организации и менеджменту, связан с мониторингом результативности деятельности НКО по четко обозначенным критериям. Третий — адаптивный — обращается ко всем заинтересованным сторонам, связанным с деятельностью НКО, и предполагает концентрацию внимания на долгосрочной миссии и достижении общего блага, когда также могут быть выбраны измеряемые показатели, но важна и логика их достижения. А. Эбрахим подчеркивает, что режимы могут взаимодополнять друг друга и существовать одновременно, кроме того, с течением времени их значимость может изменяться как по социально-политическим, так и по юридическим основаниям.

Альтернативную модель анализа подотчетности предлагает Р. Гудин, базируясь на классическом разделении общества на три основных сектора: государственный, рыночно-коммерческий и негосударственный некоммерческий. Он говорит о подотчетности за счет создания иерархических систем контроля, которые распространены и реализуются прежде всего в государственном секторе,

за счет конкуренции или столкновения интересов и перспектив разных агентов на соответствующих рынках, что реализуется в рыночно-коммерческом секторе, а также за счет совместной работы в сети сложившихся отношений среди разделяющих единые нормы и стремления, что характерно для негосударственно-некоммерческого сектора [Goodin, 2003]. Сам Р. Гудин отмечает, что несмотря на то что конкретные режимы подотчетности в большей степени распространены в определенных секторах, они могут сочетаться в определенных объемах в рамках подотчетности НКО. При этом сетевой характер подотчетности в этих представлениях напрямую связан с особенностью реализации сетевых отношений и движения ресурсов в «третьем секторе», что обеспечивается аккумуляцией социального капитала. Выделение этого режима в дальнейшем позволит говорить о возможности формирования сетей саморегулирующихся НКО, которые на базе имеющихся ресурсов и компетенций способны осуществлять взаимный мониторинг своей деятельности в ситуации информационной открытости и прозрачности [Ebrahim, 2016: 119].

Множественность взаимодействий, которая в целях накопления различного рода капиталов нормативно характерна для СО НКО, приводит к формированию потребности в донесении информации до неопределенно широкого круга лиц. Часть исследователей пытаются систематизировать получателей информации и субъектов контроля за счет выделения определенной «направленности» отчетности. Так, могут быть выделены следующие субъекты мониторинга и контроля отчетности: сверху — государство, спонсоры и покровители; снизу — клиенты, благополучатели или их представители; внутри — сотрудники организации или менеджмент [Lindenberg, Bryant, 2001]. При этом ответственность может быть связана с самыми различными ресурсами, аккумулированными организациями в рамках осуществления деятельности, и тем социальным капиталом, который доступен НКО [Behn, 2001]. Все это значительно усложняет процесс реализации открытости организации и подотчетности, особенно в ситуации ограниченности ресурсов. Формируется проблема «множественной отчетности» [Korrell, 2005: 96] и бюрократизация процесса управления НКО, которые идут параллельно с процессом профессионализации организаций [Холявин, 2020: 463]. С этой точки зрения в рамках осуществления конкретной деятельности руководители СО НКО должны выбирать подходящий режим открытости организации с учетом необходимости формирования доверия среди ключевых социальных агентов, а также инструменты следования этому режиму, исходя из имеющихся знаний и ресурсов.

Роль имеющегося социального капитала в процессе выбора и следования подходящей стратегии подотчетности применительно к деятельности НКО исследована менее детально и подробно. В целом практика эмпирических исследований показывает, что разные организационные и социокультурные среды могут давать противоположные результаты интерпретации этой роли. Так, в ряде работ отмечается, что наличие большого объема социального капитала способствует снижению необходимости в широком раскрытии информации и формальной подотчетности организации (в виде бухгалтерской и финансовой отчетности) [de Villiers, La Torre, Botes, 2022: 4500]. Прежде всего это связано с механизмами формирования доверия и прямого доступа к деятельности организации, причем чем сильнее

распространены сильные связи за пределами и внутри организации, тем меньше потребность в подотчетности. Одновременно с этим фиксируется и другая тенденция: практика распространения подотчетности внутри организации приводит к накоплению бондингового капитала из-за лучшего понимания сути деятельности различных агентов [Moilanen, 2007: 780]. Кроме того, возрастание роли бриджингового типа социального капитала в организации положительно коррелирует с распространением подотчетности [Dewi, Manochin, Belal, 2019: 1138].

В серии эмпирических исследований [Chenhall, Hall, Smith, 2010: 741] установлено, что базовая открытость и высокая значимость бриджингового типа капитала может способствовать широкому распространению и обмену информацией о состоянии общей социальной среды, в которой функционируют СО НКО; наращиванию экспертизы организациями, работающими в одной области; усилению власти организаций, использующих информацию друг друга; формированию общих (социальных) ценностей за пределами организаций. К ограничениям распространения бриджингового типа социального капитала в ситуации политики максимальной открытости относятся: возрастание затрат на «наведение мостов» и нецелевое использование ресурсов; соперничество между организациями; возможные противостояния с крупными фондами-донорами и государством относительно используемых механизмов финансирования, распределения ресурсов, подотчетности и открытости [ibid.: 742].

В целом роль агентов, включенных в деятельность СО НКО, не одинакова в оказании их влияния на подотчетность. Так, значительный вес крупных фондов-доноров в системе отношений организаций приводит к распространению «навязанных» стандартов подотчетности, что, в свою очередь, может приводить к деградации собственной сети агентов, включенных в деятельность организации, затруднениям в накоплении социального капитала или даже его потере, несмотря на кажущуюся финансовую стабильность и открытость [Agyemang, O'Dwyer, Unerman, 2019: 2357]. Одновременно с этим осознание зависимости от единственных крупных агентов помощи способствует стимулированию менеджмента организации к большей ориентации на накопление собственного социального капитала различного типа. Это, в свою очередь, побуждает искать нетривиальные модели раскрытия информации и подотчетности, ориентированные на более широкий и разнообразный круг заинтересованных лиц [ibid.: 2365]. Отмечается, что внутренние ресурсы организации, которые связаны с накопленным социальным капиталом сотрудников и учредителей/попечителей, значительно влияют на распространение практик подотчетности и раскрытия информации, при этом доминирование формальных стратегий зачастую связывалось с недостатком социального капитала внутри [Chenhall, Hall, Smith, 2016: 627].

Важной составляющей в оценке роли социального капитала при следовании политике подотчетности, является история формирования организации. Как было показано на кейсе австралийских НКО (характеризующихся высоким уровнем участия в их деятельности государства), избирательность в предоставлении информации напрямую может быть связана с особенностями сложившегося культурного и социального капитала, когда СО НКО стремятся сохранить свою самобытность и уникальную внутреннюю среду при навязывании стандартных методик

фондами-донорами и контролирующими инстанциями. В этом случае адресность раскрытия информации является инструментом отбора доноров и партнеров, отвечающих внутренним ценностям и миссии организации [Chenhall, Hall, Smith, 2010: 751]. Соответственно, дифференциация стратегий подотчетности организаций служит защитным механизмом от чрезмерного вторжения контролирующих органов и избыточной профессионализации СО НКО, которая приводит к утрате не только идентичности организации, но и может сказываться на характере помощи благополучателям.

Таким образом, на материалах зарубежных эмпирических исследований можно констатировать, что роль социального капитала в распространении подотчетности и открытости среди СО НКО видоизменяется и трансформируется под влиянием условий окружающей среды организации и истории ее формирования. Опора на различные типы социального капитала относительно стадии развития организации способствует распространению разных стратегий подотчетности. Немаловажным фактором в выборе стратегии является и то, какие агенты доминируют в сети отношений организации при накоплении социального капитала определенного типа. В целом обозначается, что подотчетность связана не только с определенными преимуществами, но и с рисками функционирования организаций. Учитывая многочисленные законодательные и исторические особенности формирования некоммерческого сектора в России, возникает потребность в прояснении механизмов действия социального капитала при следовании определенной стратегии подотчетности.

Методология исследования

Эмпирические материалы для статьи были получены в процессе проведения серии полуструктурированных онлайн-интервью с руководителями СО НКО из 17 регионов России (за исключением Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области — данные регионы были исключены вследствие более высокого уровня развития некоммерческой сферы в целом [Скокова, Рыбникова, 2022]), которая проходила с 23 февраля 2022 г. по 2 февраля 2023 г. Информантам гарантировалась полная анонимность. Использовалась комбинированная стратегия отбора информантов: целевой отбор в сочетании с методом «снежного кома». Целевой отбор осуществлялся через отслеживание участников и победителей основных грантовых конкурсов (Фонд Потанина, Фонд Прохорова, Фонд Тимченко, Фонд Президентских грантов), а также рекомендации ресурсных центров и вузов регионов. В дальнейшем руководители СО НКО предоставляли контакты своих коллег или знаковых для них кейсов. В процессе отбора информантов обеспечивалось региональное разнообразие, представленность разных типов деятельности организаций. Всего в итоге было получено 29 интервью² продолжительностью от 42 до 125 минут (использовались аудио-, видеофиксация разговора с автоматическим транскрибированием и последующей коррекцией транскрипта с помощью программы MS Teams). География включала в себя все федеральные округа: всего 20 поселений из 17 регионов. В исследовании представлены

² Список информантов приводится в приложении.

руководители следующих организационно-правовых форм: автономные некоммерческие организации, общественные организации, фонды (при обязательном взаимодействии с конкретными благополучателями — физическими лицами и ведении социальных проектов), некоммерческое партнерство. Профиль социально ориентированных организаций включал в себя следующие виды деятельности: образование и сопровождение пожилых, поддержка бездомных, поддержка детей и взрослых с ОВЗ, поддержка сельских жителей, поддержка молодых людей и взрослых, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, поддержка и сопровождение сирот, в том числе семейное устройство, поддержка местных сообществ. Продолжительность существования организаций на момент проведения исследования составила от одного года до 30 лет. Большинство организаций работали преимущественно в границах своего региона, только три организации работали на несколько регионов одновременно, еще пять организаций были ассоциированы с крупными федеральными сетевыми структурами. Примерная штатная численность организаций варьировалась от одного до 40 человек³.

С учетом используемой теоретической рамки и необходимости отслеживания множества каналов раскрытия информации и обмена ресурсами представителям организаций задавались вопросы по целому набору тематических блоков: история создания организации, специфика работы сотрудников организации, взаимодействие с благополучателями (клиентами) организации, взаимодействие с донорами и регуляторами, существующая организационная отчетность, информационная открытость организации, планы по осуществлению деятельности. Более широкий контекст интервью позволяет отследить максимальное число возможных социальных связей, которые существуют в организации и за ее пределами, определить объем и тип социального капитала СО НКО, после чего произвести оценку характера взаимодействия и обмена информацией с заинтересованными агентами, а также базовой артикулируемой логики подотчетности, разделяемой руководителями. Анализ полученной информации строился следующим образом: в начале выделялись базовые модели формирования СО НКО с аккумуляцией определенного типа социального капитала, в дальнейшем обозначалась логика взаимодействия в организации с основными ее агентами, после чего представлялись основные стратегии подотчетности и раскрытия информации, используемые в СО НКО, обозначалась специфика использования этих стратегий с учетом истории формирования организации и располагаемого объема социального капитала. В конце анализировались те издержки и преимущества, которые связаны с той или иной стратегией подотчетности, реализуемой менеджментом.

Формирование социального капитала и вопросы подотчетности в СО НКО

Тематический анализ транскриптов интервью был начат с вопросов, связанных с историей формирования и развития организации. В центре внимания находились: ситуация создания СО НКО в качестве юридического лица, базовые проблемы или причины, побудившие к регистрации, участники этого процесса, их социальные и профессиональные характеристики, тот тип социального капитала,

³ Здесь и далее указывается официальная штатная численность организации, без волонтеров и временных сотрудников.

который доминировал в процессе создания СО НКО. Эти вопросы давали возможность учесть не только стартовый капитал конкретной организации, но и варианты развития организации с точки зрения его накопления. Необходимо уточнить, что не все информанты-руководители были включены в процесс создания организации, соответственно, не во всех случаях были получены исчерпывающие описания ситуаций. В целом на основе собранных данных можно выделить следующие модели создания СО НКО: бюджетная, государственно-бюрократическая, коммерческая, волонтерская или некоммерческая, «низовая инициатива». Каждая из этих моделей будет тяготеть к аккумуляции своего типа социального капитала.

К бюджетной модели отнесены СО НКО, создаваемые по инициативе или при участии бюджетных организаций или региональных автономных некоммерческих организаций, учредителями которых являются местные органы исполнительной власти. В этих случаях вышеуказанные агенты не были прямыми учредителями, не участвовали в финансировании, но указывали на необходимость возникновения нового СО НКО (или НКО), обеспечивали беспрепятственное прохождение всех этапов регистрации, участвовали в формировании первичного штата организации. В указанных случаях потребность создания новой структуры была связана с особенностью функционирования бюджетных или квазибюджетных учреждений, когда их сотрудники видели определенные социальные проблемы, решение которых не было возможно в рамках существующего юридического статуса организации:

Все было создано [...] инициативной группой и специалистами, это были врачи, психиатры, были психологи, различные специалисты. Тогда мы понимали, что очень часто, ну все практически работали в психиатрической больнице, я тоже работала в психиатрической больнице. Мы просто видели, что многие наши пациенты возвращаются в больницу не в результате своего психического заболевания, а в результате нерешенных социальных проблем. А тогда еще не было комплексных центров, да, в России, которые оказывали, ну, социальные услуги... (Инф. 1)

Модель предполагает, что организация будет использовать базовый социальный капитал, накопленный в этих учреждениях, усиливая его за счет более гибкой юридической формы. Социальный капитал состоял из достаточно крепких профессиональных связей с высоким уровнем доверия (доминировал бондинговый тип капитала).

Государственно-бюрократическая модель возникновения СО НКО связана с наличием прямой инициативы создания организации от законодательных или исполнительных органов власти регионов. Проблемное поле деятельности новой организации обозначалось через принятые вышестоящими органами политические решения. При этом инициатива не сопровождалась прямыми финансовыми вливаниями или вхождением в состав учредителей. Социально-политические интересы выражались в поиске активистов, которые примут общую инициативу и займутся оформлением СО НКО. В материалах интервью фигурируют два формата взаимодействия с иницилирующими органами власти: полное неучастие и участие посредством поиска минимальных необходимых ресурсов (помещений, людей, компетентных в юридическом оформлении деятельности, на-

правления за разъяснением по участию в государственных региональных и федеральных конкурсах). Эта модель предполагала создание СО НКО на основе слабых связей с незначительным объемом исходного социального капитала, с последующей потребностью у руководителя организации в расширении возможностей за счет личной сети контактов.

Партия «Единая Россия» меня, скажем, откомандировала в [название]⁴ детский дом вот именно с этой функцией. То есть вот в течение десяти лет я исполнял обязанности председателя Попечительского Совета детского дома [название]. Ну, и там, скажем, по долгу службу я уже общался с Уполномоченным по правам ребенка [имя]. В какое-то время вот это в восемнадцатом году попросили меня создать [название НКО] в городе [название города], так как увидели, скажем, потенциал... (Инф. 21)

Коммерческая модель возникновения СО НКО была представлена в массиве интервью лишь двумя вариантами. Она предполагает, что инициатива по созданию СО НКО исходила от существующей коммерческой организации или владельца крупного бизнеса. В обоих случаях базовые ресурсы исходной коммерческой организации становились основанием для построения СО НКО, задействовались как сильные, так и слабые связи. Часть сотрудников коммерческой организации переходила работать в СО НКО или совмещала работу в двух структурах, по крайней мере на ранних этапах существования организации. Но в одном случае доминировала полностью экономическая логика деятельности СО НКО, так как она создавалась для разъяснения и продвижения продукта/услуги исходного бизнеса в сочетании с минимальными социальными функциями. Во втором случае СО НКО создавалась для реализации инициативы из чистой филантропии.

...И в принципе в 2020 году было принято решение, что помимо коммерческой деятельности для того, чтобы реализовывать такие проекты [просветительские проекты], есть возможность, да, получать гранты департамента внутренней политики [название региона], президентские, ну и всевозможные вот моменты, которые поддерживают, да, вот некоммерческий сектор. (Инф. 17)

Волонтерская или некоммерческая модель предполагала создание СО НКО исходя из инициативы другой (СО) НКО или организованной волонтерской группы. Необходимо отметить, что в эту группу попали организации, которые не связаны прямой юридической аффилиацией с другими НКО. Чаще всего проблемное поле деятельности новой организации было смежным для инициаторов ее создания, но важным с точки зрения общей логики существования социальной сферы. При этом другая НКО или волонтерская группа обычно активно включались в процесс формирования организации, предоставляя все возможности по аккумуляции своего социального капитала в интересах вновь создаваемой организации (бюрократические вопросы оформления, поиск сотрудников, доноров, благополучателей). Как правило, участие происходило на уровне сильных и слабых внутренних

⁴ Здесь и далее таким образом обозначается информация, которая раскрывает анонимность информанта или организацию, которую он представляет.

и внешних связей организаций и групп с автоматической «передачей» практик организации работы и доверия к новой организации. Но как на этапе формирования, так и после его завершения, существовала определенная разграниченность непосредственно осуществляемой деятельности, без значительного привлечения к ней сотрудников сторонних организаций.

А если говорить конкретно о [название НКО], это было связано с работой с двумя детскими домами-интернатами, которые находятся в [название города], и с взрослением тех ребят, с которыми мы [волонтеры] поддерживали отношения, с которыми мы плотно очень общались. И в дальнейшем мы, в общем-то, не видели для них судьбу, которая институционально для них уготована, переход из детского дома интерната во взрослые интернатные учреждения. Так и появился проект, а потом и организация. (Инф. 13)

Последняя модель, выявленная на материалах интервью, предполагала создание СО НКО, исходя из инициативы отдельного человека или группы людей, которые непосредственно столкнулись с какой-то социальной проблемой или пережили определенную тяжелую ситуацию. Если инициатива исходила от одного конкретного человека, то организация создавалась с привлечением его ресурсов и задействованием собственного социального капитала всех типов. Если инициатива исходила от группы людей, то она опиралась прежде всего на их социальный капитал с доминированием сильных связей и компенсаторным характером использования слабых связей. В этом случае чаще всего организации сталкивались с кризисом доверия при своем создании и предпринимали дополнительные усилия для привлечения ресурсов на свою деятельность.

Мы изначально занимаемся только детками с онкологическими заболеваниями, потому что наш [название НКО], он создан неспроста, не просто так, я сама являюсь мамой онкобольного ребенка, мы когда-то тоже лечились от онкологии, и, когда мы выписались, выздоровели, мы продолжали неофициально помогать, а потом вот зарегистрировали организацию. (Инф. 8)

Только часть организаций, попавших в исследование, закончили этап своего формирования с точки зрения внутренней организационной структуры, штатов и оформления миссии. С этой точки зрения невозможно четко зафиксировать модели внутреннего устройства СО НКО. Можно лишь обобщить возможные относительно устойчивые взаимосвязи. Четкая организационная структура СО НКО с зафиксированными правилами внутренней организации и системой внутренних отчетов характерна для длительно существующих организаций (при этом сами руководители уточняют, что эти правила могут трансформироваться под требования времени). В материалах интервью четкую структуру можно обнаружить среди СО НКО, созданных по инициативе государственных органов, при волонтерском или некоммерческом участии, низовой инициативе. Организации, существующие менее десяти лет, не демонстрируют четкой внутренней структуры или правил деятельности, за исключением случаев, когда создание организации было инициировано другой НКО с передачей практики деятельности и на-

копленного опыта. Анализируя ответы руководителей, можно констатировать, что на настоящий момент все организации имели слаженное ядро сотрудников. В рамках этого ядра руководителями артикулируются отношения поддержки, доверия, взаимозаменяемости и помощи, свободное циркулирование информации о деятельности учреждения (в том числе связанной с ошибками или недоработками), но не всегда такого рода отношения маркировались как абсолютная ценность. Соответственно, можно констатировать, что в организациях доминировал бондинговый тип капитала с высоким уровнем прозрачности деятельности, но не обязательной ее формализацией. Внутренние практики подотчетности были распространены в организациях, возникших по инициативе НКО или существовавших более десяти лет.

Дальнейший анализ будет связан с рассмотрением двух ключевых типов агентов, включенных в деятельность организации, и значительно влияющих, по мнению руководителей СО НКО, на практики раскрытия информации. Способы работы и взаимодействия с благополучателями в материалах интервью могут быть выделены достаточно четким образом. Привлечение и поиск благополучателей строится следующим образом: с опорой на существующую государственную или около государственную систему социального обеспечения; в рамках существующих вне учреждений сетей взаимопомощи и поддержки; прямой поиск в местах локализации людей, нуждающихся в помощи; широкое привлечение за счет социальной рекламы. Так как речь идет о СО НКО, зачастую благополучатели являются крайне уязвимыми и социально незащищенными группами, из-за чего формируются отношения сильной зависимости от организации или ее сотрудников. Подобные отношения могут как осознаться в качестве проблематичных (артикулируются руководителями крупных организаций или руководителями со специальным профессиональным образованием психолога), так и выделяться в качестве особенности и достоинства СО НКО:

В целом у нас очень хорошая атмосфера, доброжелательная [...] дети привыкают к педагогам, да и они тоже, иногда такая привязанность. Это да, влияет хорошо на процесс, но могут быть и проблемы потом, у нас был случай с мальчиком [имя]... с уходом педагога все стало очень плохо. (Инф. 22)

Важным моментом организации помощи является уровень участия благополучателей в деятельности организации и стабильность формирующихся с ней связей. Организации можно разделить на две группы: придерживающиеся стратегии разового или ограниченного на определенный срок взаимодействия и стремящиеся налаживать более длительный и устойчивый контакт (даже если человек перестает быть непосредственным благополучателем). Кроме того, на это деление может накладываться стремление к вовлечению благополучателей и их окружения в осуществление помощи. В тех случаях, когда формируются длительные и устойчивые связи, обеспечивающие социальный капитал организации, руководители четко артикулировали необходимость раскрытия информации о специфике оказания помощи и донесения отчетной информации до благополучателей:

У нас есть родительский клуб, где родители приходят, и, безусловно, конечно, это одна из наших, наверное, групп, которая помогает нам работать. [...] мы стараемся им объяснить [деятельность], почему это происходит так. (Инф. 3)

Это позволяло более активно привлекать социальный капитал благополучателей к деятельности учреждения, формировать сильный уровень доверия не только относительно клиентов, но и за пределами организации. Одновременно необходимо отметить, что отсутствие вовлечения и постоянного взаимодействия напрямую не связано с отсутствием потребности в раскрытии информации, но в этом случае руководители стремились к более формальному и общему раскрытию информации.

В целом отношения с донорами подлежат более четкой системе классификации. Донорами в массиве интервью выступали частные лица, представители бизнеса и крупных бизнес-структур, региональные и муниципальные власти за счет распределения целевых субсидий и проведения специализированных конкурсов, специализированные региональные и федеральные фонды. Взаимодействия могут носить предельно формализованный и обезличенный характер, когда сложно говорить о доверии, скорее, отношения выстраиваются за счет стандартных (конкурсных) форм раскрытия интересующей информации или отчетности. Представителями некоторых СО НКО такая отчетность обозначалась в качестве навязанной и неинформативной. При этом, вне зависимости от объема и значимости поступающих ресурсов, коммуникация с конкретными представителями доноров будет слабой. Кроме того, формализованные и институциональные каналы могут дополняться более содержательной личной коммуникацией с представителями доноров и формирования бондингового типа капитала организации. Тогда коммуникация склонна выстраиваться с ориентацией на конкретных представителей доноров или частных лиц, а в материалах интервью фигурирует важность не только формальной отчетности, но и донесение информации относительно ожиданий, содержания и результатов деятельности. Для части СО НКО характерно обозначение исключительно личного тесного контакта с донорами, в массиве интервью это было связано с организациями, которые возникли в результате «низовой инициативы» или были связаны с филантропической ориентацией конкретных представителей бизнеса. В этих ситуациях обозначалась высокая потребность доноров в информировании и отчете о результатах деятельности, могли происходить вмешательства в работу СО НКО.

Если произвести комплексный анализ существующих режимов подотчетности, которые были обозначены руководителями СО НКО, можно выделить три реализуемых стратегии: формальная подотчетность, адресная подотчетность, расширенная стратегия подотчетности. Все три стратегии могут комбинироваться друг с другом или встречаться в чистом виде в одном СО НКО. Полученная модель в целом изоморфна стратегиям, выделенным в анализе зарубежного опыта А. Эбрахимом. Так, формальная стратегия подотчетности отсылает к публикации юридически обязательных отчетов и документов, а также к раскрытию общей обязательной информации о деятельности СО НКО. В целом этой стратегии придерживались все руководители, принявшие участие в исследовании. Наряду с пониманием необходимости раскрытия этой информации руководителями СО НКО обозначались и ее

полная бессмысленность и бессодержательность, отсутствие адресности и «неинтерпретируемость» с точки зрения содержания деятельности.

В принципе как бы, ну есть и есть [требования к отчетности]. И хорошо, наверное. Да, понятно, что там куча есть всякая, там бюрократическая история и там всяких отчетиков [...]. Но что это говорит о нас? Какой в этом смысл? (Инф. 1)

Исключительно эту стратегию подотчетности в материалах интервью использовали СО НКО, которые были созданы менее пяти лет назад, организации, связанные в момент своего становления с бюджетными, государственно-бюрократическими или коммерческими структурами. Для таких организаций характерна опора на бондинговый тип капитала внутри и снаружи организации, очень слабое распространение бриджингового типа социального капитала, его постоянная конвертация в бондинговый тип.

Стратегия адресной подотчетности напрямую связана с освещением деятельности СО НКО и донесением этой информации до значимых агентов социального окружения. Как правило, руководители выстраивали иерархии этих заинтересованных лиц с учетом степени их влияния на организацию. В этом случае формализованные отчеты дополнялись содержательными показателями и разъяснением основных причин осуществления той или иной деятельности. Такие отчеты могут быть адресованы не только основным фондам-донорам, но и крупным организациям региона из социальной сферы, органам государственной власти, экспертному сообществу, наиболее вовлеченным в деятельность организации частным лицам, благополучателям и волонтерам. Эта практика подотчетности тяготеет к адаптивной модели А. Эбрахима, но может предполагать и внутриорганизационное измерение, когда сотрудники СО НКО в момент создания отчетов осуществляют рефлексию относительно состояния организации:

У нас очень большой опыт выкладывания годовых отчетов, когда их еще никто и не знал, не думал, я всегда находила деньги, средства, возможность напечатать, собрать, подсобрать, выложить, познакомить людей [...] ты вот уже много лет работаешь, это же архив твоей деятельности. [...] И плюс... мы настолько, как бы... ну, видимо, это любовь моя передается и сотрудникам, это же еще и анализ своей деятельности. (Инф. 26)

Такую практику подотчетности использовали организации, которые существуют более пяти лет, ассоциированные с бюджетными организациями, другими СО НКО или волонтерскими группами, «низовой инициативой» в момент своего создания. При реализации этой стратегии могли использоваться самые различные каналы донесения информации: от личных встреч и адресных презентаций до публикации материалов на собственных информационных площадках или площадках партнеров. В целом для организаций характерна ведущая роль бондингового типа социального капитала с побочным использованием бриджингового типа.

Расширенная стратегия подотчетности предполагала целенаправленное донесение информации разного типа и содержания до неопределенного круга лиц. По сути, она включает в себя предыдущие две стратегии подотчетности, дополнен-

ные работой по обозначению социальной важности и значимости ключевых для СО НКО проблем. В этом случае происходит разъяснение основных механизмов осуществления деятельности и аккумуляции различных ресурсов организацией.

Для нас это очень важно, это наша ценность, в общем, очень, ну, много времени, сил этому уделяем, то есть все наши отчеты. Там годовые отчеты, финансовые, программные, всякие исследования там. Все мы, в общем, внутреннюю кухню свою раскрываем в соцсетях и СМИ. Ну, в общем, это важная часть нашей работы. (Инф. 5)

Адресатами отчетности и более широких информационных кампаний являются все жители тех или иных регионов, которые могут гипотетически столкнуться со значимой социальной проблемой или помочь в ее разрешении. Именно эта стратегия представлена максимальным стремлением к полной открытости организации. При этом сами руководители обозначают, что полная открытость скорее является недостижимым идеалом, а результаты такой деятельности не всегда очевидны:

Вот поэтому открытость, да, прозрачность да, коммуникабельность, коммуницировать надо с благополучателями обязательно, мы к этому стремимся. Я, опять же, повторюсь, мы не идеальная [организация] на 100%. Но идеальными быть невозможно. (Инф. 14)

В массиве интервью расширенные стратегии использовали исключительно организации, которые были в момент своего создания ассоциированы с другими (СО) НКО или низовой инициативой. В этом случае становились важными и значимыми массовые каналы распространения информации, в том числе ориентированные на классические СМИ. Значение бриджингового и бондингового типов социального капитала одинаково или наблюдается незначительное доминирование бриджингового типа.

Каждая из вышеуказанных практик сталкивается со своими барьерами и преимуществами в реализации. Представителями СО НКО, которые придерживаются преимущественно формализованной практики подотчетности, артикулируются следующие барьеры в расширении открытости и подотчетности организации: ограниченность ресурсов организации, недостаточные базовые компетенции сотрудников, необходимость отвлечения сотрудников от основной деятельности, неустойчивость российского законодательства, технологические проблемы, низкий уровень эффективности и отдачи от информационной открытости и подотчетности. Адресная практика подотчетности чаще всего сталкивается со следующими ограничениями в своей реализации: спецификой деятельности организации, в том числе возможностью раскрытия персональной или чувствительной информации; неустойчивостью российского законодательства, в том числе регулирующего информационную среду и работу с информационными площадками и рекламой; низким уровнем компетенций адресатов отчетности; формальным характером отношения к стандартным формам отчетности; незначительной информативностью стандартных форм отчетности. Расширенная стратегия может сталкиваться со следующими ограничениями: нежеланием брать на себя публичные обязательства,

непрофессиональной деятельностью других СО НКО, низким качеством обучения медиаспециальностям, нестабильностью российского законодательства, регулирующего деятельность СМИ и информационных площадок, технологическими проблемами, конкуренцией за аудиторию как с другими СО НКО, так и коммерческими форматами развлечения. В целом руководители СО НКО, которые придерживаются не исключительно формальной стратегии подотчетности, обозначили следующие преимущества реализации политики открытости: расширение возможностей по привлечению ресурсов и дифференциация сети поддержки организации, увеличение скорости реакции на социальные вызовы, облегченный доступ к кадровым и волонтерским ресурсам, формирование позиции «экспертов» в профессиональной и бюрократической среде. Все эти преимущества напрямую связаны с общим наращиванием объема социального капитала организации разного типа.

Заключение

В целом по результатам исследования подтверждается значительный уровень дифференциации стратегий подотчетности и способов раскрытия информации, которых придерживаются руководители СО НКО. Этот уровень дифференциации проистекает из особенностей формирования организации и той агентской сети отношений, которая складывается вокруг и внутри организации. Используемые стратегии подотчетности российских региональных СО НКО в целом схожи с выделяемыми зарубежными исследователями стратегиями. Широкое распространение формальной отчетности связано с тем, что деятельность молодых и не крупных региональных СО НКО опирается преимущественно на бондинговый тип социального капитала с высоким уровнем доверия или только формирующиеся сети социального взаимодействия. С этой точки зрения руководители СО НКО видят смысл во вложениях в открытость и подотчетность только в ситуации наличия кризиса доверия или неразвитости социального капитала организации. Поиск новых социальных связей и процесс наращивания социального капитала приводит к расширению требований, предъявляемых со стороны гипотетических доноров и благополучателей, может стимулировать переход к политике большей открытости.

Но даже в тех случаях, когда основные получаемые ресурсы организации диверсифицируются и выходят за пределы закрытых сетей, руководители СО НКО не склонны прибегать к формированию широкой политики открытости, предпочитая ограничиваться адресным донесением информации до ключевых социальных групп. В этой ситуации широкая информационная открытость может быть связана с отвлечением ресурсов от основной деятельности организации, формированием избыточного внимания и ожиданий со стороны нецелевых групп социальных агентов, возрастанием рисков не оправдать или нарушить накопленное доверие. Лишь постепенное развитие слабых связей СО НКО или накопление бриджингового социального капитала может стимулировать переход к расширенной стратегии подотчетности и открытости.

Осознание значимости информационной открытости и подотчетности возникает в ситуации высокого уровня дифференциации источников получаемых ресурсов и необходимости грамотного управления существующим социальным капиталом СО НКО. В этих случаях для организации возрастает роль слабых связей,

а сильные связи подлежат развитию и расширению. С этой точки зрения руководители СО НКО сталкиваются с необходимостью осуществления профессионального менеджмента массовых коммуникаций и подотчетности. Такого рода изменения приводят к общему возрастанию бюрократической нагрузки, дальнейшей профессионализации деятельности СО НКО, но одновременно с этим развивают социальную сферу за счет обозначения значимости участия в ней людей, проживающих на конкретной территории.

Необходимо отметить, что полученные результаты связаны с рядом ограничений. Анализируемая информация получена в результате интервью с руководителями относительно успешных региональных СО НКО. С одной стороны это дает возможность понять базовую логику функционирования организаций, осуществляющих реальную деятельность, с другой стороны приводит к недостаточности информации об организациях, которые прекратили свое существование по различным причинам. Значимым ограничением является то, что руководители СО НКО не всегда могли четко изложить те или иные особенности функционирования организации и взаимодействия с различными акторами (особенно в крупных организациях). Необходимо отметить, что менеджмент также не всегда заинтересован, несмотря на гарантию полной анонимности, в раскрытии чувствительной для деятельности СО НКО информации, в том числе касающейся политики открытости. Это происходит как из-за общего декларирования необходимости следования политике подотчетности и открытости, так и из-за специфической социально-политической ситуации, сложившейся в том или ином регионе России.

Отдельного обсуждения требует ряд воспроизводимых взаимосвязей между ключевыми свойствами организаций и приверженностью политике информационной открытости и подотчетности, что нуждается в проверке по результатам количественных исследований. Важным является то, что для части характеристик СО НКО и общего уровня развития корпоративной культуры (включая ценность прозрачности и подотчетности) можно дать объяснения не только с помощью распространения того или иного типа социального капитала, но и через историю становления и формирования организации, ее взаимосвязь с базовыми институтами, обозначившими необходимость появления новой организационной структуры. С этой точки зрения интересен вклад каждого элемента в общую дифференциацию стратегий подотчетности, которая существует в региональных СО НКО.

Список литературы (References)

Ларионов А. В. Функции государственных реестров НКО в развитии третьего сектора: Российский опыт // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 4. С. 90—113. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2021-0-4-90-113>.
Larionov A. V. (2021) Functions of State Registries of NPOS in the Development of the Third Sector: Russian Experience. *Public Administration Issues*. No. 4. P. 90—113. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2021-0-4-90-113>. (In Russ.)

Малахов Д. И., Якобсон Л. И. Корпоративное управление и информационная открытость в российских НКО // Прикладная эконометрика. 2021. Т. 62. С. 101—124. <https://doi.org/10.22394/1993-7601-2021-62-101-124>.

Malakhov D. I., Yakobson L. I. (2021) Corporate Governance and Information Openness in Russian NGOs. *Applied Econometrics*. Vol. 62. P. 101—124. <https://doi.org/10.22394/1993-7601-2021-62-101-124>. (In Russ.)

Муханова И. Н. Негосударственные некоммерческие организации: трактовка и классификация в контексте подотчетности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2021. № 3. С. 148—153. URL: https://unecon.ru/wp-content/uploads/2022/08/izvestiya_no_3-2021.pdf (дата обращения: 20.10.2023).

Mukhanova I. N. (2021) Non-Governmental Non-for-Profit Organizations: Interpretation and Classification in The Context of Accountability. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. No. 3. P. 148—153. URL: https://unecon.ru/wp-content/uploads/2022/08/izvestiya_no_3-2021.pdf (accessed: 20.10.2023). (In Russ.)

Нежина Т. Г., Гомбожапова Б. С., Павловская С. В. Методы оценки открытости и прозрачности социально ориентированных некоммерческих организаций в России // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2016. № 4. С. 13—42.

Nezhina T. G., Gombozhapova B. S., Pavlova S. V. (2016) Methods of the Evaluation of Openness and Transparency in Socially Oriented Noncommercial Organizations in Russia. *Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration*. No. 4. P. 13—42. (In Russ.)

Скокова Ю. А., Рыбникова М. А. Размер некоммерческого сектора в регионах России: факторы различий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25. № 1. С. 70—102. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.3>.

Skokova Y. A., Rybnikova M. A. (2022) The Size of Nonprofit Sector in Russian Regions: Differentiating Factors. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 25. No. 1. P. 70—102 <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.3>. (In Russ.)

Старшинова А. В., Бородкина О. И. Деятельность НКО в сфере социальных услуг: общественные ожидания и региональные практики // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18. № 3. С. 411—428. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-3-411-428>.

Starshinova A., Borodkina O. (2020). NGOs' Activities in Social Services: Public Expectations and Regional Practices. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 18. No. 3. P. 411—428. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-3-411-428>. (In Russ.)

Филиппова А. В. Финансовая поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в регионах России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 2. С. 61—86. URL: <https://vgmu.hse.ru/2021-2/477075086.html> (дата обращения: 20.10.2023).

Philippova A. (2021). Financial Support for Socially Oriented Nonprofit Organizations in Russian Regions. *Public Administration Issues*. No. 2. P. 61—86. URL: <https://vgmu.hse.ru/2021-2/477075086.html> (accessed: 20.10.2023). (In Russ.)

Холявин А. (2020). «Пирожки для бабушки»: критический взгляд на проектное мышление НКО // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18. № 3. С. 461—474. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-3-461-474>.

- Holvins A. (2020). Little Red Riding Hood and a Critique of 'Project Thinking' among NGOs. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 18. No. 3. P. 461—474. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-3-461-474>. (In Russ.)
- Agyemang G., O'Dwyer, B., Unerman J. (2019) NGO Accountability: Retrospective and Prospective Academic Contributions. *Accounting, Auditing & Accountability Journal*. Vol. 32. No. 8. P. 2353—2366. <https://doi.org/10.1108/AAAJ-06-2018-3507>.
- Behn R. D. (2001) Rethinking Democratic Accountability. Washington, DC: Brookings Institution Press.
- Ben-Ner A., Gui B. (2003) The Theory of Nonprofit Organization Revisited. In: Anheier H. K., Ben-Ner A. (eds) *The Study of the Nonprofit Enterprise. Nonprofit and Civil Society Studies (An International Multidisciplinary Series)*. Boston, MA: Springer. P. 3—26. https://doi.org/10.1007/978-1-4615-0131-2_1.
- Chenhall R. H., Hall M., Smith D. (2010) Social Capital and Management Control Systems: A Study of a Non-Government Organization. *Accounting, Organizations and Society*. Vol. 35. No. 8. P. 737—756. <https://doi.org/10.1016/j.aos.2010.09.006>.
- Chenhall R. H., Hall M., Smith D. (2016) Managing Identity Conflicts in Organizations: A Case Study of One Welfare Nonprofit Organization. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. Vol. 45. No. 4. P. 669—687. <https://doi.org/10.1177/0899764015597785>.
- Coleman, J. S. (1990) Foundations of Social Theory. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- De Villiers C., La Torre M., Botes V. (2022) Accounting and Social Capital: A Review and Reflections on Future Research Opportunities. *Accounting & Finance*. Vol. 62. No. 4. P. 4485—4521. <https://doi.org/10.1111/acfi.12948>.
- Dewi M. K., Manochin M., Belal A. (2019) Marching with the Volunteers: Their Role and Impact on Beneficiary Accountability in an Indonesian NGO. *Accounting, Auditing & Accountability Journal*. Vol. 32. No. 4. P. 1117—1145. <https://doi.org/10.1108/AAAJ-10-2016-2727>.
- Ebrahim A. (2009) Placing the Normative Logics of Accountability in “Thick” Perspective. *American Behavioral Scientist*. Vol. 52. No. 6. P. 885—904. <https://doi.org/10.1177/0002764208327664>.
- Ebrahim A. (2016) The Many Faces of Nonprofit Accountability. In: Renz D. O., Herman R. D. (eds.) *The Jossey-Bass Handbook of Nonprofit Leadership and Management*. Wiley. P. 102—123. <https://doi.org/10.1002/9781119176558.ch4>.
- Lopez-Arceiz F.J., Bellostas A. J., Moneva J. M. (2020) Accounting Standards for European Non-profits. Reasons and Barriers for a Harmonisation Process. *Accounting in Europe*. Vol. 18. No. 1. <https://doi.org/10.1080/17449480.2020.1795215>.
- Goodin R. E. (2003) Democratic Accountability: The Distinctiveness of the Third Sector. *European Journal of Sociology*. Vol. 44. No. 3. P. 359—396. <https://doi.org/10.1017/s0003975603001322>.

- King N. K. (2004) Social Capital and Nonprofit Leaders. *Nonprofit Management & Leadership*. Vol. 14. No. 4. P. 471—486. <https://doi.org/10.1002/nml.48>.
- Koppell J.G.S. (2005) Pathologies of Accountability: ICANN and the Challenge of “Multiple Accountabilities Disorder”. *Public Administration Review*. Vol. 6. No. 1. P. 94—108. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2005.00434.x>.
- Lindenberg M., Bryant C. (2001) *Going Global: Transforming Relief and Development NGOs*. Bloomfield, CT: Kumarian Press.
- Moilanen S. (2007) Knowledge Translation in Management Accounting and Control: A Case Study of a Multinational Firm in Transitional Economies. *European Accounting Review*. Vol. 16. No. 4. P. 757—789. <https://doi.org/10.1080/09638180701706955>.
- Neelmani J. (2017) Role of Non-Governmental Organization (NGO) in Social Capital: A Review. *Asian Journal of Research in Social Sciences and Humanities*. Vol. 7. No. 6. P. 341—351. <https://doi.org/10.5958/2249-7315.2017.00354.9>.
- Onder M. (2011) A Preliminary Cross-National Test of Competing Theories of Nonprofits: Does Culture Matter? *International Review of Public Administration*. No. Vol. 16. No. 1. P. 71—90. <https://doi.org/10.1080/12264431.2011.10805186>.
- Putnam R. D., Leonardi R. (1993) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Schatteman A. (2013) Nonprofit Accountability: To Whom and for What? An Introduction to the Special Issue. *International Review of Public Administration*. Vol. 18 No. 3. P. 1—6. <https://doi.org/10.1080/12294659.2013.10805260>.
- Subedi M., Farazmand A. (2019) Membership Organization’s Social Capital and the Impact on Nonprofit Sector Management. *International Journal of Public Administration*. Vol. 42. No. 10. P. 880—892. <https://doi.org/10.1080/01900692.2019.1599313>.
- Toepler S., Pape U., Benevolenski V. (2019) Subnational Variations in Government-Nonprofit Relations: A Comparative Analysis of Regional Differences within Russia. *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*. Vol. 22. No. 1. P. 47—65. <https://doi.org/10.1080/13876988.2019.1584446>.

Приложение. Список информантов

Номер	Позиция в организации	Округ	Штат	Профиль	Продолжительность работы
1	Руководитель	СЗФО	до 5 чел.	образование, спорт	5—10 лет
2	Координатор проектов	ПФО	10—20 чел.	поддержка людей в трудной жизненной ситуации	до 5 лет
3	Руководитель	СЗФО	до 5 чел.	работа с людьми с инвалидностью	более 20 лет
4	Руководитель	ПФО	5—10 чел.	работа с селом, креативные индустрии	более 20 лет
5	Руководитель	ПФО	более 20 чел.	работа с молодежью	более 20 лет
6	Руководитель проектов	СФО	до 5 чел.	работа с людьми с инвалидностью	10—20 лет
7	Руководитель	ЮФО	10—20 чел.	реабилитация детей	до 5 лет
8	Руководитель	ПФО	до 5 чел.	помощь больным детям	5—10 лет
9	Руководитель	ПФО	10—20 чел.	помощь больным детям	10—20 лет
10	Руководитель	ПФО	до 5 чел.	национальное объединение, работа с селом	более 20 лет
11	Руководитель	ПФО	10—20 чел.	поддержка людей в трудной жизненной ситуации	до 5 лет
12	Руководитель	ПФО	5—10 чел.	поддержка местных сообществ и инициатив	более 20 лет
13	Руководитель	ПФО	более 20 чел.	работа с людьми с инвалидностью	5—10 лет
14	Руководитель	ПФО	5—10 чел.	поддержка местных инициатив, помощь больным детям	до 5 лет
15	Руководитель	ЦФО	10—20 чел.	помощь больным детям	5—10 лет
16	Руководитель	СЗФО	10—20 чел.	работа с людьми с инвалидностью	более 20 лет
17	Руководитель	ДФО	до 5 чел.	поддержка людей в трудной жизненной ситуации	до 5 лет
18	Руководитель	ПФО	5—10 чел.	помощь больным детям	5—10 лет
19	Руководитель	СФО	10—20 чел.	поддержка людей в трудной жизненной ситуации	до 5 лет
20	Руководитель	СКФО	до 5 чел.	поддержка людей в трудной жизненной ситуации	5—10 лет
21	Руководитель	СФО	до 5 чел.	поддержка людей в трудной жизненной ситуации	5—10 лет
22	Руководитель	СКФО	более 20 чел.	помощь больным детям	5—10 лет
23	Руководитель направления	СКФО	10—20 чел.	помощь больным детям	до 5 лет
24	Руководитель	ДФО	10—20 чел.	поддержка людей в трудной жизненной ситуации	5—10 лет

Номер	Позиция в организации	Округ	Штат	Профиль	Продолжительность работы
25	Руководитель	УФО	5—10 чел.	поддержка людей в трудной жизненной ситуации	10—20 лет
26	Руководитель	УФО	10—20 чел.	поддержка людей в трудной жизненной ситуации	более 20 лет
27	Руководитель	ЦФО	до 5 чел.	работа с людьми с инвалидностью	более 20 лет
28	Руководитель	ЦФО	до 5 чел.	помощь больным детям	10—20 лет
29	Руководитель	ЦФО	5—10 чел.	работа с пожилыми	10—20 лет

DOI: [10.14515/monitoring.2023.5.2418](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2418)

Ж. В. Чернова

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКСПЕРТНЫХ ИНТЕРВЬЮ:
ПОДХОДЫ, ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ**

Правильная ссылка на статью:

Чернова Ж. В. Методологические аспекты экспертных интервью: подходы, возможности и ограничения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5. С. 74—90. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2418>.

For citation:

Chernova Z. V. (2023) Methodological Aspects of Expert Interviews: Approaches, Opportunities, and Limitations. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 74–90. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2418>. (In Russ.)

Получено: 20.04.2023. Принято к публикации: 10.10.2023.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКСПЕРТНЫХ ИНТЕРВЬЮ: ПОДХОДЫ, ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

ЧЕРНОВА Жанна Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Европейский Университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия; ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: chernova30@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3416-5287>

Аннотация. Статья посвящена методологическим особенностям экспертных интервью как самостоятельного метода качественных исследований. Ее цель — привлечь внимание к специфике использования данного инструмента сбора эмпирических данных в социальных исследованиях. Популярность этого исследовательского метода, особенно при проведении прикладных исследований, связана с его универсальностью, позволяющей получить доступ как к «объективным» фактам, так и к некодифицированному знанию, индивидуальному мнению и опыту информанта. Автор статьи обсуждает методологические вопросы, касающиеся интервьюирования экспертов в административном контексте. Такой формат организации и проведения интервью с экспертами по должности в ситуации высокой организационной подотчетности накладывает определенные особенности как на саму процедуру использования метода, так и на последующую аналитическую работу исследователя.

В начале статьи вводится понятие экспертного интервью, его отличий от элитного и ординарного. Далее представлены сложившиеся подходы к типизации

METHODOLOGICAL ASPECTS OF EXPERT INTERVIEWS: APPROACHES, OPPORTUNITIES, AND LIMITATIONS

Zhanna V. CHERNOVA^{1,2} — Dr. Sci. (Soc.), Professor; Leading Researcher
E-MAIL: chernova30@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3416-5287>

¹ European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia

² Sociological Institute of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia

Abstract. The article focuses on the methodological features of expert interviews, which are considered as a substantive method of qualitative research. Its purpose is to draw attention to the specifics of using this tool for collecting empirical data in social research. The popularity of this research method, especially when conducting applied research, is associated with its versatility in providing access to both ‘objective’ facts and uncodified knowledge, as well as the informant’s individual opinion and experience. The author of this article discusses methodological issues related to interviewing experts in an administrative context. This format of organizing and conducting interviews with experts ex officio in a situation of high organizational accountability imposes certain features both on the very procedure of using the method and on the subsequent analytical work of the researcher.

The article introduces the concept of an expert interview and draws its differences from elite and ordinary interviews. Then the author presents established approaches to categorizing expert interviews (exploratory, interpretative, systematic, and problem-oriented) based on the

экспертного интервью (исследовательское, интерпретативное, систематическое и проблемно-ориентированное) на основе получаемого типа экспертного знания (техническое, процессное и интерпретативное). Затем показаны возможности применения экспертных интервью на разных этапах исследовательского цикла. Особое внимание уделено трем характерным трудностям, с которыми исследователь сталкивается в ходе подготовки и проведения интервью с экспертом (особенности взаимодействия между интервьюером и информантом, которые необходимо учитывать при разработке исследовательского дизайна). В заключении суммируются преимущества и ограничения этого метода сбора эмпирических данных.

Ключевые слова: эксперт, экспертное интервью, типы экспертных интервью, методология качественного исследования

type of expert knowledge acquired (technical, process, and interpretive). Following that, the author demonstrates how expert interviews can be used at various stages of the research cycle. Particular attention is paid to three characteristic difficulties that a researcher encounters during the preparation and conduct of an interview with an expert (i.e., features of interaction between the interviewer and the informant that should be taken into account when developing a research design). The conclusion summarizes the advantages and limitations of this method of collecting empirical data.

Keywords: expert, expert interview, types of expert interview, qualitative research methodology

Экспертное интервью как метод качественного эмпирического исследования, предназначенный для изучения экспертных знаний, получило значительное развитие с начала 1990-х годов. Обсуждение методологических особенностей такого типа интервью сохраняет свою актуальность, поскольку до сих пор не преодолен разрыв между широкой практикой использования этого метода и его недостаточной проработанностью в специализированной литературе [Bogner, Menz, 2009: 43]. Экспертное интервью — один из наиболее распространенных методов получения знаний о проблеме, используемый в социальных науках и прикладных исследованиях, в том числе при изучении разработки, реализации и оценке программ и политик. Такие интервью могут использоваться как автономно, так и в сочетании с другими методами сбора эмпирических данных (анкетный опрос, фокус-группа, анализ документов).

Популярность экспертных интервью обусловлена их универсальностью (релевантны практически любой исследовательской тематике) и экономичностью (требуют меньше усилий от исследователя, нежели самостоятельное изучение интересующей предметной области¹), поскольку позволяют получить информацию

¹ Как будет показано дальше, такое представление обманчиво и не соответствует методологическим требованиям к подготовке и проведению экспертного интервью.

о позициях и знании — в том числе некодифицированном — различных акторов. К основным объектам экспертных интервью относятся представители академического сообщества (эксперты знания), а также внутренние и внешние стейкхолдеры (эксперты по должности). Например, сотрудники организации, участвующие в реализации конкретного проекта или программы, или же чиновники государственных органов, курирующие определенное направление деятельности и оценивающие результаты работы первых. В случае обращения к экспертам по должности необходимо особо учитывать административный контекст интервью.

Под административным контекстом нами понимаются ситуации, когда:

1) запрос на проведение интервью поступает извне (например, от органов государственной власти) или со стороны руководства организации; сторонние исследователи также должны официально согласовать возможность интервьюирования сотрудников с администрацией учреждения или ведомства;

2) информантом является сотрудник, занимающий определенную позицию в организации (один из критериев формирования выборки); в силу своего статуса он обладает некодифицированным знанием о предмете исследования, но говорит «от лица организации»;

3) согласие эксперта на интервью — это результат «институционального принуждения», которое может быть сформулировано в виде служебного задания, поставленного ему вышестоящим руководителем («расписывается поручение»), а не личного желания;

4) интервьюирование происходит на рабочем месте информанта, что усиливает степень его организационной подотчетности.

Административный контекст определяет как специфику коммуникации между интервьюером и экспертом, так и объем и глубину предоставляемой информантом информации. Проведение таких интервью ставит перед исследователями специфические методологические вопросы и требует большей рефлексивности в отношении того типа знания, на получение которого ориентирован исследователь и которое готов предоставить информант.

Цель данной статьи — привлечь внимание к методологическим аспектам проведения экспертных интервью, которые часто используются в исследовательской практике без должного осмысления их специфики. В начале будет представлен обзор основных подходов к типизации экспертных интервью на основе типа получаемого знания. Затем, с акцентом на их отличиях от других типов качественного интервью, будут рассмотрены особенности, делающие экспертные интервью в административном контексте особым методом сбора данных. В заключении будут обозначены преимущества и возможные ограничения, с которыми исследователь сталкивается при использовании экспертных интервью как метода сбора эмпирических данных.

Интервью с экспертами как метод качественного исследования

Экспертное интервью является одним из методов сбора эмпирических данных, относящихся к качественной парадигме социологического исследования [Flick, 2009]. Часто экспертные интервью расцениваются как универсальный способ получения сложнодоступной для исследователя информации. Популяр-

ность данного метода обусловлена его широкими возможностями применения как с точки зрения использования на разных этапах исследовательского проекта, так и для изучения различных тематик [Bogner, Littig, Menz, 2009, 2018; Harvey, 2010, 2011; Meuser, Nagel, 2009]. В литературе обсуждаются преимущественно следующие вопросы:

- критерии определения экспертов;
- различия между разными типами экспертных интервью и их роль в дизайне исследования;
- особенности интервьюирования экспертов по сравнению с другими типами качественного интервью [Погозин, Яшина, 2007; Штейнберг, 2021; Bogner, Littig, Menz, 2009; Meuser, Nagel, 2009; Van Audenhove, Donders, 2019; Rivera, Kozyreva, Sarovskii, 2002; Petintseva, Faria, Eski, 2020].

С начала 1990-х годов метод экспертного интервью как способ сбора информации активно применяется в различных областях социальных наук, особенно при проведении прикладных исследований [Meuser, Nagel, 2009; Van Audenhove, Donders, 2019]. Интерес исследователей к этому типу интервью обусловлен той ролью, которую эксперты стали играть не только в научном, профессиональном поле, но и повседневном дискурсе. Теории рефлексивной модернизации [Beck, Giddens, Lash, 1994; Giddens, 1991] продемонстрировали растущую роль экспертизы и необходимость включения экспертного знания в анализ социальных проблем и процессов. Так, сегодня экспертное знание является частью «институциональной рефлексивности» [Giddens, 1991: 20] и играет ключевую роль в изучении особенностей функционирования социальных институтов и практик, что делает самих экспертов крайне привлекательным источником получения информации. В последнее время интервью с экспертами рассматриваются как отдельный тип качественных интервью, отличный как от элитных, так и от «ординарных»².

Специфика становления обсуждаемого метода связана с изучением элиты в социологии и политологии [Bogner, Littig, Menz, 2018], а также обуславливается сложившимися терминологическими различиями между англо-американской и немецкоязычной исследовательскими традициями [Van Audenhove, Donders, 2019; Petintseva, Faria, Eski, 2020]. В англосаксонских странах, как правило, используется термин «элитное интервью». Методологическая дискуссия о специфике проведения интервью с представителями элиты начинается с работы Льюиса Декстера [Dexter, 1970]. К элите он относит тех, кто обладает властью, авторитетом и высоким статусом по сравнению с исследователем или «среднестатистическим гражданином» [Petintseva, Faria, Eski, 2020: 12]. Элиты — это меньшинство, принимающее решение от имени большинства [Aguilar, 2012]. Поскольку элита представляет собой закрытую группу, доступ к которой для исследователей, как правило, затруднен, интервью с ними часто проводятся не с целью собрать объективные факты, а для того, чтобы узнать диапазон их личных мнений и позиций для более полного понимания устройства социального порядка [Petintseva, Faria, Eski, 2020: 12].

² Предложенное название условно и вводится автором для различения не только экспертных интервью и интервью с представителями элиты, но также интервью с «обычными людьми». Такой тип интервью является основным для качественных исследований и предполагает, что исследователь проводит интервью с человеком как представителем определенной демографической, социально-экономической группы с целью понять те смыслы и значения, которые последний вкладывает в свои действия в повседневной жизни.

Интервьюирование представителей элиты предполагает, что исследователь демонстрирует готовность быть ведомым в разговоре, предоставляя своему собеседнику максимальную свободу в высказывании собственного мнения и позиции, определении обсуждаемой тематики и самого хода интервью. Специфика таких интервью состоит в ориентации на получение субъективных интерпретаций, а также в воспроизводстве существующих за рамками интервью властных отношений между интервьюером и информантом посредством поддержания особого стиля коммуникации между ними, что ставит вопросы о возможном искажении полученного знания и требует от исследователя особой рефлексии при анализе полученных данных [Harvey, 2010, 2011].

В немецкоязычных публикациях, представляющих результаты прикладных социальных исследований, а также «административных» исследований, связанных с оценкой программ и политик, чаще используется термин «экспертное интервью». К последнему относится качественное интервью, целью которого является получение конкретных знаний через общение с экспертами как людьми, обладающими привилегированным доступом к определенной информации [Meuser, Nagel, 2009]. Эксперт в данном случае — это источник получения специфических знаний, интервью с ним — это быстрый способ для исследователя разобраться в теме, не собирая большой массив данных. При этом эксперт определяется двояко: с одной стороны, как «лицо, ответственное за разработку, внедрение или контроль решений / стратегий / политики», а с другой — как «лицо, имеющее привилегированный доступ к информации о группах лиц или процессах принятия решений» [Van Audehove, Donders, 2019: 181]. Полученные в ходе экспертных интервью данные оцениваются как более надежные по сравнению с субъективной информацией, почерпнутой из бесед с представителями элиты. При анализе и дальнейшем использовании экспертных интервью в работе исследователь исходит из предположения, что характер получаемой информации менее предвзятый, чем в случае элитных интервью, и поэтому экспертное знание более надежно [von Soest, 2023].

Между интервью с представителями элиты и экспертными интервью есть как сходства, так и различия. Последние касаются прежде всего определения информантов. В первом случае центральное место занимают власть, статус (должность) и привилегированное положение человека, во втором — его статус и то экспертное знание, которым он обладает [Flick, 2018; Van Audehove, Donders, 2019]. Необходимо отметить, что обладание экспертным знанием не всегда связано с занимаемой должностью. Оно может быть результатом профессионального образования и опыта работы информанта.

Экспертное интервью как метод качественного исследования предполагает разработку специального тематического руководства (гайда) и сосредоточено на получении информации о знаниях и опыте информанта, инсайтов и понимания ситуации в определенной сфере деятельности. Выбирать нужно информантов, которые не транслируют общедоступное знание, а могут предоставить специальные знания и поделиться опытом участия в институционализированных процессах и практиках. Иными словами, эксперт должен обладать институционализированной компетентностью в конструировании социальной реальности, поскольку его знания обеспечивают руководство для действий и структурируют определен-

ную область социальной деятельности [Bogner, Littig, Menz, 2018]. При этом остаются вопросы о критериях экспертности, концептуализации экспертного знания или способах различения «хороших» / «плохих» экспертов [Gläser, Laudel, 2009]. Несмотря на возможность дискуссии о том, каким образом можно однозначно очертить границы объекта экспертных интервью, отделив его от «элиты», «хорошо информированного гражданина» или «власть имущих» [Petintseva, Faria, Eski, 2020: 10—18], большинство авторов согласны с тем, что эксперты — это люди, которые хорошо осведомлены о конкретном предмете и определяются в качестве таковых на основании имеющихся у них знаний и статуса [Van Audenhove, Donders, 2019: 182].

В статье к экспертным интервью будут относиться те случаи, когда информантом выступает человек, обладающий не только специальными знаниями и статусом, но также должностью, связанной с управлением программами и проектами (разработка, реализация, контроль за исполнением). Последний критерий определяет специфику проведения экспертных интервью в административном контексте, так как экспертное знание принадлежит человеку, занимающему конкретную позицию в организации и обладающему определенной степенью дискреции. Применительно к этому типу экспертных интервью необходимо проблематизировать возможное искажение получаемых исследователем данных (вопрос, в большей степени обсуждаемый в отношении элитных интервью), обусловленное организационной подотчетностью информанта.

Зачем опрашивать экспертов?

Интервью с экспертами — полезный инструмент для получения специализированных, некодифицированных знаний, доступ исследователя к которым затруднен в силу объективных причин: сложность предмета экспертизы, требующего длительного профессионального обучения, опыта работы и/или статуса, сопряженного с должностными полномочиями. Потребность исследователя в определенном типе знания, источником которого выступает эксперт, обуславливает выбор в пользу экспертного интервью как способа получения эмпирических данных и определяет место его применения в общем цикле исследования.

Информанты в экспертном интервью — обладатели профессионального знания различного типа. Выделяется три типа знания, которое может транслировать эксперт: техническое, процессное и интерпретативное [Bogner, Menz, 2009]. Техническое знание — это данные (в том числе статистические), специальная и техническая информация, регламенты, правила и процедуры, характерные для конкретной предметной области и/или организации. Особенность этого типа знания в том, что зачастую оно уже кодифицировано и существует независимо от исследователя и целей проекта. Последнее нередко делает экспертов не лучшим источником получения данных. В тех же случаях, когда технические знания еще не кодифицированы и/или труднодоступны, экспертные интервью могут служить быстрым способом ориентации в изучаемой предметной области.

Процессное знание относится к получению информации о последовательности действий, моделях взаимодействия, организационных структурах и связях, рутинном характере управления и реализации проекта. В отличие от технического зна-

ния, это не специализированное знание в узком смысле (то, что можно приобрести посредством образования), а скорее знание, основанное на практическом опыте работы эксперта на определенной должности. Поскольку такой опыт в значительной степени индивидуален и контекстуален (часто зависит от специфики конкретной организации или особенностей профессиональной биографии информанта), то он не может быть получен посредством институционализированных форматов обучения, но может быть представлен экспертом в ходе интервью. Альтернативным методом получения процессного знания может быть включенное наблюдение, предполагающее участие самого исследователя в работе конкретной организации. Однако этот способ сбора эмпирических данных может быть недоступен из-за невозможности «соучаствовать» в процессах принятия решений на уровне управления и реализации программ и проектов. В этом случае интервью со специалистами, имеющими подобный опыт, позволяет получить знания о процессах, часто стоящих за видимыми результатами работы, например, в виде документов программ, регламентов и нормативно-правовых актов.

Интерпретативное знание, получаемое посредством экспертного интервью, включает субъективные установки, личные и профессиональные ценности информанта. Этот тип знания в меньшей степени подвержен кодификации и скорее имеет латентный характер. Интерпретативное знание не означает, что эксперт всегда имеет лучший доступ к предметной области исследования, чем исследователь, как в случае технического и процессного знания; оно может быть субъективным, так как отражает позицию и точку зрения эксперта на предмет исследования. При этом знание, направленное на объяснение, может быть институционально оформлено, то есть мнение эксперта коррелирует с системой ценностей и норм, характерных для того учреждения и ведомства, с которым он связан.

Это различие типов знания, получаемых в ходе интервьюирования экспертов, основано не на существенных характеристиках самого знания, а является результатом аналитической работы исследователя, обусловленной дизайном исследования [Bogner, Littig, Menz, 2018]. В ходе интервью исследователю важно попытаться либо получить доступ к разным типам этого знания, либо понять, как именно знание, которым обладает информант, применяется при решении тех или иных практических задач. Именно поэтому индивидуальный опыт и интерпретации эксперта не менее важны, чем его конкретные ответы на фактологические вопросы. Объяснения, предлагаемые экспертом, и его индивидуальный опыт позволяют исследователю не только ответить на вопрос «что?», но и понять, «как» и «почему» уникальные профессиональные знания используются на практике. Для того чтобы не потеряться во множестве интерпретаций и отсылок, а также в профессиональной лексике, интервьюеру необходимо погрузиться в профессиональную область эксперта, стать «соэкспертом». В ином случае интервьюер рискует упустить большую часть профессиональной интерпретации явлений, которая будет закодирована в суждениях с использованием профессиональной терминологии.

Экспертные интервью используются на всех этапах исследовательского проекта, так как они позволяют получать широкий спектр знаний, что способствует достижению задач различного типа. На предварительном этапе исследователь может собрать общую информацию о предметной области, которая еще только

планируется к изучению, систематизировать имеющиеся у него материалы об особенностях ее устройства и различных аспектах. В случае выстраивания проекта в логике смешанной методологии с последовательным применением качественных и количественных методов интервью с экспертами позволяют повысить качество и степень разработанности дизайна исследования, а именно сформулировать гипотезы, оценить релевантность выбранных методов сбора данных, узнать о характере доступных данных, разработать исследовательский инструментарий (например, анкету для опроса). Экспертные интервью могут быть единственным методом или одним из методов сбора эмпирических данных на основном этапе проведения исследования. Соло-методом они могут выступать в случае, когда необходимая информация не может быть получена из других источников (статистики, официальных документов, публикаций в СМИ, результатов массовых опросов и ординарных интервью). Например, интервью или анкетный опрос благополучателей позволят собрать данные об их мнении и оценке работы той или иной программы или проекта. В то время как экспертные интервью с сотрудниками ведомств, ответственными за ее реализацию, предоставят исследователю информацию о целях, задачах и принципах работы программы, организационных особенностях ее функционирования, рисках и проблемных моментах, снижающих ее результативность. В этом случае экспертные интервью с заинтересованными сторонами, участвующими в реализации изучаемой программы, дают исследователю возможность «заглянуть за фасад», получить знания о механике работы сотрудников организаций, не всегда представленной в публичном дискурсе и общедоступной информации. На заключительном этапе исследования, предполагающем анализ собранных данных, экспертные интервью позволяют исследователю проверить корректность проведенного анализа, способствуют более глубокой интерпретации полученных результатов и помогают сформулировать полезные практические рекомендации.

О чем спрашивать экспертов: типы интервью

В зависимости от того, какую роль экспертные интервью играют в рамках исследования, а также от типа экспертного знания выделяются следующие типы интервью [Bogner, Menz, 2009; Bogner, Littig, Menz, 2018; Döringer, 2021].

1. Исследовательское (exploratory) экспертное интервью проводится для ознакомления с тематикой, ранее неизвестной исследователю. Практически в любых проектах интервью этого типа может использоваться для ориентации в новой или плохо изученной предметной области. Интервью проводится в свободной форме, но с четко определенной целью осветить различные аспекты изучаемого явления. Для данного типа важна интерпретативная роль эксперта — его представление о проблеме, акторах, важных событиях и процессах, причинно-следственных связях между событиями т. д. Гайд интервью обычно содержит список самых общих вопросов, на которые может ориентироваться интервьюер в процессе разговора.

2. При проведении систематизирующего экспертного интервью исследователь рассчитывает получить информацию, потенциально позволяющую упорядочить уже имеющиеся у него данные. Такое интервью предназначено для получения эксклюзивных знаний, которыми обладает эксперт, включая как техническое знание,

так и знание о процессах. Основное внимание здесь уделяется способности эксперта представлять «объективное» знание о фактах и процессах, поскольку «эксперты — это люди, обладающие специальными знаниями о социальных фактах, а экспертные интервью — это способ получить доступ к этим знаниям» [Döringer, 2021: 267]. Прямые вопросы интервьюера позволяют эксплицировать необходимую информацию. В этом случае исследователю необходимо оценивать достоверность полученной информации на основе триангуляции данных [Denzin, 1989].

3. Экспертное интервью, направленное на разработку теории (theory-generating), также иногда определяется как «объяснительное интервью» [Van Audenhove, Donders, 2019: 184] и посвящено пониманию оснований позиции эксперта относительно исследуемой проблематики. В этом случае эксперт не выступает в роли исключительного транслятора технического и процессного знания, посредством которого исследователь может получить полезную информацию для своей работы [Bogner, Menz, 2009]. Цель такого интервью — не столько получить ответы на вопросы «что?» и «как?», сколько узнать «почему?», то есть реконструировать систему знаний эксперта. Искомое интерпретативное знание в наименьшей степени подвержено кодификации, присутствует в латентной форме и «зашиито» в нарративы информанта. Получать подобного рода информацию интервьюеру позволяют уточняющие вопросы, направленные на прояснение позиции эксперта. Однако само интерпретативное знание — это не данность, а результат последующей аналитической работы исследователя.

4. Проблемно-ориентированное экспертное интервью [Döringer, 2021] объединяет методологические принципы систематизирующего интервью или экспертного интервью, ориентированного на разработку теории, и проблемно-ориентированного интервью [Witzel, Reiter, 2012; Murray, 2016; Shirani, 2015]. Специфика проблемно-ориентированного экспертного интервью заключается в сочетании индуктивной и дедуктивной логики, структурирующей сбор, а затем и анализ данных. Сочетание индуктивных и дедуктивных шагов находит отражение в структуре гайда, где первая часть вопросов стимулирует развернутые ответы (открытое повествование информанта по исследуемой тематике), а вторая содержит конкретные, стандартизированные по формулировкам, вопросы. Преимущества этого интервью заключаются в том, что, во-первых, у исследователя есть возможность получить интерпретативное экспертное знание, включающего артикуляцию и обоснование собственной позиции, мнения и опыта. Во-вторых, использование списка стандартизированных вопросов (как правило, в конце интервью) впоследствии облегчает сравнение ответов разных информантов. В-третьих, индуктивно-дедуктивная логика сбора данных способствует повышению качества анализа и обоснованности итоговых результатов исследования [Döringer, 2021].

Первые два типа интервью с экспертами чаще всего используются в прикладных исследованиях. Третий тип чаще используется для представителей научного сообщества, что позволяет исследователю в ходе беседы с экспертом получить теоретически обоснованную модель объяснения изучаемого явления. Последний вариант учитывает имплицитные аспекты экспертного знания в сочетании с профессиональным и личным опытом эксперта. Это становится преимуществом, когда необходимо понять, как и в какой степени констелляция субъективных

представлений и институциональной принадлежности ключевых акторов влияет, например, на формирование и реализацию программ и проектов.

Как проводить экспертные интервью: методологические замечания

Процедурно экспертные интервью аналогичны качественным интервью других типов [Flick, 2015: 140]. При этом интервью с экспертами обладают рядом характерных особенностей, которые необходимо учитывать. Рассмотрим три наиболее значимых.

Первая и самая главная — это большая предварительная работа, выполнение которой требуется от исследователя до встречи с экспертом. Кроме основных функций (уведомление информанта о тематике обсуждения, структурирование беседы, навигация интервьюера по предметному полю разговора), гайд экспертного интервью выполняет важную роль демонстрации компетентности исследователя, подтверждая его статус «соэксперта». Структура, содержание и формулировки вопросов показывают информанту, насколько интервьюер разбирается в теме и стоит ли вкладывать свои время и знания в разговор. Если у эксперта создается впечатление, что интервьюер не знает, о чем говорит (или спрашивает), экспертное интервью вряд ли достигнет желаемых целей, а именно — исследователь не получит доступ к определенным типам знания, которыми обладает его собеседник. Недостаточная подготовка интервьюера может привести к разочарованию со стороны информанта и повлиять на уровень детализации ответов, а следовательно, и на качество полученной информации [Bogner, Menz, 2009; Van Audenhove, Donders, 2019]. Именно при проведении экспертного интервью принципиально важно, насколько исследователь знает «матчасть», то есть знаком с состоянием дел в изучаемой области. Выполнение им «домашнего задания» — знакомство с результатами научных исследований, анализ доступных документов и статистики — становится основой для успешного интервью.

В случае общения с экспертами по должности в административном контексте роль предварительной подготовки и ее качества возрастает в разы. Степень открытости и полноты ответов зависит от позиции, занимаемой информантом в профессиональной и организационной структуре. В этом случае необходимо учитывать два соображения. Первое — выбор верхнеуровневых экспертов может оказаться ошибочной стратегией, поскольку их способность предоставить необходимую информацию (техническое и процессное знание) зачастую переоценивается из-за недостаточной практической включенности в конкретные рабочие процессы и проекты своих организаций. Второе соображение касается интервьюирования рядовых сотрудников и руководителей низового уровня. Исследования корпораций показывают, что менеджеры, занимающие средние и низшие позиции, более склонны придерживаться в разговоре политики организации и более осторожны в своих ответах, чем представители топ-менеджмента [Welch et al., 2002; Thomas, 1993]. В обоих случаях исследователь может столкнуться с ситуацией, когда информант будет транслировать ему официальную точку зрения организации, пересказывать положения нормативно-правовых актов и другое кодифицированное знание. Такой стиль ответов служит своеобразной защитной реакцией на административный контекст интервью и способом страховки,

позволяющей избежать возможных негативных санкций в случае предоставления исследователю «неправильной» информации. Тщательный обзор литературы и любых релевантных данных по изучаемой тематике, а также проведение кабинетного исследования (даже в случае исследовательских экспертных интервью) помогают при проведении таких интервью преодолеть «эффект айсберга» — ситуации, характеризующейся явным недоверием и незаинтересованностью со стороны информанта [Abels, Behrens, 2009: 144]. Для исследователя, стремящегося провести хорошее интервью, принципиально важно убедить собеседника в своей компетентности, продемонстрировать ему свою экспертность, связанную не только с умением задавать вопросы, но и со знанием предмета разговора.

Таким образом, подготовка к проведению экспертного интервью предполагает выполнение сложной и отсутствующей в случае ординарных интервью задачи — становление исследователя «соэкспертом». Знакомство с областью компетенции информанта-эксперта (возможно, неизвестной до этого) необходимо на уровне, достаточном для формулирования вопросов, подводящих эксперта к предоставлению нужной информации. Иными словами, при разработке гайда необходимо учитывать структуру знаний, которыми обладает эксперт с точки зрения цели и задач исследования, а также как эти знания могут повлиять на желание или «умение» информанта отвечать на определенный вопрос или говорить на заданную тему.

Вторая особенность экспертных интервью связана со спецификой их проведения, а именно тем, как выстраивается драматургия взаимодействия между интервьюером и информантом. Экспертное интервью включает два этапа коммуникации. На первом этапе разговор в большей степени структурируется гайдом интервью и представляет собой раунды вопросов интервьюера и ответов эксперта, что в большей степени соответствует процедуре качественного интервью [Flick, 2015: 140—142]. Здесь важно, чтобы исследователь соблюдал конвенциональные правила проведения интервью, демонстрировал свои знания по обсуждаемой теме, соответствуя тем самым первоначальным ожиданиям информанта относительно самой ситуации экспертного интервью. На этом этапе у эксперта окончательно формируется впечатление о компетентности исследователя, что определяет качество дальнейшего обсуждения и успех интервью в целом. Если у эксперта сложится негативное впечатление, интервьюеру будет затруднительно перейти к следующему этапу, который в идеале принимает форму неформальной дискуссии. Формат коммуникации на этом этапе в гораздо большей степени похож на аргументированный обмен мнениями между собеседниками. Здесь исследователь переходит от «вопрошающего» стиля общения с экспертом, определявшего первую фазу разговора, к режиму аргументации и обсуждения. Для этого утверждения, сделанные информантом, подвергаются критическому анализу со стороны исследователя [Lilleker, 2003]. Критическая позиция последнего может быть обозначена через ссылки на результаты научных исследований, анонимизированные высказывания других экспертов, общедоступные статистические данные и материалы СМИ. Основная цель — побудить эксперта полнее и подробнее объяснить свою точку зрения.

Переход на описанный в предыдущем абзаце формат взаимодействия важен по двум причинам. Во-первых, такая коммуникативная ситуация позволяет экс-

перту особым образом представить собственные представления о предмете разговора, показать свою реальность. Во-вторых, необходимость аргументировать свою позицию в ответ на проблемно-ориентированные вопросы создаст условия, когда эксперт отойдет от официальных позиций организации, с которой связан, и предоставит действительно актуальную для исследования информацию.

Третья особенность экспертных интервью, требующая методологической рефлексии со стороны исследователя, может быть названа проблемой стейкхолдера. Она связана с потенциальной личной заинтересованностью и возможной предвзятостью эксперта как участника создания знания, что оказывает непосредственное влияние на характер предоставляемой им информации. Особенно остро эта проблема стоит в сфере исследований, направленных на оценку программ и политик [Wroblewski, Leitner, 2009]. Экспертные интервью широко используются при проведении оценки, поскольку позволяют в концентрированном виде получить нередко скрытую информацию об опыте разработки и реализации программы, восполнить пробелы в доступных для анализа данных, учесть различные точки зрения и обозначить проблемные зоны. Однако оценивающая функция прикладного исследования, направленная на то, чтобы узнать, «насколько хорошо все работает» [Ritchie et al., 2013: 52], приводит к тому, что эксперты, задействованные в разработке или реализации программы или проекта, часто рассматривают интервью, где необходимо отвечать на вопросы о своей работе, как инструмент контроля за ней и способ измерения ее качества и результатов.

Зачастую информанты прибегают к стратегиям самопрезентации, показывающим их самих, а значит и их учреждения, в выгодном свете. Они скорее предоставляют исследователю положительную или, как минимум, нейтральную информацию и лишь вскользь обозначают проблемы, объясняя их наличие внешними, не зависящими от них причинами³ (например, плохо отлаженными механизмами межведомственного взаимодействия, большой нагрузкой по заполнению разного рода отчетности и пр.). Административный контекст проведения интервью с экспертами по должности повышает вероятность искажения получаемой исследователем информации. Последний должен учитывать возможную (не)преднамеренную предвзятость эксперта, в итоге определяющую и полученные в ходе анализа результаты.

Соглашаясь принять участие в интервью, эксперт исходит из того, что транслируемое им знание может повлиять на функционирование сферы его экспертизы. В этом случае он перестает быть просто внешним наблюдателем, обладающим знанием, и становится стейкхолдером. Стейкхолдер по определению является заинтересованным лицом, имеет свою повестку, может быть заинтересован в определенном результате и, следовательно, особым образом представлять свою экспертную позицию. В контексте конкретного интервью это может выражаться в том, что эксперт будет подсвечивать лишь определенные, выгодные для него аспекты проблемы, возвращаться к одной и той же тематике, преуменьшать или, наобо-

³ Может возникнуть так называемый эффект катарсиса, когда информант использует ситуацию экспертного интервью как возможность выразить профессиональную неудовлетворенность и компенсировать недостаток внешнего признания своей работы за счет внимания со стороны интервьюера [Abels, Behrens, 2009: 144].

рот, преувеличивать свою роль и т. д. Это представляет большую угрозу качеству выводов, сделанных на основе такого экспертного интервью.

Проблема предвзятости может быть решена с помощью тандемного формата проведения интервью с участием двух интервьюеров, составления до этапа интервьюирования профиля изучаемой организации, конкретного подразделения, программы и/или проекта, включающего всю релевантную для задач исследования информацию, использования в материалах гайда интервью отсылок к внешним данным и показателям, анонимизированным мнениям других экспертов [Wroblewski, Leitner, 2009: 245]. Все это позволяет провести триангуляцию полученных на экспертных интервью данных и сравнить их с другими потоками данных (внутренняя и внешняя триангуляция) [von Soest, 2023: 282—283].

Заключение: преимущества и ограничения метода экспертного интервью, проводимого в административном контексте

Экспертное интервью — метод получения экспертного знания от информантов, обладающих определенным статусом. Использование этого метода открывает доступ к различным аспектам этого знания и позволяет понять, как и почему оно используется при решении практических задач. Экспертное интервью представляет собой эффективный способ получения насыщенной информации о проблеме исследования без необходимости сбора большого объема данных. Оно особенно полезно на начальном этапе исследования, поскольку помогает сократить трудозатраты исследователя. Этот метод оптимален для изучения некодифицированного знания и труднодоступного для исследователя опыта. Эксперты по должности предоставляют уникальный доступ к инсайдерскому знанию, позволяют увидеть внутреннюю работу различных организаций, так как «помогают изучить, как акторы на самом деле вели себя в контексте принятия решений, и понять, что произошло и почему это произошло» [von Soest, 2023: 285].

Качественная методология подчеркивает важность изучения опыта и точек зрения информантов для лучшего понимания социальной реальности [Edwards, Holland, 2013; Flick, 2018]. Хотя метод экспертного интервью относится к качественной парадигме, практика его применения показывает, что нередко исследователи больше внимания уделяют полученной «объективной» информации о конкретном социальном явлении как результату общения с экспертом, забывая о субъективных аспектах экспертного знания [Bogner, Menz, 2009]. Поскольку для социологии важны индивидуальное восприятие и ценностная ориентация информантов, необходимо изучать позиции экспертов как акторов, оказывающих влияние на формирование социальных практик. Как следствие, требуется более широкое понимание природы и структуры экспертного знания, выходящего за рамки технических данных, фактов и процессов и включающего имплицитное ценностное измерение [Bogner, Menz, 2009; Meuser, Nagel, 2009; Van Audenhove, Donders, 2019]. Выявление скрытых аспектов экспертного знания может существенно обогатить полученные результаты, особенно когда изучается роль экспертов в разработке и реализации программ и проектов.

Ограничения использования данного метода обусловлены как методологическими особенностями качественных методов, так и спецификой экспертных

интервью как способа сбора эмпирических данных. Они касаются концептуализации самого понятия «эксперт», разработки критериев формирования панели экспертов для интервьюирования, организации доступа к ним (особенно в случае высокоуровневых информантов), а также необходимости для исследователя стать «соэкспертом» в процессе подготовки к интервью. Знание методологических аспектов экспертных интервью позволит исследователю не просто избежать ошибок при использовании данного метода, но и сделать обоснованный выбор в пользу экспертного интервью как оптимального способа получения данных, анализ которых будет способствовать решению задач исследования. Административный контекст проведения интервью с экспертами по должности вносит двоякий вклад в характер и структуру собираемых данных. С одной стороны, он дает исследователям возможность получить доступ к ценной информации о процессах разработки и реализации программ и проектов, часто скрытых за фасадом организаций, с другой — актуализирует проблему искажения информации, полученной в ходе интервью с экспертами, и способов оценки качества качественных данных.

Список литературы (References)

Рогозин Д. М., Яшина А. В. Фальсификация экспертности экспертного интервью // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2007. № 2. С. 119—148.

Rogozin D. M., Iashina A. V. (2007) Falsification of the Expertise of an Expert Interview. *Politeia: Analysis. Chronicle. Forecast*. No. 2. P. 119—148. (In Russ.)

Штейнберг И. Е. Метод «длинного стола» в качественных полевых социологических исследованиях. М.: ВЦИОМ, 2021.

Shteinberg I. E. (2021) *The Long Table Method in Qualitative Field Sociological Studies*. Moscow: Russian Public Opinion Research Center. (In Russ.)

Abels G., Behrens M. (2009) Interviewing Experts in Political Science: A Reflection on Gender and Policy Effects Based on Secondary Analysis. In: Bogner A., Littig B., Menz W. (eds.) *Interviewing Experts*. London: Palgrave Macmillan. P. 138—156. https://doi.org/10.1057/9780230244276_7.

Aguiar L. L. M. (2012) Redirecting the Academic Gaze Upward. In: Aguiar L. L. M., Schneider C. J. *Researching Amongst Elites: Challenges and Opportunities in Studying Up*. Burlington, VT: Ashgate. P. 1—27.

Beck U., Giddens A., Lash S. (1994) *Reflexive Modernization and Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Bogner A., Littig B., Menz W. (2009) Introduction: Expert Interviews — An Introduction to a New Methodological Debate. In: Bogner A., Littig B., Menz W. (eds.) *Interviewing Experts*. London: Palgrave Macmillan. P. 1—13. https://doi.org/10.1057/9780230244276_1.

Bogner A., Littig B., Menz W. (2018) Generating Qualitative Data with Experts and Elites. In: Flick U. (ed.) *The SAGE Handbook of Qualitative Data Collection*. London: Sage. P. 652—667. <https://doi.org/10.4135/9781526416070.n41>.

- Bogner A., Menz W. (2009) The Theory-Generating Expert Interview: Epistemological Interest, Forms of Knowledge, Interaction. In: Bogner A., Littig B., Menz W. (eds.) *Interviewing Experts*. London: Palgrave Macmillan. P. 43—80. https://doi.org/10.1057/9780230244276_3.
- Denzin N. K. (1989) *Interpretive Biography*. Newbury Park, CA: Sage. <https://doi.org/10.4135/9781412984584>.
- Dexter L. A. (1970) *Elite and Specialized Interviewing*. Evanston, IL: Northwestern University Press.
- Döringer S. (2021) ‘The Problem-Centred Expert Interview’: Combining Qualitative Interviewing Approaches for Investigating Implicit Expert Knowledge. *International Journal of Social Research Methodology*. Vol. 24. No. 3. P. 265—278. <https://doi.org/10.1080/13645579.2020.1766777>.
- Edwards R., Holland J. (2013) *What is Qualitative Interviewing?* London: Bloomsbury Academic. <https://doi.org/10.5040/9781472545244>.
- Flick U. (2009) *An Introduction to Qualitative Research*. Los Angeles, CA: Sage.
- Flick U. (2015) *Introducing Research Methodology: A Beginner’s Guide to Doing a Research Project*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Flick U. (2018) Doing Qualitative Data Collection — Charting the Routes. In: Flick U. (ed.) *The SAGE Handbook of Qualitative Data Collection*. London: Sage. P. 3—16. <https://doi.org/10.4135/9781526416070.n1>.
- Giddens A. (1991) *The Consequences of Modernity*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Gläser J., Laudel G. (2009) On Interviewing “Good” and “Bad” Experts. In: Bogner A., Littig B., Menz W. (eds.) *Interviewing Experts*. London: Palgrave Macmillan. P. 117—137. https://doi.org/10.1057/9780230244276_6.
- Harvey W. S. (2010) Methodological Approaches for Interviewing Elites. *Geography Compass*. Vol. 4. No. 3. P. 193—205. <https://doi.org/10.1111/j.1749-8198.2009.00313.x>.
- Harvey W. S. (2011) Strategies for Conducting Elite Interviews. *Qualitative Research*. Vol. 11. No. 4. P. 431—441. <https://doi.org/10.1177/1468794111404329>.
- Lilleker D. G. (2003) Interviewing the Political Elite: Navigating a Potential Minefield. *Politics*. Vol. 23. No. 3. P. 207—214. <https://doi.org/10.1111/1467-9256.00198>.
- Meuser M., Nagel U. (2009) The Expert Interview and Changes in Knowledge Production. In: Bogner A., Littig B., Menz W. (eds.) *Interviewing Experts*. London: Palgrave Macmillan. P. 17—42. https://doi.org/10.1057/9780230244276_2.
- Murray L. C. (2016) Book Review: The Problem-Centered Interview. *Journal of Mixed Methods Research*. Vol. 10. No. 1. P. 112—113. <https://doi.org/10.1177/1558689815577032>.

Petintseva O., Faria R., Eski Y. (2020) Interviewing Elites, Experts and the Powerful in Criminology. Cham: Palgrave Pivot. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-33000-2>.

Ritchie J., Lewis J., McNaughton Nicholls C., Ormston R. (eds.) (2013) Qualitative Research Practice: A Guide for Social Science Students and Researchers. Thousand Oaks, CA: Sage.

Rivera S. W., Kozyreva P. M., Sarovskii E. G. (2002) Interviewing Political Elites: Lessons from Russia. *PS: Political Science & Politics*. Vol. 35. No. 4. P. 683—688. <https://doi.org/10.1017/S1049096502001178>.

Shirani F. (2015) Book Review: Andreas Witzel and Herwig Reiter, The Problem-Centred Interview. *Qualitative Research*. Vol. 15. No. 1. P. 134—135. <https://doi.org/10.1177/146879411453503>.

Thomas R. J. (1993) Interviewing Important People in Big Companies. *Journal of Contemporary Ethnography*. Vol. 22. No. 1. P. 80—96. <https://doi.org/10.1177/089124193022001006>.

Van Audenhove L., Donders K. (2019) Talking to People III: Expert Interviews and Elite Interviews. In: Van den Bulck H., Puppis M., Donders K., Van Audenhove L. (ed.) *The Palgrave Handbook of Methods for Media Policy Research*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 179—197. https://doi.org/10.1007/978-3-030-16065-4_10.

von Soest C. (2023) Why Do We Speak to Experts? Reviving the Strength of the Expert Interview Method. *Perspectives on Politics*. Vol. 21. No. 1. P. 277—287. <https://doi.org/10.1017/S1537592722001116>.

Welch C., Marschan-Piekkari R., Penttinen H., Tahvanainen M. (2002) Corporate Elites as Informants in Qualitative International Business Research. *International Business Review*. Vol. 11. No. 5. P. 611—628. [https://doi.org/10.1016/S0969-5931\(02\)00039-2](https://doi.org/10.1016/S0969-5931(02)00039-2).

Witzel A., Reiter H. (2012) The Problem-Centred Interview: Principles and Practice. London: Sage. <https://doi.org/10.4135/9781446288030>.

Wroblewski A., Leitner A. (2009) Between Scientific Standards and Claims to Efficiency: Expert Interviews in Programme Evaluation. In: Bogner A., Littig B., Menz W. (eds.) *Interviewing Experts*. London: Palgrave Macmillan. P. 235—251. https://doi.org/10.1057/9780230244276_12.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.5.2396](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2396)

Н. Г. Малошонок

**РОЛЬ ГЕНДЕРА И ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ
В ВОСПРИЯТИИ УЧЕБНОЙ НАГРУЗКИ
И ВОВЛЕЧЕННОСТИ СТУДЕНТОВ МАТЕМАТИЧЕСКИХ
И ИНЖЕНЕРНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ**

Правильная ссылка на статью:

Малошонок Н. Г. Роль гендера и гендерных стереотипов в восприятии учебной нагрузки и вовлеченности студентов математических и инженерных направлений подготовки // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5. С. 91—114. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2396>.

For citation:

Maloshonok N. G. (2023) The Role of Gender and Gender Stereotypes in the Perception of Academic Load and Engagement by Math and Engineering Students. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 91–114. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2396>. (In Russ.)

Получено: 10.03.2023. Принято к публикации: 11.09.2023.

РОЛЬ ГЕНДЕРА И ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ВОСПРИЯТИИ УЧЕБНОЙ НАГРУЗКИ И ВОВЛЕЧЕННОСТИ СТУДЕНТОВ МАТЕМАТИЧЕСКИХ И ИНЖЕНЕРНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ

МАЛОШЕНОК Наталья Геннадьевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра социологии высшего образования Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: nmaloshonok@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4523-7477>

Аннотация. Гендерная диспропорция на математических и инженерных направлениях подготовки представляет собой важную проблему не только потому, что приводит к негативным социально-экономическим последствиям, но и потому, что может снижать качество студенческого опыта девушек, оказавшихся в меньшинстве при обучении на данных специальностях. Эмпирические свидетельства об усердии и вовлеченности девушек на образовательных программах с мужским доминированием противоречивы. Поэтому в данной статье изучаются гендерные различия в восприятии учебной нагрузки и студенческой вовлеченности на математических и инженерных направлениях подготовки, а также взаимосвязь приверженности гендерному стереотипу о лучших математических способностях юношей с рассматриваемыми показателями. Выборку составили студенты математических и инженерно-технических направлений подготовки, на момент опроса обучающихся в 401 российском вузе ($N = 4311$). Было обнаружено, что девушки в большей мере склонны на-

THE ROLE OF GENDER AND GENDER STEREOTYPES IN THE PERCEPTION OF ACADEMIC LOAD AND ENGAGEMENT BY MATH AND ENGINEERING STUDENTS

Natalia G. MALOSHONOK¹ — Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher, Center for Sociology of Higher Education, Institute of Education
E-MAIL: nmaloshonok@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4523-7477>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. Gender disparities in math and engineering fields of study is an important issue not only because it leads to negative socio-economic consequences, but also because it can reduce the quality of the female student experience who find themselves in the minority when studying in these specialties. Empirical evidence about the diligence and engagement of female students in male-dominated educational programs is mixed. This article is aimed to explore gender differences in the perception of academic load and student engagement in mathematics and engineering fields of study, as well as the relationship between adherence to the gender stereotype about better mathematical abilities of males with the indicators under consideration. The empirical sample consisted of undergraduate students of mathematical and engineering specialties studying at 401 Russian universities at the moment of the study ($N = 4311$). The author finds that females tend to consider their academic load as high, especially if they perceive their teachers to be gender stereotypical. They also study more diligently and are, on average, more in-

зывать свою учебную нагрузку высокой, особенно если они считают, что их преподаватели подвержены гендерному стереотипу. Также они более привлекательно учатся и в среднем сильнее вовлечены в работу класса, чем юноши. Однако наличие гендерного стереотипа у самих девушек и у их преподавателей негативно взаимосвязано с показателями студенческой вовлеченности.

Ключевые слова: гендерные различия, студенческая вовлеченность, восприятие учебной нагрузки, STEM, гендерные стереотипы, российские вузы

Благодарность. Исследование выполнено на средства гранта Российского научного фонда No 22-28-00882 (<https://rscf.ru/project/22-28-00882/>).

involved in class compared to male students. However, exposure to a gender stereotype of female students or their instructors is negatively correlated with student engagement indicators.

Keywords: gender differences, student engagement, perception of academic load, STEM, gender stereotypes, Russian universities

Acknowledgments. The research was funded by the grant from the Russian Science Foundation (No. 22-28-00882) (<https://rscf.ru/en/project/22-28-00882/>).

Введение

Более половины бюджетных мест в России в рамках первой ступени высшего образования (бакалавриат-специалитет) выделяется на подготовку специалистов в области инженерии, математики и естественных наук. Однако наибольшей популярностью эти направления подготовки пользуются у юношей: девушки составляют только четверть студентов, поступающих на направления подготовки инженерного профиля, и треть от студентов, поступающих на математические направления подготовки [Малошонок, Щеглова 2020; Малошонок и др., 2022a]. При этом существенная гендерная диспропорция в областях STEM во всем мире считается важной проблемой, поскольку приводит к существенным экономическим потерям из-за дефицита высококвалифицированных кадров для высокотехнологичных отраслей и разрыва в оплате труда мужчин и женщин [Ferrant, Kolev, 2016; Rudakov et al., 2022]. Неслучайно привлечение женщин в STEM стало одной из ключевых задач новой Национальной стратегии действий в интересах женщин до 2030 года, утвержденной Правительством Российской Федерации.

Гендерная диспропорция на математических и инженерных направлениях подготовки не только говорит о том, что часть женщин, которые могли бы быть успешны в данных профессиях, выбрали другие менее доходные специальности [Rudakov et al., 2022], но и влечет за собой ряд других негативных последствий. Как показывают исследования, на образовательных программах с мужским доминированием (male-dominated, программы с численным превосходством мужчин), девушки сталкиваются с такими нежелательными явлениями, как микроагрессия, низкие ожидания и снисходительное отношение, обесценивание достижений,

которые негативно влияют на их уверенность в собственных силах и академическую успеваемость, а потому ведут к отсеву [Farrell, McHugh, 2017; Stentiford, 2019; Maloshonok et al., 2022]. Во многом это объясняется гендерными стереотипами, наделяющими инженерию и математику статусом «мужских» профессий [O’Dea et al., 2018; Stoet, Geary, 2018].

Данное исследование направлено на изучение роли гендера и гендерных стереотипов в восприятии учебной нагрузки и вовлеченности на математических и инженерных направлениях подготовки, отличающихся численным превосходством студентов мужского пола. Мы не рассматриваем студентов естественнонаучных специальностей по нескольким причинам. Во-первых, они в значительной степени различаются между собой по изучаемым предметам и особенностям организации учебного процесса. Во-вторых, они в значительной степени варьируются по доле девушек и юношей: от превосходства юношей (например, в горном деле и ядерной физике) до преобладания девушек на специальности (например, в химии и биологии). В рамках исследования нам важно рассмотреть программы с преобладанием студентов мужского пола, поскольку это важная характеристика образовательной среды, в которую попадают девушки, решившие получить стереотипно «мужскую» профессию.

С одной стороны, неблагоприятная среда на образовательных программах с мужским доминированием должна снижать вовлеченность девушек в образовательный процесс и их усердие, что находит подтверждение в нескольких исследованиях [Canada, Pringle, 1995; Mazur, 2019; Lawson, 2021]. С другой стороны, ряд работ показывают, что, несмотря на неблагоприятную среду, девушки проявляют большее усердие и имеют более высокую вовлеченность [Tossavainen et al., 2021; Subekti, 2021; Maloshonok, 2022], а гендерные стереотипы могут оказывать негативный эффект как на девушек, так и на юношей. Противоречивость результатов можно объяснить тем, что исследования проводились в разных национальных и культурных контекстах и в разные временные периоды, так и их методическими ограничениями. Как правило, большинство исследований были проведены на ограниченной выборке, включающей небольшое количество университетов, а также использовали разные наборы показателей для оценки учебной вовлеченности. В российском контексте было реализовано только одно исследование, показывающее, что гендерные стереотипы негативно влияют на вовлеченность как девушек, так и юношей [Maloshonok, 2022]. Однако оно было проведено только в трех российских университетах и только на инженерных направлениях подготовки, что существенно ограничивает возможность распространять его результаты на другие направления подготовки с мужским доминированием и на разные типы университетов.

В рамках этой работы мы внесем вклад в дискуссию о взаимосвязи гендера и гендерных стереотипов с вовлеченностью девушек, обучающихся на программах с мужским доминированием, через получение новых эмпирических свидетельств о взаимосвязи этих конструктов и через использование широкого набора показателей студенческой вовлеченности. Кроме того, мы уточним результаты предыдущих исследований в российском контексте через привлечение данных не только по инженерным, но и по математическим направлениям подготовки,

а также через анализ данных по разным типам вузов. На основе данных масштабного опроса студентов российских вузов, проведенного в 401 вузе, мы ответим на следующие исследовательские вопросы:

1) Насколько распространен стереотип о лучших математических способностях юношей на математических и инженерно-технических направлениях подготовки в российских вузах?

2) Есть ли гендерные различия в восприятии учебной нагрузки?

3) Различаются ли девушки и юноши по своей вовлеченности в учебный процесс?

4) Взаимосвязана ли приверженность гендерному стереотипу о лучших мужских способностях с восприятием учебной нагрузки и студенческой вовлеченностью?

Ответы на эти вопросы помогут в разработке практических мер и интервенций, направленных на повышение студенческой вовлеченности девушек и юношей, обучающихся на образовательных программах с мужским доминированием в российских вузах. Так как студенческая вовлеченность рассматривается в качестве прокси образовательных результатов учащихся, что было подтверждено в ряде исследований [Krause, Coates, 2008; Pascarella et al., 2010; Малошонов, Вилкова, 2022], подобные меры и интервенции могут привести к повышению качества выпускников таких программ.

Обзор литературы

Гендерные стереотипы в STEM

Под гендерными стереотипами в STEM понимаются упрощенные и обобщенные представления о способностях девушек и юношей к обучению и профессиональной деятельности в рамках данных областей и социально-демографических, психологических и физиологических характеристиках типичных представителей этих профессий [Cheryan et al., 2015; Савинская и др., 2022]. Например, в общественном сознании существуют стереотипные представления, что в компьютерные науки и инженерные дисциплины идут очень умные от рождения люди, но в то же время они замкнутые и социально изолированные, увлечены только компьютерами и внешне непривлекательны, что вступает в противоречие с распространенными представлениями о женских ролях и идентичности [Cheryan et al., 2015]. Также стереотипом является отнесение математических и инженерно-технических направлений подготовки к сугубо «мужским» областям [Замятнина, 2017; Малошонов и др., 2022а]. Кроме того, существуют гендерные стереотипы о различных способностях мужчин и женщин преуспевать в определенных предметных областях. Например, во многих странах распространены стереотипные убеждения о превосходстве мужских способностей в изучении математики [Morrissey et al., 2019] и инженерии [Johnson et al., 2013] над женскими способностями.

Гендерные стереотипы в значительной степени влияют на профессиональный выбор, образовательное поведение и восприятие людей [Замятнина, 2017; Schuster, Martiny, 2017]. Эмпирические исследования показывают, что девушкам сложно идентифицировать себя со сферой STEM, поскольку они не похожи на стереотипные образы типичных представителей этой профессии и вследствие этого расценивают свой интерес к данным областям как что-то ненормальное

и несвойственное женщинам [Kim et al., 2018; Murphy et al., 2007]. Экспериментальные исследования также подтверждают, что активация гендерных стереотипов (например, через упоминание, что юноши лучше справляются с определенными заданиями) приводит к снижению результатов тестов у девушек [Spencer et al., 1999; Danaher, Crandall, 2008; Good et al., 2008]. Данный эффект был объяснен с помощью понятия «угроза подтверждения стереотипа» (stereotype threats), введенного в 1995 г. Клодом Стиллом и Джошуа Аронсоном и подразумевающего психологический феномен, когда стереотип негативно влияет на поведение человека в силу возникновения у него беспокойства о том, что другие люди оценивают его через призму этого стереотипа, или нежелания подтвердить стереотип своим поведением [Steele, Aronson, 1995; Shapiro, Williams, 2012]. Таким образом, более низкие результаты девушек при активации гендерных стереотипов объяснялись учеными возникновением эмоционального давления, связанного с вероятностью подтвердить стереотип.

В рамках данной работы мы сосредоточим внимание на одном из распространенных гендерных стереотипов о превосходстве математических способностей юношей по сравнению с девушками. Этот стереотип имеет важное значение для студентов, обучающихся на математических и инженерных направлениях подготовки, по нескольким причинам. Во-первых, математические способности и хорошая математическая подготовка считаются важными условиями успешного обучения на данных направлениях подготовки [Veenstra et al., 2008]. Во-вторых, предыдущие исследования показали, что стереотипы о гендерных различиях в математических способностях появляются во время обучения детей в школе и свойственны взрослым людям, что может существенно воздействовать на поведение учащихся в университете и их оценку своих способностей преуспеть в получаемой профессии [Morrissey et al., 2019; Bloodhart et al., 2020]. Даже те девушки, чьи результаты по естественнонаучным дисциплинам выше, чем у юношей, в силу действия гендерного стереотипа о врожденных математических способностях воспринимаются как менее способные [Bloodhart et al., 2020]. Мы изучим, как приверженность студентов этому стереотипу и восприятие его распространенности среди преподавателей и одноклассников взаимосвязаны с восприятием учебной нагрузки и студенческой вовлеченностью.

Гендерные различия и образовательное поведение учащихся

Исследования, проведенные в рамках школьного и высшего образования, обнаружили стереотипы о мужском и женском стиле обучения, которые приводят к реальным различиям в образовательном поведении юношей и девушек [Jackson, Dempster, 2009; Heyder, Kessels, 2015]. Согласно результатам, юноши воспринимаются как ленивые учащиеся, избегающие усердной учебы, но добивающиеся успеха в силу своего ума и способностей, в то время как девушки рассматриваются как прилежные учащиеся, которые прикладывают много усилий для получения высоких образовательных результатов [Jackson, Dempster, 2009]. Так как эти исследования не были проведены в STEM дисциплинах, мы не можем судить, насколько распространены такие стереотипы на образовательных программах с мужским доминированием и оказывают ли они влияние на образовательное

поведение девушек и юношей, обучающихся на математических и инженерно-технических направлениях подготовки.

Для изучения особенностей учебного поведения, обусловленных гендерными различиями и стереотипами, мы используем два конструкта: 1) восприятие учебной нагрузки и 2) студенческая вовлеченность. Под восприятием учебной нагрузки понимается субъективная оценка студента необходимых когнитивных и психологических усилий и временных затрат для выполнения учебных обязательств на образовательной программе. Мы предполагаем, что недружелюбная и в большей степени ориентированная на мужчин образовательная среда на инженерных и математических направлениях подготовки [Farrell, McHugh, 2017; Stentiford 2019; Maloshonok et al., 2022] в сочетании с «угрозой подтверждения стереотипа» [Steele, Aronson, 1995; Shapiro, Williams, 2012] приводит к дополнительной психологической нагрузке на девушек и, соответственно, к тенденции воспринимать свою учебную нагрузку в качестве высокой.

Студенческую вовлеченность, вслед за другими многочисленными работами с использованием данного конструкта, мы определяем как участие студентов в эффективных образовательных практиках, доступных в университете в рамках аудиторных занятий и дополнительных внеаудиторных и внеучебных активностей [Krause, Coates, 2008; Малошонок, 2023]. Под эффективными образовательными практиками понимаются те практики, относительно которых была установлена их положительная взаимосвязь с образовательными результатами студентов [Krause, Coates, 2008]. При этом студенческая вовлеченность — многогранное понятие, включающее разные аспекты студенческого опыта и образовательного процесса в университете [Малошонок, 2023]. И если принцип выявления эффективных практик и индикаторов вовлеченности определен подходом по измерению студенческой вовлеченности для оценки качества образования в вузах, то количество и набор типов этого многогранного конструкта различаются от исследования к исследованию [там же].

В данной статье рассматривается три типа вовлеченности: 1) вовлеченность в классе; 2) социальная интеграция; 3) невовлеченность. Под вовлеченностью в классе понимается активное участие студентов во время занятия в обучающих практиках, предполагающих социальное взаимодействие между студентами и преподавателем, имеющих образовательные цели и способных повысить образовательные результаты учащихся [Maloshonok, 2022; 2023]. К вовлеченности в классе, как правило, относится участие в дискуссиях, выступление с докладом, ответ на вопрос преподавателя и т.д., то есть те действия студентов, которые могут быть наблюдаемы и имеют образовательную направленность (в отличие от когнитивных процессов, происходящих у учащихся в голове во время изучения материала). Предыдущие исследования показывают, что вовлеченность в классе может быть подвержена влиянию численного соотношения девушек и юношей в классе, а также гендеру преподавателя [Canada, Pringle, 1995; Mazur, 2019]. Поэтому мы предполагаем, что на математических и инженерно-технических направлениях подготовки девушки будут иметь более низкую вовлеченность в классе, чем юноши, в силу того, что в классе они оказываются в меньшинстве. Хотя есть исследования, демонстрирующие противоположные результаты [Tossavainen et al., 2021; Subekti, 2021; Maloshonok, 2022].

Под социальной интеграцией мы будем понимать включенность студента во взаимодействия с одногруппниками и преподавателями с учебными целями за рамками занятий в аудитории [Tinto, 2022]. Например, студент с высоким показателем социальной интеграции часто взаимодействует с преподавателями и студентами за рамками занятий в классе: обсуждает пройденные на занятии темы в кафе или столовой с одногруппниками, помогает другим учащимся разобраться в пройденном материале, готовится к экзамену вместе с другими студентами или обсуждает с преподавателями дискуссионные вопросы по предмету, просит объяснить непонятный вопрос. Принципиальное отличие данного типа вовлеченности от вовлеченности в классе в том, что эти социальные взаимодействия имеют место за рамками аудиторного времени, установленного в расписании. Предыдущие исследования показывают, что девушки, обучающиеся на образовательных программах с мужским доминированием, реже вовлекаются в такие взаимоотношения [Mazur, 2019], а при совместном обучении с одногруппниками, как правило, выполняют второстепенные роли [Cheryan et al., 2017; Lord et al., 2011]. Поэтому в рамках нашего исследования мы предполагаем, что девушки, подверженные гендерным стереотипам, будут демонстрировать более низкую социальную интеграцию, чем не подверженные стереотипам девушки и юноши.

Наконец, под невовлеченностью (disengagement) мы будем понимать недостаточное соблюдение образовательных обязательств, выполнение которых ожидается от студентов в рамках учебного процесса в университете [Brint, Cantwell, 2014]. Мы будем придерживаться варианта, который был использован в предыдущих исследованиях [Brint, Cantwell, 2014; Shcheglova et al., 2020; Maloshonok, Shcheglova, 2023; Maloshonok, 2022; 2023], хотя более точным наименованием для этого аспекта вовлеченности было бы «выполнение учебных обязательств». Таким образом, студент с высокой невовлеченностью будет часто пропускать занятия и никогда к ним не готовиться, в то время как учащийся с низкой невовлеченностью будет выполнять все, что предписывает сделать преподаватель, включая посещение всех занятий и прочтение всей заданной для чтения на дом литературы. Исходя из результатов предыдущих исследований [Maloshonok, 2022; Малошенок, Щеглова, 2020], мы предполагаем, что приверженность гендерным стереотипам имеет положительную взаимосвязь с невовлеченностью как девушек, так и юношей, обучающихся на инженерных специальностях [Maloshonok, 2022].

Методология

Данные

В статье используются опросные данные, собранные в рамках проекта «Научно-методическое обеспечение развития системы управления качеством высшего образования в условиях коронавирусной инфекции COVID-19 и после нее», проведенного в июне 2021 года группой университетов по заказу Министерства науки и высшего образования РФ. Опрос проводился онлайн, ссылка на опрос распространялась среди студентов администрацией вуза, в котором они обучались. В опросе приняли участие студенты 401 вуза из 81 региона РФ. Анкета запрограммирована на платформе Enjoysurvey. Для целей анализа из базы с 36 822 ответами студентов российских вузов были удалены ответы респондентов с большим коли-

чеством пропущенных значений, а также с неправдоподобными ответами на вопросы о социально-демографических характеристиках. Затем были отобраны студенты, которые соответствовали следующим критериям: 1) ответили на вопросы, измеряющие приверженность гендерным стереотипам о врожденных способностях девушек и юношей к математике; 2) ответили на вопросы об их учебной нагрузке и вовлеченности; 3) обучаются в бакалавриате или специалитете российского вуза; 4) обучаются на направлениях подготовки, на которых преобладают студенты мужского пола: а) математика, б) инженерное дело, технологии и технические науки; 5) обучаются очно. В результате была получена финальная база данных, состоящая из 4311 ответов, в которой девушки составляют 43,5%, студенты математических дисциплин — 9,6%, учащиеся ведущих вузов — 26,2%, а опорных — 21,7%. Около трети студентов (32,6%), попавших в выборку, обучаются на первом курсе, 27% — на втором, 20,3% — на третьем, 17,3% — на четвертом и 2,8% — на пятом.

Измерение и анализ

Для измерения приверженности гендерным стереотипам был выбран инструмент, использовавшийся в нескольких российских исследованиях [Малошонок, Щеглова, 2020; Малошонок и др., 2022а; Maloshonok, 2022]. Респондентам задавались три вопроса в следующей формулировке: Ответьте на следующие вопросы, основываясь на ваших личных наблюдениях и представлениях.

1) Кто, на ваш взгляд, является более способным в изучении математики — юноши или девушки?

2) Кого, как вам кажется, ваши преподаватели математических предметов считают более способными в изучении математики — юношей или девушек?

3) Кого, как вам кажется, большинство ваших одноклассников считают более способными в изучении математики — юношей или девушек?

При ответе на каждый вопрос респонденты могли выбрать один вариант из следующего списка опций, охватывающего все возможные варианты ответа:

- юноши намного более способные;
- юноши немного более способные;
- у юношей и девушек одинаковые способности;
- девушки немного более способные;
- девушки намного более способные.

Данные, полученные с помощью этих вопросов, анализировались с помощью построения таблиц сопряженности и расчета статистики Хи-квадрат, а также использовались в качестве независимой переменной в регрессионном анализе. Для регрессионного анализа из ответов на данные вопросы были сконструированы три дихотомические переменные: 1) приверженность гендерному стереотипу студентов (1 — ответы «юноши намного более способные» и «юноши немного более способные», 0 — все остальные ответы); 2) оценка приверженности гендерному стереотипу преподавателей (1 — ответы «преподаватели считают, что юноши намного более способные» и «преподаватели считают, что юноши немного более способные», 0 — все остальные ответы); 3) оценка приверженности гендерному стереотипу одноклассников (1 — ответы «одноклассники считают, что юноши намного более способные» и «одноклассники считают, что юноши немного более спо-

собные», 0 — все остальные ответы). Перекодирование данных вопросов в дихотомические обусловлено тем, что только две опции из пяти по своей формулировке совпадают с распространенным стереотипом о превосходстве мужских способностей в математике. Поэтому в рамках данного исследования мы считаем, что выбор этих двух ответов свидетельствует о приверженности стереотипам, а выбор остальных ответов не свидетельствует о наличии данного стереотипа.

Для измерения восприятия учебной нагрузки использовался следующий вопрос: «Оцените свою учебную нагрузку в текущем семестре». Респондентам предлагалось выбрать один вариант из следующего списка опций: «очень низкая», «скорее низкая», «оптимальная», «скорее высокая», «очень высокая», «затрудняюсь ответить». Статистическая значимость различий в ответах на этот вопрос девушек и юношей оценивалась с помощью критерия Хи-квадрат. Однако в данном исследовании нас в большей степени интересует взаимосвязь гендера и гендерных стереотипов с восприятием учебной нагрузки в качестве высокой, поскольку мы предполагаем, что недружелюбная и в большей степени ориентированная на мужчин образовательная среда в сочетании с «угрозой подтверждения стереотипа» приводит к дополнительной психологической нагрузке девушек и, соответственно, к тенденции воспринимать свою учебную нагрузку в качестве высокой по сравнению с юношами. Для проверки этой гипотезы из вопроса об оценке нагрузки была сконструирована переменная «оценка учебной нагрузки как высокой», в которой ответы «очень высокая» и «скорее высокая» принимали значение «1», остальные ответы — «0». Эта сконструированная переменная использовалась в качестве зависимой в бинарных логистических регрессиях, построенных для оценки взаимосвязи гендера и оценки учебной нагрузки, а также взаимосвязи приверженности гендерному стереотипу, оценки приверженности стереотипу преподавателей и одноклассников и оценки учебной нагрузки.

Для измерения вовлеченности студентам задавался вопрос «Как часто в текущем семестре вы выполняли следующее?». Опираясь на проведенные ранее исследования [Brint, Cantwell, 2014; Tinto, 2022; Maloshonok, 2022; Maloshonok, Shcheglova, 2021], мы выделили три группы показателей, соответствующих трем типам вовлеченности: 1) вовлеченность в классе (три показателя), 2) социальная интеграция (четыре показателя), 3) невовлеченность (три показателя). Чтобы упростить анализ и интерпретацию данных, к изначальным показателям был применен метод главных компонент (principal component analysis, PCA), позволяющий из десяти показателей построить три фактора. Для построения каждого фактора был запущен отдельный PCA, предполагающий сжатие признаков пространства до одного фактора. Статистика Альфа Кронбаха, оцененная для каждого типа вовлеченности, принимает значения от 0,68 до 0,76, что свидетельствует о приемлемой надежности-согласованности.

Фактор «вовлеченность в классе» построен на основе ответов студентов относительно следующих активностей: 1) участие в обсуждениях на семинарах; 2) вопросы по содержанию курса преподавателю во время занятий; 3) выступления с докладом или презентацией на занятиях. Полученный фактор объясняет 63% дисперсии изначальных показателей. Значения факторных нагрузок варьируются от 0,73 до 0,83.

Социальная интеграция была измерена с помощью четырех показателей: 1) просили помощи в обучении у преподавателя или его ассистента, тьютора, когда она вам требовалась; 2) работали над групповым заданием / проектом совместно с одногруппниками во внеаудиторное время; 3) помогали сокурснику(-це) лучше понять материал дисциплины во время совместной подготовки к занятиям; 4) обсуждали с преподавателем во внеучебное время содержательные вопросы по курсу. Полученный фактор объясняет 51 % дисперсии изначальных показателей. Значения факторных нагрузок варьируются от 0,67 до 0,77.

Наконец, невовлеченность измерялась с помощью трех показателей: 1) сдавали задания по учебному курсу позже установленного срока; 2) приходили на занятия неподготовленным(-ой); 3) пропускали занятия без уважительной причины. Полученный фактор объясняет 68 % дисперсии изначальных показателей. Значения факторных нагрузок варьируются от 0,79 до 0,87.

Значения полученных факторов использовались в линейном регрессионном анализе в качестве зависимых переменных. Данные регрессионные модели были построены для оценки гендерных различий в вовлеченности и изучении взаимосвязи между переменными, отражающими приверженность гендерному стереотипу, и вовлеченностью. В качестве контрольных переменных в регрессионные модели включались следующие: 1) форма финансирования (бюджет = 1, коммерция или целевое место = 0), 2) курс обучения, 3) статус университета, 4) направление подготовки и 5) материальное положение.

Ограничения исследования

Эмпирическое исследование имеет несколько ограничений. Во-первых, для изучения распространенности гендерного стереотипа среди студентов и преподавателей мы использовали только данные, полученные из ответов студентов. Эти ответы могут быть смещены в силу ограниченности возможности студентов определять наличие стереотипов у других людей.

Во-вторых, мы предполагаем, что вопрос о способностях девушек и юношей может быть сенситивен для некоторых людей, что приводит к смещению ответов и завышению доли респондентов, заявляющих, что, по их мнению, способности девушек и юношей не различаются.

Наконец, несмотря на то что исследование охватывает большое количество российских вузов, используемый тип отбора респондентов (доступная выборка) ограничивает нашу возможность распространять полученные результаты на все российские университеты. Возможно появление систематических ошибок в данных за счет эффекта самоотбора и расхождения структуры выборки и генеральной совокупности. Например, в полученной выборке наблюдается существенное расхождение в соотношении девушек и юношей по сравнению с генеральной совокупностью (43,5 % против около 26 % — для инженерных наук и 31 % — для математических направлений подготовки [Малошонок, Щеглова, 2020]). Вполне возможно, что подверженность стереотипам студентов мужского пола, предпочитающих не участвовать в опросе, значительно отличается от ответов тех юношей, которые приняли участие в исследовании. Само соотношение девушек и юношей в выборке не влияет на результаты исследования, поскольку мы анализировали

отдельно ответы юношей и девушек. Оценить расхождение выборки и генеральной совокупности по таким переменным, как статус вуза, курс обучения, материальное положение студентов, мы не можем в силу отсутствия данных о генеральной совокупности.

Результаты

Распространенность гендерных стереотипов

Респонденты мужского пола демонстрируют более высокую приверженность стереотипу о лучших способностях юношей к математике. Только 14 % девушек, обучающихся на специальностях в области математики и инженерии, указали, что юноши имеют лучшие способности к математическим предметам, в то время как среди юношей эта доля больше в два раза (33 % — среди математиков, 28 % — среди инженеров) (см. рис. 1). Как и в предыдущих исследованиях (см. [Малошонов, Щеглова, 2020; Малошонов и др., 2022a]), более половины студентов убеждены, что способности юношей и девушек не различаются. Кроме того, 14 % девушек и 6 % юношей отмечают, что, по их наблюдениям, девушки превосходят юношей в изучении математики.

Рис. 1. Распространенность гендерных стереотипов среди студентов.

Вопрос: «Кто, на ваш взгляд, является более способным в изучении математики — юноши или девушки?»

О наличии гендерных стереотипов у преподавателей говорят 23 % девушек-математиков и 28 % девушек-инженеров. При этом доля юношей-математиков, придерживающихся такого мнения, превышает долю девушек и составляет 28 %, в то время как среди инженеров наблюдается обратная тенденция: только 22 % юношей говорят о приверженности преподавателей гендерным стереотипам, что меньше аналогичной доли среди девушек. Эти различия между направлениями

подготовки статистически значимы (Юноши: Хи квадрат = 12,512, df = 4, $p = 0,014$; Девушки: Хи-квадрат = 13,690, df = 4, $p = 0,008$).

Гендерные различия в восприятии учебной нагрузки

Наше исследование показывает, что девушки и юноши по-разному воспринимают объем учебной нагрузки, с которым они сталкиваются в университете. Почти каждая пятая девушка-математик (21 %) считает, что учебная нагрузка очень высокая, в то время как среди юношей-математиков такого мнения придерживается только 14 % респондентов (см. рис. 2). Девушки-инженеры также оценивают свою нагрузку чуть выше по сравнению с юношами (48 % против 41 % выбравших варианты ответа «скорее высокая» и «очень высокая»). Данные различия в ответах респондентов мужского и женского пола оказались статистически значимы только для студентов-инженеров в силу того, что учащиеся данных направлений в большей степени представлены в нашей выборке. Мы предполагаем, что гендерные различия в ответах учащихся математических направлений подготовки оказались статистически незначимы из-за небольшой выборки, поскольку различия в распределениях ответов сопоставимы с гендерными различиями на инженерных направлениях подготовки.

Рис. 2. Гендерные различия в восприятии учебной нагрузки.
Вопрос: «Оцените свою учебную нагрузку в текущем семестре»

Для того чтобы учесть возможное влияние характеристик вуза и студента на гендерные различия в восприятии учебной нагрузки, была использована бинарная логистическая регрессия с зависимой переменной, отражающей восприятие нагрузки как «скорее» или «очень» высокой (см. табл. 1). При контроле таких переменных, как форма финансирования, курс, статус университета, направление подготовки и материальное положение, мы также обнаружили, что юноши в меньшей степени склонны характеризовать свою учебную нагрузку как «скорее» или «очень» высокую (Odds ratio = 0,76, $p > 0,001$).

Таблица 1. Регрессионные коэффициенты для бинарной логистической модели с зависимой переменной, отражающей восприятие нагрузки «скорее» или «очень» высокой

	B (S.E.)	Exp (B)
Пол (1 — Мужской)	-0,28*** (0,06)	0,76***
Бюджет	-0,02 (0,09)	0,98
Курс обучения (ref. — 1 курс)		
2 курс	0,21* (0,08)	1,23*
3 курс	-0,08 (0,09)	0,92
4 курс	-0,13 (0,09)	0,88
5 курс	-0,56** (0,21)	0,57**
Статус вуза (ref. — Вуз без статуса)		
Ведущий университет	0,51*** (0,08)	1,66***
Опорный университет	0,35*** (0,08)	1,41***
Направление подготовки (ref. — Математическое направление подготовки)		
Инженерное направление подготовки	-0,32** (0,11)	0,73**
Материальное положение (ref. — Хорошо обеспечены, можем достаточно легко позволить себе покупку автомобиля или дорогостоящий отдых)		
Живем крайне экономно, на ежедневные расходы хватает, а покупка одежды уже представляет трудности	0,22 (0,12)	1,25
На еду и одежду хватает, но покупка крупной бытовой техники без обращения к кредиту проблематична	-0,03 (0,10)	0,97
В целом обеспечены, но не можем позволить себе дорогостоящие приобретения (путешествия, автомобиль и т. д.) без обращения к кредиту или предварительных накоплений	0,03	0,08
R2 Кокса и Снелла	0,027	
R2 квадрат Нэйджелкерка	0,036	

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Гендерные различия в студенческой вовлеченности

При контроле характеристик студента и статуса университета, в котором он обучается, мы обнаружили гендерные различия для двух из трех типов студенческой вовлеченности: вовлеченность в классе и невовлеченность (см. табл. 2). Студенты мужского пола в меньшей степени вовлечены в учебную работу в классе ($B = -0,16$, $p < 0,001$), а также демонстрируют более высокую невовлеченность ($B = 0,24$, $p < 0,001$).

**Таблица 2. Регрессионные коэффициенты для линейных моделей
с зависимыми переменными, измеряющими студенческую вовлеченность**

	Вовлеченность в классе	Социальная интеграция	Невовлеченность
	B (S.E.)	B (S.E.)	B (S.E.)
Константа	0,25** (0,07)	-0,001 (0,08)	0,06 (0,07)
Пол (1 — Мужской)	-0,16*** (0,03)	<0,001 (0,03)	0,24*** (0,03)
Бюджет	0,01 (0,05)	-0,01 (0,05)	-0,06 (0,05)
Курс обучения (<i>ref.</i> — 1 курс)			
2 курс	-0,001 (0,05)	0,04 (0,04)	0,03 (0,04)
3 курс	0,03 (0,04)	0,11* (0,05)	0,04 (0,04)
4 курс	-0,01 (0,05)	0,09 (0,05)	0,01 (0,05)
5 курс	-0,03 (0,10)	0,29** (0,10)	-0,02 (0,10)
Статус вуза (<i>ref.</i> — Вуз без статуса)			
Ведущий университет	-0,23*** (0,04)	-0,19*** (0,04)	-0,05 (0,04)
Опорный университет	-0,08* (0,04)	-0,08 (0,04)	-0,13** (0,04)
Направление подготовки (<i>ref.</i> — Математическое направление подготовки)			
Инженерное направление подготовки	-0,06 (0,05)	0,03 (0,06)	-0,22*** (0,05)
Материальное положение (<i>ref.</i> — Хорошо обеспечены, можем достаточно легко позволить себе покупку автомобиля или дорогостоящий отдых)			
Живем крайне экономно, на ежедневные расходы хватает, а покупка одежды уже представляет трудности	-0,10 (0,06)	0,01 (0,06)	0,33*** (0,06)
На еду и одежду хватает, но покупка крупной бытовой техники без обращения к кредиту проблематична	-0,09 (0,05)	-0,01 (0,05)	0,14** (0,05)
В целом обеспечены, но не можем позволить себе дорогостоящие приобретения (путешествия, автомобиль и т. д.) без обращения к кредиту или предварительных накоплений	-0,02 (0,04)	-0,02 (0,04)	0,02 (0,04)
R^2	0,017	0,010	0,029

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Взаимосвязь между гендерным стереотипом и восприятием учебной нагрузки

Взаимосвязь между приверженностью гендерному стереотипу и восприятием учебной нагрузки анализировалась отдельно для юношей и девушек. В регрессионной модели, построенной для подвыборки юношей, мы не обнаружили статистически значимых корреляций между изучаемыми переменными. Также в модели, построенной на подвыборке студентов женского пола, такие показатели, как приверженность гендерному стереотипу и восприятие одногруппников как подверженных влиянию данного стереотипа, не являются статистически значимыми предикторами для восприятия учебной нагрузки (см. табл. 4). Однако девушки, считающие, что преподаватели оценивают способности юношей к математике

выше, склонны оценивать свою учебную нагрузку как «скорее» или «очень» высокую (Odds ratio = 1,38, $p < 0,01$).

Таблица 3. Регрессионные коэффициенты для бинарной логистической модели с зависимой переменной, отражающей восприятие нагрузки как «скорее» или «очень» высокой

	Юноши		Девушки	
	B (S.E.)	Exp (B)	B (S.E.)	Exp (B)
Бюджет	-0,15 (0,12)	0,86	0,18 (0,15)	1,19
<i>Курс обучения (ref. — 1 курс)</i>				
2 курс	0,31** (0,11)	1,36**	0,07 (0,13)	1,07
3 курс	-0,08 (0,12)	0,92	-0,11 (0,13)	0,90
4 курс	-0,14 (0,13)	0,87	-0,16 (0,14)	0,85
5 курс	-0,76** (0,29)	0,47**	-0,31 (0,33)	0,74
<i>Статус вуза (ref. — Вуз без статуса)</i>				
Ведущий университет	0,75*** (0,10)	2,12***	0,21 (0,11)	1,23
Опорный университет	0,40*** (0,11)	1,49***	0,28* (0,13)	1,33
<i>Направление подготовки (ref. — Математическое направление подготовки)</i>				
Инженерное направление подготовки	-0,13 (0,17)	0,88	-0,38** (0,14)	0,68
<i>Материальное положение (ref. — Хорошо обеспечены, можем достаточно легко позволить себе покупку автомобиля или дорогостоящий отдых)</i>				
Живем крайне экономно, на ежедневные расходы хватает, а покупка одежды уже представляет трудности	0,23 (0,17)	1,26	0,19 (0,18)	1,21
На еду и одежду хватает, но покупка крупной бытовой техники без обращения к кредиту проблематична	-0,01 (0,13)	0,99	-0,07 (0,15)	0,93
В целом обеспечены, но не можем позволить себе дорогостоящие приобретения (путешествия, автомобиль и т. д.) без обращения к кредиту или предварительных накоплений	0,02 (0,11)	1,02	0,02 (0,12)	1,02
Юноши более способны к изучению математики	0,07 (0,11)	1,07	-0,26 (0,15)	0,77
Преподаватели считают, что юноши более способны к изучению математики	0,09 (0,11)	1,109	0,32** (0,12)	1,38**
Большинство одногруппников считают, что юноши более способны к изучению математики	<0,001 (0,12)	1,00	-0,02 (0,13)	0,98
R^2 Кокса и Снелла	0,037		0,017	
R^2 квадрат Нэйджелкерка	0,050		0,023	

* — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Взаимосвязь между приверженностью гендерному стереотипу и вовлеченностью

Взаимосвязь между показателями, измеряющими приверженность гендерному стереотипу, и тремя типами студенческой вовлеченности также изучалась отдельно для юношей и девушек. Было обнаружено, что приверженность гендерному стереотипу и мнение о наличии данного стереотипа у одногруппников и преподавателей не оказывают статистически значимого влияния ни на один из рассматриваемых типов вовлеченности для студентов мужского пола. Однако для вовлеченности студентов-девушек значим показатель, отражающий мнение девушек о приверженности преподавателей гендерному стереотипу (см. табл. 4). Девушки, считающие, что преподаватели оценивают математические способности юношей выше, имеют статистически ниже вовлеченность в классе ($B = -0,14$, $p > 0,05$) и социальную интеграцию ($B = -0,17$, $p > 0,01$) и выше — невовлеченность ($B = 0,12$, $p > 0,05$). Кроме того, девушки, считающие юношей более способными к изучению математики, также имеют более низкую вовлеченность в классе ($B = -0,24$, $p > 0,01$).

Таблица 4. Регрессионные коэффициенты для линейных моделей с зависимыми переменными, измеряющими студенческую вовлеченность, на подвыборках девушек и юношей

	Вовлеченность в классе		Социальная интеграция		Невовлеченность	
	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
Константа	0,10 (0,10)	0,21* (0,10)	0,04 (0,11)	-0,09 (0,10)	0,41*** (0,11)	-0,05 (0,10)
Бюджет	-0,001 (0,06)	0,003 (0,08)	-0,04 (0,06)	0,03 (0,08)	-0,08 (0,06)	-0,03 (0,07)
Курс обучения (ref. — 1 курс)						
2 курс	-0,05 (0,05)	0,07 (0,06)	-0,001 (0,06)	0,10 (0,06)	0,04 (0,06)	0,01 (0,06)
3 курс	-0,05 (0,06)	0,14* (0,07)	0,07 (0,06)	0,18** (0,07)	0,12* (0,06)	-0,08 (0,06)
4 курс	-0,05 (0,06)	0,04 (0,07)	0,002 (0,06)	0,21** (0,07)	0,01 (0,06)	0,01 (0,07)
5 курс	-0,09 (0,13)	0,08 (0,16)	0,22 (0,13)	0,39* (0,16)	-0,10 (0,13)	0,10 (0,15)
Статус вуза (ref. — Вуз без статуса)						
Ведущий университет	-0,13** (0,05)	-0,34*** (0,06)	-0,16** (0,05)	-0,20*** (0,06)	-0,07 (0,05)	-0,05 (0,05)
Опорный университет	-0,06 (0,05)	-0,12 (0,06)	-0,09 (0,05)	-0,05 (0,06)	-0,13* (0,05)	-0,15* (0,06)
Направление подготовки (ref. — Математическое направление подготовки)						
Инженерное направление подготовки	-0,03 (0,09)	-0,07 (0,07)	0,06 (0,09)	0,002 (0,07)	-0,35*** (0,09)	-0,11 (0,07)

	Вовлеченность в классе		Социальная интеграция		Невовлеченность	
	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки	Юноши	Девушки
Материальное положение (ref. — Хорошо обеспечены, можем достаточно легко позволить себе покупку автомобиля или дорогостоящий отдых)						
Живем крайне экономно, на ежедневные расходы хватает, а покупка одежды уже представляет трудности	-0,10 (0,08)	-0,05 (0,09)	-0,01 (0,08)	0,05 (0,09)	0,39*** (0,08)	0,22** (0,08)
На еду и одежду хватает, но покупка крупной бытовой техники без обращения к кредиту проблематична	-0,16* (0,07)	0,04 (0,08)	-0,09 (0,07)	0,13 (0,08)	0,13* (0,07)	0,14 (0,07)
В целом обеспечены, но не можем позволить себе дорогостоящие приобретения (путешествия, автомобиль и т. д.) без обращения к кредиту или предварительных накоплений	-0,10 (0,05)	0,11 (0,06)	-0,08 (0,05)	0,08 (0,06)	0,001 (0,05)	0,02 (0,06)
Юноши более способны к изучению математики	0,02 (0,06)	-0,24** (0,08)	0,07 (0,06)	-0,11 (0,08)	0,07 (0,06)	0,06 (0,07)
Преподаватели считают, что юноши более способны к изучению математики	-0,01 (0,06)	-0,14* (0,06)	0,05 (0,06)	-0,17** (0,06)	0,10 (0,06)	0,12* (0,06)
Большинство одногруппников считают, что юноши более способны к изучению математики	0,07 (0,06)	0,01 (0,06)	0,02 (0,06)	0,02 (0,07)	-0,02 (0,06)	0,04 (0,06)
R2	0,008	0,038	0,012	0,026	0,029	0,018

Обсуждение результатов

Результаты исследования позволяют сделать несколько важных выводов. Во-первых, хотя более двух третей студентов математических и инженерных направлений подготовки говорят, что они сами, а также их преподаватели и одногруппники не видят различий в математических способностях юношей и девушек, этому гендерному стереотипу продолжает быть подвержена заметная доля учащихся. В большей степени приверженность данному стереотипу демонстрируют юноши, обучающиеся на математических и инженерных направлениях подготовки. Предыдущие исследования показывают, что стереотип может подкрепляться численным преимуществом юношей на данных специальностях [Maloshonok et al., 2022].

Во-вторых, девушки, обучающиеся на математических и инженерных направлениях подготовки в большей мере склонны считать свою учебную нагрузку скорее или очень высокой. Кроме того, наличие у девушек мнения, что преподаватели оценивают способности юношей к математике выше, также имеет статистически значимую положительную корреляцию с оценкой нагрузки в качестве высокой.

Полученные результаты подтверждают наше предположение, что девушки испытывают на себе эмоциональное давление, связанное с «угрозой подтверждения стереотипа». Кроме того, данные результаты соответствуют результатам исследований, в которых показывается существование стереотипа о мужском и женском стиле обучения: юноши характеризуются как более ленивые учащиеся, добивающиеся результатов за счет ума и высоких врожденных способностей, в то время как девушки характеризуются как прилежные учащиеся, добивающиеся успеха за счет упорной работы [Jackson, Dempster, 2009; Heyder, Kessels, 2015]. Эти стереотипные представления могут объяснять гендерные различия в восприятии учебной нагрузки. Девушки могут считать ожидаемую модель поведения со стороны преподавателей и пытаться ей соответствовать, что может приводить к повышению их воспринимаемой и реальной учебной нагрузки.

Наконец, что касается студенческой вовлеченности, как и в предыдущих исследованиях [Brint, Cantwell, 2014; Maloshonok, 2022; Tossavainen et al., 2021; Subekti, 2021], мы обнаружили, что студенты мужского пола имеют более высокую невовлеченность. Также они демонстрируют меньшую вовлеченность в работу в классе. При этом мы не обнаружили свидетельств, что приверженность гендерному стереотипу может оказывать влияние на вовлеченность юношей, и это противоречит результатам, полученным в другом исследовании [Maloshonok, 2022]. Различия в результатах могут быть объяснены институциональными факторами: в нашем исследовании принимали участие студенты из большого числа университетов, представляющих вузы разных типов (федеральные университеты, научно-исследовательские университеты, опорные университеты, университеты без специальных статусов), в то время как в предыдущей работе [Maloshonok, 2022] использовались данные, полученные только в трех российских университетах. Несмотря на то что в целом девушки демонстрируют более высокую учебную вовлеченность, те из них, кто считает, что преподаватели оценивают математические способности юношей выше, имеют статистически ниже вовлеченность в классе и социальную интеграцию и выше — невовлеченность. Кроме того, девушки, считающие юношей более способными к изучению математики, также имеют более низкую вовлеченность в классе. Эти результаты соотносятся с выводами о негативном влиянии гендерных стереотипов на учебное поведение девушек, полученные в предыдущих исследованиях [Maloshonok, 2022; Малошенок, Щеглова, 2020].

Результаты исследования свидетельствуют о важной роли преподавателей и их отношения к студентам в формировании образовательного поведения девушек на данных направлениях подготовки. Поэтому на основе результатов исследования мы рекомендуем серию мероприятий для образовательной политики, направленных на информирование преподавателей о негативных последствиях гендерных стереотипов и обучающих правилам того, как распознать в себе гендерную предвзятость и избегать ее при взаимодействии со студентами и их оценивании. Исследования показывают эффективность подобных мероприятий, проводящихся в виде семинаров и видеолекций [Carnes et al., 2015]. Помимо этого, для повышения вовлеченности девушек в работу класса эффективными считаются методы активного обучения (active learning) и формирование небольших учебных групп

только из девушек или с равной представленностью девушек и юношей в классе [Малошонок и др., 2022b].

Данное исследование сосредоточено на изучении мнений и восприятия студентов. Однако, учитывая важную роль восприятия студентами своих преподавателей для учебной вовлеченности девушек и их восприятия учебной нагрузки, также было бы полезно оценить приверженность гендерным стереотипам самих преподавателей и изучить механизм, как их стереотипные представления влияют на отношение к юношам и девушкам и используемые ими критерии оценивания. Кроме того, будущие исследования в этой области стоит посвятить разработке и оценке эффективности интервенций для борьбы с гендерными стереотипами среди преподавателей и студентов, повышения учебной вовлеченности девушек и юношей и снижения эмоциональной нагрузки девушек при обучении на инженерных и математических направлениях подготовки.

Список литературы (References)

Замятнина Е. С. (2017) Гендерные различия при выборе специальности в вузе в современной России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 163—176. <https://orcid.org/10.14515/monitoring.2017.3.11>.

Zamiatnina E. S. (2017) Gender-related Differences in Speciality Choices in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 163—176. <https://orcid.org/10.14515/monitoring.2017.3.11>. (In Russ.)

Малошонок Н. Г. Студенческая вовлеченность как инструмент оценки качества образования в российских университетах // Университетское управление: практика и анализ. 2023. Т. 27. № 2. С. 45—58. <https://doi.org/10.15826/umpa.2023.02.012>.

Maloshonok N. G. (2023) Student Engagement as an Instrument of Assessing the Quality of Education in Russian Universities. *University Management: Practice and Analysis*. Vol. 27. No. 2. P. 45—58. <https://doi.org/10.15826/umpa.2023.02.012>. (In Russ.)

Малошонок Н. Г., Вилкова К. А. Измерение учебной вовлеченности студентов как инструмент оценки качества российского высшего образования: информационный бюллетень. Т. 24: Мониторинг экономики образования. Вып. 7. М.: НИУ ВШЭ, 2022. Maloshonok N. G., Vilкова K. A. (2022) Measuring Student Engagement as a Tool for Assessing the Quality of Russian Higher Education. Vol. 24. Iss. 7. Moscow: Higher School of Economics. (In Russ.)

Малошонок Н. Г., Щеглова И. А. Роль гендерных стереотипов в отсеве студентов инженернотехнического профиля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 273—292. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.945>.

Maloshonok N. G., Shcheglova I. A. (2020) Role of Gender Stereotypes in Student Drop-outs of Stem Programs. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 273—292. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.945>. (In Russ.)

Малошонок Н. Г., Щеглова И. А., Вилкова К. А., Абрамова М. О. Гендерные стереотипы и выбор инженерно-технического направления подготовки // Вопросы обра-

зования. 2022a. № 3. С. 149—186. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-3-149-186>.

Maloshonok N. G., Shcheglova I. A., Vilkoval K. A., Abramova M. O. (2022a) Gender Stereotypes and the Choice of an Engineering Undergraduate Program. *Educational Studies Moscow*. No. 3. P. 149—186. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-3-149-186>. (In Russ.)

Малошонов Н. Г., Щеглова И. А., Вилкова К. А., Абрамова М. О. Как привлечь девушек в STEM и помочь им добиться успеха: обзор практик преодоления гендерных стереотипов // Высшее образование в России. 2022b. Т. 31. № 11. С. 63—89. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-11-63-89>.

Maloshonok, N.G., Shcheglova, I.A., Vilkoval, K.A., Abramova, M.O. (2022b). How to Attract Women in STEM and Help Them Become Successful: The Review of Practices of Overcoming Gender Stereotypes. *Higher Education in Russia*. Vol. 31. No. 11. P. 63—89. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-11-63-89>. (In Russ.)

Савинская О. Б., Лебедева Н. В., Вилкова К. А. Гендерные стереотипы и женские стратегии в высшем STEM-образовании: обзор междисциплинарного поля // Журнал исследований социальной политики. 2022. Т. 20. № 3. С. 505—520. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2022-20-3-505-520>.

Savinskaya O. B., Lebedeva N. V., Vilkoval K. A. (2022) Gender Stereotypes and Women Strategies in STEM: a Multidisciplinary Review. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 20. No. 3. P. 505—520. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2022-20-3-505-520>. (In Russ.)

Bloodhart B., Balgopal M. M., Casper A. M. A., Sample McMeeking L. B., Fischer E. V. (2020) Outperforming Yet Undervalued: Undergraduate Women in STEM. *Plos One*. Vol. 15. No. 6. Art. e0234685. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0234685>.

Brint S., Cantwell A. M. (2014) Conceptualizing, Measuring, and Analyzing the Characteristics of Academically Disengaged Students: Results from UCUES 2010. *Journal of College Student Development*. Vol. 55. No. 8. P. 808—823. <https://doi.org/10.1353/csd.2014.0080>.

Canada K., Pringle R. (1995) The Role of Gender in College Classroom Interactions: A Social Context Approach. *Sociology of Education*. Vol. 68. P. 161—186. <https://doi.org/10.2307/2112683>.

Carnes M., Devine P. G., Manwell L. B., Byars-Winston A., Fine E., Ford C. E., Sheridan J. (2015) Effect of an Intervention to Break the Gender Bias Habit for Faculty at One Institution: A Cluster Randomized, Controlled Trial. *Academic Medicine*. Vol. 90. No. 2. P. 221—230. <https://doi.org/10.1097/ACM.0000000000000552>.

Cheryan S., Master A., Meltzoff A. N. (2015) Cultural Stereotypes as Gatekeepers: Increasing Girls' Interest in Computer Science and Engineering by Diversifying Stereotypes. *Frontiers in Psychology*. Vol. 6. No. 49. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00049>.

Cheryan S., Ziegler S. A., Montoya A. K., Jiang L. (2017) Why Are Some STEM Fields More Gender Balanced than Others? *Psychological Bulletin*. Vol. 143. No. 1. P. 1—35. <https://doi.org/10.1037/bul0000052>.

Danaher K., Crandall C. S. (2008) Stereotype Threat in Applied Settings Re-Examined. *Journal of Applied Social Psychology*. Vol. 38. No. 6. P. 1639—1655. <https://doi.org/10.1111/j.1559-1816.2008.00362.x>.

Farrell, L., McHugh L. (2017) Examining Gender-STEM Bias Among STEM and non-STEM Students Using the Implicit Relational Assessment Procedure (IRAP). *Journal of Contextual Behavioral Science*. Vol. 6. No. 1. P. 80—90. <https://doi.org/10.1016/j.jcbs.2017.02.001>.

Ferrant G., Kolev A. (2016) Does Gender Discrimination in Social Institutions Matter for Long-term Growth? Cross-country Evidence. *OECD Development Centre Working Papers*. No. 330. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/5jm2hz8dgl6-en>.

Good C., Aronson J., Harder J. A. (2008) Problems in the Pipeline: Stereotype Threat and Women's Achievement in High-Level Math Courses. *Journal of Applied Developmental Psychology*. Vol. 29. No. 1. P. 17—28. <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2007.10.004>.

Heyder A., Kessels U. (2017) Boys Don't Work? On the Psychological Benefits of Showing Low Effort in High School. *Sex Roles*. Vol. 77. No. 1. P. 72—85. <https://doi.org/10.1007/s11199-016-0683-1>.

Jackson C., Dempster S. (2009) 'I Sat Back on My Computer... with a Bottle of Whisky next to Me': Constructing 'Cool' Masculinity through 'Effortless' Achievement in Secondary and Higher Education. *Journal of Gender Studies*. Vol. 18. No. 4. P. 341—356. <https://doi.org/10.1080/09589230903260019>.

Johnson, A. M., Ozogul G., DiDonato M. D., Reisslein M. (2013) Engineering Perceptions of Female and Male K—12 Students: Effects of a Multimedia Overview on Elementary, Middle-, and High-School Students. *European Journal of Engineering Education* Vol. 38. No. 5. P. 519—531. <https://doi.org/10.1080/03043797.2013.811477>.

Kim A. Y., Sinatra G. M., Seyranian V. (2018) Developing a STEM Identity Among Young Women: A Social Identity Perspective. *Review of Educational Research*. Vol. 88. No. 4. P. 589—625. <https://doi.org/10.3102/0034654318779957>.

Krause, K.L., Coates H. (2008) Students' Engagement in First-Year University. *Assessment & Evaluation in Higher Education*. Vol. 33. No. 5. P. 493—505. <https://doi.org/10.1080/02602930701698892>.

Lawson K. M. (2021) Women's Daily Performance, Enjoyment, and Comfort in Male-Dominated Majors: The Role of Social Interactions in Classes. *Research in Higher Education*. Vol. 62. No. 4. P. 478—497. <https://doi.org/10.1007/s11162-020-09609-5>.

Lord S. M., Layton R. A., Ohland M. W. (2011) Trajectories of Electrical Engineering and Computer Engineering Students by Race and Gender. *IEEE Transactions on Education*. Vol. 54. No. 4. P. 610—618. <https://doi.org/10.1109/TE.2010.2100398>.

Maloshonok N. (2022) Harm Not Only Females: Math-gender Stereotypes and Engagement of Engineering Students at Russian Universities. *European Journal of Engineering Education*. Vol. 47. No. 6. P. 1197—1215. <https://doi.org/10.1080/03043797.2022.2134760>.

Maloshonok N. (2023) Do Student Engagement Patterns Differ Across National Higher Education Systems? The Comparison of US, Chinese, and Russian High-level Research-intensive Universities. *Innovations in Education and Teaching International*. <https://doi.org/10.1080/14703297.2023.2183883>.

Maloshonok N., Shcheglova I. (2023) Do the Effects of Student Engagement on the Development of Generic Skills Differ Across Nations? *European Journal of Higher Education*. Vol. 13. No. 1. P. 80—101. <https://doi.org/10.1080/21568235.2021.1992641>.

Maloshonok N., Vilkova K., Shcheglova I. (2022) If I Ignore It, Maybe It Will Go Away: How Russian Engineering Students Perceive the Gender Inequality Issue. *European Journal of Engineering Education*. Vol. 47. No. 6. P. 1315—1334. <https://doi.org/10.1080/03043797.2023.2169107>.

Mazur J. A. (2019) A Comparative Study of Student Engagement Among STEM Majors at Women's Colleges and Coeducational Institutions. *Ph. D. Thesis*.

Morrissey K., Hallett D., Bakhtiar A., Fitzpatrick C. (2019) Implicit Math-Gender Stereotype Present in Adults but not in 8th Grade. *Journal of Adolescence*. Vol. 74. P. 173—182. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2019.06.003>.

Murphy M. C., Steele C. M., Gross J. J. (2007) Signaling Threat: How Situational Cues Affect Women in Math, Science, and Engineering Settings. *Psychological Science*. Vol. 18. No. 10. P. 879—885. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2007.01995.x>.

O'Dea R. E., Lagisz M., Jennions M. D., Nakagawa S. (2018) Gender Differences in Individual Variation in Academic Grades Fail to Fit Expected Patterns for STEM. *Nature Communications*. Vol. 9. Art. 3777. <https://doi.org/10.1038/s41467-018-06292-0>.

Pascarella, E. T., Seifert T. A., Blaich C. (2010) How Effective Are the NSSE Benchmarks in Predicting Important Educational Outcomes? *Change: The Magazine of Higher Learning*. Vol. 42. No. 1. P. 16—22. <https://doi.org/10.1080/00091380903449060>.

Rudakov V., Kiryushina M., Figueiredo H., Teixeira P. N. (2022) Early Career Gender Wage Gaps Among University Graduates in Russia. *International Journal of Manpower*. <https://doi.org/10.1108/ijm-03-2021-0206>.

Shcheglova I., Gorbunova E., Chirikov I. (2020) The Role of the First-year Experience in Student Attrition. *Quality in Higher Education*. Vol. 26. No. 3. P. 307—322. <https://doi.org/10.1080/13538322.2020.1815285>.

Schuster C., Martiny S. E. (2017) Not Feeling Good in STEM: Effects of Stereotype Activation and Anticipated Affect on Women's Career Aspirations. *Sex Roles*. Vol. 76. No. 1—2. P. 40—55. <https://doi.org/10.1007/s11199-016-0665-3>.

Shapiro J. R., Williams A. M. (2012) The Role of Stereotype Threats in Undermining Girls' and Women's Performance and Interest in STEM Fields. *Sex Roles*. Vol. 66. No. 3—4. P. 175—183. <https://doi.org/10.1007/s11199-011-0051-0>.

Spencer S. J., Steele C. M., Quinn D. M. (1999) Stereotype Threat and Women's Math Performance. *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 35. No. 1. P. 4—28. <https://doi.org/10.1006/jesp.1998.1373>.

Steele C. M., Aronson J. (1995) Stereotype Threat and the Intellectual Test Performance of African Americans. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 69. No. 5. P. 797—811. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.5.797>.

Stentiford L. J. (2019) You Can Tell Which Ones are the Laddy Lads': Young Women's Accounts of the Engineering Classroom at a High-Performing English University. *Journal of Gender Studies*. Vol. 28. No. 2. P. 218—230. <https://doi.org/10.1080/09589236.2018.1423957>.

Stoet G., Geary D. (2018) The Gender-Equality Paradox in Science, Technology, Engineering, and Mathematics Education. *Psychological Science*. Vol. 29. No. 4. P. 581—593. <https://doi.org/10.1177/0956797617741719>.

Subekti F. E. (2021). Students' Mathematical Reasoning Abilities on Number Sequence Pattern Material: Viewed from a Gender Perspective. *Journal of Physics: Conference Series*. Vol. 1918. No. 4. Art. 042107. IOP Publishing. <https://doi.org/10.1088/1742-6596/1918/4/042107>.

Tinto V. (2022) Exploring the Character of Student Persistence in Higher Education: The Impact of Perception, Motivation, and Engagement. In: Reschly A. L., Christenson S. L. (eds.) *Handbook of Research on Student Engagement*. Cham: Springer. P. 357—379. https://doi.org/10.1007/978-3-031-07853-8_17.

Tossavainen T., Rensaa R. J., Haukkanen P., Mattila M., Johansson M. (2021) First-year Engineering Students' Mathematics Task Performance and its Relation to Their Motivational Values and Views About Mathematics. *European Journal of Engineering Education*. Vol. 46. No. 4. P. 604—617. <https://doi.org/10.1080/03043797.2020.1849032>.

Veenstra C. P., Dey E. L., Herrin G. D. (2008) Is Modeling of Freshman Engineering Success Different from Modeling of Non-Engineering Success? *Journal of Engineering Education*. Vol. 97. No. 4. P. 467—479. <https://doi.org/10.1002/j.2168-9830.2008.tb00993.x>.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.5.2375](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2375)

Ю. А. Афанасьева, Б. О. Соколов, А. А. Широканова

**ФАКТОРЫ КОВИД-СКЕПТИЦИЗМА В РОССИИ:
РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА МАТЕРИАЛОВ ДВУХ ВОЛН
ЛОНГИТЮДНОГО ОПРОСА «ЦЕННОСТИ В КРИЗИСЕ»**

Правильная ссылка на статью:

Афанасьева Ю. А., Соколов Б. О., Широканова А. А. Факторы ковид-скептицизма в России: результаты анализа материалов двух волн лонгитюдного опроса «Ценности в кризисе» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5. С. 115—137. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2375>.

For citation:

Afanasyeva Y. A., Sokolov B. O., Shirokanova A. A. (2023) Factors of COVID-19-Skepticism in Russia: Evidence from Two Waves of the “Values in Crisis” Longitudinal Survey. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 115–137. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2375>. (In Russ.)

Получено: 13.01.2023. Принято к публикации: 25.09.2023.

ФАКТОРЫ КОВИД-СКЕПТИЦИЗМА В РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА МАТЕРИАЛОВ ДВУХ ВОЛН ЛОНГИТУДНОГО ОПРОСА «ЦЕННОСТИ В КРИЗИСЕ»

АФАНАСЬЕВА Юлия Александровна — независимый исследователь, Алматы, Казахстан
E-MAIL: afanasye8a@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9607-3180>

СОКОЛОВ Борис Олегович — кандидат политических наук, зав. Лабораторией сравнительных социальных исследований им. Рональда Ф. Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: bssokolov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5151-8147>

ШИРОКАНОВА Анна Александровна — кандидат социологических наук, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: shirokaner@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-2908-520X>

Аннотация. Целью исследования является анализ стабильности взаимосвязей между ковид-скептическими установками, социально-демографическими и личностными характеристиками в России. Для этого используются материалы двух волн панельного онлайн-опроса «Ценности в кризисе» (первая волна — июнь 2020 г., $N = 1527$; вторая волна — апрель — май 2021 г., $N = 1199$, повторно опрошенных — 978). Сравнительный анализ данных двух волн подтверждает устойчивость основных черт ковид-скептицизма. В частности, показано, что ковид-скептики в среднем моложе, имеют более низ-

FACTORS OF COVID-19-SKEPTICISM IN RUSSIA: EVIDENCE FROM TWO WAVES OF THE “VALUES IN CRISIS” LONGITUDINAL SURVEY

Yulia A. AFANASYEVA¹ — Independent Researcher
E-MAIL: afanasye8a@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9607-3180>

Boris O. SOKOLOV² — Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head, Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research
E-MAIL: bssokolov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5151-8147>

Anna A. SHIROKANOVA³ — Independent Researcher, Cand. Sci. (Soc.)
E-MAIL: shirokaner@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-2908-520X>

¹ Алматы, Kazakhstan

² HSE University, St. Petersburg, Russia

³ St. Petersburg, Russia

Abstract. This study aims at assessing the over-time stability of associations between COVID-19 skepticism and various socio-demographic and personality characteristics. For this purpose, the authors use data from two waves (June 2020, $N = 1527$; and April-May 2021, $N = 1199$, including 978 follow-up respondents) of the online panel survey ‘Values in Crisis’ (ViC). The findings from the second wave generally replicate the patterns observed in the data from the first wave, published earlier. In particular, COVID-19 skeptics are, on average, younger, have lower levels of educational attainment, higher scores on Schwartz’s

кий уровень образования, менее привержены базовым ценностями сохранения и более — ценностям открытости. Им чаще свойственны ксенофобия, низкие уровни тревожности и институционального доверия. Есть и отличия от лета 2020 г.: ковид-скептицизм стал чаще проявляться среди людей с меньшим уровнем дохода, а также исчез «отрезвляющий» опыт столкновения с болезнью. Дополнительные вопросы, которых не было в первой волне, показывают, что скептиков характеризуют хорошее здоровье и повышенная склонность к конспирологическому мышлению.

Ключевые слова: COVID-19, ковид-скептицизм, теории заговора, базовые ценности Шварца, скептицизм в отношении науки, институциональное доверие

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-325).

Введение

С самого начала пандемии COVID-19 на фоне высокой неопределенности появилось множество слухов, фейков и теорий заговора [Ball, Maxmen, 2020; Douglas, 2021]. Например, нарративы об искусственном происхождении инфекции, о коронавирусе как биологическом оружии, о связи вспышек заболевания с вышками 5G-связи и т. д. Во многих странах мира возникли движения ковид-диссидентов — людей, которые не верили официальной информации о заболевании и игнорировали рекомендации по борьбе с ним [Scheitle, Corcoran, 2021].

Российская Федерация в этом отношении не стала исключением. Более того, уровень ковид-скептицизма и неприятия антикоронавирусных вакцин и правительственных действий, направленных на снижение заболеваемости, среди российских граждан оказался существенно выше, чем в большинстве стран мира [Solís Arce et al., 2021; Соколов, Завадская, 2021]. Даже в конце 2021 г., почти через два года после начала пандемии, 61 % населения РФ считали коронавирус

value of openness to change, and lower scores on Schwartz's value of conservatism. They are more likely to express xenophobic views but demonstrate lower levels of institutional trust and COVID-related anxiety. Yet, in contrast to mid-2020, COVID-19 skepticism is more widespread among low-income respondents while the 'sobering' effect of exposure to the disease has vanished. A few novel questions, absent in the questionnaire of the first wave but added in the second wave, indicate that skeptics are more likely to report good health and prone to conspiracy thinking.

Keywords: COVID-19, COVID-19 skepticism, conspiracy theories, Schwartz's basic values, science skepticism, institutional trust

Acknowledgments. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-325).

биологическим оружием¹. Многие на протяжении всей пандемии сознательно пренебрегали доступными мерами предосторожности, такими как ношение масок, соблюдение социальной дистанции или вакцинация. Показательно, что в августе 2020 г., когда антикоронавирусные вакцины еще не были массово доступны, 38% респондентов опроса выразили готовность вакцинироваться от COVID-19, а через год этот показатель снизился до всего лишь 15%². При этом доля нежелающих прививаться за этот же период выросла с 52% до 62%. Даже по состоянию на весну 2023 г. только 54,5% от всего населения (и 68,8% взрослых жителей) РФ были полностью привиты от нового заболевания³.

Массовое нежелание вакцинироваться или хотя бы соблюдать меры предосторожности и широкое распространение фейковой информации и теорий заговора относительно COVID-19 несомненно способствовали высоким показателям смертности от коронавируса в России. Согласно данным Росстата, с начала пандемии в марте 2020 г. и до конца 2021 г. от этой инфекции в стране умерло больше полумиллиона человек⁴. Однако другие, потенциально более надежные оценки, основанные на статистике по избыточной смертности, говорят о том, что число погибших за указанный период могло превысить миллион [Karlinsky, Kobak, 2021].

В связи с этим особый интерес представляет изучение того, какие факторы — как в целом, так и в российском контексте, — влияют на восприятие людьми официальной информации относительно заболевания. Отечественные эмпирические исследования по этой теме опираются на материалы, собранные на начальном этапе пандемии [Макушева, Нестик, 2020; Нестик и др., 2020; Соколов, Завадская, 2021]. Однако затем общий контекст сильно изменился: информации о вирусе у людей стало больше (в том числе и основанной на собственном опыте), был отменен локдаун и несколько смягчены другие коронавирусные ограничения, а также началась кампания по массовой вакцинации населения.

Насколько применимы выводы упомянутых выше ранних работ для описания паттернов ковид-скептицизма в России в более широкой временной перспективе? В настоящей статье этот вопрос изучается с помощью материалов двух волн лонгитюдного онлайн-опроса «Ценности в кризисе». Целью представленного исследования является анализ изменений, которые произошли за период между двумя этапами проекта (первая волна собиралась в июне 2020 г., вторая — в апреле и мае 2021 г.). В частности, проверяется, какие из ранее обнаруженных корреляторов ковид-скептицизма [Соколов, Завадская, 2021] сохранили значимые связи с целевой установкой, а какие — утратили.

¹ Коронавирус, вакцина и меры // Левада-Центр. 2021. 1 ноября. URL: <https://www.levada.ru/2021/11/01/koronavirus-vaktsina-i-mery/> (дата обращения: 03.04.2023) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции иностранного агента).

² Коронавирус, грипп и вакцинация // Левада-Центр. 2023. 15 февраля. URL: <https://www.levada.ru/2023/02/15/koronavirus-gripp-i-vaktsinatsiya/> (дата обращения: 03.04.2023) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции иностранного агента). Впрочем, частично это снижение можно объяснить тем, что более 30% респондентов к тому моменту уже сделали себе прививку, так что вопрос о намерениях для них был неактуален.

³ Coronavirus (COVID-19) Vaccinations // Our World in Data. URL: <https://ourworldindata.org/covid-vaccinations> (дата обращения: 03.04.2023).

⁴ Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2021_edn12.htm (дата обращения: 03.04.2023).

Обзор литературы

Понятие ковид-скептицизма — довольно размытое. Во многом это связано с тем, что заблуждения относительно нового заболевания принимают крайне разнообразные формы. Опираясь на типологию так называемых климатических скептиков (то есть лиц, отрицающих изменение глобального климата), некоторые исследователи выделяют три основных варианта ковид-скептицизма [Küppers, Reiser, 2021]. Во-первых, трендовый скептицизм (англ. *trend skepticism*), также известный как радикальный ковид-скептицизм или ковид-отрицание, — непризнание самого факта существования коронавируса. Во-вторых, атрибутивный скептицизм (англ. *attribution skepticism*), или ковид-конспирология. Приверженцы этого типа признают, что инфекция под названием COVID-19 существует и является опасной, но объясняют ее появление через ту или иную теорию заговора (биологическое оружие, передача через вышки 5G-связи и т. д.). В-третьих, скептицизм относительно воздействия вируса (англ. *impact skepticism*) — сомнения в серьезности заболевания, например представление о том, что коронавирус не опаснее сезонного гриппа.

Последняя форма ковид-скептицизма представляет бóльшую угрозу общественному здоровью, чем теории заговора, потому что именно недооценка рисков, связанных с SARS-CoV-2, ведет к отказу от вакцинации и соблюдения мер предосторожности [Latkin et al., 2021; Rothmund et al., 2020]. К тому же сторонников подобных взглядов гораздо больше, чем радикальных ковид-отрицателей или конспирологов. Так, в Канаде, США и Великобритании в 2020 г. менее 2% респондентов верили в теории заговора, связанные с коронавирусом, но от 12% до 20% (в зависимости от страны) считали, что ковид не опаснее гриппа [Pennycook et al., 2022].

Ковид-скептицизм может рассматриваться как частное проявление скепсиса в отношении научного знания в целом [Rutjens et al., 2021; Scheitle, Corcoran, 2021]. Уровень недоверия современной науке в последние десятилетия растет [Rutjens et al., 2018]. Контент, посвященный теориям заговора, в социальных сетях встречается примерно в три раза чаще, чем материалы о научных исследованиях [Bessi et al., 2015]. При этом ковид-скептицизм тесно связан с антивакцинаторством⁵ и отрицанием изменения климата [Scheitle, Corcoran, 2021]. В свою очередь, доверие науке является одним из наиболее сильных предикторов соблюдения медицинских рекомендаций [Bicchieri et al., 2021; Dohle et al., 2020].

Важную роль в развитии антинаучных взглядов играет политическая идеология. Консерваторы чаще либералов выступают против принудительных норм, таких как вакцинация или ношение масок, а также меньше доверяют официальным медицинским данным [Baumgaertner et al., 2018; Kerr et al., 2021; Levin, Bradshaw,

⁵ Ковид-скептицизм близко соотносится с феноменом вакцинной нерешительности (англ. *vaccine hesitancy*), который можно охарактеризовать как «сомнения в целесообразности и безопасности вакцинации при доступности вакцины» [Дудина, Сайфулина, 2023: 282]. Хотя вакцинная нерешительность может возникать по отношению к любым вакцинам, а не только противокоронавирусным, и в целом представляет собой более широкую проблему, чем ковид-скептицизм (то есть набор установок по отношению к одному конкретному заболеванию), эти явления имеют во многом похожую природу и набор ассоциирующихся с ними личностных и социетальных факторов. В силу отсутствия в первой волне используемого в настоящей статье опроса индикаторов вакцинной нерешительности включить эту тему в анализ, к сожалению, не представляется возможным. Подробный обзор результатов российских и зарубежных исследований по теме вакцинной нерешительности можно найти в работах [Дудина, Сайфулина, 2023; Aw et al., 2021].

2022]. Кроме того, консерваторы в большей степени склонны отвергать научные данные в целом, особенно когда последние свидетельствуют о негативном влиянии экономической деятельности на здоровье людей [McCright et al., 2013]⁶. Недовольство действиями правительства также связана с меньшей готовностью к вакцинации [Kessels et al., 2021; Priniski, Holyoak, 2022].

Другим важным коррелятом антинаучных воззрений [Hornsey et al., 2018; Lewandowsky et al., 2013] и ковид-скептицизма [Rothmund et al., 2020] является склонность к конспирологическому мышлению. Согласно недавней работе, данный фактор связан с ковид-скептицизмом сильнее, чем политические взгляды, состояние здоровья, доход и другие социально-демографические характеристики [Gemenis, 2021].

Теории заговора обычно привлекают людей в двух случаях. Во-первых, когда не удовлетворяются те или иные индивидуальные психологические потребности [Douglas, 2021]. В таком случае обращение к теориям заговора позволяет повысить чувство безопасности и контроля [Kruglanski et al., 2021], избежать неопределенности [van Prooijen et al., 2018] и удовлетворить потребность в принадлежности к группе [Graeupner, Coman, 2017]. Во-вторых, теории заговора в большей степени распространены в тех обществах, где наблюдается низкий уровень доверия политическим и социальным институтам [Barkun, 2015; Uscinski et al., 2020; Uscinski et al., 2016]. При этом вера в разнообразные теории заговора зачастую сопряжена с отказом от ношения масок и соблюдения социальной дистанции, а также неготовностью вакцинироваться [Goldberg, Richey, 2020; Imhoff, Lamberty, 2020; Romer, Jamieson, 2020].

К еще одной группе переменных, потенциально влияющих на ковид-скептицизм, относятся индивидуальная чувствительность к риску [Szántó, Dudás, 2022] и оценка возможных последствий инфицирования для собственного здоровья [Ahuja et al., 2021]. Как правило, те, кто воспринимает соответствующие риски как высокие, с большей вероятностью готовы соблюдать меры предосторожности против COVID-19 [Bruine de Bruin, Bennett, 2020]. Однако многие часто адекватно оценивают риски для других, но себя считают неуязвимыми [Weinstein, 1984]. Такие люди зачастую конструируют искусственные аргументы в пользу того, что они лично не относятся к группе риска (проживают не в том месте, не имеют хронических заболеваний, принадлежат к другой этнической группе и т.д.) [Bond, Nolan, 2011]. Логично предположить, что те, кто недооценивает опасность заболевания для своего здоровья, с большей вероятностью будут скептически или пренебрежительно воспринимать официальную информацию о COVID-19 и рекомендации по противодействию инфекции.

Следует отметить, что связь между ковид-скептицизмом и восприятием риска может быть двунаправленной. Те, кто скептически относится к новому коронавирусу, вероятно, преуменьшают свои личные шансы заболеть. В свою очередь, люди, которые полагают, что они не подвержены риску заражения, могут также не рассматривать коронавирус как серьезную угрозу своему здоровью или здоровью других людей. Так, люди, демонстрирующие высокий уровень скептицизма

⁶ Впрочем, указанная закономерность характерна только для США, что может говорить скорее об эффекте партийной принадлежности в конкретной стране, чем о роли идеологии в целом [Hornsey, Harris, Fielding, 2018].

ма, реже допускали, что близкие им люди умрут от COVID-19 [Latkin et al., 2021]. Само восприятие риска зависит от таких факторов, как личный опыт столкновения с вирусом, выраженность ценностей индивидуализма, доверие к правительству, науке и медицинским работникам [Dryhurst et al., 2020]. Интересно, что оценивающие риск заболеть для себя как очень высокий либо очень низкий более восприимчивы к дезинформации, ложным новостям и теориям заговора [Rozukalne et al., 2021].

Опасения экономических потерь также могут способствовать ковид-скептицизму [Rutjens et al., 2021]: пандемия уже привела к многочисленным трудностям, таким как спад промышленного производства, банкротства, рост безработицы и т. д. Результатом этого стали снижение материального благосостояния и ухудшение уровня жизни в различных странах, в том числе в России⁷.

Если говорить о социально-демографических характеристиках, то ковид-скептиками чаще становятся представители младших когорт, люди с хорошим здоровьем и политические консерваторы [Latkin et al., 2021], что вполне предсказуемо в контексте описанных выше результатов относительно роли восприятия рисков и идеологии в формировании ковид-скептических взглядов.

Ковид-скептицизм в Российской Федерации

Низкий уровень институционального доверия, в том числе органам власти, СМИ и системе здравоохранения, является одной из наиболее характерных отличительных черт отечественных ковид-скептиков [Соколов, Завадская, 2021]. При этом снижение доверия к СМИ повысило вовлеченность россиян в социальные сети [Дейнека, Максименко, 2021]. Последствия этого перехода неоднозначны: имеются данные о том, что пользователи таких социальных сетей, как Facebook⁸ и VK, более склонны верить в конспирологические теории [Нестик и др., 2020]. Однако результаты другого исследования [Казун, Поршнева, 2021], напротив, показывают, что телезрители чаще становятся ковид-скептиками по сравнению с людьми, для которых главным источником информации являются социальные медиа.

Причинами снижения доверия к СМИ и властям в ходе пандемии некоторые авторы называют противоречивость официальной информации и рассогласованность действий чиновников, которые приводят к росту неопределенности и, соответственно, тревоги среди населения [Макушева, Нестик, 2020]. Данный процесс может иметь своим следствием снижение готовности выполнять рекомендации экспертов по противодействию распространению вируса. С другой стороны, для России необычна ситуация, когда государство вводит массовые принудительные меры в области здравоохранения. Возможно, именно резкое и нетипичное вмешательство в частную жизнь граждан со стороны правительства стало причиной снижения институционального доверия. В этом отношении неприятие антиковидных мер является результатом слома существовавшего в России общественного

⁷ Год пандемии: макроэкономические итоги // Центр развития НИУ ВШЭ. 2021. Март. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/448697923.pdf> (дата обращения: 29.06.2022); Потерянные годы: долгосрочное влияние пандемии // ЭКОНС. 23.09.2021. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/poteryannye-gody-dolgosrochnoe-vliyaniye-pandemii/> (дата обращения: 25.06.2022).

⁸ Деятельность данной социальной сети запрещена на территории РФ 20 июня 2022 г.

договора: государство не мешает гражданам жить, а последние, в свою очередь, не требуют от него чрезмерной заботы [Исупова и др., 2021].

Анализ глубинных интервью с российскими ковид-диссидентами свидетельствует о наличии двух основных групп внутри соответствующей социальной прослойки: радикальных и умеренных скептиков [Кирзюк, 2021]. Радикальные скептики считают пандемию коронавируса мировым заговором, угрожающим жизни и свободе людей, в то время как умеренные ковид-скептики воспринимают пандемию как проявление борьбы частных экономических интересов и в целом принимают антиковидные ограничения (впрочем, скорее из-за их обязательности, а не осознанно). Обе группы демонстрируют низкий уровень доверия политикам и СМИ, однако радикальные не доверяют более широкому кругу институтов, в том числе официальной медицине и науке. Важную роль в оценке ограничительных мер играет допандемийный опыт увлечения идеями и практиками альтернативной медицины: сторонники последней в меньшей степени склонны позволять государству вмешиваться в собственную жизнь и принимать за себя решения в сфере здоровья. Это может быть связано с выраженными потребностями в ощущении собственной субъектности и возможности выражать свое мнение хотя бы в неполитических вещах. Так или иначе, ковид-скептики в России демонстрируют критическую позицию по отношению к любым внешним знаниям и предпочитают личный опыт советам и рекомендациям других.

Как и в других странах, скептиками чаще становятся мужчины, особенно среднего и пожилого возраста и без высшего образования. Опыт заболевания коронавирусом, как личный, так и у близких, ассоциировался с меньшим уровнем скептицизма, тогда как столкновение с негативными экономическими последствиями — с большим. Наконец, для отечественных ковид-скептиков характерно неприятие глобализации, международного сотрудничества и миграции, а также более низкий уровень гордости за свою страну. При этом у представителей данной категории населения в большей степени выражены ценности открытости (по Шварцу), и в меньшей — ценности сохранения [Соколов, Завадская, 2021].

Данные

Исследование подготовлено на основе материалов первых двух волн российской части международного проекта «Ценности в кризис» (далее — ЦВК; англ. *Values in Crisis*) [Понарин, Климова, Соколов, 2021]. Этот проект начался в 2020 г. и посвящен изучению в сравнительной перспективе воздействия пандемии COVID-19 на повседневную жизнь людей, а также на их убеждения, ценности и поведенческие привычки⁹. Первая волна опроса в России прошла в июне 2020 г.; в ней приняло участие 1527 респондентов. Сбор данных проводился с помощью онлайн-панели маркетинговой компании OMI (Online Marketing Intelligence)¹⁰. Коэффициент участия (англ. *participation rate*) составил 2,01%; доля прерванных интервью (англ. *break-off rate*) — 8,03%. При формировании выборки первой волны

⁹ Архив с данными первой волны проекта по 18 странам доступен по ссылке (требуется регистрация): <https://data.aussda.at/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.11587/LIHK1L> (дата обращения: 08.11.23).

¹⁰ Подробнее о методике формирования онлайн-панели и используемом программном обеспечении можно прочитать на веб-сайте компании. URL: <https://www.omirussia.ru/> (дата обращения: 22.08.2022).

использовались квоты по полу и возрасту, поэтому она довольно точно воспроизводит половозрастную структуру населения согласно материалам переписи 2010 г. Впрочем, в ней в существенно меньшей степени представлены самые пожилые респонденты (старше 70 лет), а также люди с низким уровнем образования и проживающие в сельской местности [Корсунова, Соколов, 2022].

Вторая волна опроса прошла в апреле — мае 2021 г.; размер выборки составил 1199 респондентов (коэффициент участия — 4,30%; процент прерванных интервью — 8,64%), в том числе 978 человек, принимавших участие в первом этапе исследования. Выбытие респондентов носило неслучайный характер: чаще выбывали из исследования женщины, участники без высшего образования и проживающие в сельской местности (и без того недостаточно представленные в выборке). Стоит отметить, что доля ковид-скептиков также была чуть выше среди выбывших (35%), чем среди оставшихся (32,7%), хотя это различие не является статистически значимым.

Выбывшие респонденты были заменены новыми таким образом, чтобы соблюсти для полной выборки заданные по переписи 2010 г. квоты по полу и возрасту. Новые участники, однако, сильно отличались от старых по своим социально-демографическим и личностным характеристикам. Так, в этой группе только 23,6% были мужчинами (против 51,6% среди опрошенных повторно), высшее образование имели 18,1% (против 43,9%), а средний возраст составлял 31,3 года (против 49,5). Тем не менее различия между скептиками и нескептиками по практически всем используемым в анализе ниже переменным носили одинаковый характер как среди новых, так и среди старых участников, причем не только в плане направления и значимости, но зачастую и абсолютной величины¹¹. Похожая картина наблюдается и при сравнении оставшихся и выбывших на данных первой волны. Поэтому представляется оправданным сравнивать между волнами результаты, полученные на полных выборках, а не только на множестве повторно опрошенных.

Операционализация

Для того чтобы определить, склонен ли конкретный респондент к ковид-скептицизму, в анкете ЦВК использовался следующий вопрос:

В социальных сетях можно найти сообщения, в которых объявляют пандемию коронавируса обманом, а введение ограничительных мер — истерией и слишком острой реакцией. Согласны ли Вы с этим или не согласны?

Соответствующий вопрос предполагает только два варианта ответа: да или нет. У подобной бинарной категоризации есть как положительные, так и отрицательные стороны. Можно поделить всю выборку на скептиков и нескептиков и далее проводить сравнения между этими двумя группами с помощью простых статистических тестов на значимость различий в средних или пропорциях. Однако она смешивает (1) восприятие пандемии как таковой и (2) отношение к правительственным мерам по борьбе с ней, а также не различает градации ковид-скептицизма — например, тех, кто всего лишь склонен отмахиваться от выполнения простых мер

¹¹ Соответствующие результаты не приводятся в рукописи в целях экономии места, но могут быть предоставлены авторами по запросу.

предосторожности, и тех, кто не верит в существование вируса в принципе. В целом такая формулировка позволяет классифицировать соответствующий вопрос как измеряющий ту разновидность ковид-скептицизма, которая выше была обозначена как скептицизм относительно серьезности воздействия вируса (англ. *impact skepticism*). Тем не менее во второй волне ЦВК применялось несколько дополнительных вопросов, отражавших степень поддержки респондентами ряда теорий заговора, связанных с коронавирусом, и среди ковид-скептиков число сторонников различных конспирологических концепций оказалось значительно выше (см. подраздел «Новые результаты» ниже). Это свидетельствует в пользу того, что применяемая в ЦВК методика измерения ковид-скептицизма — при очевидном несовершенстве — все же может рассматриваться в качестве работоспособной¹² (см. также аргументы, приводящиеся в [Соколов, Завадская, 2021: 417]).

В анкете ЦВК имеется значительное число индикаторов, фиксирующих фундаментальные личностные черты и ценности участников исследования, а также их установки и мнения по широкому кругу общественно-политических проблем и социально-демографические атрибуты. Отдельный блок вопросов отражает различные аспекты индивидуального опыта пандемии: болел ли коронавирусом конкретный респондент или члены его семьи, и если да, то насколько серьезно; столкнулся ли он с экономическими последствиями ухудшения эпидемиологической ситуации; насколько он тревожится по поводу происходящего. Далее в статье приводятся результаты сравнения скептиков и нескептиков по описанным тематическим категориям с использованием данных второй российской волны ЦВК. Особый акцент делается на сравнении значимых коррелятов ковид-скептицизма между этапами опроса: какие паттерны, выявленные в первой волне [Соколов, Завадская, 2021], сохранились и во второй, а какие не нашли подтверждения.

Настоящее исследование носит описательный характер, поэтому специфические содержательные гипотезы относительно роли тех или иных факторов в формировании ковид-скептических взглядов не выдвигаются — это было бы затруднительно сделать хотя бы из-за значительного количества признаков, по которым сравниваются скептики и нескептики. Следует тем не менее отметить, что изучаемая проблематика имеет важную прикладную значимость для российского общества — в силу широкого распространения в стране ковид-скептицизма и его частных проявлений, таких как пренебрежение вакцинацией и другими мерами предосторожности¹³, уже внесших немалый вклад в высокий уровень смертности от коронавируса в России¹⁴. Поэтому даже описательные результаты мо-

¹² Следует также отметить, что оригинальные анкеты первой и второй волн ЦВК разрабатывались международным коллективом исследователей, а не авторами настоящей рукописи. Возможности повлиять на структуру опросника — кроме включения небольшого количества новых вопросов во второй волне — у последних не было. Используемая формулировка тем не менее уже показала свою полезность в вопросе изучения ковид-скептицизма в России [Соколов, Завадская, 2021].

¹³ Коронавирус и личные контакты // Левада-Центр. 2022. 21 марта. URL: <https://www.levada.ru/2022/03/21/koronavirus-i-lichnye-kontakty/> (дата обращения 28.03.2022); Вакцинация от коронавируса: отношение россиян // ВЦИОМ. 2021. 26 ноября. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vakcinacija-ot-koronavirusa-otnoshenie-rossijan> (дата обращения 28.03.2022).

¹⁴ Избыточная смертность в России в 2020 году — худший показатель с 1947 года. Россия в мировых лидерах // VC.RU. 2021. 18 февраля. URL: <https://vc.ru/flood/210333-izbytochnaya-smertnost-v-rossii-v-2020-godu-hudshiy-pokazatel-s-1947-goda-rossiya-v-mirovyh-liderah> (дата обращения: 23.06.2022).

гут оказаться полезными для разработки эффективных правительственных мер по противодействию коронавирусной инфекции и повышению сознательности (равно как и стимуляции ответственного поведения) населения в плане вопросов здравоохранения.

Результаты

На момент проведения первой волны ковид-скептиками были 38% (37,2% среди тех, кто принял участие и во втором этапе) респондентов ЦВК. Этот показатель был одним из самых высоких среди стран — участниц опроса (больше оказалось только в Чили — 60,5%). Во второй волне опроса, к моменту проведения которой в России уже прошел осенне-зимний пик заболеваемости, была запущена в массовое производство вакцина от коронавируса и появилось много новых и убедительных научных данных, доля ковид-скептиков все равно составила почти треть от населения страны — 31,9% (31,7% среди участников обеих волн; к сожалению, открытых данных для других стран по второй волне пока нет).

Факторы ковид-скептицизма, значимые в обеих волнах

В обеих волнах уровень образования значимо связан со склонностью к ковид-скептицизму. В данных второй волны с увеличением уровня образования доля ковид-скептиков уменьшается: с 48,7% среди людей с неполным средним образованием до 23,0% среди людей с высшим образованием ($\chi^2 = 26,03$, $df = 2$, $p < ,001$). Стоит отметить, что по сравнению с первым этапом исследования доля ковид-скептиков в 2021 г. сократилась в группах людей с высшим и средним образованием с 33,1% до 23,0% и с 41,1% до 36,0% соответственно, тогда как среди наименее образованных она выросла на 7,2% (с 41,5%).

Ковид-скептики по-прежнему меньше беспокоятся о том, что они сами или их близкие заболеют и серьезно пострадают от коронавируса. Для данной категории среднее значение уровня тревоги по данному поводу — 2,38 (по шкале от 0 до 4, где 4 обозначает максимальный уровень тревожности), а для остальных — 2,95 ($\Delta = 0,57$, $t = 7,63$, $p < ,001$)¹⁵. Однако среди скептиков уровень тревоги немного вырос (с 2,12 в первой волне), тогда как среди остальных респондентов — немного уменьшился (с 3,03).

Как и в первой волне опроса, во второй скептики демонстрируют более низкий уровень национальной гордости (2,84 против 3,15 по шкале от 1 до 4; $\Delta = 0,31$, $t = 5,13$, $p < ,001$), хуже оценивают деятельность правительства по борьбе с распространением заболевания (1,54 против 2,10 по шкале от 0 до 4, $\Delta = 0,56$, $t = 8,4$, $p < ,001$) и менее оптимистичны в своих оценках последствий пандемии для страны (1,65 против 1,90 по шкале от 1 до 3, $\Delta = 0,25$, $t = 5,4$, $p < ,001$). Кроме того, они по-прежнему придерживаются более ограничительных взглядов на миграцию в страну (2,40 против 2,26 по шкале от 1 до 4, где 1 означает наиболее позитивное отношение к миграции, а 4 — наиболее негативное; $\Delta = 0,14$, $t = 2,5$, $p = ,012$)

¹⁵ Здесь и далее разница средних и соответствующая t-статистика приводятся по модулю, так как вместе с ними даются и средние значения для сравниваемых групп, в силу чего не составляет труда понять, в какой группе целевой показатель выражен в большей степени. Если прямо не указано иное, то по умолчанию используется критерий Стьюдента для независимых выборок.

и в меньшей степени склонны полагать, что этническое разнообразие может обогатить общество (5,78 против 6,21 по шкале от 1 до 10; $\Delta = 0,43$, $t = 2,6$, $p = ,01$).

Данные первого этапа ЦВК также показали, что отечественных ковид-скептиков характеризует низкий уровень институционального доверия [Соколов, Завадская, 2021: 429]. Эта закономерность сохранилась и год спустя: скептики продолжают меньше доверять правительству (0,89 против 1,24 по шкале от 0 до 3; $\Delta = 0,35$, $t = 5,96$, $p < ,001$), системе здравоохранения (0,99 против 1,18; $\Delta = 0,19$, $t = 3,6$, $p < ,001$) и институтам страны в целом (1,09 против 1,36; $\Delta = 0,27$, $t = 5,25$, $p < ,001$)¹⁶, хотя по сравнению с первой волной указанные показатели слегка выросли (соответствующие значения первой волны для сомневающихся в опасности коронавируса — 0,85, 0,92 и 1,03). Скептики также меньше доверяют традиционным СМИ (телевидению или газетам) в противопоставлении с социальными сетями (2,61 против 3,13 по шкале от 1 до 5, где 1 означает наиболее высокий уровень доверия социальным медиа, а 5 — традиционным; $\Delta = 0,52$, $t = 7,26$, $p < ,001$), что согласуется с результатами как первого этапа ЦВК, так и других исследований на российских данных, свидетельствующих о наличии положительной связи между использованием социальных сетей и приверженностью конспирологическим убеждениям [Нестик и др., 2020].

По итогам анализа данных первой волны ЦВК были обнаружены заметные различия между скептиками и нескептиками по некоторым типам базовых ценностей, выделяемых в рамках модели Шаломы Шварца [Schwartz, 1992; Schwartz, 2007], для измерения которых использовался стандартный портретный опросник PVQ—21. Как и в первой волне ЦВК, во второй ковид-скептики демонстрируют более низкие оценки по шкалам безопасности (0,38 против 0,70¹⁷; $\Delta = 0,32$, $t = 6,06$, $p < ,001$) и конформности (–0,34 против –0,17; $\Delta = 0,17$, $t = 2,96$, $p < ,001$), относящимся к ценностям сохранения, и более высокие — по шкалам стимуляции (–0,50 против –0,84; $\Delta = 0,34$, $t = 5,29$, $p < ,001$) и гедонизма (–0,29 против –0,47; $\Delta = 0,18$, $t = 2,88$, $p < ,001$), принадлежащим к ценностям открытости изменениям. При этом в 2021 г. обе группы имеют примерно одинаковые средние значения (0,28 против 0,27; $\Delta = 0,01$, $t = 0,34$, $p = 0,74$) по шкале самостоятельности (ценности открытости изменениям), зато между ними проявляются значимые различия по шкалам власти (ценности самоутверждения), традиции (ценности сохранения) и универсализма (ценности самопреодоления). Для ковид-скептиков характерны более высокие оценки по первой из указанных шкал (–0,34 против –0,52; $\Delta = 0,18$, $t = 3,16$, $p < ,001$) и более низкие — по остальным двум (ценность традиции: 0,03 против 0,19; $\Delta = 0,16$, $t = 2,70$, $p < ,001$; ценность универсализма: 0,42 против 0,54; $\Delta = 0,12$, $t = 2,73$, $p = 0,01$). Таким образом, представители этой категории респондентов в меньшей степени ценят статус-кво и при этом более открыты к изменениям, но в то же время сосредоточены в первую очередь на себе, меньше заботятся о благополучии других и больше ценят власть.

¹⁶ Во всех трех вопросах использовалась шкала от 0 до 3 (исходно — от 1 до 4, но для удобства интерпретации точка отсчета была перенесена на ноль), где 3 означает максимальный уровень доверия.

¹⁷ При расчете индивидуальных значений по десяти ценностям низкого порядка использовалась коррекция на стиль ответа, предполагающая центрирование значений по каждому отдельному вопросу относительно среднего балла респондента по всем 21 пунктам анкеты.

Факторы, не связанные с ковид-скептицизмом в обеих волнах опроса

Из числа социально-демографических переменных к таковым относятся семейное положение, количество детей и размер домохозяйства. Между скептиками и нескептиками в обеих волнах также нет различий по показателям личностных черт «Большой пятерки»¹⁸ (экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, невротизм, открытость опыту) и по различным атрибутам религиозности. Средние значения важности религии среди скептиков и нескептиков во второй волне составляют 2,63 и 2,66 соответственно (по шкале от 1 до 4; $\Delta = 0,02$, $t = 0,4$, $p = 0,67$). И те и другие чаще всего определяют себя как религиозных людей (46,3% и 45,8%), чем как нерелигиозных (37,7% и 35,8%) или атеистов (16,0% и 18,4%). В обеих группах медианным значением частоты посещения церкви является категория «Реже, чем раз в год». По-прежнему не наблюдается различий между скептиками и нескептиками в идеологических позициях. Средние значения по идеологической шкале «лево — право» (от 1 до 10) в этих группах составляют 4,97 и 5,12 соответственно ($\Delta = 0,15$, $t = 1,4$, $p = 0,16$).

Изменения между первой и второй волнами

В отличие от первой волны опроса, опыт столкновения с болезнью (личный или родственников¹⁹) во второй волне не является значимым фактором при дифференциации скептиков и нескептиков. Доля ковид-скептиков среди тех, кто так или иначе столкнулся с коронавирусом, немного ниже, чем среди тех, кто подобного опыта не имел (29% против 33%), но это различие статистически незначимо ($\chi^2 = 2,13$, $df = 1$, $p = 0,14$). Также потерял значимость опыт столкновения с экономическими последствиями пандемии. Доля скептиков среди тех, кто сообщил о материальных проблемах²⁰, выше, чем среди тех, кто не сообщил (36% и 30% соответственно), но и в данном случае разница между этими группами не дотягивает до классического порога $\alpha = 0,05$ ($\chi^2 = 3,21$, $df = 1$, $p = 0,07$).

Во второй волне стали более заметными возрастные различия между скептиками и нескептиками: средний возраст ковид-скептиков — 43,8 года, а нескептиков — 47,7 года ($\Delta = 3,9$, $t = 4,48$, $p < ,001$; в первой волне соответствующие значения были 44,9 и 46,2 года). Также изменилось распределение ковид-скептиков по возрастным категориям. Если в первой волне опроса доля скептиков среди респондентов младше 25 лет (условная «молодежь») составляла всего 27,3%, то во второй она выросла до 35,4% (что выше средневыворочного показателя); в группах 25—60 лет (условные «работающие») и 60+ (условные «пожилые») аналогичные значения снизились с 41,5% до 35% и с 27,5% до 19,2%.

Во второй волне значимым предиктором ковид-скептицизма стал доход. С увеличением достатка доля ковид-скептиков снижается. Медианный доход в группе ковид-скептиков — от 30 до 40 тыс. руб., в группе нескептиков — от 40 до 60 тыс.

¹⁸ Измерялись с помощью краткого личностного опросника BFI-10 [Rammstedt, John, 2007].

¹⁹ Учитывалось либо наличие подтвержденного диагноза, либо просто опыт инфекции с типичными симптомами коронавируса у респондента или членов его семьи между началом пандемии и первой волной ЦВК (для респондентов первой волны) или между первой и второй волнами (для респондентов второй волны).

²⁰ К таковым относятся те, кто потерял работу/бизнес или был вынужден перейти на неполный рабочий день между началом пандемии и первой волной ЦВК (среди респондентов первой волны) или между первой и второй волнами (среди респондентов второй волны).

руб. Наконец, во второй волне ковид-скептики меньше привержены ценностям выбора (0,43 против 0,49 по шкале от 0 до 1; $\Delta = 0,06$, $t = 3,90$, $p < ,001$) и равенства²¹ (0,58 против 0,62; $\Delta = 0,04$, $t = 2,45$, $p = 0,01$) по сравнению с остальным населением (в первой волне различий между скептиками и нескептиками по данным показателям не наблюдалось).

Новые результаты

Во второй волне в анкету ЦВК были включены дополнительные вопросы, нацеленные на изучение проблематики ковид-скептицизма и, шире, склонности к вере в теории заговора. Выяснилось, что доля ковид-скептиков ниже (27,6 %) среди тех, кто испытывает различные хронические проблемы со здоровьем (сердечно-сосудистые заболевания, сахарный диабет, рак и другие), чем среди тех, кто не отметил у себя наличие хронических заболеваний (37,8 %). Это различие статистически значимо ($\chi^2 = 13,5$, $df = 1$, $p = 0,00$).

Ковид-скептики ценят свободу во время пандемии выше здоровья: для них значение по измеряющей данную установку шкале от 1 (максимальный приоритет свободы) до 5 (максимальный приоритет здоровья) составляет 2,96 против 3,68 у нескептиков ($\Delta = 0,72$, $t = 11,02$, $p < ,001$). При этом они хуже приспособились к жизни в условиях пандемии (1,64 против 1,79 по шкале от 1 до 4, где 4 — максимальная степень согласия с утверждением «Я очень хорошо приспособился к жизни в условиях пандемии»: $\Delta = 0,15$, $t = 2,88$, $p < ,001$) и сильнее устали от поиска информации об ограничениях, чем нескептики (1,47 против 1,22 по шкале от 1 до 4, где 4 — максимальная степень согласия с утверждением «Я устал от поиска информации об ограничениях и соблюдения этих ограничений, связанных с пандемией коронавируса»; $\Delta = 0,25$, $t = 4,04$, $p < ,001$).

Вполне предсказуемо, что представители данной группы отличаются повышенным доверием к разнообразным теориям заговора. Респондентов второй волны опроса просили оценить по шкале от 1 до 5 (где 5 означает максимальную степень согласия), насколько они согласны со следующими утверждениями о коронавирусе: (а) «Вирус создан искусственно»; (б) «Распространение вируса является целенаправленной попыткой одного государства дестабилизировать другие»; и (в) «Распространение вируса является целенаправленной попыткой группы влиятельных людей заработать деньги». Среди скептиков средний уровень поддержки первого утверждения равнялся 3,91 против 3,22 у нескептиков ($\Delta = 0,69$,

²¹ Данные конструкторы являются элементами более широкого понятия эмансипативных ценностей [Welzel, 2013], развивающего популярные концепции ценностей постматериализма и самовыражения [Inglehart, Welzel, 2005; Inglehart, 1977].

Ценности выбора отражают, насколько допустимыми респондент считает следующие три практики, относящиеся к сфере сексуальности и репродуктивного поведения: гомосексуальность, аборт и разводы. В ЦВК измерялись с помощью стандартных шкал со значениями от 1 (практика совершенно недопустима) до 10 (практика полностью допустима), используемых, например, во «Всемирном исследовании ценностей». Итоговые индивидуальные значения представляют средние арифметические по трем вопросам, приведенные к шкале от 0 до 1, где 1 обозначает максимально толерантные взгляды.

Ценности равенства операционализируются как средний уровень согласия респондента со следующими тремя утверждениями: (а) мужчины являются лучшими политическими лидерами, чем женщины; (б) университетское образование является более важным для юношей, чем для девушек; и (в) при недостатке рабочих мест приоритет должен отдаваться кандидатам-мужчинам. Итоговая шкала также принимает значения от 0 до 1, где 1 — это максимальная степень поддержки гендерного равенства.

$t = 8,8, p < ,001$); второго — 3,70 против 2,80 ($\Delta = 0,90, t = 11,5, p < ,001$); третьего — 4,02 против 3,00 ($\Delta = 1,02, t = 13,5, p < ,001$). Парные корреляции между индикаторами поддержки различных теорий заговора также были довольно высокими и варьировались в интервале от 0,68 до 0,78.

Заключение

Результаты анализа данных двух этапов проекта «Ценности в кризисе» показывают, что в 2021 г. (по сравнению с 2020 г.) доля ковид-скептиков уменьшилась с 38 % до 31,9 % (с 37,2 % до 31,7 %, если брать только респондентов, принявших участие в обеих волнах). Неясно, впрочем, является ли это устойчивым трендом или просто временной флуктуацией²² (возникшей, например, из-за замещения выбывших респондентов первой волны новыми участниками).

Результаты второй волны ЦВК подтверждают большую часть тенденций, выявленных на первом этапе исследования. Российские ковид-скептики, как и в первой волне, в среднем имеют более низкий уровень образования. Они реже переживают о возможных негативных последствиях пандемии для себя лично и для своих близких. Также представители этой группы в меньшей степени гордятся страной, но при этом демонстрируют высокий уровень изоляционизма и ксенофобии. Скептики склонны не доверять национальным институтам и традиционным СМИ и критичнее оценивать действия правительства по противодействию пандемии. Сомневающиеся в серьезности коронавирусной угрозы по-прежнему демонстрируют более низкие значения по ряду ценностей сохранения по Шварцу (стоит отметить, что во второй волне скептики меньше поддерживали и универсализм, одну из ценностей самопреодоления) и более высокими — по некоторым ценностям самоутверждения и открытости изменениям. Наконец, между скептиками и не-скептиками все так же не наблюдается различий в плане личностных черт, религиозности и базовых идеологических предпочтений (по шкале «лево — право»).

Некоторые результаты первой волны, однако, во второй не подтвердились: непосредственное столкновение с болезнью и (в меньшей степени) проблемы с работой не стали значимыми предикторами ковид-скептицизма весной 2021 г. Исчезновение «отрезвляющего» эффекта непосредственного столкновения с болезнью, наблюдавшегося в 2020 г., вполне объяснимо: поздние штаммы вируса были не такими агрессивными и смертоносными, в силу чего заразившиеся испытывали менее выраженные симптомы. Это должно было только подкреплять исходные представления о том, что новое заболевание не страшнее гриппа или других распространенных респираторных инфекций. Кроме того, ковид-скептицизм несколько «помолодел». Это представляется вполне логичным: заболеваемость и смертность среди лиц старшего возраста значительно выше, так что по мере развития пандемии представители указанной группы на собственном опыте убедились в реальности угрозы, которую несет коронавирус. Также появились не наблюдавшиеся ранее различия по материальному достатку (медианное значение

²² В третьей волне ЦВК, собранной в ноябре — декабре 2021 г. (1205 респондентов, из которых в первых двух волнах участвовали 726), доля скептиков составляет 35 %, что свидетельствует скорее в пользу второй интерпретации. С другой стороны, как отмечалось выше, этот показатель среди выбывших после первого этапа опроса был несколько выше, чем среди оставшихся.

дохода у скептиков чуть ниже) и по индивидуальным ценностям, измеренным по методике Инглхарта — Вельцеля (скептики меньше поддерживают гендерное равенство и свободу распоряжения собственным телом).

Дополнительные вопросы, включенные в анкету второй волны, показывают, что ковид-скептики реже страдают от хронических заболеваний (здесь, очевидно, работает тот же механизм, что и в случае с пожилыми: чем меньше риски заболеть, тем больше человек может позволить себе пренебрегать угрозой), в большей степени ценят свободу, чем здоровье, и сильнее устали от пандемии. Как и следовало ожидать, исходя из данных по другим обществам, принадлежащие к этой категории респонденты значимо чаще склонны соглашаться с теориями заговора, посвященными коронавирусу.

В целом ковид-скептические взгляды более характерны для людей с неустойчивым материальным положением (ниже доход, хуже образование, имеется опыт финансовых проблем во время пандемии), а также респондентов, активных на рынке труда (о чем свидетельствует изначальное преобладание — и особенно значительный прирост их доли во второй волне — скептиков среди лиц трудоспособного возраста). В ценностном плане скептики — это люди, для которых менее важны традиции и общественное благосостояние; последнему они предпочитают самоутверждение. Они также более толерантны к изменениям, но в то же время в меньшей степени поддерживают ценности равенства и выбора, что странно, так как последние обычно положительно коррелируют с ценностями открытости по Шварцу. Впрочем, данная закономерность проявляется только во второй волне и требует дальнейшего подтверждения. С другой стороны, скептики несколько хуже образованы и имеют меньший доход, что обычно способствует формированию более консервативных установок [Inglehart, Welzel, 2005; Welzel, 2013], равно как и отрицательному отношению к иммигрантам и этническому разнообразию общества [Billiet et al., 2014].

Вкупе с выраженным недоверием к разнообразным национальным институтам и традиционным медиа (которые также можно рассматривать в качестве системообразующего элемента сложившегося социального порядка), а также более низкой оценкой эффективности предпринимаемых правительством мер по борьбе с пандемией и меньшим уровнем гордости за свою страну, все это свидетельствует о том, что типичный российский ковид-скептик представляет собой атомизированного, неустроенного, во многом оторванного от общества и не доверяющего ему индивида, зачастую склонного к отвержению официальных нарративов (отсюда проистекает популярность теорий заговора среди представителей этой группы). Важно отметить, что подобная атомизация вызвана скорее материальными факторами (некоторая социально-экономическая депривация вкупе с меньшей субъективно воспринимаемой уязвимостью перед вирусом, обусловленной более молодым возрастом и крепким здоровьем), чем уникальными личностными особенностями таких респондентов (которые не отличаются от нескептиков в плане «большой пятерки» личностных черт). В этом смысле Россия похожа на другие страны, где, как показывают результаты исследований, описанных в обзоре литературы, скептики тоже обычно принадлежат к уязвимым (особенно в экономическом смысле) социальным группам и склонны придерживаться антисистемных взглядов — в плане как политических убеждений, так и приверженности конспиро-

логическому и антинаучному мышлению [Rutjens et al., 2021; Kessels et al., 2021; Priniski, Holyoak, 2022].

Более высокая распространенность ковид-скептицизма в России (и в других постсоветских странах), видимо, является следствием общего роста аномии после распада СССР. Согласно данным Всемирного исследования ценностей, уровень субъективного благополучия в России существенно упал в начале 1990-х годов и не восстановился до советского уровня даже в 2011 г. [Foa et al., 2018]. Похожая картина наблюдается и для доверия большинству [Алмакаева, Волченко, 2018]. Для институционального доверия (в качестве специфического измерения которого может рассматриваться ковид-скептицизм) данные со сравнимым временным охватом отсутствуют, но вполне убедительным признаком значительной атомизации российского и других постсоветских обществ является крайне высокий по меркам развитых стран уровень самоубийств²³.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди респондентов, принявших участие в обеих волнах, тренд на снижение доли ковид-скептиков не был односторонним: хотя 15,4% повторно опрошенных участников отказались от ковид-скептических взглядов к весне 2021 г., 9,6%, напротив, к такой позиции пришли. Вопрос, какие факторы влияют на изменение индивидуальных установок по отношению к коронавирусной проблематике, заслуживает отдельного внимания.

Разумеется, выводы исследования следует с осторожностью распространять на Российскую Федерацию в целом. Полные выборки первой и второй волн в недостаточной степени покрывают такие группы населения, как пожилые, малообразованные и проживающие в сельской местности. С другой стороны, недавние методологические исследования показывают, что если в фокусе находятся не одномерные описательные статистики (например, средние и доли), а ассоциации между различными признаками, то отклонение выборки от генеральной совокупности по одному или нескольким параметрам может не быть большой проблемой [Baker et al., 2013; Sorrock, McClellan, 2019]. Настоящее исследование имеет разведывательный характер и направлено на анализ стабильности направления и примерной величины связей между ковид-скептицизмом и другими характеристиками респондентов. Для этого использование не вполне репрезентативной выборки представляется уместным, особенно с учетом первостепенной важности проблем ковид-скептицизма в частности и недоверия науке в целом для общественного здравоохранения.

Список литературы

- Алмакаева А. М., Волченко О. В. Динамика социального капитала в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 273—292. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.13>.
- Almakaeva A. M., Volchenko O. V. (2018) Dynamics of Social Capital in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 273—292. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.13>. (In Russ.)

²³ Россия входит в топ-10 стран по числу самоубийств // 2022. Коммерсантъ. 10 сентября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5549246> (дата обращения: 13.09.2023).

Дейнека О. С., Максименко А. Динамика отношения россиян к вызванной COVID-19 пандемии и режиму самоизоляции в период 1—й и 2—й волн // *Личность и общество в условиях пандемии: психологические механизмы и последствия* / под ред. Т. А. Нестика, А. Л. Журавлева. М.: Институт психологии РАН, 2021. С. 197—216. https://doi.org/10.38098/fund_21_0442_05.

Deyneka O. S., Maksimenko A. A. (2021) Dynamics of Russians' Attitudes Towards the Pandemic Caused by COVID-19 and the Self-Isolation Regime during the 1st and 2nd Waves. In: Nestik T. A., Juravlev A. L. (eds.) *Personality and Society in a Pandemic: Psychological Mechanisms and Consequences*. Moscow: Institute of Psychology, RAS. P. 197—216. https://doi.org/10.38098/fund_21_0442_05. (In Russ.)

Дудина В. И., Сайфулина В. О. «Почитала, еще меньше вакцинироваться захотелось»: онлайн-дискурс вакцинной нерешительности // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2023. № 1. С. 279—298. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2344>.

Dudina V. I., Saifulina V. O. (2023) «I Read It, I Wanted to Get Vaccinated Even Less»: An Online Discourse of Vaccine Hesitancy. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 279—298. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2344>. (In Russ.)

Исупова О. Г., Рождественская Е. Ю., Лагерёва А. Е. Ковидный ресентимент в социальных сетях: репертуар мотивированных суждений // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 5. С. 374—398. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.2004>.

Isupova O. G., Rozhdestvenskaya E. Y., Lagereva A. E. (2021) COVID Resentment in Social Media: A Repertoire of Motivated Judgments. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 374—398. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.2004>. (In Russ.)

Казун А. Д., Поршнева А. В. Кто верит в теории заговора? Факторы склонности к конспирологическому мышлению в России, Казахстане и Украине // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 6. С. 549—565. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1889>.

Kazun A. D., Porshnev A. V. (2021) Who Believes in Conspiracy Theories? Factors Influencing Propensity for Conspiracy Thinking in Russia, Kazakhstan and Ukraine. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 549—565. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1889>. (In Russ.)

Кирзюк А. А. «У меня нет страха»: ковид-диссиденты в поисках агентности и правды // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 2. С. 484—509. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1776>. Kirziuk A. A. (2021) “I Have No Fear”: COVID Skeptics in Search of Agency and Truth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 484—509. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1776>. (In Russ.)

Корсунова В. И., Соколов Б. О. Ценностные установки россиян: сравнение результатов онлайн- и офлайн-опросов // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2023. № 1. С. 279—298.

ческие и социальные перемены. 2022. № 3. С. 4—27. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2083>.

Korsunova V.I., Sokolov B.O. (2022) Value Orientations in Russia: Comparing Evidence from Online and Face-to-Face Surveys. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 4—27. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2083>. (In Russ.)

Макушева М. О., Нестик Т. А. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 427—447. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770>.

Makusheva M. O., Nestik T. A. (2020) Socio-Psychological Preconditions and Effects of Trust in Social Institutions in a Pandemic. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 427—447. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770>. (In Russ.)

Понарин, Э. Д., Климова, А. М., Соколов, Б. О. Values in Crisis-International/Ценности в кризис (данные по российской выборке) 2020 г. // Номер свидетельства: RU 2021622511, 2021. URL: https://fips.ru/registers-doc-view/fips_servlet?DB=D-B&DocNumber=2021622511&TypeFile=html

Ponarin, E.D., Klimova, A.M., Sokolov, B.O. (2021). Values in Crisis International (Russia) 2020. Registration number: RU 2021622511. URL: https://fips.ru/registers-doc-view/fips_servlet?DB=DB&DocNumber=2021622511&TypeFile=html. (In Russ.)

Нестик Т. А., Дейнека О. С., Максименко А. А. Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлеченность в сетевые коммуникации // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 4. С. 87—104. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110407>.

Nestik T.A., Deyneka O.S., Maksimenko A.A. (2020) Socio-Psychological Predictors of Belief in Conspiracy Theories of the Origin of COVID-19 and Involvement in Social Media. *Social Psychology and Society*. Vol. 11. No. 4. P. 87—104. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110407>. (In Russ.)

Соколов Б. О., Завадская М. А. Социально-демографические особенности, личностные черты, ценности и установки ковид-скептиков в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 410—435. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1938>.

Sokolov B.O., Zavadskaya M. A. (2021) Socio-Demographic Profiles, Personality Traits, Values, and Attitudes of COVID-Skeptics in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 410—435. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1938>. (In Russ.)

Ahuja M., Mamudu H. M., Weierbach F. M., Dowling-McClay K., Stewart D. W., Awasthi M., Paul T. K. (2021) Perceptions of Risk for COVID-19 among Individuals with Chronic Diseases and Stakeholders in Central Appalachia. *Humanities and Social Sciences Communications*. Vol. 8. No.1. P. 1—6. <https://doi.org/10.1057/s41599-021-00974-9>.

Aw J., Seng J. J. B., Seah S. S. Y., Low L. L. (2021) COVID-19 Vaccine Hesitancy — A Scoping Review of Literature in High-Income Countries. *Vaccines*. Vol. 9. No. 8. P. 900. <https://doi.org/10.3390/vaccines9080900>.

Baker R., Brick J. M., Bates N. A., Battaglia M., Couper M. P., Dever J. A., Tourangeau R. (2013) Summary Report of the AAPOR Task Force on Non-probability Sampling. *Journal of Survey Statistics and Methodology*. Vol. 1. No. 2. P. 90—143. <https://doi.org/10.1093/jssam/smt008>.

Ball P., Maxmen A. (2020) The Epic Battle against Coronavirus Misinformation and Conspiracy Theories. *Nature*. Vol. 581. No. 7809. P. 371—375. <https://doi.org/10.1038/d41586-020-01452-z>.

Barkun M. (2015) Conspiracy Theories as Stigmatized Knowledge. *Diogenes*. Vol. 62. No. 3—4. P. 114—120. <https://doi.org/10.1177/0392192116669288>.

Baumgaertner B., Carlisle J. E., Justwan F. (2018) The Influence of Political Ideology and Trust on Willingness to Vaccinate. *Plos One*. Vol. 13. No. 1. Art. e0191728. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0191728>.

Bessi A., Coletto M., Davidescu G. A., Scala A., Caldarelli G., Quattrociocchi W. (2015) Science vs Conspiracy: Collective Narratives in the Age of Misinformation. *Plos One*. Vol. 10. No. 2. Art. e0118093. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0118093>.

Bicchieri C., Fatas E., Aldama A., Casas A., Deshpande I., Lauro M., Parilli C., Spohn M., Pereira P., Wen R. (2021) In Science We (Should) Trust: Expectations and Compliance across Nine Countries during the COVID-19 Pandemic. *Plos One*. Vol. 16. No. 6. Art. e0252892. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0252892>.

Billiet J., Meuleman B., De Witte H. (2014) The Relationship between Ethnic Threat and Economic Insecurity in Times of Economic Crisis: Analysis of European Social Survey Data. *Migration Studies*. Vol. 2. No. 2. P. 135—161. <https://doi.org/10.1093/migration/mnu023>.

Bond L., Nolan T. (2011) Making Sense of Perceptions of Risk of Diseases and Vaccinations: A Qualitative Study Combining Models of Health Beliefs, Decision-Making and Risk Perception. *BMC Public Health*. Vol. 11. No. 1. P. 1—14. <https://doi.org/10.1186/1471-2458-11-943>.

de Bruin W. B., Bennett D. (2020) Relationships between Initial COVID-19 Risk Perceptions and Protective Health Behaviors: A National Survey. *American Journal of Preventive Medicine*. Vol. 59. No. 2. P. 157—167. <https://doi.org/10.1016/j.amepre.2020.05.001>.

Coppock A., McClellan, O. A. (2019) Validating the Demographic, Political, Psychological, And

Experimental Results Obtained from a New Source of Online Survey Respondents. *Research & Politics*. Vol. 6. No. 1. <https://doi.org/10.1177/2053168018822174>.

Dohle S., Wingen T., Schreiber M. (2020) Acceptance and Adoption of Protective Measures during the COVID-19 Pandemic: The Role of Trust in Politics and Trust in Science.

Social Psychological Bulletin. Vol. 15. No. 4. P. 1—23. <https://doi.org/10.32872/spb.4315>.

Douglas K. M. (2021) COVID-19 Conspiracy Theories. *Group Processes & Intergroup Relations*. Vol. 24. No. 2. P. 270—275. <https://doi.org/10.1177/1368430220982068>.

Dryhurst S., Schneider C. R., Kerr J., Freeman A. L., Recchia G., Van Der Bles A. M., Van Der Linden S. (2020) Risk Perceptions of COVID-19 Around the World. *Journal of Risk Research*. Vol. 23. No. 7—8. P. 994—1006. <https://doi.org/10.1080/13669877.2020.1758193>.

Foa R. S., Inglehart R., Ponarin E., Karabchuk T. (2018) Set-Point Theory and Societal Collapse: The Case of Russia. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 19. P. 1639—1656. <https://doi.org/10.1007/s10902-017-9888-4>.

Gemenis K. (2021) Explaining Conspiracy Beliefs and Scepticism around the COVID-19 Pandemic. *Swiss Political Science Review*. Vol. 27. No. 2. P. 229—242. <https://doi.org/10.1111/spsr.12467>.

Goldberg Z. J., Richey S. (2020) Anti-Vaccination Beliefs and Unrelated Conspiracy Theories. *World Affairs*. Vol. 183. No. 2. P. 105—124. <https://doi.org/10.1177/0043820020920554>.

Graeupner D., Coman A. (2017) The Dark Side of Meaning-Making: How Social Exclusion Leads to Superstitious Thinking. *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 69. P. 218—222. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2016.10.003>.

Hornsey M. J., Harris E. A., Fielding K. S. (2018) Relationships among Conspiratorial Beliefs, Conservatism and Climate Scepticism across Nations. *Nature Climate Change*. Vol. 8. No. 7. P. 614—620. <https://doi.org/10.1038/s41558-018-0157-2>.

Imhoff R., Lamberty P. (2020) A Bioweapon or a Hoax? The Link between Distinct Conspiracy Beliefs about the Coronavirus Disease (COVID-19) Outbreak and Pandemic Behavior. *Social Psychological and Personality Science*. Vol. 11. No. 8. P. 1110—1118. <https://doi.org/10.1177/1948550620934692>.

Inglehart R. (1977) *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics*. Princeton: Princeton University Press.

Inglehart R., Welzel C. (2005) *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence* (Vol. 25). Cambridge: Cambridge University Press.

Karlinsky A., Kobak D. (2021) Tracking Excess Mortality across Countries during the COVID-19 Pandemic with the World Mortality Dataset. *Elife*. Vol. 10. P. e69336 <https://doi.org/10.7554/eLife.69336>.

Kerr J., Panagopoulos C., van der Linden S. (2021) Political Polarization on COVID-19 Pandemic Response in the United States. *Personality and Individual Differences*. Vol. 179. P. 110892. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110892>.

Kessels R., Luyten J., Tubeuf S. (2021) Willingness to Get Vaccinated against COVID-19 and Attitudes toward Vaccination in General. *Vaccine*. Vol. 39. No. 33. P. 4716—4722. <https://doi.org/10.1016/j.vaccine.2021.05.069>.

Kruglanski A. W., Molinario E., Lemay E. P. (2021) Coping with COVID-19-Induced Threats to Self. *Group Processes & Intergroup Relations*. Vol. 24. No. 2. P. 284—289. <https://doi.org/10.1177/136843022098207>.

Küppers A., Reiser M. (2021) 'It Is Not Worse than a Flu'—COVID-19 Scepticism and the Role of Trust and Far-Right Attitudes in Germany. *SocArXiv*. September 11. <https://doi.org/10.31235/osf.io/afnmz>.

Latkin C. A., Dayton L., Moran M., Strickland J. C., Collins K. (2022) Behavioral and Psychosocial Factors Associated with COVID-19 Skepticism in the United States. *Current Psychology*. Vol. 41. No. 11. P. 7918—7926. <https://doi.org/10.1007/s12144-020-01211-3>.

Levin J., Bradshaw M. (2022) Determinants of COVID-19 Skepticism and Sars-Cov-2 Vaccine Hesitancy: Findings from a National Population Survey of Us Adults. *BMC Public Health*. Vol. 22. No. 1. P. 1—8. <https://doi.org/10.1186/s12889-022-13477-2>.

Lewandowsky S., Oberauer K., Gignac G. E. (2013) NASA Faked the Moon Landing—Therefore, (Climate) Science Is a Hoax: An Anatomy of the Motivated Rejection of Science. *Psychological Science*. Vol. 24. No. 5. P. 622—633. <https://doi.org/10.1177/0956797612457686>.

McCright A. M., Dentzman K., Charters M., Dietz T. (2013) The Influence of Political Ideology on Trust in Science. *Environmental Research Letters*. Vol. 8. No. 4. Art. 044029. <https://doi.org/10.1088/1748-9326/8/4/044029>.

Pennycook G., McPhetres J., Bago B., Rand D. G. (2022) Beliefs about COVID-19 in Canada, the United Kingdom, and the United States: A Novel Test of Political Polarization and Motivated Reasoning. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 48. No. 5. P. 750—765. <https://doi.org/10.1177/01461672211023652>.

Priniski J. H., Holyoak K. J. (2022) A Darkening Spring: How Preexisting Distrust Shaped COVID-19 Skepticism. *Plos One*. Vol. 17. No. 1. Art. e0263191. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0263191>.

Rammstedt B., John O. P. (2007) Measuring Personality in One Minute or Less: A 10-Item Short Version of the Big Five Inventory in English and German. *Journal of research in Personality*. Vol. 41. No. 1. P. 203—212. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2006.02.001>.

Romer D., Jamieson K. H. (2020) Conspiracy Theories as Barriers to Controlling the Spread of COVID-19 in the US. *Social Science & Medicine*. Vol. 263. P. 113356. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2020.113356>.

Rothmund T., Farkhari F., Azevedo F., Ziemer C. T. (2020) Scientific Trust, Risk Assessment, and Conspiracy Beliefs about COVID-19—Four Patterns of Consensus and Disagreement between Scientific Experts and the German Public. <https://doi.org/10.31234/osf.io/p36w9>.

Rožukalne A., Murinska S., Tīfentāle A. (2021) Is COVID-19 an 'Ordinary Flu' That Benefits Politicians? Perception of Pandemic Disinformation in Latvia. *Communication Today*. Vol. 12. No. 2. P. 68—82.

Rutjens B. T., Heine S. J., Sutton R. M., van Harreveld F. (2018) Attitudes Towards Science. In *Advances in Experimental Social Psychology*. Academic Press. Vol. 57. P. 125—165. <https://doi.org/10.1016/bs.aesp.2017.08.001>.

Rutjens B. T., van der Linden S., van der Lee R. (2021) Science Skepticism in Times of COVID-19. *Group Processes & Intergroup Relations*. Vol. 24. No. 2. P. 276—283. <https://doi.org/10.1177/1368430220981415>.

Scheitle C. P., Corcoran K. E. (2021) COVID-19 Skepticism in Relation to Other Forms of Science Skepticism. *Socius*. Vol. 7. <https://doi.org/10.1177/237802312111049841>.

Schwartz S. H. (1992) Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries. In: Zanna M. (ed.). *Advances in Experimental Social Psychology*. New York, NY: Academic Press. Vol. 25. P. 1—65. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60281-6](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60281-6).

Schwartz S. H. (2007) Value Orientations: Measurement, Antecedents and Consequences across Nations. In: Jowell R., Roberts C., Fitzgerald R., Eva G. (eds.) *Measuring Attitudes Cross-Nationally: Lessons from the European Social Survey*. Newbury Park: Sage Publications. P. 169—203. <https://doi.org/10.4135/9781849209458.n9>.

Solís Arce J. S., Warren S. S., Meriggi N. F., Scacco A., McMurry N., Voors M., et al. (2021) COVID-19 Vaccine Acceptance and Hesitancy in Low-and Middle-Income Countries. *Nature Medicine*. Vol. 27. No. 8. P. 1385—1394. <https://doi.org/10.1038/s41591-021-01454-y>.

Szántó R., Dudás L. (2022) COVID-19 Skepticism and the Perception of Risk. *Journal of Risk Research*. Vol. 25. No. 11—12. P. 1321—1336. <https://doi.org/10.1080/13669877.2022.2107051>.

Uscinski J. E., Enders A. M., Klofstad C. A., Seelig M. I., Funchion J. R., Everett C., Wuchty S., Premaratne K., Murthi M. N. (2020) Why Do People Believe COVID-19 Conspiracy Theories? *Harvard Kennedy School Misinformation Review*. Vol. 1. No. 3. <https://doi.org/10.37016/mr-2020-015>.

Uscinski J. E., Klofstad C., Atkinson M. D. (2016) What Drives Conspiratorial Beliefs? The Role of Informational Cues and Predispositions. *Political Research Quarterly*. Vol. 69. No. 1. P. 57—71. <https://doi.org/10.1177/1065912915621621>.

van Prooijen, J. W., Van Vugt, M. (2018) Conspiracy Theories: Evolved Functions and Psychological Mechanisms. *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 13. No. 6. P. 770—788. <https://doi.org/10.1177/1745691618774270>.

Weinstein N. D. (1984) Why It Won't Happen to Me: Perceptions of Risk Factors and Susceptibility. *Health Psychology*. Vol. 3. No. 5. P. 431—457. <https://doi.org/10.1037/0278-6133.3.5.431>.

Welzel C. (2013) *Freedom Rising*. New York, NY: Cambridge University Press.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Правильная ссылка на статью:

Мониторинг мнений (ВЦИОМ): сентябрь — октябрь 2023 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5. С. 138—150.

For citation:

Public Opinion Poll (VCIOM): September — October 2023. (2023) *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 138–150.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ: СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ 2023

Результаты ежедневных опросов «ВЦИОМ-Спутник». Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов в возрасте от 18 лет. Выборка построена на основе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 2,5%. Помимо ошибки выборки, смещение в данные опросов могут вносить формулировки вопросов и различные обстоятельства, возникающие в ходе полевых работ.

СОДЕРЖАНИЕ ДАЙДЖЕСТА

ПОЛИТИКА

«ЧЕРНЫЙ ОКТЯБРЬ — 1993»: ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ139

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ЖЕНСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: ПЕРСПЕКТИВЫ И СЛОЖНОСТИ 141

СВОЯ КРЫША НАД ГОЛОВОЙ, ИЛИ ЖИЛЬЕ ДЛЯ РОССИЯН 143

ПРОГРЕСС ИЛИ УГРОЗА,
ИЛИ ОБ ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ В МЕДИЦИНЕ..... 145

ОБРАЗ ЖИЗНИ

КОРОНАВИРУС ПОЛТОРА ГОДА СПУСТЯ: СТРАХ ВОЗВРАЩАЕТСЯ? 147

ОТДЫХ В РОССИИ: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ.....149

ПОЛИТИКА

«ЧЕРНЫЙ ОКТЯБРЬ — 1993»: ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ.....139

«ЧЕРНЫЙ ОКТЯБРЬ — 1993»: ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

13 октября 2023 г.

В современной истории России 1990-е годы принято считать сложной эпохой, насыщенной драматическими событиями, которые отразились на дальнейшей судьбе страны. Одним из переломных моментов стал штурм Белого дома в Москве, известный также как «Октябрьский путч» и «Ельцинский переворот 1993 года». Несмотря на то, что с вооруженного столкновения прошла почти треть века, он по-прежнему хранится в памяти большинства россиян: в ходе опроса ВЦИОМ 30 лет спустя 32% ответили, что хорошо знают об октябрьских событиях 1993 г., 56% — что-то слышали, но без подробностей. Общий уровень информированности о конфликте, который едва не перерос в гражданскую войну, держится на уровне пятилетней давности — 88% (2018 г. — 90%), что на 8—10 п. п. выше в сравнении с 2013 г. (80%). Рост показателя произошел преимущественно за счет увеличения доли знающих о штурме Белого дома поверхностно, без подробностей (+10 п. п. с 2013 г.).

Впервые услышал об «Октябрьском путче» в ходе опроса каждый десятый россиянин (10%), десять лет назад таких было в 1,5 раза больше (2013 г. — 16%).

Минимальный уровень информированности демонстрируют молодые люди 18—24 лет — по собственным оценкам, только 8% в этой группе хорошо осведомлены о штурме Белого дома, 57% — что-то слышали без подробностей, а каждый третий впервые услышал об этих событиях во время опроса (33%).

Типичный россиянин, хорошо знающий о событиях 1993 г., — мужчина (40% против 26% среди женщин), в возрасте 45 лет и старше (45—59 лет — 45%, 60+ лет — 43%), с высшим или неоконченным высшим образованием (39%) и проживающий в одной из столиц (49%).

Доля имеющих поверхностное представление об «Октябрьском путче» выше среди женщин (61% против 51% среди мужчин), граждан со средним специальным образованием (61%), жителей сел (69%), активных телезрителей (63%), а также тех, кто застал эти события в детстве / подростковом возрасте (64% среди 35—44-летних) или не застал вовсе (61% среди 25—34-летних).

По разным оценкам, в результате вооруженного столкновения 3—4 октября 1993 г. погибло более 150 человек. Рассуждать об оправданности использования военной силы во время этих беспорядков россиянам стало сложнее: вопрос вдвое чаще, чем в 2018 г., стал вызывать затруднения у тех, кто что-то слышал или знает о расстреле Белого дома (22% против 11%). Каждый второй россиянин из числа осведомленных полагает, что силовые методы в целях контроля над ситуацией были скорее неоправданны (53%, —10 п. п. к данным 2018 г.), об обратном заявил каждый четвертый — 25%.

Рис. 1. В октябре 1993 года противостояние президента Ельцина и Верховного Совета во главе с Хасбулатовым закончилось массовыми беспорядками в Москве, обстрелом Белого дома, разгоном парламента и существенным расширением полномочий президента. Насколько хорошо Вам известно об этих событиях? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ЖЕНСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: ПЕРСПЕКТИВЫ И СЛОЖНОСТИ.....	141
СВОЯ КРЫША НАД ГОЛОВОЙ, ИЛИ ЖИЛЬЕ ДЛЯ РОССИЯН	143
ПРОГРЕСС ИЛИ УГРОЗА, ИЛИ ОБ ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ В МЕДИЦИНЕ.....	145

ЖЕНСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: ПЕРСПЕКТИВЫ И СЛОЖНОСТИ

1 сентября 2023 г.

Большая часть россиян убеждены, что сегодня у мужчин и женщин одинаковые шансы на успех в бизнесе — 66 %. В то же время каждый четвертый отметил, что шансов больше все-таки у мужчин (25 %), а вот о том, что шансов больше у женщин, наши сограждане говорят в пять раз реже (5 %).

Мужчины и женщины по-разному воспринимают шансы на успех в бизнесе для разных полов: мужчины чаще говорят о равенстве шансов (70 % против 62 % женщин), а женщины чаще говорят о приоритете мужчин (29 % против 19 % среди мужчин). Однако и те, и другие вариант «шансов больше у женщин» называют только в 5 % случаев.

Среди возрастных групп чаще других о неравенстве предпринимательских шансов в пользу мужчин говорит российская молодежь до 25 лет — 36 %, каждый третий в этой группе.

Урбанизированность — еще один фактор, дифференцирующий представления о роли мужчин и женщин в бизнесе. Чем крупнее населенный пункт, тем чаще звучит мнение, что мужчинам проще добиться успеха в бизнесе: в Москве и Санкт-Петербурге так думает каждый третий (34 %), на селе показатель в два раза ниже — 18 %.

Несмотря на то что «женский» бизнес ассоциируется с традиционными женскими функциями, от женщин в ведении своего дела ждут проявления скорее мужских качеств и черт. Каждый третий полагает, что женщинам-предпринимателям свойственны напористость, стойкость, твердость, решительность, уверенность в себе (30 %). Еще 21 % называли в числе таких качеств активность, целеустремленность, инициативу; авторитарный стиль поведения (жесткость, требовательность, властность) звучит в ответах 12 %. Организованность, внимательность, дисциплина — такие варианты называли 9 %, на пятом месте — образованность, умственные способности (7 %). В числе других характеристик: деловая хватка, трудолюбие (по 4 %), коммуникабельность, стрессоустойчивость (по 3 %). Качества, которые можно назвать «женскими», звучат гораздо реже: 2 % назвали доброту, мягкость и любовь и 1 % — красоту и обаяние. 20 % россиян читают, что у женщин-предпринимательниц нет каких-то особых черт характера.

Интерес женщин к открытию своего дела в России можно назвать скорее умеренным. Согласно опросу, есть бизнес у 5 % женщин, чаще у молодых 25—34 лет — 10 %. Нет бизнеса и не планируют его открывать восемь из десяти (80 %). В ближайший год намерены заняться своим делом 4 %, в течение нескольких лет еще

9%, в общей сложности потенциал женского предпринимательства составляет 13%. Но ситуация кардинально меняется, если посмотреть на нее через возрастные группы: среди 18—24-летних показатель достигает 46%, практически каждая вторая хочет заняться бизнесом в ближайший год или несколько. До 45 лет он остается на уровне 20—25%, а после падает до 5% в группе 45—59-летних и 1% — в старшей когорте.

Рис. 1. Давайте поговорим о бизнесе. Как Вы думаете, у кого больше шансов добиться успеха в бизнесе в России — у мужчин или женщин? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

СВОЯ КРЫША НАД ГОЛОВОЙ, ИЛИ ЖИЛЬЕ ДЛЯ РОССИЯН

24 сентября 2023 г.

Согласно результатам опроса ВЦИОМ, большая часть россиян обеспечены жилой недвижимостью. На вопрос «Какое основное жилье занимает ваша семья?» 79% россиян ответили, что проживают на собственной жилплощади — в квартире (46%), доме / части дома (31%) или приватизированной комнате в коммунальной квартире (2%). Еще 9% снимают квартиру, дом или комнату у частного лица, тогда как жилье по договору социального найма и ведомственное служебное жилье назвали только 3% и 1% соответственно.

На протяжении всего периода мониторинга (с 2005 г.) приватизированная квартира в многоквартирном доме остается самым популярным жильем среди россиян, доля проживающих в нем варьируется от 41% до 54%. Что касается собственного дома, то за все время измерений доля занимающих такую жилплощадь менялась нелинейно, а за последние пять лет она выросла на 7 п. п., с 24% до 31%. Кроме того, с 2005 г. зафиксирован почти трехкратный рост доли квартирантов, снимающих жилье у «частников» (3% против 9%), тогда как распространенность жилья по социальному найму снизилась до минимума (23% против 3%).

Арендаторов жилья у частных лиц отличает сравнительно молодой возраст (24% в группе 25—34-летних), неполное среднее образование (16%), среднее или плохое материальное положение (10% и 12% соответственно против 5% среди обеспеченных граждан).

Согласно результатам опроса, 8 из 10 россиян в той или иной степени довольны своими жилищными условиями (80%). С начала измерений этот показатель планомерно растет (2005 г. — 48%, 2007 г. — 55%, 2018 г. — 72%, 2023 г. — 80%), преимущественно за счет увеличения доли дающих однозначно утвердительный ответ («вполне удовлетворен») — за последние 18 лет он стал звучать в 3,8 раза чаще (13% против 50%). Неудовлетворены текущими жилищными условиями сегодня 18% наших сограждан, еще пять лет назад таких было 27%, а в 2005 г. — каждый второй (50%).

Уровень удовлетворенности жилищными условиями одинаково высок в различных социально-демографических группах — среди мужчин и женщин (81% и 79% соответственно), молодежи и старшего поколения (83% и 85% соответственно), горожан и жителей сельской местности (79—82% и 77% соответственно). Показатель зависит, скорее, от материального положения семьи и жилищной обеспеченности. В высокодоходной группе общий уровень удовлетворенности достигает 95% (против 52% в низкодоходной), среди проживающих в собственной квартире или доме / части дома — 86% и 87% соответственно.

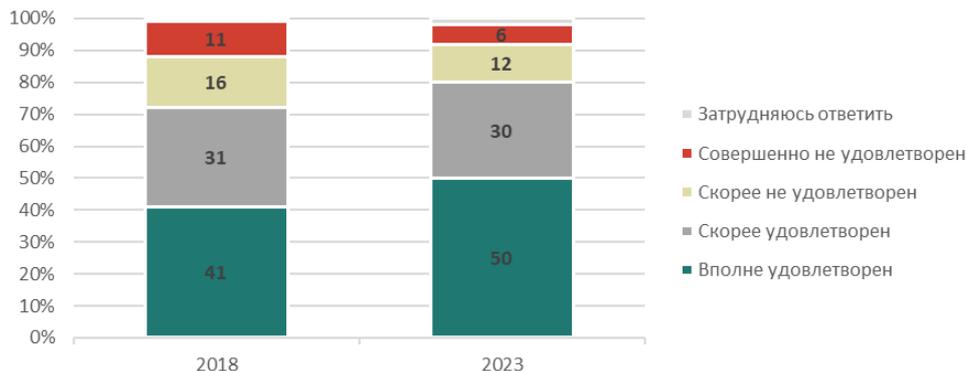
Причины неудовлетворенности своими жилищными условиями в России меняются. Если в 2007 г. недовольство в первую очередь вызывала теснота, нехватка жилой площади (41% в группе тех, кого не устраивают свои жилищные условия), то сегодня, как и пятью годами ранее, — слишком высокие расходы на оплату жилья и ЖКУ (2023 г. — 33%, 2018 г. — 40% против 18% в 2007 г.). Чаще стало беспокоить опрошенных и отсутствие собственного жилья, о чем высказался каждый четвертый (26%, +11 п. п. к 2007 г. и +10 п. п. к 2018 г.), чего нельзя сказать о нехватке квадратных метров (24%, —17 п. п. к 2007 г. и —15 п. п. к 2018 г.).

Реже за рассматриваемый период стали называть ветхость, аварийное состояние жилья — 18 % (против 25 % в 2007 г.), тогда как качество предоставления жилищно-коммунальных услуг упоминается с прежней частотой (2007 г. — 18 %, 2018 г. — 18 %, 2023 г. — 17 %). Каждый восьмой в группе «недовольных» считает свое жилье недостаточно комфортным (12 % против 21 % в 2007 г.), еще 8 % не устраивает его расположение, столько же указывают на необходимость разъезда по семейным обстоятельствам (развод и др.) — 8 %.

Рис. 2. Скажите, пожалуйста, какое основное жилье занимает Ваша семья и кому оно принадлежит? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рис. 3. Удовлетворены ли Вы своими жилищными условиями в целом или нет? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

ПРОГРЕСС ИЛИ УГРОЗА, ИЛИ ОБ ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ В МЕДИЦИНЕ

8 октября 2023 г.

Опросы ВЦИОМ и Pew Research Center показывают, что в российском и американском обществах пациенты больше будут чувствовать дискомфорт, чем комфорт, если врач будет полагаться на искусственный интеллект (ИИ) для диагностики заболеваний и рекомендации лечения. Такая ситуация оказалась бы неприятной для 49 % россиян и 60 % американцев, спокойно бы отнеслись к этому 40 % и 39 % соответственно. Это значит, что и в российском, и в американском обществе существуют опасения по вопросу применения ИИ в здравоохранении.

Среди россиян большую лояльность в отношении использования ИИ в медицине проявляют мужчины (46 % говорят, что им было бы комфортно в случае, если бы врач обратился к ИИ), молодежь (57 % в группе 18—24 лет и 53 % в группе 25—34 лет) и активные пользователи сети Интернет (48 %).

Дискомфорт в потенциальной ситуации использования ИИ врачом чаще возникает у женщин (54 %) и россиян 35—59 лет (54—52 %).

Чем старше россияне, тем чаще они затрудняются ответить на вопрос (4 % среди молодежи до 25 лет и 18 % среди старшей когорты).

ИИ обладает способностью обрабатывать огромные объемы данных и находить скрытые закономерности. Теоретически это позволит врачам лучше исследовать болезни, быстрее и точнее ставить диагнозы и эффективнее лечить пациентов. Такие перспективы кажутся реальными 38 % американцев и 40 % россиян, они полагают, что использование ИИ в здравоохранении для диагностики заболеваний и рекомендации лечения приведет к улучшению здоровья пациентов. То есть прогноз эффективности ИИ в медицине в российском и американском обществах находится примерно на одном уровне.

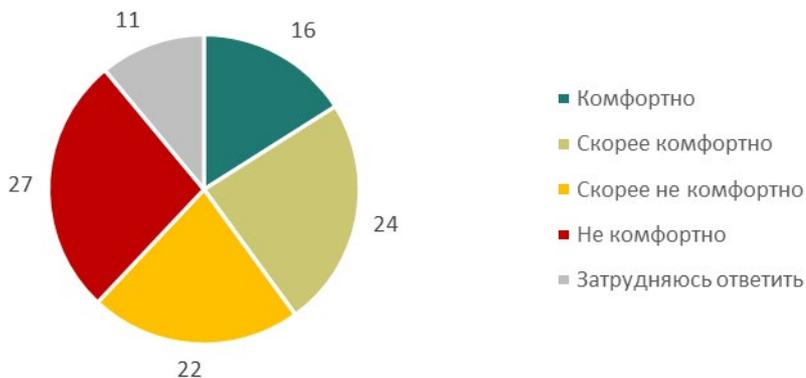
Однако жители США почти в два раза чаще выражали скептическое мнение на этот счет — 33 % убеждены, что такие новации приведут к ухудшению здоровья пациентов. Среди наших сограждан это мнение разделяют 17 %. Около четверти опрошенных и в США, и в России склоняются к тому, что использование ИИ в здравоохранении никак не скажется на здоровье пациентов (27 % и 23 % соответственно).

И жители США, и жители России достаточно близки в оценках того, как ИИ повлияет на проблему врачебных ошибок — 40 % американцев и 44 % россиян считают, что ситуация улучшится. Полагают, что ситуация никак не изменится, 31 % американцев и 25 % наших сограждан. Однако скепсис в этом отношении выше у граждан Соединенных Штатов — 27 % ожидают увеличения числа врачебных ошибок (против 16 % среди россиян).

Говоря о влиянии ИИ на безопасность персональных данных пациентов, наши сограждане чаще, чем американцы, давали позитивные оценки — ждут улучшения ситуации около трети россиян (31 %), среди граждан США — 22 %. Полагают, что ситуация, напротив, ухудшится, 20 % россиян и 37 % жителей США. Склоняются к тому, что ИИ никак не повлияет на эту проблему, 31 % наших соотечественников и 39 % граждан Америки.

Рис. 4. Поговорим об искусственном интеллекте.

Искусственный интеллект — компьютерная программа, которая может выполнять задачи, которые раньше требовали участия человека. Искусственный интеллект применяют во многих сферах, в том числе в медицине. Как бы Вы себя почувствовали, если бы Ваш врач полагался на искусственный интеллект, например, для диагностики заболеваний и рекомендации лечения? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

ОБРАЗ ЖИЗНИ

КОРОНАВИРУС ПОЛТОРА ГОДА СПУСТЯ: СТРАХ ВОЗВРАЩАЕТСЯ?.....	147
ОТДЫХ В РОССИИ: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ.....	149

КОРОНАВИРУС ПОЛТОРА ГОДА СПУСТЯ: СТРАХ ВОЗВРАЩАЕТСЯ?¹

11 сентября 2023 г.

С ростом заболеваемости в сентябре выросли и опасения россиян заболеть COVID-19, в общей сложности 41 % очень боятся или в какой-то мере опасаются заразиться коронавирусом. В июне показатель был ниже на 8 п. п. — 33 %.

Каждый четвертый сегодня уверен, что ни с ним, ни с его близкими такого не случится — 24 %, почти столько же не задумывались об этом (26 %).

С 2020 г. тревожность россиян относительно вируса менялась волнообразно, как и само распространение инфекции. Максимальные показатели пришлось на 2020 г., когда ситуация локдауна и пандемии была социальным шоком, в июне и декабре 2020 г. показатель достигал 71 %, то есть семь из десяти россиян боялись заболеть коронавирусом. Уже в марте 2021 г. ситуация немного стабилизировалась и уровень опасений снизился до 58 %, спустя еще год, в марте 2022 г., показатель был равен уже 44 %. Последние два года рост опасений приходится на начало эпидемиологического сезона. Наряду с сентябрем этого года, подъем переживаний был отмечен в сентябре (57 %) и продолжался в декабре (53 %) прошлого 2022 г., когда в стране одновременно циркулировали штамм коронавируса омикрон и свиной грипп.

О том, что COVID-19 постепенно уходит из числа значимых тем, говорит тот факт, что с прошлого года растет группа россиян, которые не задумываются о коронавирусе (17 % декабре 2022 г., в сентябре 2023 г. — 26 %), сегодня это более четверти россиян, тогда как в июне 2020 г., в разгар пандемии, таковых было 9 %. Также с 2022 г. держится более высокая, чем в 2020—2021 гг., доля тех, кто уверен, что ни он сам, ни его близкие не заболеют коронавирусом (максимум в июне 2023 г. — 28 %).

Известно, что коронавирусная инфекция особенно опасна для людей старшего возраста, и именно они чаще других боятся заболеть COVID-19 — 52 %, каждый второй в группе старше 60 лет (7 % очень боятся и 45 % опасаются в какой-то степени). Среди 18—24-летних этот показатель ниже более чем в два раза — 22 %. Уровень тревожности из-за вероятности заболеть коронавирусной инфекцией в старшей когорте снижается медленнее, чем среди молодежи: за период с 2020 г. процент «тревожной» молодежи 18—24 лет упал почти в три раза (сентябрь 2020 г. — 63 %), а в группе старше 60 лет — в полтора (сентябрь 2020 г. — 75 %).

¹ Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представляет результаты всероссийского опроса о применении искусственного интеллекта в здравоохранении, вопросы которого повторяют аналогичный опрос Исследовательского центра Пью (Pew Research Center) в США. Американское исследование проведено исследовательской компанией Pew Research Center 12—18 декабря 2022 г. В опросе приняли участие 11 004 человека старше 18 лет. Метод опроса — национальная репрезентативная онлайн-панель. Подробнее о методологии исследования и результатах можно прочесть на официальном сайте компании: <https://www.pewresearch.org/science/2023/02/22/60-of-americans-would-be-uncomfortable-with-provider-relying-on-ai-in-their-own-health-care/>.

Среди других факторов — пол (женщины боятся чаще мужчин — 46 % против 37 %), доход («богатые» меньше переживают, чем россияне со средним и низким уровнем доходов — 34 % против 45 %) и модель медиапотребления («телезрители» — 52 %, «интернетчики» — 33 %).

Рис. 1. В 2020 году произошла вспышка болезни, вызванной коронавирусом. Опасаетесь ли Вы сейчас, что Вы сами или Ваши близкие могут заболеть коронавирусом? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

ОТДЫХ В РОССИИ: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

16 сентября 2023 г.

Последние несколько лет данные опросов ВЦИОМ показывают рост интереса россиян к отдыху в России. Меняется и мнение об условиях отдыха и досуга в нашей стране. Сегодня каждый третий считает, что ситуация улучшилась (36%). За три последних года этот показатель сократился, в пандемийный 2020 г. так думали около половины наших сограждан (46%). Пятая часть россиян сегодня полагает, что условия для отдыха и досуга в нашей стране стали хуже (19%, + 9 п. п. к 2020 г.). Почти столько же считают, что значимых изменений не произошло (22%).

Вопрос вызвал затруднения у 23% россиян. Это заметно выше, чем в предыдущие замеры (12—16%). Вероятно, это связано с тем, что в этом году рекордное число россиян отметили, что за последние пять лет не брали отпуск (35%).

Чем старше опрошенные, тем чаще они не могли дать оценку условиям отдыха и досуга в нашей стране (32% в группе старше 60 лет против 7% среди молодежи до 25 лет).

Чаще других замечают изменения в лучшую сторону женщины (39%), молодежь до 25 лет (40%), россияне с хорошим материальным положением (54%), сельские жители (42%), а также те, кто предпочитает смешанную модель медиапотребления — и ТВ, и интернет (41%).

Об изменениях к худшему чаще говорят молодые люди 18—34 лет (25—26%), россияне с плохим материальным положением (32%) и активные потребители интернета (27%), жители крупных городов за исключением обеих столиц (города-миллионники, города с численностью населения 500—950 тыс. чел. и города с численностью населения 100—500 тыс. чел. — 24%, 22% и 23% соответственно против 11% среди сельчан).

Ответы россиян о том, что понравилось и не понравилось в отдыхе в России, позволили выделить факторы успешного и неуспешного отдыха. На вопрос отвечали те, кто этим летом отдыхал в стране за пределами своего региона.

На успешный отдых влияют:

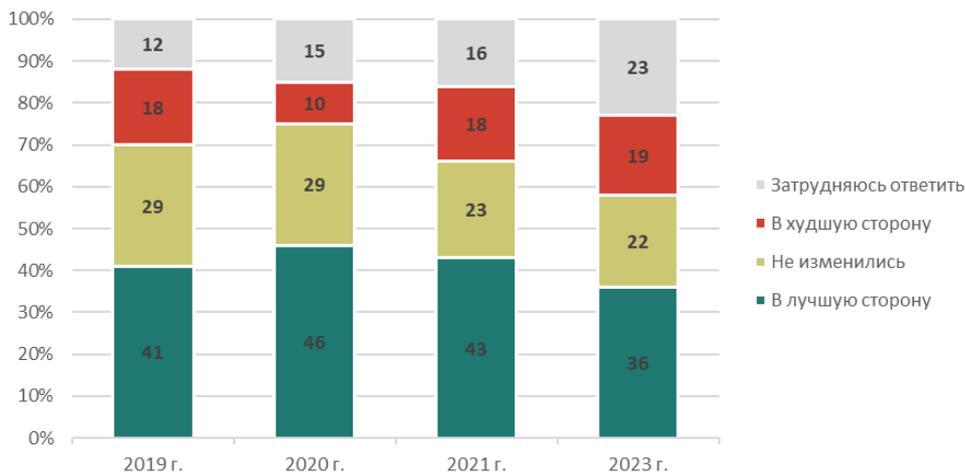
- Природа и климат (красивая природа, чистый воздух — 27%, +8 п. п. за год; хорошая погода, жаркое лето — 20%, +3 п. п. за год; теплое море, чистая река — 20%, + 11 п. п. за год).
- Качество обслуживания, цены (сервис, питание, лечение — 14%, +7 п. п. за год; доступность, демократичные цены — 4%).
- Позитивные эмоции и впечатления (новые впечатления, отдых — 8%, —5 п. п. за год; доброжелательность местных жителей — 8%; место отдыха, красивый город — 7%; смена обстановки, встреча с близкими — по 4%).
- Комфорт и безопасность (благоустройство городов, инфраструктура — 8%; атмосфера, спокойствие — 5%; транспортная инфраструктура — 2%, —3 п. п. за год).
- Культурные достопримечательности (архитектура, памятники — 12%, +3 п. п. за год; мероприятия, развлечения — 5%).

Факторы неприятного впечатления от отдыха:

- Расходы на отдых (высокие цены на жилье, билеты, продукты, нехватка денег — 22%, +5 п. п. за год).

- Неразвитая инфраструктура, нехватка благоустройства (плохое состояние дорог, пробки — 9%, +3 п. п. за год; неразвитость городов — 3%; грязные города, пляжи — 2%).
- Плохой сервис, психологический дискомфорт (некачественное обслуживание — 6%; большое количество людей — 5%).
- Неблагоприятные природные условия (плохая погода, жара, пожары, насекомые — 4%, —6 п. п. за год).
- Социальные проблемы (напряженность из-за СВО — 2%).

Рис. 2. Как, на Ваш взгляд, за последний год в России изменились условия для отдыха и досуга? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

DOI: [10.14515/monitoring.2023.5.2376](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2376)

**К. Ю. Волошенко, Е. С. Фидря, А. В. Лялина,
Ю. Ю. Фарафонова, А. А. Новикова**

МОТИВЫ ПЕРЕЕЗДА ИТ-СПЕЦИАЛИСТОВ В КАЛИНИНГРАДСКУЮ ОБЛАСТЬ ИЗ РЕГИОНОВ РОССИИ

Правильная ссылка на статью:

Волошенко К. Ю., Фидря Е. С., Лялина А. В., Фарафонова Ю. Ю., Новикова А. А. Мотивы переезда ИТ-специалистов в Калининградскую область из регионов России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5. С. 151—176. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2376>.

For citation:

Voloshenko K. Y., Fidrya E. S., Lialina A. V., Farafonova Y. Y., Novikova A. A. (2023) Motives for the Migration of It Specialists to the Kaliningrad Region from Russian Regions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 151–176. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2376>. (In Russ.)

Получено: 18.01.2023. Принято к публикации: 19.09.2023.

МОТИВЫ ПЕРЕЕЗДА ИТ-СПЕЦИАЛИСТОВ В КАЛИНИНГРАДСКУЮ ОБЛАСТЬ ИЗ РЕГИОНОВ РОССИИ

ВОЛОШЕНКО Ксения Юрьевна — кандидат экономических наук, директор Центра социально-экономических исследований региона, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

E-MAIL: KVoloshenko@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2624-0155>

ФИДРЯ Ефим Сергеевич — кандидат социологических наук, первый зам. декана факультета городского и регионального развития, зам. директора Центра социальных исследований и технологических инноваций (СИТИ), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: efim.fidrya@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-4330-8251>

ЛЯЛИНА Анна Валентиновна — кандидат географических наук, научный сотрудник Центра социально-экономических исследований региона, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

E-MAIL: anuta-mazova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8479-413X>

ФАРАФОНОВА Юлия Юрьевна — старший преподаватель научно-образовательного кластера «Институт управления и территориального развития», Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

E-MAIL: ifarafonova@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8479-413X>

MOTIVES FOR THE MIGRATION OF IT SPECIALISTS TO THE KALININGRAD REGION FROM RUSSIAN REGIONS

Ksenia Yu. VOLOSHENKO¹ — Cand. Sci. (Econ.), Director of the Center for Socio-Economic Research of the Region

E-MAIL: KVoloshenko@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2624-0155>

Efim S. FIDRYA² — First Deputy Dean of the Faculty of Urban and Regional Development; Deputy Director of the Center for Social Research and Technological Innovation (CITY)

E-MAIL: efim.fidrya@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-4330-8251>

Anna V. LIALINA¹ — Cand. Sci. (Geography), Researcher at the Center for Socio-Economic Research of the Region

E-MAIL: anuta-mazova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8479-413X>

Yulia Yu. FARAFONOVA¹ — Senior Lecturer of the Scientific and Educational Cluster "Institute of Management and Territorial Development"

E-MAIL: ifarafonova@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8479-413X>

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

² HSE University, Moscow, Russia

НОВИКОВА Анна Александровна — кандидат географических наук, старший преподаватель, Калининградский государственный технический университет, Калининград, Россия

E-MAIL: anna.novikova@klgtu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0374-6337>

Anna A. NOVIKOVA³ — Cand. Sci. (Geography), Senior Lecturer

E-MAIL: anna.novikova@klgtu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0374-6337>

³ Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia

Аннотация. Статья направлена на изучение причин переезда ИТ-специалистов в Калининградскую область из других регионов страны и их обусловленность особым экономико-географическим положением эксклава. Авторы анализируют восприятие участниками ИТ-отрасли факторов и ограничений межрегиональной миграции ИТ-специалистов в Калининградскую область, выявляют мнения о наиболее эффективных и желательных мерах поддержки миграции ИТ-специалистов и их последующей адаптации. Анализ опирается на материалы глубинных интервью с ИТ-специалистами, переехавшими в регион, и экспертами в ИТ-секторе Калининградской области.

В исследовании выявлено, что на этапе принятия решения о миграции в регион в большей мере влияют не профессиональные, а общие факторы притяжения и выталкивания, а также специфика занятости в ИТ-индустрии в целом. Первоочередное значение имеют комфортные условия проживания в регионе: экология и климат, Балтийское море, близость к Европе, транспортная доступность крупных городов России, облик аккуратного, зеленого, современного региона. Также немаловажную роль играют сложившиеся миграционные и социальные связи между регионами исхода и вселения. Профессиональные факторы более значимы на этапе адаптации ИТ-специалистов

Abstract. The article is aimed at studying the motives for the migration of IT specialists to the Kaliningrad region from other Russian regions and identifying whether these motives are determined by the special economic and geographical location of the exclave. The authors analyze the factors and limitations of interregional migration of IT specialists to the Kaliningrad region and identify population opinions on the most effective and desirable measures to support the migration of IT specialists and their subsequent adaptation. The study is based on in-depth interviews held with IT specialists who moved to the Kaliningrad region and local experts in the IT sector.

The authors reveal that at the stage of migration planning, general push and pull factors together with the general specifics of employment in the IT industry appear to be most influential than professional factors. Comfortable living conditions in the region, namely ecology and climate, the Baltic Sea, proximity to Europe, transport accessibility of large Russian cities, and the appearance of a neat, green, and modern region, are of primary importance. Established migration and social ties between the regions of origin and settlement also play a significant role. Professional factors are more significant at the stage of adaptation of IT specialists in the region. The most pronounced of them are the level of development of the IT sector, the presence of

в регионе. Среди них выделяются уровень развития ИТ-сферы, присутствие профессионального сообщества и возможности ИТ-предпринимательства в регионе. Часть профессиональных факторов определяются экономико-географическим положением региона, а именно привлекательным образом региона, располагающим к реализации творческого потенциала в ИТ-сфере, и широкими возможностями доступа к ИТ-рынку европейских стран и российских столиц вследствие территориальной близости.

Ключевые слова: межрегиональная миграция, экономико-географическое положение, информационные технологии, миграционная привлекательность, Калининградская область, развитие ИТ-сферы

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-27-20064, <https://rscf.ru/project/22-27-20064/>.

Введение

ИТ-сфера в Калининградской области начала стремительно развиваться в 2000-х годах преимущественно за счет притока ИТ-специалистов из других регионов России. В качестве причин переезда выступали традиционные факторы: близость Европы, Балтийское море, климат и экология, комфортные условия проживания при транспортной близости крупных городов [Voloshenko, Lialina, 2022]. В 2018 г. добавились и экономические мотивы: пониженный порог инвестиций для ИТ-проектов в 1 млн руб. вместо 150 млн руб. для остальных резидентов особой экономической зоны (ОЭЗ) Калининградской области; преференции в части льгот по уплате страховых взносов в размере 7,6%, а также налога на прибыль и налогу на имущество (в первые шесть лет ставки налогов 0%); компенсация затрат на переезд и аренду жилья сотрудников в размере 300 тыс. руб. и затрат, связанных с приобретением работником жилья (включая ипотеку) в размере 500 тыс. руб. (в рамках подпрограммы «Повышение мобильности трудовых ресурсов» государственной программы Калининградской области «Социальная поддержка населения» (далее — Программа)). Между тем важно заметить, что налоговые льготы были предусмотрены только в отношении юридических лиц и позднее

a professional community, and the opportunities for IT entrepreneurship in the region. The economic and geographical position of the region determine some of professional factors, such as the attractive image of the region, conducive to the realization of creative potential in the IT field, and wide opportunities for access to the IT market of European countries and Russian capitals due to territorial proximity.

Keywords: intraregional migration, economic and geographical position, information technologies, migration attractiveness, Kaliningrad region, IT development

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-27-20064, <https://rscf.ru/project/22-27-20064/>.

(в 2022 г.) индивидуальных предпринимателей, реализующих инвестиционные проекты на территории области.

По данным информагентства «СПАРК-Интерфакс»¹, на начало 2022 г. в области насчитывалось 1733 ИТ-компании, 1371 (в том числе ИП — 436) из них занимались разработкой программного обеспечения, а 362 (в том числе ИП — 157) — информационными технологиями. Среди этих компаний преобладали микропредприятия, их размер по среднесписочной численности работников составлял от трех до семи человек². На ИТ-рынке региона были широко представлены компании, предлагающие цифровые продукты и решения для бизнеса («1С-Битрикс», ООО «Инносети», ГК «Системные Технологии», WSM Group, KranX Productions, Компания БФТ, KODE, VOXYS LAB, DXDO и др.), а также занимающиеся разработкой компьютерных и мобильных игр (Panzerdog, Herocraft, AIGRIND, Mariaglorum, G5 Entertainment, GameForest Studio и др.). При этом в ИТ-сфере региона немало представительств крупных российских и зарубежных компаний.

Общероссийский «налоговый маневр» для ИТ-сферы в 2021 г. частично обеспечил льготы и преференции Калининградской области. Льгота по уплате страховых взносов в размере 7,6 % вместо 30 % стала доступна для всех компаний отрасли, как и льгота по налогу на прибыль. Постановлением Правительства РФ от 30 апреля 2022 г. № 805 введена льготная ипотека (до 5 %), а Постановлением Правительства РФ от 28 марта 2022 г. № 490 — отсрочка от призыва в армию. Федеральный закон от 28 июня 2022 г. № 207-ФЗ предусматривает упрощенную процедуру трудоустройства иностранных ИТ-специалистов. Между тем компании и их работники могут рассчитывать на эти меры поддержки только при условии их аккредитации в Минцифры и Минкомсвязи. По оценкам Минцифры Калининградской области, в регионе аккредитовано только 193 организации³.

Наблюдавшаяся в 2018 г. динамика по увеличению числа резидентов ОЭЗ, связанная со снижением порога инвестиций для ИТ-проектов в регионе, в последующие годы изменилась. С каждым годом все меньше ИТ-компаний заявлялось на получение статуса резидента ОЭЗ, а действующие резиденты, реализующие ИТ-проекты, отказывались от этого статуса. По состоянию на 30 ноября 2022 г. в едином реестре резидентов ОЭЗ в Калининградской области всего зарегистрировано 274 действующих инвестиционных проекта, из них в области ИТ — 39⁴.

Несмотря на невысокий интерес ИТ-компаний к институциональным мерам поддержки, ИТ-рынок в регионе продолжал развиваться, в том числе в результате действия пандемии COVID—19 в 2020—2021 гг., когда возросла потребность в ИТ-продуктах. Как следствие, в отрасли сохранялась потребность в кадрах. По данным портала Центра занятости населения Калининградской области,

¹ Компании Калининградской области // СПАРК-Интерфакс. URL: <https://spark-interfax.ru/statistics/region/27000000000> (дата обращения: 10.12.2022).

² ЕМИСС: Среднегодовая численность занятых в экономике (расчеты на основе интеграции данных) с 2017 г. // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58994> (дата обращения: 17.12.2022).

³ Государственные меры поддержки для ИТ-компаний // Министерство цифровых технологий и связи Калининградской области. URL: https://digital.gov39.ru/upload/2022/Презентация_Новая_Поддержка_ИТ_12.09.22_PDF.pdf (дата обращения: 17.12.2022).

⁴ Единый реестр резидентов ОЭЗ в Калининградской области // Администрация ОЭЗ в Калининградской области. URL: https://oez.gov39.ru/registry/?PAGEN_1=1 (дата обращения: 15.12.2022).

в ноябре 2022 г. на ИТ-рынке дефицит кадров составлял около 220 вакантных рабочих мест⁵.

В рамках предлагаемого исследования была выдвинута гипотеза о наличии специфики профессиональных факторов миграции ИТ-специалистов в Калининградскую область, заключающейся как в особенностях экономико-географического положения региона (ЭГП), так и в специфических условиях развития ИТ-сферы. Исследование построено на теоретическом и практическом анализе профессиональной мотивации мобильности ИТ-специалистов, в том числе с учетом санкционного давления и изменившихся с 2022 г. геополитических реалий вокруг России и Калининградского эксклава. Цель работы заключается в выявлении профессиональных мотивов и причин переезда ИТ-специалистов в Калининградскую область из других регионов РФ и их обусловленности особым ЭГП региона и мерами поддержки ИТ-отрасли. В частности, в ходе исследования авторы предпринимают попытку дать ответы на ряд вопросов. Какие причины побуждают ИТ-специалистов выбирать Калининградскую область для переезда, что и кто способствует их решению о смене места жительства? Насколько значима и эффективна государственная или негосударственная поддержка в процессе принятия решения о переезде, самом переезде и адаптации на новом месте? Какие факторы играют ключевую роль в закреплении ИТ-специалистов в регионе?

Результаты работы помогут определить ключевые направления для совершенствования мер поддержки и регулирования ИТ-сферы эксклавного региона.

Обзор литературы

Миграция ИТ-специалистов представляет собой профессиональную миграцию, то есть перемещение на постоянное место жительства отдельных профессиональных групп специалистов, которая, как правило, но не всегда [Iredale, 2001], происходит под влиянием факторов профессионального характера. Как и любой тип миграции, она обусловлена действием ряда факторов, с одной стороны, выталкивающих мигранта из среды его пребывания, а с другой — притягивающих его в точку вселения. Опираясь на подход к пониманию данных групп факторов в концепции push — pull («выталкивания — притяжения») Э. Ли [Lee, 1966], для целей данного исследования под факторами притяжения понимаются такие характеристики места вселения (Калининградской области), которые обуславливают его привлекательность для внутренней миграции. При этом факторы выталкивания — это условия, сложившиеся в регионах прежнего проживания мигрантов, которые способствовали принятию решения о переезде. Типологически факторы можно разделить на общие и профессиональные, имеющие значимость только для отдельных категорий мигрантов. Наиболее важными общими факторами межрегиональной миграции признаются уровень оплаты труда, возможности трудоустройства, расстояние, доступность жилья [Etzo, 2011; Habersfeld et al., 2019; Igarashi, 2022; Sahota, 1968; Romano, 2016], но также общий уровень комфорта, доступность образования и здравоохранения [Laajimi, Le Gallo, 2022; Zanabazar et al., 2021], безопасная среда для детей (вдали от риска негативных влияний

⁵ Поиск работы // Интерактивный портал Центра занятости населения Калининградской области. URL: <https://rabotakaliningrad.ru/> (дата обращения: 10.12.2022).

крупных городов), спокойная, тихая и размеренная жизнь [Voese, Moran, 2021]. По результатам исследования Елены Вакуленко и Никиты Мкртчяна [Vakulenko, Mkrтчyan, 2020], основными факторами межрегиональной миграции в России являются развитая и разнообразная инфраструктура, благоприятная экология, качество жизни, связанное с высокой продолжительностью жизни и доходами населения, менее выраженными проблемами бедности и неравенства в распределении доходов.

Профессиональные факторы миграции ИТ-специалистов, как правило, изучаются в рамках работ, посвященных мобильности высококвалифицированных специалистов [Duell, 2019; Tuccio, 2019; Baptista et al., 2020; Voigt-Graf, Khoo, 2004; Sánchez-Moral et al., 2018; Dahl, Sorenson, 2010]. К факторам такой мобильности относят увеличение проектной работы и внутрифирменное перемещение [Duell, 2019], возможности работать в крупных и известных компаниях [Tuccio, 2019], благоприятную среду для предпринимательства и стартапов [Teja, 2018]. Зачастую такие мигранты выбирают высокое качество среды нового места проживания или пребывания, образ которого у них сложился при туристическом посещении [Benson, O'Reilly, 2009].

В отличие от других высококвалифицированных специалистов, например врачей [Андреева, Карачурина, 2021; Денисенко, Чудиновских, 2015] или ученых [Судакова и др., 2021; Дежина и др., 2020], причины миграции ИТ-специалистов до сих пор не получили широкого освещения в отечественной литературе. Попытки их исследования предпринимались как научным сообществом [Антошук, Леденева, 2019; Шибанов, 2020; Вильховская, 2016; Земнухова, 2015; Болгарина, 2014], так и рекрутинговыми агентствами (HeadHunter⁶, Superjob.ru⁷, Hays⁸, Recruitment Centre Innopolis⁹), АНО ВО «Университет Иннополис»¹⁰. Работы посвящены преимущественно стратегиям и механизмам международной, а не внутренней мобильности ИТ-специалистов, факторам трудовой мобильности в ИТ-сфере. Интерес к данной теме после 2022 г. возрос вследствие оттока в 2022 г. ИТ-специалистов из России, связанного с проведением Россией СВО на Украине¹¹ [Таишева, 2022]. Проблемы внутренней мобильности ИТ-специалистов и мотивации их переезда остаются малоизученными.

⁶ Посчитана мобильность ИТ-специалистов в России // ИКС Медиа. 2016. 7 апреля. URL: <https://www.iksmedia.ru/news/5288270-Poschitana-mobilnost-ITspecialistov.html> (дата обращения: 12.12.2022).

⁷ Зачем инженеру в Калугу. Исследование межрегиональной трудовой мобильности // Superjob.ru. 2012. 21 августа. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/110947/zachem-inzheneru-v-kalugu/> (дата обращения: 12.12.2022); Слишком хорош для нас. Работодатели не спешат нанимать кандидатов с избыточной квалификацией даже в условиях нехватки кадров // Superjob.ru. 2022. 28 января. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/113329/slishkom-horosh-dlya-nas/> (дата обращения: 12.12.2022).

⁸ Исследование: более 40 компаний в России развивают программы внутренней мобильности // ТАСС. 2020. 14 декабря. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10247759> (дата обращения: 12.12.2022).

⁹ Как нанимать ИТ-шников в новых условиях рынка // ОЭЗ Иннополис. URL: <https://sezinnopolis.ru/smi-o-nas/kak-nanimat-itshnikov-v-novykh-usloviyakh-rynka/> (дата обращения: 12.12.2022).

¹⁰ См., например, Аналитический отчет по исследованию структуры потребности в ИТ-специалистах в Российской Федерации до 2025 года. Иннополис: АНО ВО «Университет Иннополис», 2022. URL: https://innopolis.university/filespublic/otchet_it.pdf (дата обращения: 13.12.2022).

¹¹ Релокейт: кто уезжает, кто нет, зачем и почему // New.HR. URL: https://miro.com/app/board/uxjV0021EQU= (дата обращения: 12.12.2022).

Многие из обозначенных выше факторов обусловлены особенностями ЭГП стран и их регионов. Однако эта взаимосвязь до сих пор не изучена подробно ни в российском, ни в зарубежном контексте. Отдельные исследования посвящены оценке влияния особенностей ЭГП на мотивацию миграции ИТ-специалистов на уровне территорий или регионов. На примере Тель-Авива (Израиль), Балтимора (США) и других крупных городов США авторы объясняют их высокую привлекательность для работников интеллектуального труда и креативного класса концепцией креативности и соблюдением закона «трех Т»¹² [Florida, 2002; Acs, Megyesi, 2009; Hartal et al., 2021]. Значение имеют также классические факторы местоположения, к которым, согласно исследованиям Шауля Хартала и Амнона Френкеля с коллегами [Hartal et al., 2021; Frenkelet al., 2013], относятся рынок жилья, удобство региона (транспортная инфраструктура, экология, безопасность), качество среды для проживания с детьми, разнообразие (этническое, религиозное, гендерное и др.). Для городов же второго уровня, например Беэр-Шева в Израиле, конкурентными преимуществами выступают миграционные и социальные сети, в том числе профессиональные [Hartal et al., 2021].

На фоне изучения влияния таких факторов ЭГП, как специфика столичных городов и городов второго уровня, развитие городской среды, экологии на миграцию ИТ-специалистов, иные факторы ЭГП (приграничность, приморское положение, эксклавность и др.) остаются вне фокуса современных исследований. Кроме того, недостаточное внимание уделяется также оценке роли регулирования ИТ-отрасли и механизмов привлечения ИТ-специалистов в принятии решения о миграции и адаптации [Волошенко и др., 2023]. Зачастую меры регулирования разрабатываются в отрыве от анализа причин переезда и потребностей мигрантов, характеризуются отсутствием теоретического обоснования.

При этом актуальность таких исследований после февраля 2022 г. значительно возросла. Во-первых, из-за усиления интенсивности миграционных потоков ИТ-специалистов, направленных за границу [Таишева, 2022], но также и вследствие создания в ряде регионов России специальных условий для привлечения ИТ-специалистов в рамках межрегиональной конкуренции за кадры в ИТ-сфере¹³. Во-вторых, в результате трансформации преимуществ благоприятного ЭГП ряда приграничных регионов России в издержки и ограничения. Примером может служить изменение функции государственной границы в Калининградской области с контактной на барьерную. В-третьих, по причине роста значимости пространственной связанности Калининградского эксклава с основной территорией страны в интересах обеспечения экономической безопасности этой области и, как следствие, необходимости наращивания межрегиональных связей. В-четвертых, из-за роста внимания к отрасли и ее регулированию со стороны государства. Таким образом, изучение профессиональных факторов межрегиональной миграции ИТ-специалистов в особый по специфике ЭГП регион России становится важным и актуальным.

¹² «Три Т» — это технологии, таланты, территориальные активы (толерантность в обществе и комфорт городской среды).

¹³ Более 30% ИТ-специалистов уехали из России или планируют релокацию // Forbes. 2022. 25 сентября. URL: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/477957-bolee-30-it-specialistov-uehali-iz-rossii-ili-planiruyut-relokaciu> (дата обращения: 12.12.2022).

Факторы миграции и условия привлечения ИТ-специалистов в Калининградскую область

Геополитическая и геоэкономическая ситуация в 2022 г. внесла изменения в работу российской ИТ-индустрии. По причине санкций, ухода части зарубежных компаний, отсутствия крупных проектов и стартапов с участием иностранных инвесторов сокращаются отдельные ИТ-сферы (например, разработка игр и робототехника). Поэтому, несмотря на массовую релокацию представителей ИТ в 2022 г., спрос на специалистов, особенно категорий джуниор, а в отдельных сферах и мидл, практически соответствует их предложению на рынке, но требования к кандидатам повысились. По-прежнему сохраняется дефицит на ИТ-специалистов средней и высокой квалификации и выше¹⁴.

В феврале-марте 2022 г. более чем для 60 % высококвалифицированных ИТ-специалистов релокация была организована компаниями, покинувшими российский рынок [Таишева, 2022]. По оценкам Минцифры РФ, из страны в 2022 г. уехало около 100 тыс. ИТ-специалистов, 80 % из которых продолжают работать на российские компании¹⁵, однако уже в мае 2022 г. заявлялось о возвращении 85 % ранее уехавших¹⁶. В сложившихся условиях снизились зарплатные ожидания кандидатов, а для компаний-работодателей стали важны этичность, политическая позиция, стабильность соискателя¹⁷. В то же время сохраняют актуальность и факторы комфортной среды и благоприятных условий для проживания, которые тесно связаны с высокой частотой удаленной занятости в отрасли и потому нами относятся к профессиональным. Учитывая влияние событий 2022 г., мы предлагаем различать традиционные и новые факторы миграции ИТ-специалистов, которые будут проверены в эмпирическом исследовании (см. рис. 1).

Профессиональные факторы миграции, отнесенные к «новым», в сложившихся условиях оказывали значительное влияние прежде всего на международную мобильность ИТ-специалистов. Однако тех, кто не собирался покинуть страну, эти же факторы выталкивали с места постоянного проживания к поиску новых условий жизни, работы и профессиональной реализации.

В настоящее время для всех регионов и компаний в ИТ-сфере России предусмотрено значительное число мер государственной поддержки¹⁸. Кроме уже названных льгот по уплате страховых взносов, льготной ипотеки, отсрочки от призыва в армию, трудоустройства иностранных ИТ-специалистов есть и многие другие. Это запрет на проведение контрольных мероприятий в 2022—2024 гг., до 3 мар-

¹⁴ Аналитика по хантингу: что происходит в ИТ-найме в 22 году // New.HR. 2022. 22 сентября. URL: <https://vc.ru/hr/506455-analitika-po-hantingu-cto-proishodit-v-it-nayme-v-22-godu> (дата обращения: 13.12.2022).

¹⁵ Минцифры: в 2022 году из России уехал каждый десятый ИТ-специалист // Новый Калининград. 2022. 20 декабря. URL: <https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/community/24025712-mintsifyr-v-2022-godu-iz-rossii-uekhal-kazhdy-desyatyy-it-spetsialist.html> (дата обращения: 27.12.2022).

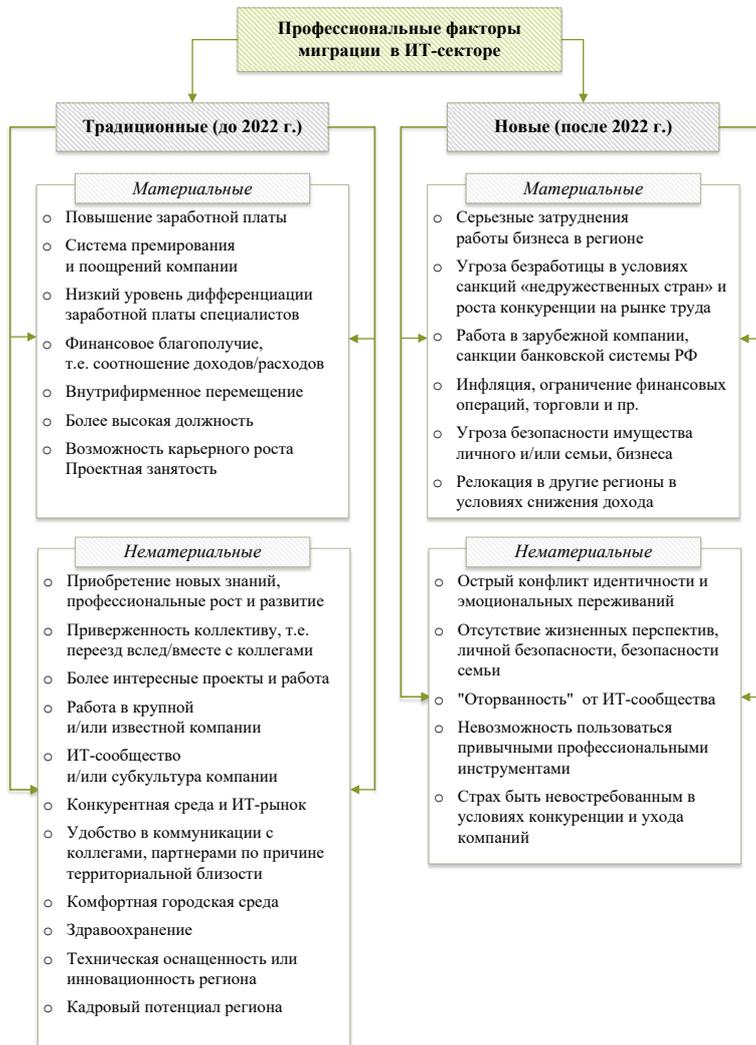
¹⁶ Мишустин заявил, что в Россию вернулись около 85 % уехавших ИТ-специалистов // Российская газета. 2022. 27 мая. URL: <https://rg.ru/2022/05/27/mishustin-zaiavl-cto-v-rossiiu-vernulis-okolo-85-uehavshih-it-specialistov.html> (дата обращения: 05.06.2022).

¹⁷ Аналитика по хантингу: что происходит в ИТ-найме в 22 году // New.HR. 2022. 22 сентября. URL: <https://vc.ru/hr/506455-analitika-po-hantingu-cto-proishodit-v-it-nayme-v-22-godu> (дата обращения: 13.12.2022).

¹⁸ Государственные меры поддержки для ИТ-компаний // Министерство цифровых технологий и связи Калининградской области. URL: https://digital.gov39.ru/upload/2022/Презентация_Новая_Поддержка_ИТ_12.09.22_PDF.pdf (дата обращения: 17.12.2022).

та 2025 г. приостановлены выездные налоговые проверки. Предусмотрено снижение налоговой нагрузки: налог на прибыль до 0% до 31 декабря 2024 г., доля профильной ИТ-выручки для получения льгот снижена с 90% до 70%, исключено обязательное требование по числу сотрудников, расширен перечень ИТ-видов деятельности.

Рис. 1. Профессиональные факторы миграции ИТ-специалистов, в том числе предпринимателей, между регионами РФ 19

¹⁹ Составлено с использованием: Релокейт: кто уезжает, кто нет, зачем и почему // New.HR. 2022. 20 мая. URL: <https://vc.ru/hr/425834-relokeyt-kto-uezzhaet-kto-net-zachem-i-pochemu> (дата обращения: 14.12.2022); Немного о миграции ИТ-специалистов // Хабр. 2016. 22 апреля. URL: <https://habr.com/ru/post/393203/> (дата обращения: 20.12.2022).

старшего уровня (senior) и выше обычно не выходят на открытые рынки вакансий, а реагируют на предложения компаний²⁴. Во-вторых, обостряется проблема «рекрутерской воронки»²⁵ в условиях, когда число вакансий значительно превосходит число потенциальных кандидатов²⁶. В-третьих, для ИТ-кандидатов интерес представляют зарплатные ожидания от позиции (компания, стабильность, локация, задачи и др.), а не конкретное предложение²⁷. В-четвертых, удаленный формат работы ИТ-специалистов не ограничивает их перемещение или место проживания. Нередко выбор делается в пользу наиболее комфортных условий жизни и работы как для самого работника, так и членов его семьи, исходя из требований к качеству и доступности социальных, медицинских, досуговых и иных услуг²⁸. В-пятых, ИТ-специалисты в отличие от других профессиональных групп, склонны к частой смене работы. Среди 1000 компаний и 3000 представителей экономически активного населения России в 2021 г. позиции о смене работодателя каждые три года или ежегодно чаще придерживались именно ИТ-специалисты (27 % и 9 % соответственно)²⁹.

Основу эмпирической части исследования составили глубинные интервью с ИТ-специалистами с использованием целевой выборки. Применение глубинных интервью было обосновано потребностью детально изучить мотивацию информантов и обоснование принятых ими решений с учетом специфики их жизненных и карьерных траекторий, особенностей регионов происхождения, профессиональных ролей и организаций, в которых они заняты. Для интервью отбирались информанты, обеспечивающие разнообразную и важную информацию о ключевых вопросах исследования [Ядов, 1991]. Наиболее важными являлись вопросы о мотивах и причинах переезда, выбора Калининградской области, об отношении мигрантов к профессиональным мерам поддержки, действующим в регионе, а также процессе закрепления в регионе. Поэтому в исследование были включены ИТ-специалисты из числа мигрантов из разных, отличных друг от друга с точки зрения развития ИТ-рынка, регионов России, обладающие разными характеристиками, профессиональным и жизненным опытом. В рамках исследования были проведены 12 глубинных интервью с ИТ-специалистами в возрасте 27—39 лет, мужчинами (10 информантов) и женщинами (2 информанта); разной специализации (инженер-программист, веб-разработчик, программист, системный аналитик,

²⁴ Современный рекрутинг // Heaad.ru. 2022. 12 ноября. URL: <https://heaad.ru/blog/sovremenniy-rekruting-tehnologii-sovremennogo-rekrutinga/> (дата обращения 10.12.2022).

²⁵ «Рекрутерская воронка» характеризует процесс поиска и найма сотрудников — от предложения вакансии до успешного оффера». Для ИТ-рынка проблема «рекрутерской воронки» связана с увеличением числа предложений релевантным кандидатам со стороны компаний для закрытия вакансии и найма работника.

²⁶ Аналитика для хантинга и рекомендации по найму ИТ-специалистов // VC.RU. 2021. 15 сентября. URL: <https://vc.ru/hr/293852-analitika-dlya-hantinga-i-rekomendacii-po-naymu-it-specialistov> (дата обращения 10.12.2022).

²⁷ Специалисты ИТ-сферы рассказали о зарплатных ожиданиях в начале карьеры // Новые известия. 2022. 12 апреля. URL: <https://newizv.ru/news/2022-04-12/spetsialisty-it-sfery-rasskazali-o-zarplatnyh-ozhidaniyah-v-nachale-karrier-354486> (дата обращения 11.12.2022).

²⁸ Цифровые кочевники: кто это такие и что стоит учесть при выборе такого образа жизни // Медиа Нетологии. 2022. 17 января. URL: <https://netology.ru/blog/01-2022-digital-nomads> (дата обращения 09.12.2022).

²⁹ Каждый одиннадцатый программист считает, что работу можно менять хоть ежегодно // Superjob.ru. 2021. 5 августа. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112980/kazhdyy-odinnadcatyj-programmist-schitaet/> (дата обращения 13.12.2022).

бизнес-девелопмент менеджер), проживающие в регионе не более шести лет³⁰. Основная часть информантов — инженеры-программисты с высшим образованием. В выборку попали представители относительно крупных компаний с численностью работников более 500 человек, средних (около 100 человек), малых и микропредприятий, стартапов. Были проинтервьюированы специалисты, приехавшие из регионов Дальнего Востока (Владивостока, Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре), Сибири (Томска, Красноярска, Омска, Барнаула), Центральной России (Москвы), Юга России (Краснодара), Приволжья (Уфы, Перми). Получившийся географический охват отражает ключевые направления миграционных потоков в Калининградскую область. Полный перечень информантов с ключевыми характеристиками приведен в приложении 2.

Личные суждения ИТ-специалистов из числа мигрантов были дополнены экспертными оценками, представляющими интерес с точки зрения формирования спроса и предложения в ИТ-сфере региона. Было проведено пять полуструктурированных интервью, из них четыре — с представителями руководящего состава ИТ-компаний региона, отвечающими за рекрутинг, или непосредственно руководителями компаний, и одно — с лидером профессионального ИТ-сообщества региона. При этом эксперты представляли компании, различные по размеру, опыту работы на отечественном ИТ-рынке и направлению деятельности компании. Так, один из экспертов представлял крупную компанию (> 500 сотрудников) в области разработки бизнес-решений, работающую на рынке более 20 лет и имеющую отделения как в России, так и за рубежом. Еще один из экспертов работал в региональной средней ИТ-компании, специализирующейся на разработке мобильных приложений на российском рынке около десяти лет. Привлекались также представители микропредприятий в области разработки программного обеспечения и ИТ-стартапов в сфере разработки игр с опытом работы на отечественном рынке не более пяти лет. Полный перечень экспертов с ключевыми характеристиками приведен в приложении 1.

Повторение сюжетов в представлениях информантов и подтверждение мнением экспертов полученной эмпирической схемы дают нам основание полагать, что в процессе полевого этапа исследования были собраны важные данные об основных тенденциях и факторах миграции ИТ-специалистов в Калининградскую область.

Поиск информантов осуществлялся через личные знакомства и методом «снежного кома». Максимальная длина цепи составила три контакта. «Точкой входа» для коллектива выступил лидер местного ИТ-сообщества, через свои личные каналы привлекая несколько первых информантов. Обеспечение требуемого разнообразия жизненного и профессионального опыта информантов обеспечивалось сверкой привлекаемых контактов с вышеописанными целевыми критериями отбора (размер компании, роль в организации, регион). Все интервью сопровождались письменными заметками и с согласия информантов — аудиозаписью, а затем были транскрибированы.

Для проведения интервью были разработаны два гайда: для ИТ-специалистов и для экспертов. Вопросы гайда для ИТ-специалистов направляли информанта

³⁰ Временной интервал установлен, исходя из предположения о росте интереса к региону со стороны ИТ-специалистов после расширения мер поддержки для ИТ-рынка в 2018 г.

на полноценный рассказ о его профессиональной жизни до и после переезда, мотивах к переезду и процессе адаптации в регионе, тем самым раскрывая детали процесса переезда с точки зрения реализации его трудового потенциала. Вопросы гайда для экспертов строились вокруг обсуждения формирования и удовлетворения потребности в кадрах, эффективности механизмов регулирования привлечения специалистов в регион, а также их мнения относительно возможных причин переезда представителей отрасли. Дополнительно со всеми информантами обсуждалось влияние текущей ситуации вокруг региона, обострившейся в 2022 г., на миграционную привлекательность Калининградской области для ИТ-специалистов из других регионов РФ и мотивы к отъезду из региона.

Результаты исследования

Причины миграции

Мотивация ИТ-специалистов при переезде в Калининградскую область складывалась под воздействием совокупности факторов выталкивания и притяжения, как общих, так и профессиональных. Если факторы притяжения обусловлены преимуществами региона, определяющими его миграционную привлекательность, то факторы выталкивания значительно разнятся между информантами в силу их обусловленности территорией прежнего проживания. Информанты проводили сравнение условий проживания в Калининградской области и в своем «родном» регионе по линии природно-климатических условий и по социально-экономическому положению регионов, уровню развития ИТ-сектора.

К общим факторам выталкивания информанты с Дальнего Востока и из Сибири отнесли неблагоприятные природно-климатические условия, в отдельных случаях экологические проблемы, уровень бедности³¹, высокая стоимость жизни, непривлекательный облик регионов. ИТ-специалисты из столичных регионов, как правило, переезжают по причине смены ритма жизни на более спокойный, но при этом сохраняют возможности работы в «родном» регионе, живут на два города.

Среди общих факторов притяжения лидируют благоприятные природно-климатические условия (морской климат), отмеченные почти всеми информантами, а также близость к Европе, определяющая возможности выезда за рубеж с целью путешествий. Имела значение для мигрантов и хорошая экология, привлекательный образ областной столицы. Практически все информанты высказали непохожесть Калининградской области на другие регионы России, назвав ее «русской Европой». Важным фактором притяжения для мигрантов, прибывших в составе семьи, стала развитая социальная инфраструктура, для переезжающих без семьи — возможности отдыха в регионе с акцентом на круглосуточный режим работы.

Профессиональные факторы миграции также оказывали влияние по двум направлениям — выталкивания из места прежнего проживания и притяжения в Калининградскую область. Почти все информанты подчеркивали неблагоприятную ситуацию в ИТ-сфере в «родном» регионе относительно Калининградской области. В частности, информанты с Дальнего Востока говорили о ее низком уровне развития и слабых возможностях для профессионального роста.

³¹ По данным Росстата, в 2021 г. в 18 из 21 субъекта СФО и ДФО уровень бедности выше, чем в среднем по РФ, в 13 из них — выше, чем в Калининградской области.

В Хабаровском крае программист — нераспространенная профессия. В Комсомольске-на-Амуре нет частных ИТ-компаний, только два-три завода... Фактически я уезжал от работы на государственные заводы, чтобы найти занятость в частной фирме. (Веб-разработчик, Комсомольск-на-Амуре, 31, М)

Среди профессиональных факторов притяжения информанты особо выделяли близость региона к Европе, которая обуславливает широкие возможности выезда на собеседование в зарубежную компанию, и удобство часового пояса региона, что принципиально для удаленной работы на столичные или европейские компании.

[В Томске] ИТ-сфера развита, возможно, даже лучше, чем в Калининграде. Но в Калининграде очень удобный часовой пояс — можно работать на Москву и Питер. (Руководитель отдела качества, Томск, 31, М)

Жизнь по восточноевропейскому времени — это возможность для работы с партнерами. (Руководитель ИТ-стартапа, Москва, 25, М)

При этом большинство информантов, за исключением тех, кто прибыл в регион с контрактом на руках, отмечали второстепенную роль профессиональных факторов перед общими. По мнению участвовавших в исследовании руководителей крупных компаний, их сотрудники при переезде руководствуются не материальными факторами, а брендом компании, продуктом и проектами.

Практически все информанты проводили сравнение Калининградской области с другими субъектами РФ — Новосибирской областью, Москвой, Санкт-Петербургом. Среди преимуществ Калининградской области назывались следующие: более спокойный ритм жизни по сравнению со столичными регионами, динамично развивающаяся ИТ-сфера.

Несмотря на плохую представленность региона в информационном поле страны, позитивные стороны развития ИТ-сектора для продвижения Калининградской области отметили практически все информанты. В их числе, кроме упомянутых выше, активное ИТ-сообщество, наличие в Калининграде помещений для переговоров (под аренду), отдельные динамично развивающиеся направления ИТ-индустрии (например, разработка игр и приложений), отсутствие ряда институциональных барьеров, что способствует развитию ИТ-стартапов в регионе.

В регионе есть крутые разработчики игр, известные на всю страну, — они и притягивают сюда специалистов. Они достаточно активны, раз в год проводят крупное общероссийское мероприятие для разработчиков игр (руководителей) — это повышает «заметность» региона. (Инженер-программист, Пермь, 33, М)

В отличие от Москвы здесь гораздо быстрее можно дойти до человека, принимающего решение, нет лишнего формализма... Есть практически прямая связь с правительством, губернатором, главами администраций — это то, чего нет в Москве. (Бизнес-девелопмент менеджер, Москва, 31, М)

Оценка мер поддержки ИТ-специалистов

Предлагаемые в Калининградской области меры привлечения и поддержки ИТ-специалистов в целом не сыграли значимой роли при принятии решения о переезде опрошенными работниками. Ни один из наших информантов не воспользовался мерами, предлагаемыми региональными властями, главным образом в силу отсутствия информации о них в регионе исхода, либо по иным личным причинам.

Информанты, получившие поддержку со стороны компаний, отмечали, что она также не была определяющей, поскольку не отвечала основным мотивам переезда — нематериальным. По мнению эксперта (лидер регионального ИТ-сообщества, Калининград, 35, Ж), почти все, кто переезжает «с контрактом на руках», получают финансовую помощь от работодателя, при этом используется «традиционный» набор мер релокации сотрудников:

- сопровождение при поиске и подборе жилья (может включать риэлтора в штате компании);
- компенсация расходов на переезд (билеты всем членам семьи, транспортировка вещей, в том числе автомобиля, если требуется);
- аренда жилья в первый месяц (гостиница, наем жилья);
- софинансирование первоначального взноса по ипотеке (в индивидуальном порядке);
- консультации по вопросам адаптации, помощь в решении бытовых вопросов;
- добровольное медицинское страхование, компенсация расходов на получение отдельных видов частных медицинских услуг (например, вызов врача на дом в период пандемии COVID—19).

Руководители компаний отмечали, что такая работа достаточно затратна для компаний и накладывает на них большую ответственность. Компенсация расходов со стороны региональных властей в рамках Программы представляется достаточно актуальной, но сам механизм получения поддержки оказался недостаточно прозрачным, простым и потому эффективным.

В целом эта поддержка была для компании интересна, но не критична. Компания всегда была готова выделить хорошие деньги на привлечение нужного специалиста. (Руководитель отделения HR, Калининград, 37, Ж)

Программа релокации кадров слишком забюрократизирована. Фирма <...> привлекала 10—15 человек в 2021 году, но оказались разочарованы — слишком сложно. (Лидер регионального ИТ-сообщества, Калининград, 35, Ж)

Несмотря на это, руководители компаний в целом оптимистично настроены на более активное вовлечение региональных органов власти в содействие местным компаниям в обеспечении кадрового дефицита, а существующие меры поддержки могут быть доработаны. Были выделены следующие направления совершенствования Программы.

Во-первых, необходимо наладить работу по продвижению региональных механизмов привлечения кадров в других российских регионах. Во-вторых, нужно упростить процесс получения поддержки и сократить сроки, изменить порядок по-

лучения поддержки за счет переадресации помощи непосредственно ИТ-специалисту, а не компании, убрать требования к географии (регионам исхода мигрантов). В-третьих, следует распространить действие Программы на мелкие компании (ИП), которым сегодня данная поддержка недоступна. В-четвертых, при определении размера финансовой помощи специалисту целесообразно опираться не на оборот компании, а на зарплату специалиста.

В целом работодатели отметили, что взаимодействие с государственными органами выстроено достаточно эффективно. Впрочем, здесь также имеется потенциал для развития. В частности, Центр занятости населения, куда ИТ-компании обязаны сообщать о кадровой потребности, не выступает в качестве источника ее удовлетворения.

Специалисты, которые приходят к нам из Центра занятости, совершенно не востребованы в нашей компании. Те, кто нам нужен, не приходят в Центр занятости просто потому, что они про него не знают. Айтишник зайдет в HeadHunter, сделает пару кликов и найдет себе работу. (Руководитель отделения HR, Калининград, 37, Ж)

Привлеченные ИТ-специалисты также предлагали свои меры регулирования отрасли и поддержки наиболее востребованных кадров, опираясь на свой опыт работы в разных компаниях (в том числе в разных регионах) и взаимодействия с профессиональным сообществом. Они отмечали востребованность мер, направленных на развитие ИТ-сферы в регионе и создание конкурентной среды. А именно:

- разработка ИТ-имиджа региона (например, «хаб» для ИТ-специалистов, занятых на удаленной работе или ИТ-парк/ИТ-долина с низкими налогами, меньшей отчетностью и дешевой электроэнергией; Мекка для творческих ИТ-специалистов, например разработчиков игр);
- повышение узнаваемости ИТ-сферы региона через задействование множества разных каналов (проведение крупных мероприятий на территории области, каналы блогеров, контент-реклама на страницах всевозможных сервисов, интерактивная карта ИТ-сферы и инфо-ролики об ИТ-сфере региона и др.);
- развитие возможностей для нетворкинга (проведение конференций и иных мероприятий);
- инвестиции в техническую инфраструктуру (увеличение скорости интернета и покрытие интернетом территории области, сельской местности);
- учреждение региональных фондов на поддержку локальных проектов в ИТ-сфере, в том числе для молодых специалистов (стартап-программы);
- снижение налога на доходы физических лиц и иных отчислений с заработной платы сотрудников для стартап-проектов с последующим повышением, но до уровня немногим ниже, чем в остальных регионах РФ;
- создание консультативного совета при государственных органах власти с участием представителей ИТ-сообщества региона для выработки совместных решений по развитию отрасли;
- учреждение многофункционального центра для оказания помощи и сопровождения ИТ-специалиста (возможно, как опция Фонда поддержки предпринимательства), важную роль здесь играет освещение вопросов господдержки;

- внедрить поддержку для ИП — доступ к льготной ипотеке, коворкинги;
- ознакомительные туры в регион с целью «познакомиться» с ИТ-сферой региона, местом будущей работы.

Упоминались и нематериальные меры поддержки ИТ-специалистов. Для тех из них, кто переезжает в составе семьи, важна развитая социальная инфраструктура и содействие в устройстве детей в детский сад и школу. Для мигрантов, переезжающих без семьи, значение имеет культурная среда, возможности отдыха в нерабочее время (часто в ночное).

ИТ-специалисты, переехавшие в последние годы, указали на необходимость развития сферы аренды жилья, поскольку в «высокий» сезон найти и снять в областном центре доступное по цене жилье достаточно проблематично. В целом льготное жилье (прежде всего временное) для разных категорий ИТ-специалистов (для молодых или с низкими доходами, небольшим опытом работы и др.), по мнению некоторых информантов, могло бы стать одной из желательных мер поддержки.

В то же время и привлеченные ИТ-специалисты, и эксперты сходятся во мнении, что сегодня одним из барьеров для переезда в регион выступают геополитические риски, которые необходимо минимизировать посредством качественной информационной кампании о реальной обстановке в регионе. Приближение оценок ситуации в регионе к реальности, по мнению экспертов, важно также и с точки зрения предупреждения разочарования мигрантов вследствие несоответствия их ожиданий реальности.

Привлекая специалистов, необходимо честно говорить о ситуации в области — о ценах, логистике, инфраструктуре, о сложностях с наймом жилья в высокий сезон.
(Руководитель отделения HR, Калининград, 37, Ж)

Выводы и дискуссия

Полученные новые результаты дополняют проведенные ранее исследования по международной миграции ИТ-специалистов выявлением основных мотивов внутренней миграции ИТ-специалистов с учетом их изучения в пределах неоднородного экономико-географического пространства России.

В частности, результаты проведенных глубинных интервью с экспертами и ИТ-специалистами указывают на то, что мотивация ИТ-специалистов к миграции в Калининградскую область в большей степени подвержена влиянию общих, а не профессиональных факторов, описанных в более ранних исследованиях [Voloshenko, Lialina, 2022]. Несмотря на ограниченное число проведенных интервью с учетом широкой географии информантов, удалось установить, что природа профессиональных факторов притяжения в регион во многом определяется особенностями ЭГП эксклавного региона (см. рис. 2). В частности, информанты указывали на первостепенное значение при выборе региона благоприятных природно-климатических условий и экологической обстановки, территориальной близости к Европе (до пандемии COVID—19) и центральным регионам РФ. Для Калининградской области характерны и некоторые черты столичных регионов, которые определяют ее привлекательность для высококвалифицированных мигрантов:

комфортность городской среды и аккуратный облик зеленого, современного региона, толерантность к мигрантам, обусловленная историей заселения области.

В то же время Калининградская область, не являясь крупным технологическим или научным центром, не имеет возможности привлекать квалифицированных специалистов современными прорывными технологиями. Поэтому сохранять высокую миграционную привлекательность как региону второго уровня ему помогают сложившиеся миграционные и социальные связи с территориями исхода переселенцев.

Состояние и уровень развития ИТ-сферы, как и возможности профессиональной кооперации и роста, ведения ИТ-предпринимательства, наличие профессионального сообщества в регионе, оказались в фокусе большинства информантов только после прибытия в регион. При этом часть профессиональных факторов, которые отмечались информантами, относятся к мерам поддержки и продвижения ИТ-сферы за пределами региона, то есть являются следствием внешнего воздействия и подлежат регулированию.

Предположение о специфике профессиональных факторов межрегиональной миграции для ИТ-специалистов в Калининградскую область, связанной с особенностями ЭГП региона, подтвердилось лишь частично. В ходе исследования выявлено, что приграничность и приморское положение, ранее не учитываемые при изучении мобильности ИТ-специалистов, могут оказывать воздействие на профессиональную мотивацию к смене места жительства (см. рис. 2). Приморское положение Калининградской области формирует благоприятную среду для реализации творческого потенциала, а приграничность и соседство с европейскими странами, близость к главным городам России (Москве и Санкт-Петербургу) определяют широкие возможности для доступа к их ИТ-рынку (в частности, работа в удобных часовых поясах, транспортная доступность).

Региональная политика в значительной степени учитывала обозначенные преимущества Калининградской области, в том числе способствуя трансграничному взаимодействию и особенно продвижению туристско-рекреационного образа региона среди жителей других субъектов РФ. Данные преимущества используют представители кадровых служб ИТ-компаний региона, однако государственные программы, направленные на привлечение ИТ-специалистов, в большинстве своем их не учитывали. Государственные (и частные) экономические механизмы по поддержке привлечения ИТ-специалистов из других регионов РФ были направлены на преодоление издержек территориальной оторванности региона от других субъектов РФ. Впрочем, они оказались доступны не всем ИТ-специалистам, а лишь небольшой части из них, которая трудоустроивалась в крупные компании или малые и микропредприятия, участвующие в реализации инвестиционных проектов на территории региона. Поэтому вторая часть гипотезы о влиянии условий развития ИТ-сектора и поддержки ИТ-специалистов в регионе на специфику профессиональных факторов миграции представителей отрасли из других субъектов РФ в регион, не подтвердилась. В то же время выдвинутые предложения со стороны информантов о повышении привлекательности ИТ-сферы региона для мигрантов свидетельствуют о недоиспользованном потенциале менеджмента отрасли для этих целей. Следует признать влияние и ключевую роль государственных

мер поддержки в ИТ-сфере, но они будут эффективны и востребованы только при условии их соответствия запросам ИТ-специалистов.

Рис. 2. Обусловленность общих и профессиональных факторов миграции ИТ-специалистов в Калининградскую область некоторыми особенностями ЭГП региона

Источник: составлено авторами.

Примечание: жирным шрифтом обозначены факторы выталкивания, светлым — факторы притяжения.

Несмотря на значительные ограничения на взаимодействие с западными компаниями и смену контактной функции государственной границы России в Калининградской области с Польшей и Литвой на барьерную, преимущество соседства региона с европейскими странами в профессиональной реализации ИТ-специалистов по-прежнему важно (например, из-за удобства часовых поясов). В то же время стимулирование укрепления пространственной связанности региона с основной территорией России, а также Беларусь в повестке федеральных и региональных властей целесообразно сопровождать усилиями по повышению заметности региональной ИТ-сферы в ИТ-пространстве России и ЕАЭС.

На наш взгляд, целесообразно более широко и глубоко проработать преимущества ИТ-сферы региона, обусловленные его благоприятными природно-климатическими условиями и историко-культурным наследием, которые создают потенциал для развития в регионе удаленной занятости (в компаниях, базирую-

щихся в столичных регионах) и творческих ИТ-индустрий. Для этих целей в регионе могут проводиться крупные отраслевые мероприятия для нетворкинга, разрабатываться и внедряться новые образовательные программы, например, по творческим направлениям подготовки ИТ-специалистов или программы переподготовки кадров, в том числе и для удаленной работы³². Комфортность проживания в регионе как один из главных факторов высокой миграционной привлекательности региона важно укреплять посредством развития соответствующей инфраструктуры, важной для современного образа жизни (доступ к аренде жилья круглый год, доступ к высокоскоростному интернету по всей территории области, досуговая круглосуточная инфраструктура и др.)³³.

Перспективы исследования связаны с углублением знаний об изменении миграционной привлекательности Калининградской области для разных категорий ИТ-специалистов в результате переориентации региональной экономики на развитие ключевых производств, обеспечивающих экономическую безопасность экспортного региона в интересах национальной безопасности России.

Список литературы (References)

Андреева Е. А., Карачурина Л. Б. Стратегии миграции врачей в периферийные муниципальные образования (на примере Тверской области) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 316—338. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1725>.

Andreeva E. A., Karachurina L. B. (2021) Strategies for the Migration of Physicians to Remote and Rural Areas (On the Example of Tver Region). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 316—338. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1725>. (In Russ.)

Антошук И. А., Леденева В. Ю. Из России в Великобританию: о механизмах миграции молодых ученых в области компьютерных наук // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 108—118. <https://doi.org/10.31857/S013216250004015-9>.

Antoshchuk I. A., Ledeneva V. Yu. (2019) From Russia to Great Britain: On the Mechanisms of Migration of Young Scientists in the Field of Computer Science. *Sociological Studies*. No. 2. P. 108—118. <https://doi.org/10.31857/S013216250004015-9>. (In Russ.)

Болгарина Е. В. Трудовая мобильность в сфере информационных технологий // Социально-профессиональная мобильность в XXI веке: сборник материалов и докладов Международной конференции, Екатеринбург, 29—30 мая 2014 г. С. 61—65.

Bolgarina E. V. (2014) Labor Mobility in the Field of Information Technologies. *Socio-Professional Mobility in the XXI Century*. Yekaterinburg, May 29—30. P. 61—65. (In Russ.)

³² Калининградский рынок информтехнологий столкнулся с кадровым голодом // RGRU. 2020. 3 марта. URL: <https://rg.ru/2020/03/03/reg-szfo/kaliningradskij-rynok-informtehnologij-stolknulsia-s-kadrovym-golodom.html> (дата обращения: 13.12.2022).

³³ Три магнита для IT: в каких регионах рады разработчикам // Инвест-Форсайт. 2017. 22 ноября. URL: <https://www.if24.ru/it-regiony/> (дата обращения: 13.12.2022).

Вильховская Е. Э. Факторы трудовой мобильности в ИТ-отрасли // Достижения вузовской науки. 2016. № 25—2. С. 107—111.

Vilkhovskaya E. E. (2016) Factors of Labor Mobility in the IT Industry. *Achievements of University Science*. No. 25—2. P. 107—111. (In Russ.)

Волошенко К. Ю., Лялина А. В. Привлекательность Калининградской области: факторы притяжения и причины разочарования мигрантов из регионов России // Балтийский регион. 2022. Т. 14. № 3. С. 102—128. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-6>.

Voloshenko K. Yu., Lialina A. V. (2022) Attractiveness of the Kaliningrad Region: Attraction Factors and Reasons for the Disappointment of Migrants from the Regions of Russia. *Baltic Region*. Vol. 14, No. 3. P. 102—128. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-6>. (In Russ.)

Волошенко К. Ю., Лялина А. В., Фарафонова Ю. Ю., Новикова А. А. (2023) Профессиональные факторы и механизмы привлечения в Калининградскую область мигрантов из регионов России // Регионоведение. Т. 31. № 1. С. 143—165. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.143-165>.

Voloshenko K. Yu., Lialina A. V., Farafonova Yu. Yu., Novikova A. A. (2023) Work-Related Pull Factors and Mechanisms for Attracting Internal Migrants to the Kaliningrad Region. *Regionology*. Vol. 31. No. 1. P. 143—165. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.143-165>. (In Russ.)

Дежина И. Г., Солдатова С. Э., Ушакова С. Е. Миграция научных кадров Балтийского региона: прогноз и факторы влияния // Балтийский регион. 2020. Т. 12. № 1. С. 115—131. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-1-7>.

Dezhina I. G., Soldatova S. E., Ushakova S. E. (2020) Migration of Researchers in the Baltic Region: A Forecast and Factors. *Baltic Region*. Vol. 12. No. 1. P. 115—131. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-1-7>. (In Russ.)

Денисенко М. Б., Чудиновских О. С. К вопросу об организации миграции медицинских работников // Современные исследования миграции населения / под общ. ред.: Е. В. Донец, О. С. Чудиновских. М.: Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2015. («Демографические исследования». Вып. 26) С. 31—49.

Denisenko M. B., Chudinovskikh O. S. (2015) To the Question of Organizing the Migration of Medical Workers. In: Donets E. V., Chudinovskikh O. S. (eds.) *Contemporary Research of Migration: Collection of Articles*. Moscow: Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University. "Demographic Research". Vol. 26. P. 31—49. (In Russ.)

Земнухова Л. В. ИТ-специалисты на мировом рынке: стратегии миграции и использование языка (на примере русских в Лондоне) // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6. № 4. С. 154—164.

Zemnukhova L. V. (2015) IT Specialists in the World Market: Migration Strategies and Language Use (On the Example of Russians in London). *Sociology of Science and Technology*. Vol. 6. No. 4. P. 154—164. (In Russ.)

Судакова А. Е., Тарасьев А. А., Кокшаров В. А. Миграционные тренды российских ученых: региональный аспект // *Terra Economicus*. 2021. Vol. 19. No. 2. С. 91—104. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-2-91-104>.

Sudakova A. E., Tarasyev A. A., Koksharov V. A. (2021) Trends in the Migration of Russian Scholars: The Regional Dimension. *Terra Economicus*. Vol. 19. No. 2. P. 91—104. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-2-91-104>. (In Russ.)

Таишева В. В. Цифровые номады и миграционные процессы в российской IT-сфере: политологический анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 460—479. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-460-479>.

Taisheva V. V. (2022) Digital Nomads and Migration Processes in the Russian IT Sphere: A Political Analysis. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*. Vol. 24. No. 3. P. 460—479. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-460-479>. (In Russ.)

Шибанов А. П. Социологическое исследование миграции из Российской Федерации специалистов в сфере IT // Особенности государственной политики России в условиях санкций: сборник трудов Восьмой межвузовской научной конференции, 15 декабря 2020 года. Химки: ФГБВОУ ВО АГЗ МЧС России, 2020. С. 511—516. Shibanov A. P. (2020) A Sociological Study of Migration from the Russian Federation of IT Specialists. *Features of Russia's State Policy under Sanctions*. Khimki: FGBVOU VO AGZ EMERCOM of Russia, 2020. P. 511—516. (In Russ.)

Ядов В. А. Стратегии и методы качественного анализа данных // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 1991. № 1. С. 14—31. Yadov V. A. (1991) Strategies and Methods of Qualitative Data Analysis. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (4M)*. No. 1. P. 14—31. (In Russ.)

Acs Z. J., Megyesi M. I. (2009) Creativity and Industrial Cities: A Case Study of Baltimore. *Entrepreneurship and Regional Development*. Volume 21. Issue 4: Regional Science Perspectives on Entrepreneurship and Regional Development. P. 421—439. <https://doi.org/10.1080/08985620903020086>.

Baptista L., Ferreira Dias M., Amorim M. (2020) What Motivates the Migration of Qualified Talent in Technology? 13th Annual International Conference of Education, Research and Innovation. P. 4709—4718. <https://doi.org/10.21125/iceri.2020.1028>.

Benson M., O'Reilly K. (2009) Migration and the Search for a Better Way of Life: A Critical Exploration of Lifestyle Migration. *The Sociological Review*. Vol. 57. No. 4. P. 608—625. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2009.01864.x>.

Boese M., Moran A. (2021) The Regional Migration-Development Nexus in Australia: What Migration? Whose Development? *Frontiers in Sociology*. Vol. 6. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2021.602487>.

Dahl M. S., Sorenson O. (2010) The Migration of Technical Workers. *Journal of Urban Economics*. Vol. 67. No. 1. P. 33—45. <https://doi.org/10.1016/j.jue.2009.09.009>.

- Duell N. (2019) Skills Shortages and Labour Migration in the Field of Information and Communication Technology in India, Indonesia and Thailand. Geneva: ILO.
- Etzo I. (2008) The Determinants of the Recent Interregional Migration Flows in Italy: A Panel Data Analysis. *Journal of Regional Science*. Vol. 51. No. 5. P. 948—966. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9787.2011.00730.x>.
- Florida R. (2002) The Economic Geography of Talent. *Annals of the Association of American Geographers*. Vol. 92. No. 4. P. 743—755. <https://doi.org/10.1111/1467-8306.00314>.
- Frenkel A., Bendit E., Kaplan S. (2013) Residential Location Choice of Knowledge-Workers: The Role of Amenities, Workplace and Lifestyle. *Cities*. Vol. 35. P. 33—41. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2013.06.005>.
- Haberfeld Y., Birgier D. P., Lundh C., Eildér E. (2019) Selectivity and Internal Migration: A Study of Refugees' Dispersal Policy in Sweden. *Frontiers in Sociology*. Vol. 4. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2019.00066>.
- Hartal S., Rubin O. D., Malul M. (2021) The Mobility Preferences of ICT Knowledge Workers: Do Second-Ranked Cities Have a Chance of Attracting Them? *Journal of Urban Affairs*. Vol. 45. No. 1. P. 875—889. <https://doi.org/10.1080/07352166.2020.1860676>.
- Igarashi A. (2022) How Do Initial Migrants Choose Their Locations? Interregional Migration in Japan from 1899 to 1938. *Journal of Regional Science*. Vol. 62. No. 4. P. 1032—1047. <https://doi.org/10.1111/jors.12586>.
- Iredale R. R. (2001) The Migration of Professionals: Theories and Typologies. *International Migration*. Vol. 39. No. 5. P. 7—26.
- Laajimi R., Le Gallo J. (2022) Push and Pull Factors in Tunisian Internal Migration: The Role of Human Capital. *Growth and Change*. Vol. 53. No. 2. P. 771—799. <https://doi.org/10.1111/grow.12607>.
- Lee E. (1966) A Theory of Migration. *Demography*. Vol. 3. No. 1. P. 47—57. <http://dx.doi.org/10.2307/2060063>.
- Romano P. (2016) Internal Migration in Italy. Long-Run Analysis of Push and Pull Factors across Regions and Macro-Areas of the Country. *Migration Letters*. Vol. 13. No. 3. P. 443—454. <https://doi.org/10.33182/ml.v13i3.295>.
- Sahota G. S. (1968) An Economic Analysis of Internal Migration in Brazil. *Journal of Political Economy*. Vol. 76. No. 2. P. 218—245. <https://doi.org/10.1086/259395>.
- Sánchez-Moral S., Arellano A., Díez-Pisonero R. (2018) Interregional Mobility of Talent in Spain: The Role of Job Opportunities and Qualities of Places during the Recent Economic Crisis. *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 50. No. 4. P. 789—808. <https://doi.org/10.1177/0308518X18761151>.
- Teja S. (2018) Why Tech Workers and Global Companies Are Choosing Canada. In Forbes, 2 July. URL: <https://forbes.com/sites/forbestechcouncil/2018/07/02/why-tech-workers-and-global-companies-are-choosing-canada> (accessed: 12.03.2023).

Tuccio M. (2019) Measuring and Assessing Talent Attractiveness in OECD Countries, OECD Social, Employment and Migration Working Papers. Paris: OECD Publishing. No. 229. <https://doi.org/10.1787/1815199X>.

Vakulenko E. S., Mkrtychyan N. V. (2020) Factors of Interregional Migration in Russia Disaggregated by Age. *Applied Spatial Analysis and Policy*. No. 13. P. 609—630. <https://doi.org/10.1007/s12061-019-09320-8>.

Voigt-Graf C., Khoo S.-E. (2004) Temporary Migration of Indian ICT Workers to Australia. *Asian and Pacific Migration Journal*. Vol. 13. No. 2. P. 137—154. <https://doi.org/10.1177/011719680401300201>.

Zanabazar A., Kho N. S., Jigjiddorj S. (2021) The Push and Pull Factors Affecting the Migration of Mongolians to the Republic of South Korea. SHS Web of Conferences. *International Conference on Entrepreneurial Competencies in a Changing World (ECCW 2020)*. Vol. 90. Art. 01023. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20219001023>.

Приложение 1. Перечень экспертов

- Эксперт 1 — Руководитель отделения HR, Калининград, 37, Ж
- Эксперт 2 — Руководитель отдела качества, Томск, 31, М
- Эксперт 3 — Лидер регионального ИТ-сообщества, Калининград, 36, Ж
- Эксперт 4 — ИТ-директор, Калининград, 37, М
- Эксперт 5 — Руководитель ИТ-стартапа, Москва, 25, М

Приложение 2. Перечень информантов — ИТ-специалистов

- Информант 6 — Системный аналитик, Хабаровск, 39, М
- Информант 7 — Программист, Томск, 27, М
- Информант 8 — Инженер-программист, Пермь, 33, М
- Информант 9 — Инженер-программист, Омск, 31, М
- Информант 10 — Бизнес девелопмент менеджер, Москва, 29, М
- Информант 11 — Бизнес девелопмент менеджер, Москва, 31, М
- Информант 12 — Инженер-программист, Красноярск, 28, М
- Информант 13 — Веб-разработчик, Комсомольск-на-Амуре, 31, М
- Информант 14 — Инженер-программист, Краснодар, 33, М
- Информант 15 — Инженер-программист, Владивосток, 28, М
- Информант 16 — Инженер, Уфа, 28, Ж
- Информант 17 — Ведущий инженер, Барнаул, 36, Ж

DOI: [10.14515/monitoring.2023.5.2415](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2415)

С. И. Поляков, Д. А. Ситкевич, И. В. Стародубровская

**МОДЕЛЬ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ
ЧЕРЕЗ СПОРТИВНОЕ СООБЩЕСТВО НА ПРИМЕРЕ
СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ МИГРАНТОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ**

Правильная ссылка на статью:

Поляков С. И., Ситкевич Д. А., Стародубровская И. В. Модель адаптации мигрантов через спортивное сообщество на примере северокавказских мигрантов в Санкт-Петербурге // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5. С. 177—201. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2415>.

For citation:

Polyakov S. I., Sitkevich D. A., Starodubrovskaya I. V. (2023) Model of Migrant Adaptation Through the Sports Community: The Case of North Caucasian Migrants in St. Petersburg. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 177–201. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2415>. (In Russ.)

Получено: 14.04.2023. Принято к публикации: 08.09.2023.

МОДЕЛЬ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ ЧЕРЕЗ СПОРТИВНОЕ СООБЩЕСТВО НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ МИГРАНТОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

ПОЛЯКОВ Святослав Игоревич — кандидат социологических наук, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия

*E-MAIL: s.poliakov@kursiv.media
<https://orcid.org/0000-0003-0652-6364>*

СИТКЕВИЧ Даниил Андреевич — кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанизма, Институт прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

*E-MAIL: sitkevich@iep.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6498-1747>*

СТАРОДУБРОВСКАЯ Ирина Викторовна — кандидат экономических наук, руководитель научного направления «Политическая экономия и региональное развитие», Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанизма, Институт прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия
*E-MAIL: irinavstar@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-7073-5905>*

Аннотация. Статья посвящена адаптации мигрантов к городской среде через субкультуру силовых единоборств. Теоретической рамкой анализа выступает теория сегментной ассимиляции, утверждающая, что ассимиляция мигрантов может происходить не только че-

MODEL OF MIGRANT ADAPTATION THROUGH THE SPORTS COMMUNITY: THE CASE OF NORTH CAUCASIAN MIGRANTS IN ST. PETERSBURG

*Svyatoslav I. POLYAKOV¹ — Independent Researcher, Cand. Sci. (Soc.)
E-MAIL: s.poliakov@kursiv.media
<https://orcid.org/0000-0003-0652-6364>*

*Daniil A. SITKEVICH² — Cand. Sci. (Econ.), Researcher at the Centre for Regional Studies and Urbanism, Institute of Applied Economic Research
E-MAIL: sitkevich@iep.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6498-1747>*

*Irina V. STARODUBROVSKAYA^{3,2} — Cand. Sci. (Econ.), Head of the Department “Political Economy and Regional Development”; Leading Research Fellow at the Centre for Regional Studies and Urbanism, Institute of Applied Economic Research
E-MAIL: irinavstar@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-7073-5905>*

¹ Saint Petersburg, Russia

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

³ Gaidar Institute for Economic Policy, Moscow, Russia

Abstract. The article discusses the adaptation of migrants to urban environment through the strength martial arts subculture. The theoretical framework of the analysis is based on the segmented assimilation theory that argues that the assimilation of migrants can occur both

рез включение в культурный мейнстрим принимающего общества, но и через свойственные ему суб- и контркультуры. Объектом исследования являются мигранты-дагестанцы в Санкт-Петербурге, представляющие спорт высоких достижений в различных видах силовых единоборств. В отличие от классического анализа в рамках теории сегментной ассимиляции, речь идет о мигрантах первого поколения. Исследование проводилось качественными социологическими методами.

Анализ спортивных и постсоревновательных карьер мигрантов демонстрирует, что включенность в силовую субкультуру позволяет спортсменам проще пройти первичный миграционный шок (острую фазу адаптации). В то же время аккумулируемые ими в спорте различные ресурсы (типы капитала) лучше всего конвертируются в продолжение карьеры в околоспортивной сфере, в первую очередь тренерской. Однако подобная успешная карьера требует соответствующего образования, способностей и навыков. Те, кто не связывает постсоревновательную карьеру со спортом, при отсутствии дополнительных ресурсов (в частности, семейного капитала) в основном остаются в низкоресурсной социальной сети, занимаясь малоквалифицированным трудом, а иногда и примыкая к криминальным кругам. Получение качественного высшего образования создает лучшие условия для внеспортивной карьеры, нежели участие в спорте высоких достижений.

Ключевые слова: теория сегментной ассимиляции, миграция, субкультура, спорт высоких достижений, силовые единоборства, Санкт-Петербург, Дагестан

through the mainstream of the host society and its inherent sub- and counter-cultures. The authors study Dagestani migrants in St. Petersburg representing high-performance sports in various kinds of martial arts. In contrast to the classical segmented assimilation theory analysis, this article refers to the first-generation migrants. The study is conducted with qualitative sociological methods.

The analysis of migrants' sports and post-competition careers demonstrates that inclusion in the force-centered culture allows athletes to pass the primary migration shock (the acute adaptation phase) more easily. However, various types of capital they have accumulated through sports are best converted into the continuation of a career in the sports related sphere, primarily coaching. However, a successful career requires appropriate education, abilities, and skills. Those who do not link a post-competitive career with sports in the absence of additional resources (in particular, family capital) mostly stay in low-resource social networks doing low-skilled labor and sometimes being involved in criminal milieu. Obtaining a good-quality higher education creates better preconditions for non-sports careers than participating in high-performance sports.

Keywords: segmented assimilation theory, migration, subculture, high-performance sports, martial arts, Saint Petersburg, Dagestan

Благодарность. Статья отражает результаты исследования в рамках НИР Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара.

Acknowledgments. The article is based on results of research carried out at the Gaidar Institute for Economic Policy.

Обзор литературы и постановка исследовательской задачи

В статье исследуется адаптация мигрантов в принимающем обществе через субкультуры — проблематика, не нашедшая серьезного отражения в академическом дискурсе. Обычно, когда речь идет об адаптации или аккультурации мигрантов, анализируется их отношение к культуре собственной этнической группы и некоему культурному мейнстриму либо доминирующей культуре принимающего общества. Однако еще Роберт Парк отмечал, что крупный город представляет собой «мозаику миров», где каждый район — это культурный ареал с особыми культурными традициями, обычаями, конвенциями, стандартами порядочности и приличия, а слова и поступки в этом ареале имеют смысл, ощутимо специфичный для каждого локального сообщества [Park, 1952]. В подобной ситуации неизбежно должны возникать вопросы, насколько единообразна доминирующая культура, могут ли мигранты встраиваться лишь в культурный мейнстрим, либо в какие-либо иные разновидности культуры принимающего общества, и к каким последствиям это приводит.

Первыми обсуждаемой проблематикой заинтересовались теоретики сегментной ассимиляции, изучавшие жизненные траектории мигрантов второго поколения в США. По их мнению, дети мигрантов могут встраиваться не только в мейнстримную культуру американского среднего класса, но и в американские контркультуры, отрицающие ценности образования и карьерного продвижения. Экономические и социальные барьеры и враждебность принимающего общества «подталкивают мигрантов второго поколения к противостоящей мейнстриму контркультуре, созданной маргинальной местной молодежью для того, чтобы справиться со своей собственной тяжелой жизненной ситуацией» [Portes, Zhou, 1993: 83]. Контркультурная ориентация ведет к нисходящей социальной мобильности и предполагает «незавидный сценарий молодежных банд, стилей жизни, связанных с наркотиками, преждевременной беременностью, тюремным заключением и ранней смертью» [Portes, Fernández-Kelly, Haller, 2005: 1004].

Теоретики сегментной ассимиляции не обсуждали подробно, что подразумевается под категорией «контркультура». В академическом дискурсе она тесно связана с более широким понятием «субкультура». При всем многообразии трактовок последнего специалисты отмечали, что данный термин «часто используется для указания на нормативные системы групп, меньших чем общество, чтобы подчеркнуть, как эти группы отличаются в таких аспектах, как язык, ценности, религия, пищевые привычки и стиль жизни от всего общества, частью которого они являются» [Yinger, 1960: 626]. Субкультуры ставят под вопрос те культурные смыслы, которые порождает доминирующая культура, ее представления о нормальности и приемлемом. При этом субкультуры существуют в контексте более широкой культурной среды и взаимодействуют с ней. Контркультура — это субкультурный

экстрим, поскольку здесь отрицание доминирующей культуры занимает центральное место: «в качестве основного элемента нормативная система группы содержит тематику конфликта со всем обществом» [ibid.: 629].

Дискуссия вокруг теории сегментной ассимиляции выявила потенциал этой концепции как широкого теоретического подхода, открытого для интерпретаций [Xie, Greenman, 2005]. В частности, она продемонстрировала переход к более нюансированному восприятию культурного многообразия, выражающемуся как в проблематизации понятия культурного мейнстрима, так и в рассмотрении аккультурации мигрантов не только в контркультурном, но и в субкультурном контексте. Следующие направления данной дискуссии представляют интерес для настоящего исследования.

Критика теории сегментной ассимиляции была связана, в частности, с тем, что ее авторы не обращали внимание на процессы, идущие в рамках американского мейнстрима [Murray, 2012]. Подчеркивалась его неоднородность, размытость границ [Alba, Nee, 2003], участие выходцев из мейнстрима в контркультурах [Waldinger, Feliciano, 2004]. Исследователи также обращали внимание на то, что достижение мигрантами позиций среднего класса не обязательно ведет к отказу от этнической или расовой идентичности и к принятию ценностей белого мейнстрима. При этом их культурная специфика не противостоит мейнстриму и не является «оппозиционной культурой» [Xie, Greenman, 2005]. Другие авторы подчеркивали, что в результате вертикальной мобильности группы мигрантов становятся «чужаками» и для этнических сообществ, и для белого среднего класса [Clerge, 2014], комбинируя в рамках своей гибридной культуре ценности тех и других и становясь «меньшинством внутри мейнстрима» [Habecker, 2017: 68].

Ряд исследований подтвердили возможность нисходящей мобильности для части мигрантов второго поколения [ibid.]. Тем не менее, по мнению критиков, осознание ограниченности жизненных перспектив может и не приводить к контркультурной ориентации [Diaz, 2020]. Некоторые исследователи вообще считали оппозиционную культуру американских меньшинств мифом [Harris, 2006]. Другие отмечали, что возникающие среди низших слоев мигрантов субкультуры не всегда имеют своим истоком культурные процессы в принимающем обществе [Vermeulen, 2010]: мигранты способны формировать новые идентичности, отличающиеся от свойственных и принимающему обществу, и этническому сообществу, откуда они вышли [Stepick, Stepick, 2010].

Дискуссии вокруг теории сегментной ассимиляции не привели к ее трансформации в какую-либо новую теоретическую конструкцию, но вызвали к жизни исследования более широкого спектра траекторий адаптации мигрантов. Так, наибольшее распространение получил соответствующий анализ исламских сообществ. Исследователи [Silberman, Alba, Fournier, 2007; Asfari, Askar, 2020; Karam, 2020], в частности, отмечали, что важность мусульманской идентичности для респондента коррелирует с отрицанием ценностей американского общества, восприятием их как противоречащих исламу, а также общением преимущественно с другими мусульманами. Тем не менее из этого не следует, что мусульманские мигранты не рассчитывают подняться по карьерной лестнице и добиться уровня жизни среднего класса.

Настоящая статья продолжает данную традицию. Только объектом изучения здесь является не мусульманская, а спортивная субкультура силовых единоборств. Основной исследовательский вопрос состоит в том, насколько включение мигранта в данную субкультуру позволяет адаптироваться в принимающем обществе и обеспечить перспективы восходящей мобильности. Выбор спортивной субкультуры дает хорошие возможности ответа на поставленный вопрос: рано или поздно спортивная карьера мигранта заканчивается, и ему необходимо использовать накопленные в ее рамках ресурсы для устройства дальнейшей жизни.

Ориентиры в изучении данной проблематики дает научный анализ культурных аспектов спортивной деятельности, имеющий отношение к мигрантам и мигрантским сообществам. Ниже кратко сформулируем актуальные для настоящего исследования выводы, основанные на рассмотрении соответствующей академической литературы.

Во-первых, анализ различных видов спорта как субкультур — известная традиция в исследованиях спортивной сферы [Donnelly, 1985; Crosset, Beal, 1997]. С этой точки зрения интерес представляет статья о занимающихся боевыми искусствами детях сельских мигрантов в китайских городах [Dong, 2018]. В упомянутой работе утверждается, что среди детей мигрантов многие не были способны к академическим достижениям и потому воспринимались как люди второго сорта; однако они находили альтернативный способ подтвердить собственную успешность через обучение в школах боевых искусств, где от них требовался не интеллект, а агрессивность и жесткость. Тем не менее, при всей специфике ценностей и ритуалов в данной среде, это сообщество не обладало контркультурной направленностью. Напротив, считалось, что занятия боевыми искусствами позволяют превратить подростков категории риска в «социально полезных субъектов», прививая им такие мейнстримные моральные ценности, как послушание, способность терпеть лишения, усердие, самодисциплина. Во многом схожее сочетание специфики ценностей при общей мейнстримной ориентации можно обнаружить и в деятельности спортивных клубов в России [Sabirova, Zinoviev, 2016].

Во-вторых, исследования адаптации мигрантов через спорт в основном проводятся отдельно для спорта как способа проведения свободного времени и спорта высоких достижений. И в том, и в другом случае в качестве теоретической рамки используются общераспространенные концептуальные подходы. Популярностью пользуется концепция аккультурации Джона Берри [Berry, 2006, 2019], выделяющая в зависимости от двух факторов — стремления к поддержанию собственной культурной идентичности и предпочтения взаимодействия с другими культурами — четыре стратегии аккультурации: ассимиляция, интеграция, сепарация и маргинализация. Используется также концепция капитала Пьера Бурдьё [Bourdieu, 1986], предполагающая, что успешная интеграция мигрантов зависит от объема и структуры ресурсов (капиталов), которыми они располагают на старте миграционной «карьеры» или приобретают в принимающем обществе, а именно — экономического капитала, социального капитала (связей), символического капитала (репутация, признания), культурного капитала в виде знаний, умений, культурных артефактов и дипломов. В контексте аккультурации особое внимание уделяется тем видам культурного капитала, которые связаны с освоением индивидом различ-

ных аспектов культуры принимающего общества — языка, норм, обычаев. В отдельных случаях применяются и другие теоретические инструменты — концепция транснационализма, бондингового (самой спортивной среды) и бриджингового (вне спортивной среды) социального капитала, межкультурного контакта и т. п.

Некоторые исследования основаны на созданной специально для сферы спорта модели культурного транзита [Ryba et al., 2016; Ryba, Elbe, Darpatova-Hruzewicz, 2020; Ryba, Stambulova, Ronkainen, 2020], в рамках которой выделяются:

— дотранзитная фаза — подготовка к миграции, планирование и психологическая адаптация к идее переезда;

— острая фаза культурной адаптации — первоначальное приспособление к новым спортивным условиям, новой команде, а также новому обществу;

— социокультурная адаптация, связанная с более длительным пребыванием в новой стране и стремлением обосноваться в ней на постоянное жительство.

Здесь отдельное внимание исследователей привлекает острая фаза культурной адаптации, когда спортсмены могут особенно тяжело переживать культурный шок и различные негативные эмоции (ощущение социальной изоляции, чувство одиночества, тоска по дому), что может отрицательно сказаться как на их спортивных результатах, так и на окружающих их спортсменах, менеджерах, тренерах [Battocchio et al., 2013; Schinke et al., 2013; Ryba, Stambulova, Ronkainen, 2020].

Следует заметить при этом, что авторам настоящей работы не удалось обнаружить ни одного исследования в сфере спорта, где бы напрямую использовались подходы, характерные для теории сегментной ассимиляции.

В-третьих, исследования спорта как досуга показали, что спортивная деятельность может как способствовать интеграции мигрантов в принимающее сообщество, так и содействовать укреплению идентичности, связанной с культурой отправляющего общества. В то же время участие в спорте может вести и к нежелательным последствиям, таким как агрессия, враждебные отношения и поляризация [Morela et al., 2016; Smith, Spaaij, McDonald, 2019]. В некоторых работах отмечалось, что спорт помогает молодым людям справиться с первичным аккультурационным шоком, особенно если тренер поддерживает автономию спортсмена и не стремится его чрезмерно контролировать [Morela et al., 2019].

В-четвертых, периоды в адаптации мигрантов-спортсменов, связанные в первую очередь с преодолением первичного миграционного шока и с завершением участия в спорте высоких достижений, предполагающим необходимость встраивания во внеспортивный социум, нередко анализируются в рамках исследования спортивных карьер в логике теории жизненного цикла [Weiss, 2004; Wylleman, Lavallee, 2004; Stambulova et al., 2009; Stambulova, 2016]. Особое внимание исследователей привлекают нормативные и ненормативные переходы между этапами спортивной карьеры.

Нормативные переходы определяются нормальной логикой развития спортсмена (возрастом, уровнем мастерства и т. п.) и в определенной мере могут быть спланированы заранее. К ним относятся, например, начало спортивной карьеры и выбор специализации; переход из юношеского во «взрослый» спорт; участие в спортивных соревнованиях разного уровня (местных, региональных, национальных, международных); переход из любительского в профессиональный спорт; на-

конец, завершение спортивной карьеры. Как показывают исследования, нормативные переходы могут различаться в зависимости от специфики культуры страны и институциональной организации спорта [Stambulova et al., 2009]. Ненормативные переходы вызваны случайными и неожиданными событиями: травмой, уходом тренера, исключением из команды. Проблемы, связанные со спортивной миграцией, фигурируют в анализе карьер как пример так называемого квазинормативного перехода, предсказуемого для отдельных категорий спортсменов [Stambulova, Ryba, Henriksen, 2021].

В-пятых, исследования спортивных карьер рассматривают спорт лишь как часть личностного развития [Wylleman, Lavallee, 2004; Wylleman, Alfermann, Lavallee, 2004; Wylleman, Rosier, 2016; Stambulova, Ryba, Henriksen, 2021]. В связи с этим особое внимание уделяется так называемым «двойным карьерам», то есть совмещению занятий спортом с обучением или работой, что создает основу для смягчения перехода к постспортивному этапу. В подобной логике уход из спорта высоких достижений уже не обязательно связан с «социальной смертью» или является аналогией выхода на пенсию, а может быть переходом к «социальному возрождению» [Wylleman, Alfermann, Lavallee, 2004]. В то же время исследования демонстрируют, что спортсмены — особенно мигранты, нацеленные на высокие достижения, — не всегда могут подготовиться к постспортивной жизни, вписаться после окончания спортивной карьеры в принимающее общество и вообще добиться успеха. У спортсменов-мигрантов, пытающихся реализовать сценарий двойных карьер, возникают сложности, связанные с необходимостью выбора приоритетов, удвоенной нагрузкой, несогласованностью учебных и спортивных графиков. У многих спортсменов миграция может вызвать снижение как академических, так и (реже) спортивных результатов [Fuchs et al., 2021; Palumbo et al., 2021]. При этом возможности реализации «двойных карьер» различаются у мигрантов из регионов с разным уровнем развития. Так, сравнение женщин-футболисток из Северной Америки и Африки, играющих в Скандинавии, показало, что первые успешнее сочетают спорт с образованием и карьерой вне спорта [Agergaard, Ryba, 2014].

Христиан Юнгрухе и Сине Агергор [Ungruhe, Agergaard, 2021] в бурдьевиристской логике анализируют постспортивный этап карьеры футболистов из Западной Африки в скандинавских странах, указывая на трудности успешной конвертации приобретенных во время спортивной карьеры капиталов, связанные с невысокими заработками и обязательствами по поддержке родственников и земляков, непризнанием полученных на родине дипломов об образовании, низкой ценностью накопленных социальных связей на рынке труда, установкой на препятствующую «двойной карьере» максимизацию спортивных усилий. В результате бывшие футболисты маргинализируются либо возвращаются на родину, где для них могут открыться лучшие возможности трудоустройства в сфере футбола.

Таким образом, исследования в спортивной сфере демонстрируют, что занятия спортом влияют на адаптацию и аккультурацию в принимающем обществе, и это влияние может быть разнонаправленным. Вписывание в социум после ухода из спорта высоких достижений нередко связано с немалыми трудностями и не всегда может быть успешным. Особо серьезные проблемы с транзитом возникают у спортсменов-мигрантов из наименее развитых стран. При этом принадлежность

к спортивным субкультурам сказывается на сценарии адаптации и аккультурации, даже если эти субкультуры не носят оппозиционного характера.

Характеристика исследования

Исследование проводилось в Санкт-Петербурге в 2022 г. и охватывало в основном молодых мужчин, преимущественно выходцев из Дагестана, имеющих значимый спортивный опыт в сфере силовых единоборств. Эти виды спорта имеют в городе репутацию «кавказских» (хотя исследование показало, что в них преобладают именно дагестанцы). Всего было проинтервьюировано 20 спортсменов в возрасте от 24 до 44 лет со степенью не ниже кандидата в мастера спорта, что позволяет отнести их к спорту высоких достижений (см. список информантов в приложении). 19 человек — это дагестанцы различной этнической принадлежности: 9 аварцев, 5 лезгин, 3 табасаранца, 1 кумык, 1 дербентский азербайджанец. Информант — выходец из Азербайджана был включен в исследование, поскольку работал тренером и хорошо знал дагестанскую спортивную среду. Перечисленные информанты представляют следующие виды единоборств: вольную борьбу, ушу-саньда, грэпплинг, бокс, дзюдо, бразильское джиу-джитсу, кикбоксинг, тайский бокс, спортивное и боевое самбо, рукопашный бой, смешанные единоборства, панкратион.

Настоящее исследование — часть более широкой работы по изучению северокавказской миграции в Санкт-Петербург. На его основе можно сделать вывод, что подобная миграция отличается гетерогенностью. Так, в город переезжают дагестанцы различного социального статуса; имеющие как городские, так и сельские корни; с разными целями (образование; трудовая деятельность — как высоко-, так и низкоквалифицированная; брачная миграция). Спортивная субкультура становится привлекательной моделью адаптации в городе лишь для определенного сегмента мигрантов: это преимущественно выходцы из сельской местности или низших городских слоев. Их родители заняты неквалифицированным ручным трудом или работают на низовых позициях в силовых структурах. Большинство наших информантов получили высшее образование, лишь один из них окончил автодорожный колледж. Среди выпускников вузов 6 получили высшее спортивное или спортивно-педагогическое образование (из них 3 — в Санкт-Петербурге и Ленинградской области), 12 — высшее образование, не связанное со спортом (3 в Дагестане, 8 в Санкт-Петербурге, 1 — в ЮФО, заочное). Кроме собственно спортсменов в исследование были включены 3 информанта-дагестанца (все — аварцы), не делавших спортивную карьеру, но рефлексировавших о роли спорта в их жизни, и 1 информант, подробно охарактеризовавший роль силовых видов спорта в городе в 1990—2000-е годы.

В исследовании в основном представлено первое поколение мигрантов, родившихся на Северном Кавказе (в основном в Дагестане) и переехавших в Санкт-Петербург либо непосредственно из Дагестана, либо из других регионов России. Вышесказанное существенно отличает нашу выборку от традиционно используемых в рамках теории сегментной ассимиляции, а именно — акцентирующих внимание на втором поколении мигрантов. Объяснение этому можно найти в специфике адаптации и аккультурации мигрантов в городе. Исследования в рамках теории сегментной ассимиляции описывали ситуацию, где первое поколение мигрантов стремилось влиться в принимающее общество и обеспечить вертикальную мо-

бильность своим детям, тогда как проблемным оказывалось именно второе поколение. История с дагестанцами в Санкт-Петербурге существенно отличается: второе поколение мигрантов оказывается достаточно хорошо вписанным в городскую среду, а основные проблемы характерны именно для первого поколения, значительная часть представителей которого переезжает в город в достаточно молодом возрасте. Двое мигрантов второго поколения были представлены среди информантов, не являвшихся профессиональными спортсменами.

Еще одна особенность данного исследования по сравнению с традиционными работами в рамках теории сегментной ассимиляции состоит в том, что речь здесь идет о внутренней миграции. В рассматриваемом случае мигранты не сталкиваются со многими структурными ограничениями, характерными для иностранцев. В целом, у них нет проблем со знанием русского языка; они в полной мере обладают гражданскими правами; документы об образовании и профессиональной квалификации, которые они получили в отправляющем регионе, признаются в новом месте жительства. Основные барьеры к адаптации и аккультурации носят культурный характер: большая культурная дистанция между отправляющим и принимающим сообществами, а также дискриминация со стороны принимающего сообщества. Кроме того, возможности восходящей мобильности ограничиваются характерными для северокавказских республик более низкими образовательными и профессиональными стандартами.

В ходе полуструктурированных биографических интервью с информантами-спортсменами обсуждались социально-экономические и культурные условия их социализации, причины и траектории миграции в Санкт-Петербург, опыт и трудности адаптации к жизни в городе, начало занятий спортом и этапы спортивной карьеры; ресурсы (финансовые, социальные, культурные), к которым дает доступ спорт высоких достижений; траектории постспортивной социальной реализации; круги общения; организация частной жизни (брак, семейные отношения, дети). С информантами-неспортсменами обсуждалась роль спорта в их жизни в Дагестане и Санкт-Петербурге. Собранный эмпирический материал анализировался с использованием методов и техник нарративного, тематического и pattern-анализа.

Миграция и вход в спортивное сообщество Санкт-Петербурга

Выходцы с Северного Кавказа, и особенно дагестанцы, известны своими успехами в силовых видах спорта, в первую очередь в вольной борьбе. Более 70% российских квалифицированных борцов являются жителями или выходцами из этого макрорегиона [Брюсов, 2012]. Между тем популярностью пользуются и другие виды единоборств. В последние 15 лет широкое распространение получили так называемые смешанные единоборства (ММА), сочетающие борцовскую и ударную техники. Подобная ситуация связана с тем, что силовые виды спорта рассматриваются в регионе как важнейший институт гендерной социализации, через который должен пройти каждый ребенок мужского пола на пути обретения статуса «настоящего мужчины».

Спортивные карьеры информантов начинались с 8—10 лет, и к моменту миграции все они имели значительный спортивный опыт, насчитывающий по меньшей мере 5—6 лет интенсивных тренировок. Некоторые оканчивали специализиро-

ванные спортивные школы для одаренных детей. Многие добились значительных спортивных успехов на любительском уровне — занимали призовые места на детских и юношеских соревнованиях, выполняли нормативы на звание кандидатов в мастера спорта и/или мастеров спорта.

Тем не менее миграция в Санкт-Петербург исключительно для продолжения спортивной карьеры нетипична для нашего кейса. В основном информанты переезжали, чтобы продолжить образование или найти работу. Выбор Санкт-Петербурга определялся в первую очередь наличием в городе социальных связей — родственников или земляков, способных оказать поддержку:

У меня родная тетя здесь, я к ней приехал. Она мне очень сильно помогала все это время. (Инф. 7)

Старший брат у меня учился здесь, много родственников было здесь, поэтому я планировал, что я буду здесь в любом случае. (Инф. 14)

Эти же связи задействовались, чтобы устроиться в городе: в поиске жилья, работы, при поступлении в учебные заведения.

Диапазон специальностей обучения информантов включал в том числе высшее либо среднее специальное спортивное образование. Так, выяснилось, что популярностью пользуется факультет единоборств и неолимпийских видов спорта НГУ им. П. Ф. Лесгафта, на который ежегодно поступает большое количество уже состоявшихся спортсменов с Северного Кавказа, знакомых друг с другом благодаря соревновательному опыту. Информанты, мигрировавшие с целью трудоустройства, в основном устраивались на малоквалифицированные работы. Типичные сферы занятости — охрана, строительство, извоз, погрузочно-сортировочные работы. Некоторые пытались найти себе применение в силовых структурах, однако сталкивались с негласными ограничениями на трудоустройство для выходцев из северокавказского региона.

Информанты практически единодушно признавали, что занятия силовыми единоборствами помогали им пройти первый миграционный шок и снизить стресс, связанный с попаданием в новую культурную среду. Мигранты вписывались в микросоциум с понятными им нормами поведения и общались с людьми, разделяющими схожие принципы и взгляды на жизнь. Как правило, они находили в секциях земляков и единоверцев, которые составляли от трети до 80 % спортивного коллектива. Также они ощущали позитивное влияние группового символического капитала — коллективной репутации дагестанцев как выдающихся спортсменов — и встречали в спортивном пространстве уважительное отношение к своей культуре и религии, в том числе и со стороны представителей других культур. Важно и то, что спорт позволял им избегать приобщения к тем сторонам образа жизни в мегаполисе, которые воспринимались как девиантные, опасные и несовместимые с моральным кодексом горского мужчины и мусульманина.

Когда ты в спорте, ничего лишнего нет, куда-то пойти, что-то делать. И потренировался, получил свое удовольствие, пришел домой, отдыхаешь. Нет такого, что давай куда-нибудь схожу, там, погулять — такого нету вообще. Такого желания даже не возникает. (Инф. 14)

Активная спортивная карьера: доступ к ресурсам и упущенные возможности

Уже имеющийся объем физического капитала позволял молодым дагестанцам в достаточно короткий срок подготовиться к активной состязательной фазе, обуславливающей нормативный переход к спорту высоких достижений. В то же время вступление в эту фазу требовало значительной перестройки повседневной жизни, которая оказывалась подчиненной машинерии (вос)производства спортивного тела. Возрастало количество тренировок до 1—2 каждый будний день, росла их интенсивность.

Я до этого три раза ходил, а как начал выигрывать — стал ходить каждый день и записался в еще один зал, где тренируется сборная по самбо. (Инф. 17)

Успешные выступления в любительском спорте могли стать трамплином для карьеры в профессиональных боях без правил (ММА), что рассматривалось информантами как «карьера мечты». Для некоторых альтернативой профессиональному спорту становилось участие в так называемом ведомственном спорте, связанном с силовыми структурами. У последних есть свои клубы и объекты спортивной инфраструктуры, проводящие собственные чемпионаты и с этой целью активно рекрутирующие в свои ряды перспективную молодежь (в такой роли кавказцы приветствовались). Перейти в ведомственный спорт могли те, кто проходил или уже прошел срочную службу в вооруженных силах, окончил ведомственный вуз или же военную кафедру «гражданского» вуза.

Участвуя в спорте высоких достижений, молодые люди получали доступ к определенным ресурсам, связанным с их принадлежностью к спортивной субкультуре.

Экономические ресурсы

Спортивные федерации финансово поощряют спортсменов-любителей за победы на соревнованиях. Как правило, речь идет о разовых выплатах за попадание в тройку финалистов, однако некоторые профессиональные объединения спортсменов платят призерам страновых и международных соревнований ежемесячную стипендию.

Сейчас, например, в Федерации панкратиона, если ты выигрываешь чемпионат России или мира, тебе в течение года идет стипендия, хоть что-то: за Россию — 20—25 тыс. рублей, за мир — 50 тыс. рублей в месяц. (Инф. 3)

В некоторых клубах также предусмотрены меры материального поощрения своих членов в форме разовых премий, регулярных зарплат/стипендий, частичной или полной компенсации расходов во время поездок на сборы/соревнования и т. д. Регулярно выступающие за клуб члены обычно освобождаются от платы за тренировки.

Особенно существенны подобные бонусы в имеющих стабильное финансирование элитных спортивных клубах, команды которых рекрутируют победителей соревнований высокого уровня. Примером может служить петербургский клуб

«Sportlife», созданный при одноименной сети фитнес-центров. Спортсмены представляют его на любительских и профессиональных состязаниях, взамен получая бесплатный доступ к клубной инфраструктуре и регулярное денежное вознаграждение. Они также могут работать или подрабатывать в упомянутой сети фитнес-центров тренерами или их помощниками, получая вознаграждение от 25—30 до 40—50 тыс. рублей.

В профессиональном спорте, где именно спортивная деятельность становится основным источником заработка, спортсмены стремятся подписать контракт с промоутерской компанией, гарантирующий определенное количество выступлений с фиксированной оплатой за бой в течение некоторого времени или без указания временного промежутка. Для начинающих бойцов это, как правило, краткосрочные годовые контракты на 3—4 боя. При этом по причине высокой конкуренции лишь единицам удается пробиться в топовые «промоушены» с высокими гонорарами и хорошими спонсорскими контрактами. Для большинства «профессионалов» сумма гонораров в зависимости от уровня колеблется в пределах 300—1000 долларов за выступление и 1000—4000 долларов за победу. При этом количество боев из-за необходимости длительной подготовки редко превышает 3—4 в год.

В то же время профессиональный спорт сопровождается высокими расходами и рисками. Основные затраты связаны с медицинскими и восстановительными процедурами. Иногда начинающие бойцы вынуждены самостоятельно финансировать дорогу и проживание в месте проведения соревнований, а также оплачивать все административные сборы (например, на получение визы, если бой происходит за рубежом). У бойцов, выступающих в топовых промоушенах, к этому добавляются расходы на содержание команды специалистов, включающей тренеров, специалистов по физическому и психоэмоциональному состоянию, менеджменту и PR. Вопрос спонсорства стоит очень остро и решается по-разному: кому-то помогают родственники, кому-то — клубы, кому-то — коммерческие фирмы в обмен на рекламу, а кому-то даже приходится влезать в долги.

Скажем, первый бой мне обошелся в 350 000 рублей. Были люди, которые обещали мне дать средства, а потом отказались. Я кредит взял. (Инф. 20)

Силовые виды спорта вряд ли могут обеспечить спортсменов существенным капиталом для карьерного старта в постсоревновательный период, за исключением небольшого числа элитных профессиональных бойцов. В любительском спорте доходы невелики, нерегулярны, а финансовые бонусы во многом направлены на компенсацию расходов за пользование спортивной инфраструктурой и оплату поездок. В профессиональном спорте доходы основной массы спортсменов также не очень значительны; расходы же существенны и требуют участия спонсоров.

Социальный капитал

В состязательный период у спортсменов интенсифицируется накопление социальных связей, которые могут быть задействованы при построении спортивной карьеры и потенциально способны облегчить устройство в постсостязательный

период. Можно выделить следующие основные сферы формирования подобных связей.

1. Спортивное братство, то есть связи с другими спортсменами из силовых единоборств. Эти связи настолько сильны, что описываются в квазисемейных терминах.

Мы очень близко общаемся. Такой момент, что я их считаю старшими братьями. Я знаю, что они мне помогут и я им помогу. (Инф. 4)

В тот зал я ходил — с кем я там тренировался, они мне, как братья, как близкие. (Инф. 8)

В узком смысле «братство» — спортсмены, непосредственно тренирующиеся вместе и принадлежащие к одному клубу или секции. На их содействие можно рассчитывать в случае возникновения угроз для жизни или безопасности, в сложных и деликатных ситуациях. В более широком контексте подобное «братство» — это солидарность всех спортсменов, представляющих определенный кластер боевых искусств. Они подключаются, например, если нужно собрать деньги на операцию или постоперационное восстановление спортсмена.

2. Представители спортивной периферии — тренеры, спортивные судьи, чиновники профильных министерств и ведомств, рекрутеры и менеджеры промоутерских компаний, директора и владельцы спортивной инфраструктуры.

3. Околоспортивная среда поклонников единоборств. Здесь связи могут быть достаточно разнообразны — чиновники, представители силовых структур, бизнесмены (которые могут стать спонсорами), криминальные авторитеты и т. д. Особое место занимают бывшие спортсмены (часто — сами выходцы с Северного Кавказа), добившиеся успеха после завершения спортивной карьеры и готовые поддерживать «своих». Участники единоборств также становятся авторитетными людьми в дагестанской диаспоре, занимают посты в связанных с ней общественных организациях. К ним обращаются за помощью, приглашают арбитрами при разрешении споров.

Таким образом, соревновательный период дает доступ к достаточно разнообразным источникам социального капитала — как бондингового, так и бриджингового. Потенциально такой капитал может стать ресурсом выстраивания жизненной траектории после завершения спортивной карьеры. При этом социальный капитал спортсмена тесно связан с символическим: чем престижнее виды спорта, в которых он выступает, чем выше уровень соревнований и значительнее собственные достижения, тем большее внимание статусные и обладающие ресурсами фигуры (политики, чиновники, бизнесмены) уделяют спортсмену.

Спорт создает также особые возможности мобильности. Для многих спортсменов участие в международных соревнованиях и сборах является первым и зачастую единственным доступным для них опытом зарубежных поездок.

Я начал в 2013 г. выступать. Поехал, там, у меня были сборы. В Голландию в 2013 г. ездили... (Инф. 8)

Это обеспечивает доступ к иным видам капитала, связанным с расширением кругозора, приобретением новых навыков и компетенций (в частности, языковых).

В то же время спорт высоких достижений, требуя от спортсменов огромных временных, энергетических и финансовых издержек, заставляет отказываться от альтернативных способов времяпрепровождения и кругов общения, что ограничивает возможности адаптации в городе и создания предпосылок для вертикальной мобильности. В первую очередь, это сказывается на перспективах накопления человеческого капитала при получении образования и/или трудовой деятельности. Напряженные занятия спортом оставляют спортсменам мало возможностей для «двойных карьер». Например, вузы в основном не стремятся обеспечивать им комфортные условия обучения, приспособленные к специфике спортивного графика. Ограниченность времени, которое спортсмен может потратить на учебный процесс, приводит к падению успеваемости и сложностям в обучении. Для некоторых в какой-то момент встает вопрос выбора: учеба или спорт. Так, один из информантов рассказывал, что, учась в «Военмехе», до 3—4 курса серьезно занимался вольной борьбой, но потом «выбрал другой путь» и сосредоточился на учебе. Занятия спортом он продолжал, но лишь чтобы поддерживать форму (Инф. 22).

Работающие спортсмены также вынуждены подстраивать режим и характер своей занятости под специфику спортивного графика. Вовлеченность в соревновательную деятельность препятствует планированию и выстраиванию долгосрочной профессиональной карьеры за пределами спорта. Спортсмены выбирают работу по принципу «чтобы не мешала тренироваться, выступать и восстанавливаться».

В охрану попал благодаря соседу, с кем я жил. [Он] сказал, что есть такая работа. На такой работе не напрягаешься, можно отдохнуть. (Инф. 6)

В приоритете краткосрочные контракты, подработки, низкоквалифицированная занятость, которую можно быстро найти и в случае необходимости оставить.

У активно выступающих спортсменов не остается времени на выстраивание контактов, не связанных со спортивной сферой, в частности, на отношения с однокурсниками и одноклассниками, за исключением партнеров по вузовским спортивным секциям и соседей по студенческим общежитиям. Досуг у активно выступающих бойцов либо отсутствует, либо отличается единообразием и состоит из нечастых прогулок в своем районе, походов в кино, посиделок в кафе или в гостях у других спортсменов.

Накопление необходимого для адаптации в городе культурного капитала также ограничено: спортсмены оказываются фактически замкнутыми в рамках силовой субкультуры, ценности и нормы которой существенно отклоняются от мейнстримных (но близки к криминальной и военной субкультурам). Хотя информанты подчеркивали интернационализм спортивной среды, сплоченность которой основана не на этничности и религии, а на общности представлений и образа жизни, высокая доля северокавказцев, а также мигрантов из Южного Кавказа и Центральной Азии в сфере силовых единоборств способствует консервации ряда культурных установок обществ исхода, в которых сохраняется сильное влияние патриархальных отношений.

В то же время свойственные мегаполису нормы не могут не оказывать влияние и на членов спортивных сообществ. Это проявляется, в частности, в том, как

спортсмены строят свою семейную жизнь. Исследование позволило выделить две альтернативные стратегии заключения брака: одна основана на традиционных кавказских ценностях, другая отражает эмансипирующее влияние города. В первом случае жена выбирается из «своей» сельской общины, в заключении брака большую роль играют родители, свадьбу празднуют на родине.

Женились традиционным способом, то есть родители познакомили и быстро-быстро женили, короче. (Инф. 2)

Во втором случае брак заключается по любви, на основе эмоциональной близости. Жен спортсмены находят сами во время учебы или в спортивной сфере. Это могут быть спортсменки, женские тренеры по различным видам спорта, фитнесу, йоге:

<...> Супруга у меня спортсменка, чемпионка России, она чемпионка Европы, призерка мира по грэпплингу. (Инф. 16)

По словам информантов, меняются и подходы к воспитанию детей. Фигура строгого и требовательного отца все больше уступает место отцу вовлеченному и заботливому, что отвечает нормам современного либерального родительства.

Жизненные стратегии после завершения спортивной карьеры

Завершение спортивной карьеры может носить характер как нормативного, так и ненормативного перехода. Наиболее распространенной причиной нормативного окончания активных занятий спортом является возраст. Представители контактных единоборств в среднем достигают пика формы в промежутке от 20 до 25 лет, после чего их характеристики силы, скорости и выносливости начинают снижаться. Критическим для любительского уровня считается тридцатилетний порог, в профессиональных единоборствах активная состязательная фаза может продолжаться до 40 лет. Ненормативный уход из спорта связан в первую очередь со спортивными травмами.

Ну, я ходил на бокс, позанимался боксом, выступил на паре соревнований и заметил меня тренер по боевому самбо, в итоге к себе переманил. Занимался до 16 лет боевым самбо, после травму позвоночника получил, прекратил заниматься. (Инф. 12)

Информанты упоминали и другие причины спонтанного прекращения глубокой вовлеченности в спорт: эмоциональное выгорание, разочарование в ценностях и целях спорта больших достижений.

Уход из спорта может быть достаточно плавным и нетравматичным для спортсмена, когда, например, этот процесс растянут во времени, а его работа в постсостязательный период не выводит его из «спортивного братства». Но такой уход действительно может напоминать «социальную смерть», когда спортсмен получает серьезную травму на пике карьеры, что приводит к выпадению из привычного образа жизни, к ослаблению или разрыву прежних социальных связей. В такой

ситуации существенно повышается риск маргинализирующих жизненных сценариев, связанных с употреблением алкоголя или наркотиков, посещением ночных клубов, неспортивным насилием и криминалом.

После завершения спортивной карьеры дальнейшее профессиональное самоопределение может быть связано с двумя жизненными треками: остаться работать на вспомогательных позициях в спортивной сфере или же профессионально самореализовываться за пределами спорта. В первом случае наиболее логичным шагом является переход к тренерской деятельности. Социальный и символический капитал, накопленный в ходе спортивной карьеры, создает для этого хорошую основу, позволяя достаточно быстро нарастить клиентскую базу и сразу претендовать на относительно высокие гонорары. Однако тренерская работа требует определенных условий.

Во-первых, чтобы заниматься этой деятельностью на регулярной основе, иметь возможность открывать новые залы и выставлять своих воспитанников на соревнованиях, необходимо иметь высшее или среднее профессиональное образование в области физической культуры и спорта или спортивно-педагогическое образование. Иными словами, требуется пройти обучение (или по меньшей мере купить диплом) по соответствующим специальностям.

Здесь я окончил Петровский колледж. Проучился на спортивном в Петровском колледже, у меня образование делится на две части — высшее спортивное и физкультурное. То есть я могу работать учителем физкультуры в школе и тренировать. (Инф. 7)

Во-вторых, необходимы тренерские и личностные таланты и компетенции, которые бы привлекали клиентов: символический капитал активно работает лишь на начальном этапе тренерской деятельности. Ценимые в тренерах качества могут различаться в зависимости от исполняемой социальной роли. С одной стороны, есть тренеры, которые «работают на результат»: находят и раскрывают новые таланты, готовят и выводят их в спорт больших достижений. От них, помимо собственно владения методиками тренировки и хорошего знания спортивной психологии, требуются тесные связи со спортивной бюрократией и лоббистские способности, позволяющие отстаивать интересы «своих» спортсменов в конкурентной среде. С другой стороны, есть тренеры, которые «держат лапы», то есть удовлетворяют массовый или индивидуальный спрос в экстремальном досуге без претензий на серьезный уровень. В них ценятся «сервисные» качества — коммуникабельность, чувство юмора, клиентоориентированность. Некоторые тренеры успешно совмещают обе роли.

Потенциально переход на тренерскую работу открывает для бывших спортсменов неплохие возможности. Он обеспечивает приличные заработки (по оценкам информантов — до 100 тыс. руб. в месяц), в перспективе позволяющие расширить масштабы деятельности, открыть свой зал или спортклуб. Кроме того, тренерская работа дает возможности устанавливать связи с людьми, обладающими ресурсами и готовыми оказывать спонсорскую помощь, а также со спортивной бюрократией, что позволяет претендовать на административную карьеру (например, в спортивных федерациях). В то же время не всем удается реализовать подобный

потенциал: у некоторых информантов доходы от тренерской деятельности низки, отношения с клиентами складываются конфликтно, а попытки организовать собственный клуб заканчиваются неудачами. Вероятность успеха повышается, если спортсмен может задействовать дополнительные ресурсы — например, семейный символический капитал в спортивной сфере, а также финансовые средства.

Что касается внеспортивной карьеры бывших спортсменов, то в основной массе они продолжают «коллекционировать» прекарные занятости, занимаясь низкоквалифицированным трудом на стройках, в такси, охране или сфере обслуживания. В этом случае спортивная карьера фактически приводит к увязанию в низкоресурсной социальной сети и не способствует вертикальной мобильности. Подобная работа в основном находится через родственников или земляков; распространена межпоколенческая преемственность. Накопленные в ходе спортивной карьеры ресурсы оказываются не задействованными. Некоторые бывшие спортсмены пытаются продвинуться в бизнесе, однако опираются при этом в первую очередь на ресурсы, которыми обладали на старте или приобрели за пределами спортивной сферы.

Еще одним возможным направлением постсоревновательной карьеры является встраивание в криминальные круги. Подобная траектория была распространена в 1990—2000-е годы.

Был плохой период, когда преступность правила балом. <...> А рекрутами были спортсмены, сильные ребята... (Инф. 23)

Вы же понимаете, что в 1990-е годы спортсмены не бедствовали не благодаря спорту, так скажем. <...> Нас в тот момент прямо из залов забирали: просто приезжали и деньгами предлагали. (Инф. 13)

Сейчас подобное явление не носит массового характера. Однако смычка спорта с криминалом поддерживается и спортивно-криминальной карьерой многих представителей старшего поколения, и выраженным интересом криминала к профессиональному спорту и околоспортивной экономике (особенно к индустрии ставок на спортивные матчи), и значительным совпадением норм и ценностей криминальной и силовой спортивной субкультур, и нередкой вовлеченностью спортсменов в криминальные «разборки». Тем не менее информанты в этом исследовании в большинстве своем негативно отнеслись к перспективе криминальной карьеры. Даже те, кто эпизодически ездил на «стрелки», выступал в роли «решалы» или выбивал долги, рассматривали это как разовую помощь друзьям или «братьям», а не как источник дохода или старт долгосрочной занятости. При этом все информанты признавали, что хотя бы раз в жизни получали от криминальных кругов предложение о сотрудничестве.

Адаптация через спортивную субкультуру: итоги

Анализ роли силовой спортивной субкультуры в адаптации и аккультурации мигрантов демонстрирует неоднозначные результаты. Можно утверждать, что встраивание в данную субкультуру смягчает первичный миграционный шок (или

острую фазу адаптации), позволяя включаться в культурно и этнически близкую среду и использовать символический капитал, связанный с успехами дагестанцев в силовых единоборствах. Что же касается постспортивных карьер, то, с одной стороны, спорт высоких достижений дает доступ к дополнительным экономическим, социальным и символическим ресурсам, обеспечивает недоступные ранее перспективы территориальной мобильности. С другой стороны, он ограничивает возможности вкладываться в альтернативные сферы, такие как образование, профессиональный рост, связи вне спортивной и околоспортивной сферы. Баланс данных факторов может быть различным.

Вертикальная мобильность на постспортивном этапе характерна в первую очередь для тех, кто после успешного состязательного периода связал свою дальнейшую карьеру со спортом, получив нужное для тренерской работы образование и проявив необходимые для продвижения в данной сфере профессиональные и человеческие качества. Успех также может базироваться на ресурсах, не связанных напрямую со спортивной карьерой — например, на семейном капитале. В остальных случаях спортивная карьера мало что приносит в возможности дальнейшего продвижения: накопленный капитал во многих случаях не конвертируется в жизненный успех. Бывшие спортсмены в основном увязают в низкоресурсной социальной сети, продолжая заниматься малоквалифицированным трудом, а в поиске возможностей трудоустройства по-прежнему опираются в основном на этнические связи. Выбор качественного образования как альтернативы спортивной карьере может обеспечить гораздо более удачный старт для вертикальной мобильности в неспортивной среде. Наконец, возможным итогом спортивной карьеры становится включение в криминальные круги, что в современных условиях скорее свидетельствует о нисходящей мобильности, однако подобная траектория не является массовой. Высокие риски маргинализации связаны с ненормативным окончанием спортивной карьеры, особенно когда спортсмен получает травму на пике формы — в этом случае итогом может стать деградация и асоциальное поведение.

При этом адаптация к принимающему обществу через силовую спортивную субкультуру характерна преимущественно для первого поколения мигрантов. В жизни же второго поколения спорт играет совершенно иную роль: занятия его силовыми видами уже не рассматриваются как обязательный элемент социализации детей и подростков мужского пола.

Когда ты в Дагестане, то, наверное, да — все ходят [на спорт], ты тоже вместе с ними. А здесь [в Санкт-Петербурге] больше уже для себя. Если ты сам хочешь, если тебе это нужно, то ты идешь. (Инф. 21)

Даже выбор вида спорта, по словам информантов, идет по другим критериям: не для того, чтобы выступать на соревнованиях, а чтобы было современно, был «драйв», «для общения», «для души».

Выводы и дискуссия

Настоящее исследование подтверждает, что адаптация мигрантов к принимающему обществу может происходить через свойственные ему субкультуры, в част-

ности, спортивные. Подобный вариант имеет определенные преимущества, особенно для мигрантов низкого социального статуса. Он позволяет легче пройти острую фазу адаптации, а также получить доступ к символическому и социальному капиталу, недоступному в других условиях. Одновременно такая модель несет в себе определенные риски, особо явно проявляющие себя при необходимости выйти за рамки субкультурного сообщества и включаться в другие сегменты городского социума. В условиях подобного транзита возникают угрозы дезадаптации и маргинализации.

В то же время представленный в статье кейс, на первый взгляд, не очень похож на истории, рассматриваемые в теории сегментной ассимиляции, сформулированной в 1990-х годах на базе анализа американских практик встраивания мигрантов второго поколения в афроамериканскую контркультуру и связанной с этим их нисходящей мобильности. В нашем случае речь идет не о втором поколении мигрантов, а о первом; не о контркультуре, а о субкультуре. Нисходящая мобильность не является обязательным следствием субкультурной аккультурации, хотя подобные риски в ее рамках существуют. Тем не менее, между этими примерами имеется нечто общее: в отличие от других подходов к исследованию процессов адаптации мигрантов они включают в аналитическую рамку фактор культурного многообразия принимающего общества, не ограничиваясь ссылкой на некий культурный мейнстрим либо доминирующую культуру. И это дает возможность получения обогащенной, более нюансированной картины встраивания мигрантов в новую культурную среду.

Представления об адаптации инокультурных мигрантов по мере развития соответствующих теорий непрерывно усложнялись. Если изначально предполагались лишь две траектории — ассимиляция либо маргинализация, — затем возникло более широкое меню возможностей, связанных не только с позицией самих мигрантов, но и с отношением принимающих обществ, а также со связями с обществами исхода. Можно предположить, что включение в анализ культурной дифференциации принимающих обществ, характерной в первую очередь для современной городской культуры, является следующим шагом на пути отражения сложности и многогранности процессов адаптации. И пример, рассмотренный в рамках теории сегментной ассимиляции, окажется лишь одним из случаев учета данного фактора.

Безусловно, анализа одного дополнительного примера недостаточно для того, чтобы делать столь глобальные выводы — мы можем лишь предложить подобную гипотезу для обсуждения. В дальнейшем необходимы дополнительные исследования и дискуссии, которые бы позволили понять, насколько важен фактор культурной дифференциации принимающих обществ, а также в какой мере его необходимо учитывать в теории и практике содействия мигрантам в адаптации к новой культурной среде.

Список литературы (References)

Брюсов Г. П. Сравнительный анализ состояния вольной борьбы в Северо-Кавказском федеральном округе // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2012. № 4. С. 12—15. <https://doi.org/10.5930/issn.1994-4683.2012.04.86.p12-15>.

Bryusov G. P. (2012) Comparative Analysis of Free-Style Wrestling Condition in North-Caucasus Federal Region. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. No. 4. P. 12—15. <https://doi.org/10.5930/issn.1994-4683.2012.04.86.p12-15>. (In Russ.)

Agergaard S., Ryba T. V. (2014) Migration and Career Transitions in Professional Sports: Transnational Athletic Careers in a Psychological and Sociological Perspective. *Sociology of Sport Journal*. Vol. 31. No. 2. P. 228—247. <https://doi.org/10.1123/ssj.2013-0031>.

Alba R., Nee V. (2003) *Remaking the American Mainstream: Assimilation and Contemporary Immigration*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Asfari A., Askar A. (2020) Understanding Muslim Assimilation in America: An Exploratory Assessment of First & Second-Generation Muslims Using Segmented Assimilation Theory. *Journal of Muslim Minority Affairs*. Vol. 40. No. 2. P. 217—234. <https://doi.org/10.1080/13602004.2020.1781467>.

Battochio R. C., Schinke R. J., McGannon K.R., Tenenbaum G., Yukelson D., Crowder T. (2013) Understanding Immigrated Professional Athletes' Support Networks During Post-Relocation Adaptation Through Media Data. *International Journal of Sport and Exercise Psychology*. Vol. 11. No. 1. P. 101—116. <https://doi.org/10.1080/1612197X.2013.748996>.

Berry J. W. (2006) Contexts of Acculturation. In: Sam D. L., Berry J. W. (eds.) *The Cambridge Handbook of Acculturation Psychology*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 27—42. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511489891.006>.

Berry J. W. (2019) *Acculturation: A Personal Journey Across Cultures*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108589666>.

Bourdieu P. (1986) The Forms of Capital. In: Richardson J. (eds.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. Westport, CT: Greenwood. P. 241—258.

Clerge O. (2014) Balancing Stigma and Status: Racial and Class Identities Among Middle-Class Haitian Youth. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 37. No. 6. P. 958—977. <https://doi.org/10.1080/01419870.2012.748209>.

Crosset T., Beal B. (1997) The Use of “Subculture” and “Subworld” in Ethnographic Works on Sport: A Discussion of Definitional Distinctions. *Sociology of Sport Journal*. Vol. 14. No. 1. P. 73—85. <https://doi.org/10.1123/ssj.14.1.73>.

Diaz C. J. (2020) Educational Expectations Among Immigrant Youth: Links to Segmented Assimilation and School Context. *Social Currents*. Vol. 7. No. 3. P. 252—278. <https://doi.org/10.1177/2329496519900509>.

Dong X. (2018) Capital in Transition: A Case Study of Migrant Children in China's Martial Arts Schools. *Asian Journal of Social Science*. Vol. 46. No. 6. P. 706—724. <https://doi.org/10.1163/15685314-04606005>.

Donnelly P. (1985) Sport Subcultures. *Exercise and Sport Sciences Reviews*. Vol. 13. No. 1. C. 539—578. <https://doi.org/10.1249/00003677-198500130-00016>.

Fuchs Ph.X., Doupona M., Varga K., Bon M., Cortis C., Fusco A., Castellani L., Niemisalo N., Hannola H., Giron P., Förster J., Capranica L., Wagner H. (2021) Multi-National Perceptions on Challenges, Opportunities, and Support Structures for Dual Career Migrations in European Student-Athletes. *PLOS One*. Vol. 16. No. 6. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0253333>.

Habecker S. (2017) Becoming African Americans: African Immigrant Youth in the United States and Hybrid Assimilation. *Journal of Pan African Studies*. Vol. 10. No. 1. P. 55—75.

Harris A. L. (2006) I (Don't) Hate School: Revisiting Oppositional Culture Theory of Blacks' Resistance to Schooling. *Social Forces*. Vol. 85. No. 2. P. 797—834. <https://doi.org/10.1353/sof.2007.0006>.

Karam R. A. (2020) Becoming American by Becoming Muslim: Strategic Assimilation Among Second-Generation Muslim American Parents. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 43. No. 2. P. 390—409. <https://doi.org/10.1080/01419870.2019.1578396>.

Morela E., Elbe A. M., Theodorakis Y., Hatzigeorgiadis A. (2019) Sport Participation and Acculturative Stress of Young Migrants in Greece: The Role of Sport Motivational Environment. *International Journal of Intercultural Relations*. Vol. 71. P. 24—30. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2019.04.003>.

Morela E., Hatzigeorgiadis A., Sanchez X., Elbe A. M. (2016) Promoting Acculturation Through Sport: An Ethnic-Cultural Identity Approach. In: Raab M., Wylleman P., Seiler R., Elbe A. M., Hatzigeorgiadis A. (eds.) *Sport and Exercise Psychology Research*. San Diego, CA: Academic Press. P. 211—225. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-803634-1.00010-8>.

Murray C. (2012) *Coming Apart: The State of White America, 1960—2010*. New York, NY: Crown Publishing Group.

Palumbo F., Fusco A., Cortis C., Capranica L. (2021) Student-Athlete Migration: A Systematic Literature Review. *Human Movement*. Vol. 22. No. 1. P. 80—91. <https://doi.org/10.5114/hm.2021.99988>.

Park R. E. (1952) Sociology, Community and Society. In: Park R. E. *Human Communities. The City and Human Ecology*. Glencoe, IL: Free Press. P. 178—209.

Portes A., Fernández-Kelly P., Haller W. (2005) Segmented Assimilation on the Ground: The New Second Generation in Early Adulthood. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 28. No. 6. P. 1000—1040. <https://doi.org/10.1080/01419870500224117>.

Portes A., Zhou M. (1993) The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 530. No. 1. P. 74—96. <https://doi.org/10.1177/0002716293530001006>.

Ryba T. V., Aunola K., Kalaja S., Selänne H., Ronkainen N. J., Nurmi J. E. (2016) A New Perspective on Adolescent Athletes' Transition into Upper Secondary School: A Longitudinal Mixed Methods Study Protocol. *Cogent Psychology*. Vol. 3. No. 1. <https://doi.org/10.1080/23311908.2016.1142412>.

Ryba T. V., Elbe A.-M., Darpatova-Hruzewicz D. (2020) Development and First Application of the Athlete Adaptation Inventory: An Exploratory Study. *Performance Enhancement & Health*. Vol. 8. No. 1. <https://doi.org/10.1016/j.peh.2020.100164>.

Ryba T. V., Stambulova N. B., Ronkainen N. J. (2020) Transnational Athletic Career and Cultural Transition. In: Hackfort D., Schinke R. J. (eds.) *The Routledge International Encyclopedia of Sport and Exercise Psychology. Volume 2: Applied and Practical*. London: Routledge. P. 671—681.

Sabirova G., Zinoviev A. (2016) Urban Local Sport Clubs, Migrant Children and Youth in Russia. *Community Development Journal*. Vol. 51. No. 4. P. 482—498. <https://doi.org/10.1093/cdj/bsv045>.

Schinke R. J., McGannon K. R., Battochio R. C., Wells G. D. (2013) Acculturation in Elite Sport: A Thematic Analysis of Immigrant Athletes and Coaches. *Journal of Sports Sciences*. Vol. 31. No. 15. P. 1676—1686. <https://doi.org/10.1080/02640414.2013.794949>.

Silberman R., Alba R., Fournier I. (2007) Segmented Assimilation in France? Discrimination in the Labour Market Against the Second Generation. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 30. No. 1. P. 1—27. <https://doi.org/10.1080/01419870601006488>.

Smith R., Spaaij R., McDonald B. (2019) Migrant Integration and Cultural Capital in the Context of Sport and Physical Activity: A Systematic Review. *International Migration & Integration*. Vol. 20. No. 3. P. 851—868. <https://doi.org/10.1007/s12134-018-0634-5>.

Stambulova N., Alfermann D., Statler T., Côté J. (2009) ISSP Position Stand: Career Development and Transitions of Athletes. *International Journal of Sport and Exercise Psychology*. Vol. 7. No. 4. P. 395—412. <https://doi.org/10.1080/1612197X.2009.9671916>.

Stambulova N. (2016) Athletes' Transitions in Sport and Life: Positioning New Research Trends Within the Existing System of Athlete Career Knowledge. In: Schinke R. J., McGannon K. R., Smith B. (eds.) *Routledge International Handbook of Sport Psychology*. London: Routledge. P. 519—535. <https://doi.org/10.4324/9781315777054-64>.

Stambulova N., Ryba T. V., Henriksen K. (2021) Career Development and Transitions of Athletes: The International Society of Sport Psychology Position Stand Revisited. *International Journal of Sport and Exercise Psychology*. Vol. 19. No. 4. P. 524—550. <https://doi.org/10.1080/1612197X.2020.1737836>.

Stepick A., Stepick C. D. (2010) The Complexities and Confusions of Segmented Assimilation. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 33. No. 7. P. 1149—1167. <https://doi.org/10.1080/01419871003599518>.

Ungruhe C., Agergaard S. (2021) Migrant Athletes and the Transformation of Physical Capital. Spatial and Temporal Dynamics in West African Footballers' Approaches to Post-Careers. *European Journal for Sport and Society*. Vol. 18. No. 4. P. 347—364. <https://doi.org/10.1080/16138171.2020.1863706>.

- Vermeulen H. (2010) Segmented Assimilation and Cross-National Comparative Research on the Integration of Immigrants and Their Children. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 33. No. 7. P. 1214—1230. <https://doi.org/10.1080/01419871003615306>.
- Waldinger R., Feliciano C. (2004) Will the New Second Generation Experience ‘Downward Assimilation’? Segmented Assimilation Re-Assessed. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 27. No. 3. P. 376—402. <https://doi.org/10.1080/01491987042000189196>.
- Weiss M. R. (eds.) (2004) *Developmental Sport and Exercise Psychology: A Lifespan Perspective*. Morgantown, WV: Fitness Information Technology.
- Wylleman P., Alfermann D., Lavallee D. (2004) Career Transitions in Sport: European Perspectives. *Psychology of Sport and Exercise*. Vol. 5. No. 1. P. 7—20. [https://doi.org/10.1016/S1469-0292\(02\)00049-3](https://doi.org/10.1016/S1469-0292(02)00049-3).
- Wylleman P., Lavallee D. (2004) A Developmental Perspective on Transitions Faced by Athletes. In: Weiss M. R. (eds.) *Developmental Sport and Exercise Psychology: A Lifespan Perspective*. Morgantown, WV: Fitness Information Technology. P. 503—524.
- Wylleman P., Rosier N. (2016) Holistic Perspective on the Development of Elite Athletes. In: Raab M., Wylleman P., Seiler R., Elbe A. M., Hatzigeorgiadis A. (eds.) *Sport and Exercise Psychology Research*. San Diego, CA: Academic Press. P. 269—288. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-803634-1.00013-3>.
- Xie Y., Greenman E. (2005) Segmented Assimilation Theory: A Reformulation and Empirical Test. Population Studies Center Research Report. No. 05—581. Ann Arbor, MI: University of Michigan.
- Yinger J. M. (1960) Contraculture and Subculture. *American Sociological Review*. Vol. 25. No. 5. P. 625—635. <https://doi.org/10.2307/2090136>.

Приложение. Список информантов

№	Возраст	Место рождения	Образование	Профессия / занятость
1	До 29 лет	Дагестан	высшее	госслужащий
2	До 29 лет	Дагестан	высшее	рабочий на производстве
3	От 30 до 49 лет	Дагестан	высшее религиозное	профессиональный спортсмен, религиозный деятель
4	До 29 лет	Дагестан	высшее	профессиональный спортсмен
5	До 29 лет	Дагестан	высшее спортивное	тренер
6	До 29 лет	Дагестан	высшее спортивное	профессиональный спортсмен, предприниматель
7	До 29 лет	Чечня	высшее заочное и высшее спортивное	профессиональный спортсмен, тренер
8	До 29 лет	Дагестан	высшее	инженер-строитель
9	От 30 до 49 лет	Дагестан	высшее спортивное	тренер, предприниматель
10	До 29 лет	Дагестан	высшее	не работает
11	До 29 лет	Дагестан	высшее заочное	охранник
12	До 29 лет	Дагестан	высшее	охранник
13	От 30 до 49 лет	Армения	высшее	тренер
14	От 30 до 49 лет	Дагестан	высшее спортивное	тренер
15	До 29 лет	Дагестан	высшее	профессиональный спортсмен, предприниматель
16	От 30 до 49 лет	Кабардино-Балкария	высшее спортивное	тренер
17	До 29 лет	Дагестан	высшее и высшее религиозное	предприниматель
18	До 29 лет	Дагестан	высшее	военнослужащий
19	До 29 лет	Дагестан	высшее спортивное	тренер, фрилансер
20	До 29 лет	Дагестан	среднее специальное	предприниматель
21	До 29 лет	Дагестан	незаконченное высшее	студент
22	До 29 лет	Дагестан	высшее	аспирант
23	От 50 лет	Дагестан	высшее	предприниматель
24	От 30 до 49 лет	Дагестан	высшее	предприниматель

DOI: [10.14515/monitoring.2023.5.2491](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2491)

В. В. Радаев

**ЭМОЦИОНАЛЬНО НАГРУЖЕННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ**

Правильная ссылка на статью:

Радаев В. В. Эмоционально нагруженное потребление в современной России. Часть первая: теоретические основы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5. С. 202—220. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2491>.

For citation:

Radaev V. V. (2023) Emotionally Loaded Consumption in Modern Russia. Part One: Theoretical Basis for Research. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 202–220. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2491>. (In Russ.)

Получено: 19.08.2023. Принято к публикации: 13.10.2023.

ЭМОЦИОНАЛЬНО НАГРУЖЕННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

РАДАЕВ Вадим Валерьевич — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической социологии факультета социальных наук, заведующий Лабораторией экономико-социологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: radaev@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0152-1396>

Аннотация. В статье введено общее понятие эмоционально нагруженного потребления, в котором эмоциональные побуждения играют доминирующую роль, подталкивая к совершению излишних покупок по отношению к текущим потребностям или/и своим финансовым возможностям. Проведен сравнительный анализ трех видов такого потребления — панического, импульсивного и компульсивного. Паническое потребление, или ажиотажный спрос, определяется как спонтанное приобретение излишнего количества товаров для образования запасов в условиях фактического или ожидаемого дефицита или подорожания. К импульсивному потреблению отнесено незапланированное приобретение товаров и услуг по мгновенному порыву, без особых раздумий о последствиях. А под компульсивным потреблением (шопоголизмом) понимается повторяющееся, слабо контролируемое стремление к приобретению товаров и услуг, нацеленное на то, чтобы справиться с негативными эмоциональными состояниями. На основе обобщения ре-

EMOTIONALLY LOADED CONSUMPTION IN MODERN RUSSIA. PART ONE: THEORETICAL BASIS FOR RESEARCH

Vadim V. RADAEV¹ — Dr. Sci. (Econ.), Professor at the Department of Economic Sociology, Faculty of Social Sciences; Head of the Laboratory for Studies in Economic Sociology

E-MAIL: radaev@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0152-1396>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The article introduces a category of emotionally loaded consumption, in which the emotions play a dominant role persuading the consumers to buy excessive in relation to their current needs and financial capacities goods and services. The author conducts a comparative analysis of panic, impulsive, and compulsive buying. Panic buying is defined a spontaneous hoarding of excessive goods and making stocks due to actual or expected scarcity or price increase. Impulsive buying includes unplanned acquisition of goods and services without second thought and consideration of consequences. Compulsive buying is categorized as a repetitive and non-controlled buying of goods and services to cope with negative emotional conditions. Basing upon the previous studies, the author shows that all three types of emotionally loaded consumption include various combinations of emotional, cognitive, and social elements. They also remarkably differ from conventional patterns of the rational behavior pursuing one's own economic interests in a coherent way. In the second part of the study, which is to be published

зультатов предшествующих специальных исследований показано, что все три вида эмоционально нагруженного потребления, при множественных различиях между ними, сочетают в себе эмоциональные, когнитивные и социальные элементы. Они также по-разному отклоняются от привычной схемы рационального поведения, понимаемого как устойчивое следование своему экономическому интересу. Во второй эмпирической части этой работы автор проанализирует основные факторы возникновения и некоторые финансовые следствия эмоционально нагруженных форм потребления на новых количественных данных, полученных летом 2023 г. на основе репрезентативного опроса российского населения.

Ключевые слова: эмоции, потребление, эмоционально нагруженное потребление, паническое потребление, импульсивное потребление, компульсивное потребление

Благодарность. Работа выполнена в Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ в рамках проекта «Экономическое поведение домашних хозяйств» при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Мы благодарим Т. А. Нестика, О. А. Симонову и З. В. Котельникову за важные замечания по рукописи данной работы.

Введение

Потребительское поведение чаще всего рассматривается экономистами в рамках парадигмы рационального действия, под которым понимают устойчивое следование собственным экономическим интересам на основе расчета издержек и выгод. Потребитель в этой схеме ведет себя последовательно и калькулирует варианты своих действий. Между тем, многие проявления реального потребительского поведения не вписываются в эти привычные и хорошо выстроенные

in the following journal issue, the author will investigate the main antecedents and some financial consequences of the emotionally loaded consumption. Empirical part is based upon on data from a nationwide representative survey of the Russian population in June–July 2023.

Keywords: emotions, consumption, emotionally loaded consumption, panic consumption, impulsive consumption, compulsive consumption

Acknowledgments. The study was conducted in the Laboratory for Studies in Economic Sociology at the HSE University in the project ‘Economic Behaviour of the Households’ and supported by the Program for Basic Research of the HSE University. The author thanks Timofey Nestik, Olga Simonova, and Zoya Kotelnikova for their valuable comments on the manuscript of this paper.

рамки. Потребители периодически отклоняются от устойчивой линии поведения, избегают калькуляции и способны действовать в ущерб собственным интересам — и в долгосрочной, и в краткосрочной перспективе. Одной из важных причин подобных отклонений от сугубо рационального поведения становится влияние *эмоций*, которыми насыщено большинство человеческих поступков и которые тесно переплетаются с просчитанными действиями, значительно усложняя реальный потребительский выбор.

Эмоциональные составляющие содержатся практически в каждом акте потребительского выбора, но существуют особые виды потребления, в которых эмоциональные элементы начинают доминировать и во многом определяют решения в отношении покупок товаров и услуг. За неимением лучшего термина, мы будем называть такое поведение *эмоционально нагруженным*. Понимая, что повышенный эмоциональный градус может сопровождать и самые обычные покупки, мы в данном случае сконцентрируемся на особых видах эмоционального поведения, которые связаны с приобретением *излишних* товаров и услуг по сравнению с текущими потребностями или/и финансовыми возможностями потребителя.

Эмоционально нагруженное поведение в сфере потребления существовало всегда и везде, но заметно усилилось в период пандемии коронавируса 2020—2021 гг., став одним из заметных элементов «новой нормальности» [Billore, Anisimova, 2021]. Пандемия в очередной раз подняла на поверхность латентные механизмы массового поведения в условиях стрессовых ситуаций, многократно усиленные новыми социальными медиа. В современной России эффекты пандемии наложились также на предшествующие экономические кризисы и последующее начало специальной военной операции в феврале 2022 г. Внешние экономические, политические и эпидемиологические шоки создали общий фон, на котором обостряются до поры скрытые психические предрасположенности и расстройства, проявляемые, в том числе в потребительской сфере. В этих условиях нам нужно лучше понимать механизмы эмоционально нагруженного поведения, которые зачастую не вписываются в шаблоны рациональных потребительских действий, более того, способны принимать агрессивные формы в публичной сфере (например, скандалы в торговых залах) и вызывать распространение хронических депрессивных состояний в частной жизни.

Цель предлагаемого исследования — определить основные виды эмоционально нагруженного потребления, связанного с приобретением относительно лишних товаров, раскрыть принципиальные черты и особенности каждого из этих видов, выделить факторы, которые способствуют их появлению и воспроизводству, и оценить некоторые следствия. В первой (теоретической) части работы мы введем понятия эмоционально нагруженного потребления, а затем, опираясь на результаты предшествующих исследований, последовательно охарактеризуем три основных вида такого потребления: паническое, импульсивное и компульсивное.

Оговорим, что терминологически разделяют два понимания «потребления» — как *приобретения* товаров и услуг путем совершение рыночных покупок и *использования* товаров и услуг после их приобретения [Warde, 2015]. Мы в данной работе концентрируемся на первом понимании и употребляем понятия «потребителей» и «покупателей» как синонимы.

Три вида эмоционально нагруженного потребления

О важности учета эмоций в изучении социально-экономических процессов писалось многократно [Berezin, 2005; Симонова, 2016]. В своем исходном определении *эмоции* представляют собой психические процессы, отражающие субъективное оценочное отношение к существующим или возможным ситуациям. Это экспрессивная реакция на свершившиеся события или ожидание таких событий. Эмоции имеют как минимум двойственную природу: они выражают физиологические состояния человека и одновременно выступают как социальный феномен, порождаемый реальным или потенциальным взаимодействием между людьми. От ощущения ситуаций они ведут к когнитивным процессам, связанным с пониманием и интерпретацией этих ситуаций, а далее к действиям, в которых перемешиваются эмоциональные и когнитивные элементы [Хокшилд, 2019]. Выходят они и в институциональную плоскость. В процессе человеческих взаимодействий формируются *эмоциональные нормы*, включающие не только правила выражения эмоций, но и правила чувствования, определяющие, что именно должен испытывать человек в соответствующих ситуациях [Харрис, 2020].

Эмоции не сводятся к мгновенным реакциям, они обладают разной силой и продолжительностью, могут накапливаться и угасать [там же] При этом не стоит воспринимать их как нечто предельно волатильное и переменчивое. Следует различать *страсти* (*passions*), связанные преимущественно с реактивными действиями, и *пристрастия* (*affections*), которые обладают относительной устойчивостью [Hirshleifer, 1993]. В отличие от переменчивых страстей, пристрастия образуют более или менее постоянный эмоциональный фон, на котором разворачиваются повседневные действия, и в этом качестве они становятся эмоциональной поддержкой рациональности, под которой мы обычно понимаем действия последовательные и устойчивые. Более того, эмоции могут становиться основой стратегических действий, приносящих человеку дополнительные выгоды [Фрэнк, 2017].

В условиях рыночной экономики реализация интересов не подавляет эмоции [Хиршман, 2012] — рынок форматирует их, придавая эмоциям рационализированную форму и делая их более предсказуемыми. Более того, эмоции подвергаются коммодификации и превращаются в инструмент профессиональной коммуникации. Формируются специфические механизмы управления эмоциями и наряду с физическим и интеллектуальным трудом появляется особый вид *эмоционального труда*, блестяще описанный в классическом труде Арли Хокшилд «Управляемое сердце» [Хокшилд, 2019].

Переходя к потребительскому выбору, в рамках экономического анализа он обычно увязывается с рациональными действиями, а эмоциональные поступки рассматриваются преимущественно как отклонение от рациональной нормы. Мы же будем исходить из того, что в большинстве случаев рациональные и эмоциональные действия являются частью одного процесса и могут быть разделены только аналитически. Например, если какой-то товар нам *нравится*, то в этом отношении к товару тесно соединены рациональные и эмоциональные элементы. В этом смысле жесткое разделение покупок на рациональные и эмоциональные изначально кажется не слишком плодотворным.

Соотношение рациональных и эмоциональных начал может варьироваться. И в определенных типах действия эмоциональные начала могут преобладать, ослабляя или даже временно разрушая рациональные начала такого действия. Далее мы обратимся именно к таким эмоционально нагруженным видам потребления, которые характеризуются двумя чертами: 1) эмоциональные побуждения играют в них доминирующую роль, и 2) под воздействием этих побуждений совершаются излишние и по отношению к текущим потребностям и/или своим финансовым возможностям покупки. К ним относятся, на наш взгляд, три вида:

- *паническое потребление*, или ажиотажный спрос (panic buying), когда спонтанно приобретается излишнее количество товаров для образования запасов в условиях фактического или ожидаемого дефицита или подорожания;
- *импульсивное потребление* (impulsive buying), предполагающие быстрое и незапланированное приобретение понравившихся товаров или услуг;
- *компульсивное потребление*, или шопоголизм (compulsive buying), понимаемое как устойчивое, слабо контролируемое стремление к приобретению товаров или услуг, нацеленное на то, чтобы справиться с негативными эмоциональными состояниями.

Далее рассмотрим эти виды потребительского поведения более подробно. Все они ведут к дополнительным материальным издержкам в виде неоправданных расходов для отдельных людей и домохозяйств, а также к снижению общественного блага, например, за счет перепотребления и наращивания отходов, угрожающего устойчивому развитию [Wang et al., 2022]¹. Но, помимо материальных издержек, эти виды потребления часто перегружены негативными эмоциями, возникающими до совершения покупок, а еще чаще после их совершения. Поэтому и с экономической, и с психологической точек зрения они требуют более тщательного изучения и поиска мер для их регулирования [Huan, Park, Kang, 2021]. Потребность в техниках управления эмоциями на индивидуальном и коллективном уровнях в наши дни явно возрастает.

Паническое потребление

Начнем с анализа панического потребления, которое на быденном уровне называется ажиотажным спросом. *Паническое потребление* определяется как спонтанное приобретение излишнего количества товаров по сравнению с текущими потребностями или/и своими финансовыми возможностями для образования запасов в панической ситуации [Kirk, Rifkin, 2020]. В свою очередь, *паническая ситуация* в потребительской сфере характеризуется возникновением угроз товарного дефицита или существенного подорожания товаров, с которым потребители, как им кажется, не в состоянии справиться при отсутствии доступных альтернатив (при невозможности купить дефицитные товары или отсутствии ранее созданных товарных запасов). В панической ситуации потребители также сталкиваются с исчезающими возможностями купить тот или иной дефицитный товар, что подталкивает их к немедленным активным действиям [Lindenmeier, Hodgesa, Saliterer, 2021]. Такая ситуация порождается не только дефицитом то-

¹ В отходы направляется около одной трети всех пищевых продуктов в мире [Шабанова, 2022].

варов (не важно, фактическим или ожидаемым, реальным или вымышленным), но также *дефицитом институционального доверия* — к ритейлерам и правительству, неверием в их способность контролировать ситуацию и желанием взять эту ситуацию в собственные руки, обеспечить безопасность себе и своей семье хотя бы в ближайшем будущем.

Таким образом, паническое потребление чаще всего возникает как реактивный спрос в кризисные моменты и является попыткой восстановить контроль над ситуацией повышенной неопределенности в условиях, когда дефицит товаров сочетается с дефицитом доверия, по сути он становится попыткой самостоятельно справиться с реальными или воображаемыми внешними рыночными угрозами.

Подобное потребление провоцировалось экономическими кризисами, периодическими неурожаями (скажем, риса в Западной Африке или гречки в России), природными катастрофами наподобие периодических ураганов в Мексиканском заливе. Но именно пандемия COVID—19, а точнее, вызванные ею ограничения и локдауны, привлекли к паническому потреблению повышенное внимание, когда всплески такого поведения наблюдались почти повсеместно в самых разных странах. Усилилось и внимание исследователей, для которых такое поведение до последних лет находилось скорее на периферии (системный обзор см.: [Billoge, Anisimova, 2021]). В России новая почва для панических настроений возникла с началом специальной военной операции, сопровождаемой усилением международных экономических санкций, уходом части глобальных компаний и их отказом напрямую поставлять в Россию свои потребительские товары.

На фоне внешних шоков российские потребительские рынки в последние годы тоже периодически сталкиваются с ажиотажным спросом. Приведем несколько конкретных примеров. Так, в марте 2022 г., в начале СВО, потребители стали скупать импортные лекарственные препараты, хотя санкции не затрагивали фармацевтическую отрасль, при этом объем продаж в коммерческом сегменте за месяц вырос более чем на 40 %². После объявления в России частичной мобилизации в конце сентября 2022 г. всего за две недели продажи сахара в денежном выражении выросли на 70 % год к году, мясных консервов — на 58 %, риса — на 45 %³. Добавим, что ажиотажный спрос не обязательно касается предметов первой необходимости. Например, за первые две недели марта 2022 г. продажи парфюмерии к февралю в штуках выросли на 55 %, а в денежном выражении — на 172 %⁴.

Оценивалась и распространенность ажиотажных покупок среди населения. Так, по данным опроса ВЦИОМ, в 2020 г. закупили продукты впрок за последние 2—3 месяца лишь 5 % россиян⁵. В отдельных исследованиях встречались и более высо-

² См. Анастасия Мануйлова. Рынок лекарств вернулся к росту // Коммерсантъ. 2023. 2 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5966416> (дата обращения: 27.10.2023).

³ См. В России на фоне частичной мобилизации продажи сахара и консервов выросли более чем на 50 % // Forbes. 2022. 13 октября. URL: <https://retailer.ru/v-rossii-na-fone-objavlenija-chastichnoj-mobilizacii-prodazhi-sahara-i-konservov-vyrosli-bolee-chem-na-50/> (дата обращения: 27.10.2023).

⁴ См. Продажи парфюмерии в России в 2022 году выросли почти на треть на фоне ажиотажного спроса весной // Коммерсантъ. 2023. 19 января. URL: <https://retailer.ru/prodazhi-parfumerii-v-rossii-v-2022-godu-vyrosli-pochti-na-tret-na-fone-azhiotazhnogo-sprosa-vesnoj> (дата обращения: 27.10.2023).

⁵ Набеги на магазины: ажиотаж сходит на нет // ВЦИОМ. 2020. 27 марта. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nabegi-na-magaziny-azhiotazh-skhodit-na-net> (дата обращения: 27.10.2023).

кие числа: на примере Индии в тот же период пандемии показывалось, что в подобное поведение может вовлекаться до одной трети населения [Roy et al., 2020].

Исходной точкой для появления ажиотажного спроса, как правило, становятся *информационные потоки* в виде спекулятивных слухов и вирусных новостей о возникшем или ожидаемом дефиците определенных товаров (например, изображение пустых магазинных полок) или о резком повышении розничных цен. Они провоцируют *страхи*, подогреваемые множественными высказываниями противоречивого характера, которые распространяются и мультиплицируются через альтернативные медиа, усиливая ощущения неопределенности и тревожности, потери контроля над ситуацией и боязни упустить нечто важное (fear of missing out) [Prentice, Quach, Thaichon, 2022]. Взвешенные экспертные оценки часто тонут в потоках избыточной и в то же время неполной и недостоверной информации, а официальные заявления об отсутствии дефицита и стабильности ситуации лишь добавляют смятения в умы в условиях дефицита институционального доверия. Способствует этим процессам и прогрессирующая цифровизация коммуникационных каналов. Выявлено, что новые социальные медиа (социальные сети) провоцируют страхи товарного дефицита и подталкивают к паническим действиям в большей степени, чем традиционные медиа (телевизор, радио) [Huan, Park, Kang, 2021; Naeem, Ozuem, 2021].

Итак, внешние угрозы (реальные или воображаемые) порождают негативные эмоции в виде страхов и приводят к стрессовым состояниям, которые, в свою очередь, вызывают защитные реакции. Но речь идет не только о страхах и стрессах. Воздействие внешних условий на поведение потребителей подвергается двойственному опосредованию, транслируясь одновременно по двум каналам — аффективным и когнитивным [Trautwein, Lindenmeier, 2019]. В свою очередь, *когнитивные элементы* связаны с наблюдениями за поведением других [Billore, Anisimova, 2021]. Люди не просто реактивно или проактивно реагируют на внешние события, интерпретируя полученную информацию. Они следуют за другими людьми, подражая их поступкам, принимая чужое поведение в качестве важного фактора при принятии собственных решений. В результате они включаются в паническое потребление за счет *эффекта присоединения к большинству* (bandwagon effect), даже если сами при этом не эмоционируют. По сути, они ведут себя так, как если бы они впали в панику. Таким образом, паника не обязательно сопряжена с сильными эмоциями, это может быть простое следование за другими с изменением привычной для себя линии поведения. Но, конечно, эмоциональный фон добавляет напряжения и при прочих равных условиях эмоционально нагруженное поведение более заразительно, распространяется быстрее и шире.

Паническое потребление нередко увязывается с определенными личностными *психологическими свойствами* [Nowak, 2020; Kurnaz, 2022]. Например, было установлено, что из пяти основных личностных свойств (так называемая «большая пятерка», или Big Five), именно склонность к невротизму, характеризующая эмоциональной неустойчивостью и повышенной тревожностью, способствует возникновению панического (ажитажного) потребления [Kurnaz, 2022]. Но все же паническое поведение не чисто индивидуально, а скорее является *коллективным* действием, опирающимся на особые формы социальной связи, когда каждый реа-

гирует на действия других, но при этом действует в собственных эгоистических интересах, не проникаясь идеей солидарности с другими, а лишь имитируя их действия. Подобная социальная связь оказывается, таким образом, довольно рыхлой.

Подогретые медийными ресурсами панические настроения и социальные механизмы подражания создают основу для возникновения эффектов массового поведения, или *эффекта толпы* (herd behavior), основанных на имитации поведению других [Лебон, 2011]. В этих условиях происходит временный слом рациональности как прежней устойчивой линии поведения [Радаев, 2002]. Возникшая паника ведет к незапланированным действиям и агрессивному потребительскому поведению в магазинах, приобретению товаров и услуг сверх текущих потребностей (hoarding) и формированию излишних товарных запасов (stockpiling). В первую очередь расхватываются товары первой необходимости (продукты питания с длительными сроками хранения⁶, туалетная бумага и другие товары для дома, санитайзеры и лекарственные средства) из опасений, что они подорожают или вообще исчезнут из продажи. В подобных ситуациях зачастую ритейлеры вынуждены вводить рacionamento продаваемых товаров или повышать цены, что дополнительно подогревает панические настроения [Prentice, Quach, Thaichon, 2022].

Крупные покупки в панических ситуациях, как правило, откладываются. Но возникают ситуации, когда в срочном порядке более обеспеченными потребителями приобретаются товары длительного пользования — из опасений повышения цен, например, от ослабления национальной валюты и удорожания импортных товаров. В случае предметов первой необходимости запасы призваны выполнять *страховую функцию*, возвращая утраченное чувство безопасности в отношении будущего, а в случае предметов длительного пользования — *сберегательную* или *инвестиционную функцию*, выраженную в намерениях сохранить стоимость своих ресурсов или даже ее приумножить в будущем. К сожалению, очень часто обе функции в конечном итоге не реализуются совсем или реализуются в слабой степени — излишние базовые товары оказываются ненужными, а инвестиционные товары обладают низкой ликвидностью и теряют изрядную долю стоимости сразу после покупки.

При повышенном градусе эмоциональности, сопровождающем ажиотажное потребление и преобладании негативных эмоций [Huan, Park, Kang, 2021], нельзя сказать, что такое поведение вовсе лишено признаков рациональности, понимаемой в данном случае как способность к расчету. Это поведение построено на *специфической калькуляции* последствий в критических ситуациях, отличающейся от повседневных рутин. В некоторых исследованиях показывается, что паническое потребление порождается специфическими когнитивными конструкциями (способностью действовать как другие люди) даже в большей степени, нежели негативными эмоциями [Lindenmeier, Hodgesa, Saliterer, 2021]. Например, человек может считать, что следует трезвому расчету, но при этом ошибаться в оценке ситуации по поводу нарастания дефицита товаров или преувеличенно быстрого

⁶ По данным ВЦИОМ 2020 г., россияне, склонные делать запасы на длительный срок, называют в первую очередь крупы (49%), консервы (31%), сахар (27%), макароны (25%) и муку (22%), за которыми следуют соль (16%), масло (15%) и мясо (15%) URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nabegi-na-magaziny-azhiotazhskhodit-na-net> (дата обращения: 27.10.2023).

роста розничных цен. Вдобавок при нарастании эмоций когнитивные способности людей объективно снижаются, временно «приглушаются», и вероятность ошибочных оценок потребителей и понесенных дополнительных издержек возрастает. И главное, происходит нарушение рациональности в другом более важном значении — как устойчивого (последовательного) поведения. Конечно, после ажиотажных метаний людям свойственно прибегать к пост-рационализации ранее совершенных действий как к своего рода спасительному кругу, но фактического поведения это, разумеется, не меняет.

Паническое потребление, как правило, импульсивно, длится оно недолго и подобно нахлынувшей волне. Через некоторое время волна отступает, внешняя ситуация стабилизируется, страхи утихают, эффект подражания толпе сходит на нет, происходит «отрезвление», и покупатели возвращаются к привычным для себя рутинным действиям, завершая своеобразный цикл взлета и падения массового поведения. Но при этом помимо материальных потерь остается психологический осадок — на место страха приходят разочарования и чувство вины, подогреваемые общественным неодобрением панических действий [Prentice, Quach, Thaichon, 2022]. Одни негативные эмоции сменяются другими.

Наконец, паническое потребление ставит человека перед непростыми этическими проблемами. С одной стороны, возникает ответственность перед семьей и близкими за излишне потраченные средства, с другой стороны, эгоистическое поведение по захвату дефицитного товара явно противоречит общественному благу, которое предписывает воздерживаться от излишних покупок, иначе дефицитные продукты не достанутся другим. Поэтому вероятность возникновения панического потребления в сильной степени возрастает при ослаблении существующих социальных норм [Lindenmeier, Hodgesa, Saliterer, 2021].

Импульсивное потребление

Все большее распространение в наши дни получает другая форма эмоционально нагруженного поведения — импульсивное потребление. Перед нами еще одна форма незапланированных действий, когда покупатели приобретают товары и услуги быстро, по мгновенному порыву, без особых раздумий о последствиях [Rook, Fisher, 1995], причем решение часто принимается уже в самом магазине или при внезапном обнаружении товара на сайте интернет-магазина. Таким образом, это поведение характеризуется тремя принципиальными чертами — незапланированность, эмоциональная нагруженность и немедленное принятие решений [Piron, 1991].

Подобное поведение распространено значительно шире, чем паническое потребление. По данным опроса ВЦИОМ в декабре 2021 г., более половины россиян (57 %) совершали спонтанные, импульсивные покупки, в первую очередь одежды. При этом две трети респондентов (68 %) совершали такие покупки примерно раз в несколько месяцев или реже, 21 % — раз в месяц, 7 % — каждую неделю⁷.

Несмотря на некоторые очевидные сходства с ажиотажным спросом, импульсивное потребление имеет ряд существенных особенностей. Если паническое

⁷ Импульсивные покупки // ВЦИОМ. 2021. 27 декабря. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/impulsivnye-pokupki> (дата обращения: 27.10.2023).

потребление озабочено приобретением самого *необходимого*, то предметом импульсивных покупок чаще является *понравившееся*. Но главное, в отличие от панического потребления, которое является формой коллективного, даже массового действия, импульсивное потребление — феномен скорее индивидуально-уровня. И если первое сопряжено с ощущением потери контроля над внешней ситуацией, то второе сопряжено с *утратой самоконтроля* над собственными действиями, которая является главным компонентом импульсивного потребления [Baumeister, 2002].

Подобное нерегулируемое поведение оказывается нерациональным сразу с двух точек зрения. Во-первых, здесь часто нарушается устойчивость потребительского поведения. А во-вторых, такие действия могут совершаться в ущерб собственным интересам, только, скорее, не в краткосрочном, а в более продолжительном периоде. Это попытка урегулировать собственные текущие настроения, сопряженная с провалом стратегического (рационального) действия или несоблюдением устойчивой линии поведения [Fenton-O’Creevy, Dibb, Furnham, 2018].

Оговоримся, что импульсивное потребление не стоит считать полностью спонтанным, ведь покупатели не следуют каждому сиюминутному желанию, они в определенной мере избирательны, выхватывая товары, которые ассоциируются с позитивными образами или поддерживают их представления о собственной идентичности. Кроме того, за импульсивным поведением могут скрываться не только переменчивые страсти к разным товарам, но также относительно устойчивые *пристрастия* к определенным товарам (при всей спонтанности такого поведения, покупается отнюдь не все подряд), и импульсивные покупки одних и тех же товаров могут производиться с завидной регулярностью. Внешне незапланированные действия зачастую оказываются вполне ожидаемыми и повторяются раз за разом.

Подобная повторяемость импульсивного поведения поддерживается и всячески стимулируется ритейлерами посредством манипулятивных мерчендайзинговых техник, выверенного размещения товара на магазинных полках, особенно в прикассовых зонах. Их задача — нормализовать импульсивное поведение, сделав его как можно более регулярным. Вдобавок многие новые товары первоначально продвигаются именно за счет импульсивного потребления [Kacen, Lee, 2002], повышенной склонности людей к экспериментированию и к определенной степени риска, связанного с освоением нового [Bashar, Ahmad, Wasiq, 2013]. Но все же в импульсивном потреблении нет полной предопределенности, здесь сохраняется пространство для потребительского выбора (сэкономить деньги или все же купить), поскольку в потребительских практиках абсолютно непреодолимых желаний не существует [Baumeister, 2002].

Дополнительное внимание к импульсивному потреблению было привлечено в связи с бурным развитием *онлайн-шопинга* [Wang et al., 2022; Zhang, Shi, 2022]. Цифровые технологии, позволяющие приобретать товары онлайн в один клик, сильно упростили процесс покупки и, как побочный продукт, стимулируют рост импульсивного потребления, особенно в индустрии моды [Rizki et al., 2022]. Легче стал доступ к товарам, расширился их выбор, повысилась привлекательность презентуемых вещей с улучшением качества фотографий и приложений в целом,

отсутствует прямое социальное давление на покупателя, возникающее при посещении магазинов. Известно, что импульсивные покупки охотнее совершаются, когда покупателя не видит никто из его/ее социального окружения. И онлайн-шопинг помогает снять это ограничение.

Дебаты о пользе и вреде импульсивного потребления продолжаются [Fenton-O’Creevy, Dibb, Furnham, 2018]. Но все сходится на важной опосредующей роли *эмоций*. При этом, в отличие от панического потребления, переполненного негативными эмоциями на всех своих стадиях, импульсивное поведение в самом процессе покупки нередко сопровождается позитивными эмоциями [Kasen, Lee, 2002]. Оно может выступать не только следствием потери самоконтроля, но также способом регулирования собственных настроений, инструментом управления эмоциями, своего рода потребителю терапии [Fenton-O’Creevy, Dibb, Furnham, 2018].

В таком потреблении силен *гедонистический компонент*, связанный с получением немедленного удовольствия в противовес отложенному удовольствию или воздержанию. Причем, удовольствие часто получается от самого процесса приобретения, нежели от обладания вещью или ее использования.

Конечно, не все происходит благостно, нередко здесь возникают *эмоциональные конфликты* [Bashar, Ahmad, Wasiq, 2013], например, между желанием приобрести новую вещь и стремлением к самоконтролю (способностью ограничивать и подавлять собственные желания, противостоять искушениям и соблазнам). Эти конфликты зачастую ведут к чувству вины за потраченные средства и очередное проявление собственной слабости.

Какие факторы способствуют возникновению импульсивного поведения? Начнем с того, что люди в ситуации *эмоционального стресса* склонны ослаблять самоконтроль и позволять себе что-то «лишнее», чтобы чувствовать себя лучше, поднять упавшее настроение. А для кого-то импульсивные покупки становятся действенным лекарством от скуки.

Несомненно, влияет отсутствие привычки к упорядоченным действиям (например, покупки продуктов по фиксированному списку) и навыков ведения учета доходов и расходов. Могут сыграть свою роль *когнитивные ограничения*, когда потребители не знают твердо, что именно они хотят. Добавим еще отсутствие развитых навыков самоконтроля или временное ослабление самоконтроля под воздействием алкоголя или психотропных веществ.

Возникновение импульсивного потребления также может быть связано с *дефицитом волевых усилий*, которые выступают важным элементом рационального действия, понимаемого как устойчивое и последовательное поведение. Импульсивное потребление связано как раз с нарушением этой устойчивости путем потакания собственной слабости, временного отпускания волевых начал, невозможности справиться с сиюминутными желаниями. В этом смысле импульсивное потребление сильно напоминает *детское поведение* с постоянно конфликтующими целями и кратковременными, но в то же время сильными и эмоционально насыщенными желаниями.

Может сказываться и так называемый эффект истощения эго (ego depletion) [Baumeister, 2002], или *эмоционально-волевая усталость*, когда человеку сложнее сопротивляться импульсивным порывам. В целом при нарастающей устало-

сти люди становятся более импульсивными, что, несомненно, проявляется и в потребительских практиках.

С точки зрения психологических свойств личности, в недавних исследованиях демонстрировалась связь импульсивных покупок с элементами «большой пятерки» личностных факторов. В частности, устанавливалось, что чаще вовлечены в импульсивное потребление экстраверты, более расположенные к общению и влиянию со стороны других, и те, кто склонен к невротизму (или нейротизму), то есть эмоциональной неустойчивости и повышенной тревожности, страдает низкой самооценкой [Wang et al., 2022]. В других исследованиях фиксировалась также связь с открытостью новому опыту, в том числе и к товарным новинкам (openness to experience) и склонностью соглашаться с мнением других и таким образом следовать за другими (agreeableness) [Rizki et al., 2022].

Но, конечно, нельзя сводить импульсивное поведение к сугубо психологическим признакам, оно во многом опосредуется или даже формируется *культурными факторами*, которые различаются по разным странам и регионам. Например, утверждалось, что склонность к импульсивному потреблению оказывается выше в индивидуалистических, нежели в коллективистских культурах [Kasen, Lee, 2002]. В то же время в других исследованиях получались обратные результаты — что импульсивное потребление опосредуется скорее коллективистскими установками [Wang et al., 2022]. Здесь еще сохраняется множество открытых вопросов.

В любом случае, помимо индивидуальных качеств, к импульсивному потреблению подталкивает слабость или недейственность социальных норм, заставляющих людей сдерживать собственные порывы (например, не злоупотреблять алкоголем или не есть много сладкого) и неэффективность контроля со стороны других, позволяющего компенсировать недостатки самоконтроля.

Исследователями также давно установлено, что импульсивное потребление опосредуется нормативными оценками в отношении приемлемости или неприемлемости подобных форм поведения, которые, в свою очередь, могут различаться в зависимости от контекста — категории товаров, размера потраченных сумм [Rook, Fisher, 1995]. В итоге даже такие, казалось бы, сугубо эгоистические индивидуальные действия производятся с оглядкой на нормативные представления.

Наконец, важную роль играют в данном случае сети социальных связей. Даже для совершения онлайн-покупок важна степень *социального присутствия* (social presence) [Gefen, Straub, 2004] и межличностного вовлечения во взаимодействие, от которых в немалой степени зависит вероятность совершения импульсивных покупок [Zhang, Shi, 2022].

Компульсивное потребление

Третий из изучаемых нами видов поведения — компульсивное потребление — связано с повторяющимся и слабо контролируемым стремлением к приобретению товаров и услуг, в том числе тех, которые не слишком нужны самому потребителю, для снятия стресса или улучшения настроения [Yurchisin, Johnson, 2004]⁸. Об этом виде потребления нам известно значительно меньше, зачастую оно не отделяется

⁸ В предшествующих исследованиях показывалось, что в компульсивное потребление вовлечено от 2 до 8% респондентов [Ridgeway, Kukar-Kinney, Monroe, 2008].

от импульсивных покупок, хотя имеет существенные отличия. Если импульсивное потребление эмоционально привязано к конкретным объектам (пусть даже эти объекты быстро сменяют друг друга), то компульсивное потребление относительно безразлично к конкретным объектам, хотя и может концентрироваться на определенных категориях товаров (например, одежде, обуви или модных аксессуарах). Удовлетворение (как правило, кратковременное) достигается здесь не от обладания вещью и не от использования ее полезных свойств, в которых зачастую нет выраженной потребности, а от самого *процесса покупок* [O'Quinn, Faber, 1989]. В этом отношении компульсивное потребление отличается, например, от *коллекционирования* как особой формы поведения и скорее сродни *клептомании*, когда основным мотивом выступает сам акт кражи в магазине, а не обладание украденной вещью, которую *клептоман*, как правило, может приобрести обычным путем.

При сравнении с другими видами поведения важно и то, что паническое и импульсивное потребление могут сводиться к разовым актам, а компульсивное потребление предполагает определенную длительность и *повторяемость*, которая является одной из его конституирующих черт. Метафорически импульсивное и компульсивное потребление можно сопоставить как острое и хроническое заболевание [O'Quinn, Faber, 1989]. Но длительность и постоянство не делают компульсивное поведение в полном смысле рациональным в силу того, что нарушается второе условие рациональности — компульсивные покупки часто противоречат собственным интересам потребителя, причем, не только объективно, с точки зрения внешнего наблюдателя, но и на субъективном уровне, когда потребитель осознает ущербность своего поведения, но не может с этим справиться.

Компульсивное потребление в большей степени проистекает из собственно эмоционального состояния. Зачастую это попытка совладать с хроническим стрессом и тревожностью, поднять себе постоянно падающее настроение. По сути, речь идет о разновидности *аддиктивного поведения*, которое при этом не привязано к аддиктивным товарам (алкоголю, табаку или наркотическим средствам). Речь идет об одной из форм потребительской зависимости, нередко называемой на быденном уровне *шопоголизмом*, который может принимать патологические черты, порождая разного рода злоупотребления. Причем, как и в случае с другими формами зависимости, частота такого рода действий со временем может возрасти, и тогда покупатели двигаются вверх по шкале компульсивности своего поведения [Edwards, 1993]. При этом данная зависимость может не осознаваться в результате механизма вытеснения из сознания.

Для ритейлеров такое потребление является благом, они всячески поощряют его, все более активно предлагая схемы потребительского кредитования и разного рода рассрочки платежа в стиле «купи-сейчас-плати-потом» (*buy-now-pay-later*). А для потребителя компульсивное потребление может становиться серьезной проблемой, связанной не только с неостановимым расходом денежных средств, но и с постоянным залезанием в долги, с которыми потом все труднее расплатиться.

Среди трех видов эмоционально нагруженного потребления, компульсивное поведение в наименьшей степени зависит от внешних обстоятельств и в наибольшей степени — от психологического состояния личности, в первую очередь оно сопрягается с *низкой самооценкой* [Yurchisin, Johnson, 2004]. Здесь мы сталки-

ваемся со сложным сочетанием материалистических склонностей и повышенной склонности к фантазиям [O'Quinn, Faber, 1989]. При этом низкая самооценка способна выступать как причиной, так и следствием подобного поведения.

Подобное поведение является также следствием частичной потери самоконтроля [Ridgeway, Kukar-Kinney, Monroe, 2008]. Однако, дело не сводится лишь к психологическим характеристикам человека. Компulsive потребление поддерживается также работой социальных механизмов, связанных с субъективным восприятием *статусных позиций*. Заниженная оценка собственного статуса компенсируется здесь покупкой вещей и услуг, которые призваны повысить эту оценку в глазах окружающих и, главное, в собственных глазах.

Особое объяснение compulsive потребления предлагается в рамках символической теории самодополнения (Symbolic Self-Completion Theory), предложенной в начале 1980-х годов Р. Виклундом и П. Голвицером [Wicklund, Gollwitzer, 1982] на основе символического интеракционализма Дж. Г. Мида. Теория предполагает, что люди стремятся приобрести товары, которые символически связаны с тем, что они воспринимают как идеальное «Я», например, покупают вещи, которые помогают казаться мужественными (для юношей) или женственными (для девушек). Таким образом, речь идет не просто о потакании собственным страстям, но о материалистической ориентации на достраивание самого себя, помогающее человеку самоопределиться в глазах других. Характерно, что, подобно импульсивному потреблению, compulsive покупки нацелены в первую очередь на приобретение одежды, потому что именно одежда, наряду с другими товарами индустрии моды, видится наиболее простым способом отразить социальный статус и выразить свою идентичность [Yurchisin, Johnson, 2004].

Результаты compulsive потребления для покупателя могут быть наиболее суровыми из всех трех видов эмоционально нагруженного потребления, порождая повышенную тревожность и фрустрацию, непреходящее чувство вины, а также сугубо материальные последствия в виде перепотребления и нарастающих задолженностей, которые, в свою очередь, становятся почвой для разногласий в семье и близком окружении [O'Quinn, Faber, 1989]. Таким образом, здесь одновременно возникают негативные финансовые, психологические и социальные последствия.

Негативные последствия подкрепляются явным общественным неодобрением подобных действий, которые более однозначно, нежели в случаях панического и импульсивного потребления, оцениваются как *порок*, получая заведомо негативную моральную оценку. Хотя возможен и другой подход, трактующий подобное поведение как патологическую *болезнь*, психическое расстройство. Речь идет о проявлениях обсессивно-compulsive синдрома или/и расстройства контроля импульсов (impulse-control disorder) [Ridgeway, Kukar-Kinney, Monroe, 2008]. В этом случае мы переходим из области психологии в область психиатрии. Подобный медикалистский подход более снисходителен к compulsive потребителям в моральном отношении, но вряд ли от этого становится лучше.

Основные выводы

Мы рассмотрели три особых вида потребления, в которых эмоциональные побуждения играют доминирующую роль, под их воздействием совершаются

излишние по отношению к текущим потребностям и/или своим финансовым возможностям покупки. Все они разительно отличаются от привычной схемы рационального действия, когда потребитель тщательно собирает информацию о продуктах, а затем выбирает для себя вариант, который наилучшим образом удовлетворяет личные потребности с учетом имеющихся ресурсных ограничений. В эмоционально нагруженном потреблении информация собирается явно неполная или не собирается вовсе, калькуляция издержек не осуществляется или проводится с заведомыми ошибками, а собственные экономические интересы соблюдаются как минимум противоречиво и непоследовательно. Тем не менее такое поведение не стоит сводить к отклонениям от нормы. Оно плотно встроено в рыночную систему, имеет устойчивые психологические и социальные основания, являясь элементом «новой нормальности». Более того, под воздействием внешних шоков (экономических, эпидемиологических или геополитических) такое поведение получает более широкое распространение.

Наряду со многими сходствами, каждый из трех видов эмоционально нагруженного потребления имеет свою специфику. Так, паническое (ажитоажное) потребление — более коллективистское по природе и в большей степени обусловлено внешним контекстом и социальными связями. Компulsive поведение, или шопоголизм, напротив, — максимально индивидуалистическое и психологически обусловленное, хотя и имеет явную социокультурную специфику. А импульсивные покупки в этом отношении находятся между ними. Вдобавок паническое потребление нацелено на товары, необходимые для обеспечения экономической устойчивости домохозяйства, импульсивное потребление фокусируется на конкретных понравившихся товарах, а для compulsive потребления в большей степени важен сам процесс покупки.

Во второй (эмпирической) части статьи, запланированной к публикации в следующем номере журнала, мы сформулируем гипотезы по поводу возможных факторов, которые повышают вероятность возникновения эмоционально нагруженных форм потребления. Далее протестируем эти гипотезы и проанализируем некоторые финансовые следствия эмоционально нагруженного потребления на новых количественных данных, полученных летом 2023 г. на основе репрезентативного опроса российского населения. И, наконец, сформулируем ряд важных выводов в отношении распространенности и обусловленности такого потребления в современной России.

Список литературы (References)

- Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Академический проект, 2011.
Le Bon G. (2011) *Les Lois Psychologiques de l'Évolution des Peuples: La Psychologie des Foules*. Moscow: Academic Project. (In Russ.)
- Радаев В. В. Уроки «финансовых пирамид», или что может сказать экономическая социология о массовом финансовом поведении // Мир России. 2002. Т. 11. № 2. С. 39—70. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/5319> (дата обращения: 26.10.2023).

Radaev V. V. (2002) Lessons of 'Financial Bubbles' or What Is Economic Sociology Able to Say About the Mass Financial Behaviour. *Universe of Russia*. Vol. 11. No. 2. P. 39—70. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/5319> (accessed: 26.10.2023). (In Russ.)

Симонова О. А. Базовые принципы социологии эмоций // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Социология*. 2016. № 4. С. 12—27. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.401>.

Simonova O. A. (2016) Basic Principles the Sociology of Emotions. *Vestnik of St Petersburg University. Series 12. Sociology*. No. 4. P. 12—27. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.401>. (In Russ.)

Фрэнк Р. Страсти в нашем разуме: стратегическая роль эмоций. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2367-4>.

Frank R. H. (2017) *Passions Within Reason: The Strategic Role of the Emotions*. Moscow: HSE Publishing House. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2367-4>. (In Russ.)

Харрис С. Приглашение в социологию эмоций. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2308-7>.

Harris S. (2020) *An Invitation to the Sociology of Emotions*. Moscow: HSE Publishing House. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2308-7>. (In Russ.)

Хиршман А. О. Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма и его триумфа. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012.

Hirschman A. O. (1997) *The Passions and the Interests: Political Arguments for Capitalism before Its Triumph*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (In Russ.)

Хокшильд А. Р. Управляемое сердце: коммерциализация человеческих чувств. М.: Дело, 2019.

Hochschild A. R. (2019) *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. Moscow: Delo. (In Russ.)

Шабанова М. А. Выбрасывание продуктов и практики по «спасению еды» в России (микроуровень анализа) // *Экономическая социология*. 2022. Т. 23. № 1. С. 11—38. URL: https://ecsoc.hse.ru/2022-23-1/annot.html#doc_558052636 (дата обращения: 26.10.2023).

Shabanova M. A. (2022). Throwing Food Away and Food Rescue Practices in Russia (Microlevel Analysis). *Journal of Economic Sociology*. Vol. 23. No. 1. P. 11—38. URL: https://ecsoc.hse.ru/2022-23-1/annot.html#doc_558052636 (accessed: 26.10.2023). (In Russ.)

Bashar A., Ahmad I., Wasiq M. (2013) A Study of Influence of Demographic Factors on Consumer Impulse Buying Behavior. *Journal of Management Research*. Vol. 13. No. 3. P. 145—154.

Baumeister R. F. (2002) Yielding to Temptation: Self-Control Failure, Impulsive Purchasing, and Consumer Behavior. *Journal of Consumer Research*. Vol. 28. P. 670—676. <https://doi.org/10.1086/338209>.

Berezin M. (2005) Emotions and the Economy. In: *The Handbook of Economic Sociology*. Princeton, NJ: Princeton University Press. P. 109—127. <https://doi.org/10.1515/9781400835584.109>.

Billore S., Anisimova T. (2021) Panic Buying Research: A Systematic Literature Review and Future Research Agenda. *International Journal of Consumer Studies*. Vol. 45. P. 777—804. <https://doi.org/10.1111/ijcs.12669>.

Edwards E. A. (1993) Development of a New Scale for Measuring Compulsive Buying Behavior. *Financial Counseling and Planning*. Vol. 4. P. 67—84.

Fenton-O’Creevy M., Dibb S., Furnham A. (2018) Antecedents and Consequences of Chronic Impulsive Buying: Can Impulsive Buying be Understood as Dysfunctional Self-Regulation? *Psychological Marketing*. Vol. 35. P. 175—188. <https://doi.org/10.1002/mar.21078>.

Gefen D., Straub D. W. (2004) Consumer Trust in B2C E-Commerce and the Importance of Social Presence: Experiments in E-Products and E-Services. *Omega*. Vol. 32. No. 6. P. 407—424. <https://doi.org/10.1016/j.omega.2004.01.006>.

Hirshleifer J. (1993) The Affections and the Passions: Their Economic Logic. *Rationality and Society*. Vol. 5. No. 2. P. 185—202. <https://doi.org/10.1177/1043463193005002004>.

Huan C., Park S., Kang J. (2021) Panic Buying: Modeling What Drives it and How it Deteriorates Emotional Well-Being. *Family and Consumer Sciences Research Journal*. Vol. 50. No. 2. P. 150—164. <https://doi.org/10.1111/fcsr.12421>.

Kacen J. J., Lee J. A. (2002) The Influence of Culture on Consumer Impulsive Buying Behavior. *Journal of Consumer Psychology*. Vol. 12. No. 2. P. 163—176.

Kirk C. P., Rifkin L. S. (2020) I’ll Trade You Diamonds for Toilet Paper: Consumer Reacting, Coping and Adapting Behaviors in the COVID—19 Pandemic. *Journal of Business Research*. Vol. 117. P. 124—131. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.05.028>.

Kurnaz A. (2022) The Big Five Personality Traits as Antecedents of Panic Buying. *Marketing and Management of Innovations*. Vol. 3. P. 21—33 <https://doi.org/10.21272/mmi.2022.3-02>.

Lindenmeier J., Hodgessa H-M., Saliterer I. (2021) Drivers of Consumers’ Panic Purchase Behaviour in the COVID-19 Crisis: Validation of an Affective and Cognitive Channel Model. *Journal of Marketing Management*. Vol. 37. No. 17—18. P. 1712—1735. <https://doi.org/10.1080/0267257X.2021.1997290>.

Naeem M., Ozuem W. (2021) Customers’ Social Interactions and Panic Buying Behavior: Insights from Social Media Practices. *Journal of Consumer Behavior*. Vol. 20. P. 1191—1203. <https://doi.org/10.1002/cb.1925>.

Nowak B., Brzóška P., Piotrowski J., Sedikides C., Żemojtel-Piotrowska M., Jonason P. K. (2020) Adaptive and Maladaptive Behavior during the COVID—19 Pandemic: The Roles of Dark Triad Traits, Collective Narcissism, and Health Beliefs. *Personality and Individual Differences*. Vol. 167. P. 110232. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110232>.

- O'Quinn T. C., Faber R.J. (1989) Compulsive Buying: A Phenomenological Exploration. *Journal of Consumer Research*. Vol. 16. P. 147—157. <https://doi.org/10.1086/209204>.
- Piron F. (1991) Defining Impulse Purchasing'. In: Holman R. H., Solomon M. R. (eds.). *Advances in Consumer Research*. Vol. 18. Association for Consumer Research; P. 509—514.
- Prentice C., Quach S., Thaichon P. (2022) Antecedents and Consequences of Panic Buying: The Case of COVID—19. *International Journal of Consumer Studies*. Vol. 46. P. 132—146. <https://doi.org/10.1111/ijcs.12649>.
- Ridgeway N. M., Kukar-Kinney M., Monroe K. B. (2008) An Expanded Conceptualization and a New Measure of Compulsive Buying. *Journal of Consumer Research*. Vol. 35. P. 622—639. <https://doi.org/10.1086/591108>.
- Rizki F. D., Chan A., Barkah C., Tresna P., Firda D. (2022) The Impact of Big Five Personality towards Impulsive Buying Behavior. *International Journal of Entrepreneurship and Business Development*. Vol. 5. No. 2. P. 216—228. <https://doi.org/10.29138/ijebd.v5i2.1733>.
- Rook D. W., Fisher R.J. (1995) Normative Influences on Impulsive Buying Behavior. *Journal of Consumer Research*. Vol. 22. P. 305—313. <https://doi.org/10.1086/209452>.
- Roy D., Tripathy S., Kar S. K., Sharma N., Verma S. K., Kaushal V. (2020) Study of Knowledge, Attitude, Anxiety and Perceived Mental Healthcare Need in Indian Population During COVID—19 Pandemic. *Asian Journal of Psychiatry*. Vol. 51. <https://doi.org/10.1016/j.ajp.2020.102083>.
- Trautwein S., Lindenmeier J. (2019) The Effect of Affective Response to Corporate Social Irresponsibility on Consumer Resistance Behavior: Validation of a Dual-Channel Model. *Journal of Marketing Management*. Vol. 35. No. 3—4. P. 253—276. <https://doi.org/10.1080/0267257X.2019.1568282>.
- Wang Y., Pan J., Xu Y., Luo J., Wu Y. (2022) The Determinants of Impulsive Buying Behavior in Electronic Commerce. *Sustainability*. Vol. 14. P. 1—18. <https://doi.org/10.3390/su14127500>.
- Warde A. (2015) The Sociology of Consumption: Its Recent Development. *Annual Review of Sociology*. Vol. 41. P. 117—134. <http://dx.doi.org/10.1146/annurev-soc-071913-043208>.
- Wicklund R. A., Gollwitzer P. M. (1982) *Symbolic Self-Completion Theory*. Hillsdale, NJ; London: Erlbaum.
- Yurchisin Y., Johnson K K.P. (2004) Compulsive Buying Behavior and Its Relationship to Perceived Social Status Associated with Buying, Materialism, Self-Esteem, and Apparel-Product Involvement. *Family and Consumer Sciences Research Journal*. Vol. 32. No. 3. P. 291—314. <https://doi.org/10.1177/1077727X03261178>.
- Zhang M., Shi G. (2022) Consumers' Impulsive Buying Behavior in Online Shopping Based on the Influence of Social Presence. *Computational Intelligence and Neuroscience*. Vol. 2022. Art. 6794729. P. 1—8. <https://doi.org/10.1155/2022/6794729>.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.5.2413](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2413)

О. Л. Чернозуб, М. Л. Белоножко

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИМПЛИЦИТНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ ГАТО И ИАТ: ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ

Правильная ссылка на статью:

Чернозуб О. Л., Белоножко М. Л. Сравнительный анализ имплицитных измерений ГАТО и ИАТ: единство в многообразии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5. С. 221—239. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2413>.

For citation:

Chernozub O. L., Belonozhko M. L. (2023) Comparative Analysis of Implicit GATA and IAT Measures: Unity in Diversity. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 221–239. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2413>. (In Russ.)

Получено: 11.04.2023. Принято к публикации: 11.09.2023.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИМПЛИЦИТНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ ГАТО И ИАТ: ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ

ЧЕРНОЗУБ Олег Леонидович — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: 9166908616@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5689-8719>

БЕЛОНОЖКО Марина Львовна — доктор социологических наук, зав. кафедрой маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет
E-MAIL: mlb@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>

Аннотация. Статья посвящена анализу результатов методического эксперимента, основанного на сопоставлении результатов измерений тестов Графического ассоциативного теста отношения (ГАТО) и Implicit Association Test (IAT). Оба они претендуют на измерение имплицитного (то есть неосознаваемого) «ментального содержания», и каждый из них имеет определенные проблемы с конструктивной валидностью. Планируя эксперимент, авторы статьи предположили, что совпадение результатов измерений укажет если не на единство, то на некоторую степень сходства предмета измерения тестов, и таким образом будет внесен вклад в концептуализацию предмета измерения каждого из них.

Результаты эксперимента выглядят противоречивыми. С одной стороны, он не выявил никаких фактов, ставящих под сомнение валидность ГАТО

COMPARATIVE ANALYSIS OF IMPLICIT GATA AND IAT MEASURES: UNITY IN DIVERSITY

*Oleg L. CHERNOZUB*¹ — *Cand. Sci. (Soc.), Lead Researcher*
E-MAIL: 9166908616@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5689-8719>

*Marina L. BELONOZHKO*² — *Dr. Sci. (Soc.), Professor, Head of Department of Marketing and Public Administration*
E-MAIL: mlb@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>

¹ Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

² Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Abstract. This article analyses the results of a methodological experiment based on a comparison of the measurement results of the Graphic Association Test of Attitude (GATA) and the Implicit Association Test (IAT). Both tests claim to measure implicit (i.e., nonconscious) “mental content”, and each of the tests has certain problems of construct validity. In designing the experiment, the authors of this study assumed that the concordance of the measurement results would indicate, if not unity, then at least a degree of similarity between the items measured by the two tests and would contribute to the conceptualization of the items measured by each test.

The results of the experiment seem contradictory. On the one hand, it did not reveal any facts that cast doubt on the validity of GATA as an implicit measurement tool. On the other hand, the data obtained indicate that the compared

как инструмента имплицитных измерений. С другой стороны, полученные данные указывают на то, что сравниваемые методики имеют тенденцию диагностировать существенно различающиеся аспекты «ментального содержания». Возникли эмпирические основания предположить, что IAT отображает преимущественно устоявшееся ядро социальной установки, которое в силу рутинизации уже не рефлексивируется, в то время как ГАТО обладает также и способностью улавливать самые первые признаки изменений, которые носят характер имплицитных как раз в силу того, что еще не рефлексивируются.

Ключевые слова: теория социального действия, структурная теория установки, теория двойственной системы, подход рационального действия, теория культурной эволюции, графический ассоциативный тест отношения, тест имплицитного отношения, ГАТО, DST, RAA, IAT

methods tend to diagnose significantly different aspects of “mental content”. There are empirical grounds to assume that IAT reflects mainly the well-established core of the social attitude, which, due to routine, is no longer reflected, while GATA in addition to that could capture the very first signs of changes that are “implicit” precisely because they are not yet reflected.

Keywords: social action theory, structural theory of attitude, dual process, dual system theory, reasoned action approach, theory of cultural evolution, graphical associative test of attitude, DST, RAA, GATA, IAT

Теории «двойственного подхода» и проблемы имплицитных измерений

В предыдущей статье [Chernozub, 2022b] мы обрисовали эпистемологическую ситуацию, сложившуюся в теории социального действия. Несмотря на господство подхода рационального действия (Reasoned Actions Approach — RAA) [Friedman, Savage, 1948; Fishbein, 1967; Rogers, 1975; Janz, Becker, 1984; Bandura, 1986; Ajzen, 1991; Fishbein, Ajzen, 1975; Gibbons et al., 1998; Fishbein, Ajzen, 2011], накапливаются свидетельства того, что детерминантами социального действия являются также и так называемые имплицитные, то есть неосознаваемые актором в таковом качестве в момент совершения действия, факторы [Baumeister, 2002; Goldstein, Gigerenzer, 2002; Kahneman, Frederick, 2002; Shah, Oppenheimer, 2008; Hofmann et al., 2009; Kahneman, 2011; Wood, Bechara, 2014; Thaler, 2015; Chernozub, 2022b]. Теории, разделяющие данное положение, образуют направление, называемое «подходом двойственной системы» (Dual System Theory — DST) [Fazio, 1990, 2007; Kahneman, Frederick, 2002; Gilovich, Griffin, 2002; Strack, Deutsch, 2004; Metcalfe, Mischel, 1999; Strack, Neumann, 2000; Evans, 2008; Greenwald et al., 2009a, 2009b; Perugini, 2005; Perugini, Richetin, Zogmaister, 2010; Roccato, Zogmaister, 2010; Чернозуб, 2018; Chernozub, 2022a, 2022b].

Под «двойственностью» понимается параллельное и часто противоречивое воздействие на процесс эскалации действия осознанных и неосознанных побуждений потенциального актора. С макросоциологической точки зрения первые рассматриваются как результат обдумывания, а вторые — как результат автоматической реализации предписаний социальных норм, или широко понимаемой «культуры» [Auyero, Swistun, 2008; Vaisey, 2009; Martin, 2010; Lizardo, Strand, 2010; Leschziner, 2015, 2019; Leschziner, Green, 2013; Vila-Henninger, 2015; Lizardo et al., 2016; Rivers, Gibbs, Paternoster, 2017]. В микросоциологической перспективе первые рассматриваются как «эксплицитная», а вторые — как «имплицитная» компоненты социальной установки [Rosenberg, 1956; Rosenberg et al., 1960; Smith, 1968; Smith, DeCoster, 2000].

Одним из важных препятствий развитию DST выступает трудоемкость получения данных об имплицитных факторах действия. В то время как для сбора информации о состоянии эксплицитной компоненты установки достаточно задать один или несколько прямых вопросов, выявление ее имплицитной компоненты требует проведения довольно сложных тестов. В идеале — в лабораторных условиях. Успешным примером такого теста является «Имплицитный тест ассоциаций» (Implicit test of attitude — IAT) [Greenwald, McGhee, Schwartz, 1998; Greenwald et al., 2009a, 2022]. Однако проблема трудоемкости его применения остается актуальной.

Снизить барьеры использования методов выявления имплицитного отношения и сделать их доступными для применения в массовых опросах призван Графический ассоциативный тест отношения (ГАТО) [Чернозуб, 2018], который демонстрирует хорошие показатели критериальной валидности [Чернозуб, 2018; Chernozub, 2020, 2022a], но все еще испытывает недостаток свидетельств в отношении конструктивной.

Под критериальной валидностью мы понимаем соответствие значения некоего параметра («критерия»), теоретически предсказанного на основании результатов теста, его фактическому независимо измеренному значению. В отношении как IAT, так и ГАТО подобным критерием выступает социальное действие, которое в соответствии с DST должно находиться под влиянием не только эксплицитных, но и имплицитных факторов.

Под конструктивной валидностью понимается соответствие теоретически предсказанного предмета измерения («конструкта») тому, что фактически отображается измерительным инструментом. Проблема корректного определения конструкта, то есть предмета измерения не только ГАТО и IAT, но и вообще всех инструментов имплицитных измерений, пока далека от решения [Gawronski, Hahn, 2019].

Настоящая статья посвящена представлению и обсуждению результатов предварительной оценки конструктивной валидности ГАТО на основании сопоставления данных его измерений с результатами измерений IAT. Последний тест избран в качестве формально контрольного в силу его наибольшей из всех внутренней валидности (обзор см.: [ibid.]). Мы не ставим перед собой задачи вынесения окончательных суждений о конструктивной валидности ни одного из используемых инструментов, рассматривая ожидаемые результаты в качестве скромного, но необходимого первого шага в направлении системного определения предмета измерений («конструкта») ГАТО.

Планирование и реализация эксперимента

Формальным предметом исследования выступала валентность, то есть общая положительная или отрицательная направленность имплицитной компоненты установки на признание преимущественных способностей мужчин к занятиям «точными науками», а женщин — «свободными искусствами». Таким образом, имплицитная компонента установки была определена формой операционализации теоретически предсказанного конструкта ГАТО — имплицитной компоненты понимаемого в широком смысле «ментального содержания».

Система переменных эксперимента была организована следующим образом.

Expl — индикатор валентности эксплицитной компоненты установки по результатам самоотчета — данным ответов на прямые вопросы «мужчины имеют больше способностей к занятиям наукой, а женщины — к занятиям искусством» и «женщины имеют больше способностей к занятиям наукой, а мужчины — к занятиям искусством».

IAT — индикатор валентности имплицитной компоненты установки по данным IAT.

St(TC) — результат тестирования при помощи ГАТО имплицитной привлекательности утверждения: «мужчины имеют больше способностей к занятиям наукой, а женщины — к занятиям искусством».

St(CC) — результат тестирования при помощи ГАТО имплицитной привлекательности утверждения: «женщины имеют больше способностей к занятиям наукой, а мужчины — к занятиям искусством».

As(MS) — степень ассоциации мужчин с наукой по данным ГАТО.

As(FS) — степень ассоциации женщин с наукой по данным ГАТО.

As(MA) — степень ассоциации мужчин с искусством по данным ГАТО.

As(FA) — степень ассоциации женщин с искусством по данным ГАТО.

Предположительно все индикаторы кроме **Expl** отражают результаты измерения имплицитной компоненты установки, индикатор **Expl** отражает эксплицитную компоненту.

Предполагалось, что данная система переменных позволит сопоставить три вида измерений (эксплицитная компонента, имплицитная по данным IAT и имплицитная по данным ГАТО) и протестировать следующие гипотезы:

H₀1: Непосредственная и опосредованная связь между переменными **IAT** и переменными ГАТО отсутствует.

H₀2: Непосредственная и опосредованная связь между переменными **Expl** и **IAT** отсутствует.

H₀3: Непосредственная и опосредованная связь между переменными **Expl** и переменными ГАТО отсутствует.

Отвержение первой гипотезы и принятие второй и третьей позволило бы сделать вывод о наличии в материалах эксперимента свидетельств конвергентной (для **H₀1**) дивергентной (для **H₀2** и **H₀3**) валидности теста ГАТО.

Методический эксперимент проходил на базе Тюменского индустриального университета с 11 февраля по 20 марта 2023 года под непосредственным руководством зав. кафедрой маркетинга и муниципального управления, доктора социологических наук, профессора М.Л. Белоножка.

В лабораторных условиях компьютерного класса испытуемые сначала проходили тест ГАТО [Чернозуб, 2018], а после его завершения — тест IAT¹. Результаты обоих тестов размещались в единой базе данных.

Всего в ходе полевого этапа эксперимента было протестировано 142 испытуемых. 3 наблюдения были исключены по мотивам неполноты заполнения (отсутствовали данные о результатах прохождения теста IAT). 7 наблюдений были исключены по мотивам наличия признаков скоростного / алгоритмического заполнения.

Таким образом, для дальнейшего анализа был использован массив данных, включающий 132 наблюдения.

Тестирование конвергентной валидности

Конвергентная валидность подразумевает сходство результатов измерений тех инструментов, которые, исходя из теории, должны отражать состояние одного и того же предмета исследования. Если это, действительно, так, то результаты измерений должны оказаться сходными («конвергентными»). Возможные незначительные отличия между этими результатами должны быть доступны объяснению методическими особенностями самих инструментов.

В нашем случае теоретически — предсказанная конвергентность результатов измерений постулируется в отношении результатов измерений ГАТО — IAT и отрицается в отношении результатов каждого из этих тестов и данных самоотчета.

Проверка конвергентной валидности некоторого количества измерений предполагает оценку степени статистической значимости их непосредственных и опосредованных связей. Первая процедура проводилась на основе анализа ковариации и расчета Кронбаха α , вторая — на основе качественной интерпретации результатов факторного анализа, при контроле статистической значимости на основе меры выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина и критерия сферичности Бартлетта. Во всех представляемых материалах их значения находятся в допустимых пределах.

Анализ пригодности применительно к различным сочетаниям переменных ГАТО с переменной IAT показал отсутствие устойчивой, статистически значимой и необъяснимой случайными причинами связи между ними. Это позволяет обоснованно принять гипотезу H_0 ¹ в части непосредственных связей двух рассматриваемых индикаторов. Такие связи не выявлены.

В части анализа опосредованных связей было проведено несколько итераций факторного анализа, основные результаты которого представлены ниже.

Как известно, если общий для всех переменных предмет исследования существует, можно предполагать, что он проявится в виде латентной переменной. В нашем случае, помимо формального подтверждения существования единого предмета измерения для исследуемых индикаторов, такая латентная переменная позволила бы также и более полно охарактеризовать предмет исследования ГАТО в содержательном плане.

Результаты моделирования, полученные для пакета переменных, с включением IAT представлены в таблице 1. Поскольку на данном этапе анализ фокусировал-

¹ Preliminary Information. URL: <https://implicit.harvard.edu/implicit/takeatest.html> (дата обращения: 30.10.2023).

ся на выявлении и характеристике факторов, предположительно опосредующих связи фактически измеренных переменных, использовалось вращение «вари-макс». Количество факторов определено на основании критерия Кайзера $K \geq 1$.

Таблица 1. **Нагрузки факторов для контрольной и шести экспериментальных переменных**

Компонента	1	2	3
Объясненная дисперсия, %	26,2	17,1	15,0
IAT	0,752	0,176	-0,392
St(TC)	-0,011	0,131	0,843
St(CC)	-0,038	0,695	0,201
As(FS)	-0,504	0,370	-0,200
As(MS)	0,696	-0,077	0,130
As(FA)	0,490	-0,294	0,528
As(MA)	-0,059	0,719	-0,130
Мера выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина	0,563		
Критерий сферичности Бартлетта, знач.	0		

Как видно из данных таблицы 2, на основе критерия сравнительного преимущества фактора перед исходными переменными в объяснении дисперсии удается выделить три фактора, объясняющих достаточно большую долю (68,3%) разброса значений исходных переменных.

Самым сильным оказывается первый фактор (26,2% объясненной дисперсии). Он характеризуется положительными нагрузками со стороны исходной переменной **IAT** (0,752), которая является для этого фактора определяющей, а также нагрузками переменных ГАТО **As(MS)** (0,696) и **As(FA)** (0,490). Переменная **As(FS)** имеет довольно высокую отрицательную нагрузку (-0,504).

Таким образом, первая латентная переменная характеризуется одновременным признанием преимущественной связи мужчин с наукой, а женщин — с искусством по данным IAT и имплицитным принятием связи мужчин с наукой, а женщин — с искусствами при выраженном отвержении связи женщин с наукой по данным ГАТО. На основании этих данных рассматриваемый фактор может быть определен как индикатор принадлежности к «традиционной» культуре восприятия гендерных различий в областях науки и искусства.

Два оставшихся фактора принципиально отличаются от первого, так как формируются вокруг переменных имплицитного принятия — отвержения готовых утверждений. Второй фактор может быть определен как выраженное отношение к «контркультуре»: при имплицитном принятии связи между мужчинами и искусством **As(MA)** одновременно отмечается и принятие «контркультурного» утверждения о преимуществах женщин в занятии наукой, а мужчин — в занятии искусством **St(TC)**. Третий фактор аналогичным образом выражает отношение к «традиционной» культуре: при имплицитном принятии утверждения о преимуществах мужчин

в занятиях наукой, а женщин — в занятиях искусством St(CC) для данного фактора характерно также и наличие достаточно сильной ассоциации женщин с искусством **As(FA)**.

С учетом выраженного разделения свойств переменных ГАТО по типам была предпринята попытка построить факторную модель на основе только переменной **IAT** и переменных ГАТО типа **As**. Полученные результаты представлены в таблице 2. Приоритет контрастности факторов, вращение «варимакс», количество факторов определены на основании критерия Кайзера $K \geq 1$.

Таблица 2. **Нагрузки факторов для контрольной и четырех экспериментальных переменных по результатам вращения «варимакс»**

	1	2
Объясненная дисперсия	35,2	21,6
IAT	0,072	0,812
As(FS)	0,584	-0,325
As(MS)	-0,261	0,688
As(FA)	-0,749	0,214
As(MA)	0,735	0,198
Мера выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина	0,632	
Критерий сферичности Бартлетта, знач.	0	

Как видно из приводимых данных, структура факторов заметно упрощается, и только два фактора демонстрируют способность объяснить большую долю дисперсии, чем любая отдельно взятая исходная переменная.

На первом месте оказывается фактор, который может быть определен как проекция установок «контркультуры». Для него характерно при отрицании приоритетности занятий искусством для женщин (-0,749) принятие такой приоритетности для мужчин (0,735), что происходит на фоне весьма высокого уровня признания приоритетности науки для женщин (0,584).

Характерно, что при явно высоком значении этого фактора индикатор **IAT** практически полностью нейтрален ему. Данное явление, по крайней мере применительно к опрошенной совокупности и по крайней мере в отношении интегральной шкалы IAT, может рассматриваться как признак ее относительно слабой чувствительности в области высоких (соответствующих имплицитному принятию установок «контркультуры») значений. С точки зрения задач анализа конструктивной валидности индикаторов ГАТО данный вывод имеет определенное значение, так как подобная относительно низкая чувствительность по сути половины шкалы может в какой-то части объяснять слабость непосредственных связей между индикаторами IAT и ГАТО.

Второй фактор может быть определен как проекция установок «традиционной» культуры, что выражается в принадлежности к полюсу шкалы **IAT**, соответствующему автоматической ассоциации мужчин с наукой, а женщин — с искусством

(0,812), при одновременном ассоциировании мужчин — с наукой (0,688), и при не очень высоком, но заметном отвержении возможности аналогичной ассоциации для женщин (–0,325) по данным ГАТО.

Таким образом, представленные данные не позволяют принять гипотезу H_01 в части наличия опосредованных связей. Данные связи обнаруживаются при весьма высоких уровнях статистической значимости, демонстрируют устойчивость и воспроизводятся в различных сочетаниях исходных индикаторов. При этом латентная переменная, опосредующая выявленные связи, убедительно интерпретируется, а ее онтология полностью соответствует теоретически предсказанной.

Тестирование дивергентной валидности

В отличие от конвергентной, дивергентная валидность предполагает подтверждение теоретически предсказанного отсутствия сходства между теми результатами измерений, которые, в соответствии с теорией, отображают состояние различных предметов исследования.

В нашем случае предполагается, что дивергентная валидность будет подтверждена в отношении измерений ГАТО и ИАТ посредством установления их ортогональности измерениям самоотчетов **Expl**.

Непосредственные связи переменной **Expl** с переменными, предположительно измеряющими имплицитную компоненту установки, обнаружены не были. Это дает основания принять гипотезы H_02 и H_03 в части подтверждения отсутствия непосредственных связей.

В отношении области опосредованных связей выводы оказываются не настолько однозначными. Результаты расширения построенной ранее факторной модели на основе включения в нее переменной **Expl** представлены в таблице 3. Приоритет контрастности факторов, вращение «варимакс», количество факторов определены на основании критерия Кайзера $K \geq 1$.

Таблица 3. **Нагрузки факторов для переменной эксплицитной компоненты установки и экспериментальных переменных.**

Компонента	1	2	3
Объясненная дисперсия, %	26,331	16,706	15,626
Expl	0,091	0,736	0,345
St(TC)	–0,051	0,048	0,856
St(CC)	0,167	–0,769	0,295
As(FS)	0,674	–0,121	–0,022
As(MS)	–0,411	0,374	0,263
As(FA)	–0,756	–0,092	0,328
As(MA)	0,632	–0,044	0,245
Мера выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина	0,595		
Критерий сферичности Бартлетта, знач.	0		

Результаты представленного анализа показывают, что интеграция переменной эксплицитного отношения приводит к существенной перестройке факторов. Прежде всего, со значительным отрывом в объеме объясненной дисперсии (26,3%) выделяется фактор, который можно определить как принятие «контркультуры»: мужчины (0,632), а не женщины (−0,756) ассоциируются с искусством, в то время как ассоциации с наукой прямо противоположные (−0,411 и 0,674 соответственно). Оставшиеся два фактора формируются вокруг переменной **Expl**. Первый из них отражает аспект эксплицитного принятия/отвержения «традиционной» культуры через имплицитное противопоставление ее «контркультуре» (**Expl** = 0,736; **St(CC)** = −0,769). Второй — аспект согласованного принятия/отвержения «традиционной» культуры как на эксплицитном (**Expl** = 0,345), так и на имплицитном уровне (**St(TC)** = 0,856).

Таким образом, модель, основанная на использовании имплицитных переменных ГАТО, демонстрирует признаки относительной неустойчивости. Однако происходящие в ней изменения являются предсказуемыми и связаны с уже отмечавшейся ранее спецификой измерения переменных ГАТО типа **St** и **As**. По характеру своих взаимосвязей переменные типа **St** ожидаемо оказываются ближе к переменной эксплицитного измерения **Expl**, в то время как переменные типа **As** образуют относительно замкнутую группу. Данное явление может интерпретироваться как свидетельство относительно большей схожести предметов измерения переменных типа **St** и **Expl** при наличии у них выраженных отличий от предмета измерений переменных типа **As**. Это дает основания рассматривать предмет измерения индикаторов типа **As** как более соответствующие теоретическому конструкту в части именно имплицитных аспектов его природы.

Принимая во внимание данное обстоятельство, рассмотрим взаимодействие результатов всех четырех типов измерений, отображаемых переменными **Expl**, **IAT**, ГАТО типа **St**, и ГАТО типа **As**.

Соответствующие данные представлены в таблице 4. Приоритет контрастности факторов, вращение «варимакс», количество факторов определены на основании критерия Кайзера $K \geq 1$.

Таблица 4. **Нагрузки факторов для переменной эксплицитной компоненты установки, контрольной и всех экспериментальных переменных**

Компонента	1	2	3	4
Объясненная дисперсия, %	23,942	15,226	14,435	13,07
Expl	0,166	0,398	0,389	−0,590
IAT	−0,023	0,839	−0,251	0,026
St(TC)	−0,084	−0,095	0,913	0,011
St(CC)	0,161	0,028	0,101	0,866
As(FS)	0,630	−0,256	−0,016	0,045
As(MS)	−0,302	0,592	0,200	−0,141
As(FA)	−0,742	0,190	0,282	0,138
As(MA)	0,682	0,211	0,163	0,243
Мера выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина				0,553
Критерий сферичности Бартлетта, знач.				0

Результаты интеграции в факторную модель переменной **IAT** приводят к дальнейшей дифференциации факторов, что находит свое выражение в выделении сразу четырех главных компонент, каждая из которых объясняет большую долю дисперсии, чем ближайшая к ним по этому параметру физически измерявшаяся переменная. Весте с тем и в этом случае также проявляет себя фундаментальная устойчивость модели, которая выражается в иерархическом характере образовавшейся системы факторов.

Как видно из данных таблицы 4, выделенные факторы распадаются на две группы. Компоненты 1 и 2 образуют группу факторов, образовавшихся на основе общности дисперсии переменных, лучше объясняющих выбор респондентов с точки зрения имплицитных факторов.

Компоненты 3 и 4 объединяют переменные, в значительно большей степени использующие для подобного объяснения факторы эксплицитного характера. Это выражается в том, что, с одной стороны, данная группа явным образом образует-ся вокруг имплицитного отношения к утверждениям, отражающим установки «традиционной» (**St(TC)** = 0,913) и «контркультуры» (**St(CC)** = 0,866), а с другой — имеет наибольшую для этой переменной нагрузку со стороны **Expl** (–0,590). В силу данного обстоятельства дальнейший детальный анализ этих факторов в контексте задач настоящего исследования представляется избыточным.

Если обратится к первой группе факторов, то мы обнаружим, что внутри нее наиболее сильный фактор (23,9% объясненной дисперсии) образуется взаимодействием переменных ГАТО типа **As**. Содержательно он определяет отношение респондентов к «контркультуре». Второй фактор первой группы формируется вокруг переменной **IAT** (0,839), при поддержке объяснения его дисперсии со стороны наиболее однозначной для восприятия переменной типа **As** — ассоциации мужчин с наукой (0,592). Также этот фактор имеет некоторую нагрузку со стороны переменной эксплицитного отношения **Expl** (0,398).

Последнее позволяет предположить, что измерения **IAT**, при прочих равных, в относительно меньшей степени ортогональны измерениям эксплицитного отношения, чем сопоставимые результаты ГАТО. Данное наблюдение представляется весьма важным с точки зрения задач оценки конструктивной валидности ГАТО.

Рассмотрим его на материалах агрегированных данных, где основные компоненты тестируемой модели представлены переменными:

Expl (претендует на объяснение эксплицитного отношения);

IAT (претендует на объяснение имплицитного отношения);

AS (претендует на объяснение имплицитного отношения).

Новый параметр модели **AS** представляет собой суммативную переменную всех четырех переменных типа **As**, полученную путем сложения значений последних так, чтобы «4» соответствовало полюсу принятия «традиционной» / отвержения «контркультуры», а «32» — полюсу принятия «контркультуры» / отвержения «традиционной».

Соответствующие данные представлены в таблице 5. Приоритет контрастности переменных, вращение «квартимакс», количество факторов определены на основании критерия Кайзера $K \geq 1$.

Таблица 5. **Нагрузки факторов для переменных фундаментальных факторов объяснительной модели**

Компонента	1	2
Объясненная дисперсия, %	44,027	29,859
Expl	0,027	0,930
IAT	0,576	0,449
AS	0,901	-0,082
Мера выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина	0,558	
Критерий сферичности Бартлетта, знач.	0,02	

Результаты анализа укрупненных факторов оказываются довольно показательными. Все пространство признаков распадается на два фактора. Первый из них определяется преимущественно системой ассоциаций, выявленной по данным ГАТО (0,901), и уверенно может быть интерпретирован как фактор, объясняющий имплицитное отношение. Второй фактор почти полностью определяется переменной **Expl** (0,930). Это позволяет интерпретировать его как фактор, объясняющий эксплицитное отношение.

В этой системе переменная **IAT** занимает промежуточное положение. Ее нагрузка на фактор имплицитного отношения довольно высока (0,576), но по своему масштабу близка нагрузке на фактор эксплицитного отношения (0,449).

Это не позволяет принять гипотезу **H₀₂**, но позволяет принять гипотезу **H₀₃** в части опосредованных связей.

В целом же рассмотренные в этом разделе данные позволяют сделать следующие выводы.

Вся совокупность как прямых (эксплицитных), так и косвенных (имплицитных) измерений образует согласованную систему, позволяющую предполагать некоторое единство источника свойств объекта исследования, измеряемых рассматриваемыми индикаторами. С точки зрения структурной теории установки таким источником может определяться социальная установка, единство которой проявляется для ее согласованных состояний.

Вместе с тем при очевидной связанности результатов измерения отмечаются и существенные различия между ними. Прежде всего между эксплицитными измерениями Expl и измерениями ГАТО. С точки зрения структурной теории установки такие различия могут интерпретироваться как свидетельство ортогональности эксплицитной и имплицитной компонент установки, выражающееся в состояниях рассогласованности последней.

Использованные переменные образуют устойчивую последовательность: ГАТО тип As — IAT — ГАТО тип St — Expl, где левый полюс последовательности имеет тенденцию лучше объяснять имплицитные, а правый — эксплицитные компоненты установки.

Выводы

Принято считать, что содержательно конструктивная валидность может определяться с точки зрения трех основных параметров.

— Избирательности, то есть способности инструмента измерения отсекаать воздействия посторонних, не входящих в «конструкт» свойств объекта изучения.

— Точности, то есть способности инструмента измерения фиксировать динамику состояний исследуемых свойств объекта пропорционально отражая их фактические изменения.

— Чувствительности, то есть способности инструмента измерения улавливать относительно небольшие изменения исследуемых свойств объекта.

Рассмотрим полученные в ходе методического эксперимента данные в контексте этих аспектов анализа конструктивной валидности.

С точки зрения избирательности по итогам проведенного исследования мы обладаем информацией о характере и степенях сходства и различий в поведении результатов четырех типов использовавшихся измерений (ГАТО тип **As**, **IAT**, ГАТО тип **St**, **Expl**). Индикаторы ГАТО, **IAT** и прямые эксплицитные вопросы самоотчетов изначально рассматривались как потенциально ортогональные. Выделение измерений ГАТО типа **St** произошло уже в ходе анализа полученных данных на основе выводов о характере связей его переменных со всеми другими.

Главным выводом в части избирательности является вывод о том, что все эти индикаторы по форме отображения состояния объекта исследования существенно различаются, это выражается в практически полном отсутствии непосредственных связей между ними. При этом наиболее устойчивые различия зафиксированы между переменными типа **As**, **AS** и переменной **Expl**. Это позволяет сделать вывод о высокой степени избирательности измерений ГАТО типа **As**, обеспечивающих устойчивое отсеечение эффектов эксплицитного характера, которые в проведенном исследовании были представлены переменными **Expl** и в какой-то степени — типом **St**.

Избирательность индикатора **IAT** в рассматриваемом контексте оказалась несколько ниже. Данное наблюдение в целом подтверждает сделанные ранее выводы об относительно низкой ортогональности данных **IAT** и данных эксплицитных измерений [Roccato, Zogmaister, 2010].

Все это позволяет сделать вывод о том, что для конкретных условий и для конкретной выборки методического эксперимента *индикатор ГАТО в варианте As показал лучшую по сравнению с IAT избирательность в части отсеечения эффектов эксплицитного характера.*

Вместе с тем по характеру связей с латентными переменными, по данным факторного анализа, интерпретируемым как близкие к конструкту «имплицитная компонента установки», поведение переменных типа **As** и переменной **IAT** оказываются сходными. Это, с учетом упомянутых выше ограничений, позволяет сделать вывод, что с точки зрения конвергентной валидности *индикаторы ГАТО типа As и IAT демонстрируют высокую степень сходства, что позволяет предполагать единство измеряемого ими предмета исследования.*

Индикаторы ГАТО типа **St** обнаруживают меньшую степень сходства своих результатов с результатами **IAT**, что не позволяет однозначно признать их валидность

исследуемому конструкту. Причиной данной ситуации наиболее вероятно является развернутый и структурно сложный характер вербальной части стимульного материала в заданиях теста типа **St**.

С точки зрения точности измерений материалы проведенного исследования предоставляют возможность предполагать относительно более высокую точность индикатора **IAT** в области тех значений шкалы, которые отражают устоявшиеся и хорошо интериоризированные установки «традиционной» культуры. Индикаторы ГАТО типа **As**, напротив, демонстрируют способность более точно отображать состояние имплицитного отношения в области установок «контркультуры» в интерпретации IAT, представленных противоположным значением ее шкалы. На основании этого и с учетом всех ограничивающих условий мы делаем вывод, что *на полученных материалах невозможно сделать однозначный вывод о сравнительной точности измерений ГАТО и IAT*.

Потенциально такой вывод может быть получен на основе сопоставления результатов измерения обоих методов и реального поведения респондентов. В ходе проведенного исследования предполагалось, что поведенческим критерием оценки качества индикаторов в данной области выступит профиль образования, который выбрали участники эксперимента. Однако существенных различий в этом отношении обнаружить не удалось.

Оценка чувствительности рассматриваемых индикаторов выглядит более определенной, так как они проявили выраженные и устойчивые различия в части отображения зависимости формирования реакции респондентов как функции от принятия/отвержения установок «традиционной» культуры (преимущественно IAT) или принятия/отвержения установок «контркультуры» (преимущественно ГАТО типа **As**). На основании полученных данных, со всем необходимыми оговорками, мы можем утверждать, что рассмотренные индикаторы продемонстрировали различную чувствительность для различных участков своих (интегральных) шкал: *чувствительность IAT выглядит относительно более высокой в части идентификации состояний имплицитного принятия/отвержения установок «традиционной» культуры, в то время как ГАТО типа As демонстрирует аналогичное качество применительно к «контркультуре»*.

Данное различие убедительно интерпретируется с позиции DST — подхода теории «культурной эволюции». Наличие признаков относительно большей близости измерений IAT к аналогичным измерениям эксплицитного характера дает основания предполагать, что IAT фиксирует глубоко интериоризированные установки, оказавшиеся на очень глубоком имплицитном уровне уже просто соматических реакций, в результате продолжительно рутинизации. В этом смысле, если мы говорим не о рефлексах типа рептильного комплекса, а именно о социальных установках, можно предположить, что та «имплицитная» составляющая, которую выявляет IAT, — это закрепившиеся в импульсивной системе отражения социальных воздействий, многократно прошедших путь обработки рефлексивной системой. Иными словами, это закрепившиеся отпечатки картины прошлого, которые с точки зрения теории «культурной эволюции» могут отражать, а могут и не отражать положение дел в настоящем.

Результаты измерений ГАТО типа **As**, напротив, обнаруживают способность улавливать еще неуверенные и непосредственно себя никак не проявляющие

воздействия, направленные на изменение установок «традиционной» культуры. Причина присутствия их признаков в пределах импульсивной системы и отсутствия в рефлексивной заключается в том, что данные воздействия еще не рефлексированы. В отличие от регистрируемых IAT воздействий, которые переместились в сферу действия импульсивной системы, поскольку в силу рутинизации уже не рефлексированы. Вполне очевидно, что активация рефлексивной системы во втором случае связана с намного менее высокими барьерами [Fazio, Olson, 2014], что мы и наблюдаем, обнаруживая на материалах нашего исследования не определяющее, но заметное сходство в поведении индикаторов IAT и Expt.

Заключение

Подводя итоги обзора результатов анализа конвергентности индикаторов ГАТО и IAT, мы можем заключить, что на материалах данного конкретного исследования не обнаружено никаких фактов, ставящих под сомнение конструктивную валидность измерений ГАТО. Напротив, при достаточно высоких показателях статистической надежности рассмотренных моделей каждая из них позволила обнаружить уверенную параллельную связь индикатора IAT с одной стороны, и некоторых индикаторов ГАТО — с другой, с целой группой взаимосвязанных между собой латентных переменных, надежно определяемых как имплицитные компоненты различных частных установок в пределах рассматриваемого институционального домена.

В отношении данных переменных устанавливается, что они являются устойчивыми и уверенно обнаруживаются при различном количестве и различных сочетаниях исходных переменных факторных моделей. Содержательно эти переменные интерпретируются как имплицитное приятие/отвержение «традиционной» и «контркультуры» или, в терминах структурной теории установки, как «имплицитные компоненты» соответствующих установок.

Таким образом, на материалах методического эксперимента обнаруживается способность как измерений ГАТО, так и измерений IAT характеризовать объект исследования с точки зрения валентности имплицитной компоненты его установок в отношении заданных внешних объектов.

Вместе с тем результаты измерений ГАТО и IAT, являясь в определенной мере сходными, не идентичны. Выявленные различия заключаются в неодинаковой способности диагностировать имплицитные эффекты, порождаемые процессами формирования установки в одном случае и процессами рутинного использования уже интериоризированной установки — в другом.

Последнее обстоятельство может рассматриваться как указание на пределы эффективной применимости каждого из методов, где, в макросоциальном плане, наиболее вероятно, что IAT будет иметь преимущество в выявлении состоявшихся, а ГАТО — нарождающихся культурных изменений. Если это так, то с точки зрения прогнозирования IAT может быть определен как скорее «запаздывающий», а ГАТО — как «опережающий» индикатор динамики состава и характера воздействия имплицитных факторов, определяющих будущее социальное действие.

Список литературы (References)

- Чернозуб О. Л. (2018) Выявление аффективной компоненты электоральной установки: создание и валидизация графического ассоциативного теста отношения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. No 3. С. 3—28. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.01>
- Chernozub O. L. (2018) Affective Components of Electoral Behavior: Design and Validity of Visual Association Test of Attitude. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 3—28. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.01>.
- Ajzen I. (1991) The Theory of Planned Behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. Vol. 50. No. 2. P. 179—211.
- Auyero J., Swiston D. (2008) The Social Production of Toxic Uncertainty. *American Sociological Review*. Vol. 73. P. 357—379.
- Bandura A. (1986). *Social Foundations of Thought and Action: A Social Cognitive Theory*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall.
- Baumeister R. (2002) Yielding to Temptation: Self-Control Failure, Impulsive Purchasing, and Consumer Behavior. *Journal of Consumer Research*. Vol. 28. No. 4. P. 670—676.
- Chernozub O. L. (2020) Implicit Factors and Voting Behaviour Inconsistency: From Theoretical Concept to Empirical Phenomenon. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 17—40. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1584>.
- Chernozub O. L. (2022a) The Two-Component Model of Behavior Factors: Evidences of Orthogonality of Explicit and Implicit Factors. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 22. No. 1. P. 70—83. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-1-70-83>.
- Chernozub O. L. (2022b) Theory of (Un)Planned Behavior? How our behavioral predictions suffer from “unplanned” actions. *The Russian Sociological Review*. Vol. 21. No. 4. P. 82—105. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-4-82-105>.
- Evans J. (2008) Dual-Processing Accounts of Reasoning, Judgment, and Social Cognition. *Annual Review of Psychology*. Vol. 59. P. 255—278. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.59.103006.093629>.
- Fazio R. (1990). The Role of Attitudes in Memory-Based Decision Making. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 59. No. 4. P. 614—22. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.59.4.614>.
- Fazio R. (2007) Attitudes as Object-Evaluation Associations of Varying Strength. *Social Cognition*. Vol. 25. No. 5. P. 603—637. <https://doi.org/10.1521/soco.2007.25.5.603>.
- Fazio R., Olson M. (2014) The MODE Model: Attitude-Behavior Processes as a Function of Motivation and Opportunity. In: *Dual Process Theories of the Social Mind*. New York: Guilford Press. P. 155—171.
- Fishbein M. (1967). Attitude and the Prediction of Behavior. In: *Readings in Attitude Theory and Measurement*. New York: Wiley. P. 477—492.

Fishbein M., Ajzen I. (1975) *Belief, Attitude, Intention, and Behavior: An Introduction to Theory and Research*. Reading, MA: Addison-Wesley.

Fishbein M., Ajzen I. (2011) *Predicting and Changing Behavior: The Reasoned Action Approach*. New York, NY: Psychology Press.

Friedman M., Savage L.J. (1948) Utility Analysis of Choices Involving Risk. *Journal of Political Economy*. Vol. 56. No. 4. P. 279—304.

Gawronski B., Hahn A. (2019) Implicit Measures: Procedures, Use, and Interpretation. In: H. Blanton, J. M. LaCroix, G. D. Webster (eds.) *Foundations of Social Psychological Measurement*. New York, NY: Taylor & Francis. P. 29—55.

Gibbons F., Gerrard M., Blanton H., Russell D. (1998) Reasoned Action and Social Reaction: Willingness and Intention as Independent Predictors of Health Risk. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 74. No. 5. P. 1164—1180. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.74.5.1164>.

Gilovich T., Griffin D. (2002) Introduction — Heuristics and Biases: Then and Now. In: T. Gilovich, D. Griffin, D. Kahneman (eds.) *Heuristic and Biases: The Psychology of Intuitive Judgment*. New York, NY: Cambridge University Press. P. 1—18.

Goldstein D., Gigerenzer G. (2002) Models of Ecological Rationality: The Recognition Heuristic. *Psychological Review*. Vol. 109. No. 1. P. 75—90. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.109.1.75>.

Greenwald A., McGhee D. E., Schwartz J. L. K. (1998) Measuring Individual Differences in Implicit Cognition: The Implicit Association Test. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 74. No. 6. P. 1464—1480.

Greenwald A. G., Poehlman T. A., Uhlmann E. L., Banaji M. R. (2009a). Understanding and Using the Implicit Association Test: Iii. Meta-Analysis of Predictive Validity. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 97. No. 1. P. 17—41.

Greenwald A. G., Smith C. T., Sriram N., Bar-Anan Y., Nosek B. A. (2009b) Implicit Race Attitudes Predicted Vote in the 2008 U. S. Presidential Election. *Analyses of Social Issues and Public Policy*. Vol. 9. No. 1. P. 241—253. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1111/j.1530-2415.2009.01195.x>.

Greenwald A. G., Brendl M., Cai H. et al. (2022) Best Research Practices for Using the Implicit Association Test. *Behavior Research Methods*. Vol. 54. No. 1161—1180. <https://doi.org/10.3758/s13428-021-01624-3>.

Hofmann W., Friese M., Strack F. (2009) Impulse and Self-Control from a Dual-Systems Perspective. *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 4. No. 2. P. 162—176.

Janz N., Becker M. (1984) The Health Belief Model: A Decade Later. *Health Education & Behavior*. Vol. 11. No. 1. P. 1—47. <https://doi.org/10.1177/109019818401100101>.

Kahneman D., Frederick S. (2002) Representativeness Revisited: Attribute Substitution in Intuitive Judgment. In: T. Gilovich, D. Griffin, D. Kahneman (eds.) *Heuristic and Biases: The Psychology of Intuitive Judgment*. New York, NY: Cambridge University Press. P. 49—81.

- Kahneman D. (2011) *Thinking, Fast and Slow*. New York, NY: Farrar, Straus and Giroux.
- Leschziner V. (2015) *At the Chef's Table: Culinary Creativity in Elite Restaurants*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Leschziner V. (2019) Dual-Process Models in Sociology. In: H. B. Wayne, G. Ignatow (eds.) *The Oxford Handbook of Cognitive Sociology*. Oxford Handbooks. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190273385.013.10>.
- Leschziner V., Green A. (2013) Thinking about Food and Sex: Deliberate Cognition in the Routine Practices of a Field. *Sociological Theory*. Vol. 31. No. 2. P. 116—144. <https://doi.org/10.1177/0735275113489806>.
- Lizardo O., Mowry R., Sepulvado B., Stoltz D., Taylor M., Van Ness J., et al. (2016) What Are Dual Process Models? Implications for Cultural Analysis in Sociology. *Sociological Theory*. Vol. 34. No. 4. P. 287—310. <https://doi.org/10.1177/0735275116675900>.
- Lizardo O., Strand M. (2010) Skills, Toolkits, Contexts and Institutions: Clarifying the Relationship between Different Approaches to Cognition in Cultural Sociology. *Poetics*. Vol. 38. No. 2. P. 205—228. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2009.11.003>.
- Martin J. (2010) Life's a Beach but You're an Ant, and Other Unwelcome News for the Sociology of Culture. *Poetics*. Vol. 38. No. 2. P. 229—244. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2009.11.004>.
- Metcalfe J., Mischel W. (1999) A Hot/Cool-System Analysis of Delay of Gratification: Dynamics of Willpower. *Psychological Review*. Vol. 106. No. 1. P. 3—19. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.106.1.3>.
- Perugini M. (2005) Predictive Models of Implicit and Explicit Attitudes. *British Journal of Social Psychology*. Vol. 44. No. 1. P. 29—45. <https://doi.org/10.1348/014466604X23491>.
- Perugini M., Richetin J., Zogmaister C. (2010) Prediction of Behavior. In: *Handbook of Implicit Social Cognition: Measurement, Theory, and Applications*. New York, NY: Guilford Press. P. 255—278.
- Rivers L., Gibbs C., Paternoster R. (2017) Integrating Criminological and Decision Research Theory: Implications for Understanding and Addressing Crime in Marginalized Communities. *Deviant Behavior*. Vol. 38. No. 1. P. 74—93. <https://doi.org/10.1080/01639625.2016.1196948>.
- Roccatto M., Zogmaister C. (2010) Predicting the Vote through Implicit and Explicit Attitudes: A Field Research. *Political Psychology*. Vol. 31. No. 2. P. 249—274. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9221.2009.00751.x>.
- Rogers R. (1975) A Protection Motivation Theory of Fear Appeals and Attitude Change. *The Journal of Psychology*. Vol. 91. No. 1. P. 93—114. <https://doi.org/10.1080/00223980.1975.9915803>.
- Rosenberg M. J. (1956) Cognitive Structure and Attitudinal Affect. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. Vol. 53. No. 3. P. 367—372. <https://doi.org/10.1037/h0044579>.

Rosenberg M. J., Hovland C. I., McGuire W. J., Abelson R. P., Brehm J. W. (1960). *Attitude Organization and Change: An Analysis of Consistency among Attitude Components*. (Yales Studies in Attitude and Communication). Oxford: Yale University Press.

Shah A. K., Oppenheimer D. M. (2008) Heuristics Made Easy: An Effort-Reduction Framework. *Psychological Bulletin*. Vol. 134. No. 2. P. 207—222. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.134.2.207>.

Smith M. B. (1968) Attitude Change. In: D. L. Sills (ed.) *International Encyclopedia of the Social Sciences*. New York, NY: Macmillan, Free Press.

Smith E. R., DeCoster J. (2000) Dual-Process Models in Social and Cognitive Psychology: Conceptual Integration and Links to Underlying Memory Systems. *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 4. No. 2. P. 108—131. https://doi.org/10.1207/S15327957PSPR0402_01.

Strack F., Deutsch R. (2004) Reflective and Impulsive Determinants of Social Behavior. *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 8. No. 3. P. 220—247.

Strack F., Neumann R. (2000) Furrowing the Brow May Undermine Perceived Fame: The Role of Facial Feedback in Judgments of Celebrity. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 26. No. 7. P. 762—768.

Thaler R. H. (2015) *Misbehaving: The Making of Behavioral Economics*. New York, NY: W. W. Norton & Company.

Vaisey S. (2009) Motivation and Justification: A Dual-Process Model of Culture in Action. *American Journal of Sociology*. Vol. 114. No. 6. P. 1675—1715.

Vila-Henninger L. (2015) Toward Defining the Causal Role of Consciousness: Using Models of Memory and Moral Judgment from Cognitive Neuroscience to Expand the Sociological Dual-Process Model. *Journal for the Theory of Social Behaviour*. Vol. 45. No. 2. P. 238—260.

Wood S., Bechara A. (2014) The Neuroscience of Dual (And Triple) System in Decision Making. In: V. Reyna, V. Zayas (eds.) *The Neuroscience of Risky Decision Making*. Washington, DC: American Psychological Association. P. 177—202.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.5.2420](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2420)

К. В. Дукельская, О. Р. Михайлова

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕБКАМ-МОДЕЛИНГА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ РЫНКА СЕКС-УСЛУГ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Правильная ссылка на статью:

Дукельская К. В., Михайлова О. Р. Социологические исследования вебкам-моделинга в условиях цифровизации рынка секс-услуг: теоретический обзор // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5. С. 240—261. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2420>.

For citation:

Dukelskaia K. V., Mikhaylova O. R. (2023) Sociological Studies of Webcam Modeling in the Context of Digitalization of the Sex Services Market: A Theoretical Review. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 240—261. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2420>. (In Russ.)

Получено: 21.04.2023. Принято к публикации: 03.10.2023.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕБКАМ-МОДЕЛИНГА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ РЫНКА СЕКС-УСЛУГ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

ДУКЕЛЬСКАЯ Ксения Владимировна — независимый исследователь, Москва, Россия
E-MAIL: k.dukalis@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0005-3824-8110>

МИХАЙЛОВА Оксана Рудольфовна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры анализа социальных институтов департамента социологии факультета социальных наук, научный сотрудник Центра исследований современного детства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: oxanamikhailova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-0236-6992>

Аннотация. В статье приведен мета-нарративный обзор актуальных зарубежных исследований цифровизации секс-работы. По мере распространения социальных медиа и электронных платформ массовых коммуникаций социальные и экономические взаимодействия все чаще осуществляются в цифровом пространстве. Секс-работа в значительной мере испытала на себе влияние цифровизации, а пандемия COVID—19 еще более усилила эти тенденции. Однако научных работ, посвященных переходу секс-работы на цифровые платформы, не очень много, а в России их почти нет. Представленный обзор не только обрисовывает исследовательское поле, чтобы создать базис для дальнейшего изучения этого феномена, но и предлагает классификацию статей по социологическим па-

SOCIOLOGICAL STUDIES OF WEBCAM MODELING IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF THE SEX SERVICES MARKET: A THEORETICAL REVIEW

*Kseniia V. DUKELSKAIA*¹ — Independent Researcher
E-MAIL: k.dukalis@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0005-3824-8110>

*Oxana R. MIKHAYLOVA*² — Cand. Sci. (Soc.), Senior Lecturer at the Department for Social Institutions Analysis of the School of Sociology; Research Fellow at the Centre for Modern Childhood Research
E-MAIL: oxanamikhailova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-0236-6992>

¹ Moscow, Russia

² HSE University, Moscow, Russia

Abstract. This article provides a meta-narrative review of current research on the sex work digitalization. With the spread of social media and electronic mass communication platforms, social and economic interactions have been increasingly realized in the digital space. Sex work, being at the intersection of the social and economic spheres, has been heavily influenced by digitalization, especially after the recent COVID-19 pandemic. However, there are not very many articles on transition of sex work to digital platforms (almost none in Russia). This review not only outlines the research field in order to create a basis for further studies of this phenomenon, but it also offers a classification of articles based on their theoretical approaches, providing a better understanding of the results of empirical research.

радикалам для лучшего понимания результатов эмпирических исследований.

Ключевые слова: секс-работа, цифровизация, вебкам-моделлинг, цифровые технологии, социальные медиа

Keywords: sex work, digitalization, webcam-modeling, digital technologies, social media,

Повсеместное распространение и проникновение во все области общественной жизни цифровых платформ массовой коммуникации, известное как цифровизация, становится предметом пристального внимания социальных ученых [Miele, Tirabeni, 2020; Shevchuk et al., 2021]. В особенности можно выделить интерес к экономике, так как цифровизация меняет рынок труда и структуру потребления: работать теперь можно из любой точки мира, увеличивается количество онлайн-контента и онлайн-услуг. Одной из сфер, которую непосредственно затронула цифровизация экономики, является рынок секс-услуг [Hail-Jares, Oselin, 2022].

В фокусе данной статьи находится переход секс-работы в цифровую среду, однако отметим, что термин «секс-работа» — зонтичный [Sawicki et al., 2019], он не обозначает конкретный эмпирический феномен [Musto et al., 2015]. Это же можно отнести к более распространенному в обыденном языке понятию «проституция». Мы будем рассматривать секс-работу как труд или некоторое экономическое соглашение, которое предполагает обмен сексуализированных услуг на материальное вознаграждение [Sawicki et al., 2019]. Важно отметить, что секс-работа — это сложное и неоднозначное социальное явление, которое к тому же отличается высоким разнообразием видов и форм (см. табл. 1). К сексуализированным услугам, или секс-услугам, можно отнести вебкам-моделлинг, стриптиз, эротический массаж и т. д. [Sawicki et al., 2019]. При этом существуют категории работников, непосредственно связанных с секс-индустрией, чья работа не предполагает коммерциализацию собственной телесности, то есть их труд не сексуализирован. К таким можно отнести менеджеров, сутенеров, режиссеров порно и т. д. В этой статье мы не будем относить такой труд к секс-работе.

Таблица 1. **Виды оказания сексуализированных услуг**

Вид секс-работы	Определение
Прямая	Вид секс-работы, который предполагает вступление в половой акт за материальное вознаграждение (уличная проституция, эскорт, бордели).
Непрямая	Вид секс-работы, при котором могут отсутствовать физические сексуальные отношения с клиентом, секс является дополнительной услугой, за которую клиент доплачивает (массаж, эротический танец, услуги гейши).

Источник: [Harcourt, Donovan, 2005].

Исследовательское поле секс-работы отличается высокой степенью противоречивости и фрагментированности, что связано с эмоциональной заряженностью и моральной амбивалентностью темы. Подобная специфика темы хорошо заметна из словесных конструкций, которыми оперируют авторы научных статей в рам-

На примере статьи М. Русаковой можно выделить проблему, с которой сталкиваются социальные ученые при обзоре исследовательского поля: современная социология предлагает разные теоретические ориентации, что часто приводит к так называемому коммуникативному тупику [Девятко, 2003]. Авторы эмпирических исследований формулируют разные выводы, так как прибегают к разным способам концептуализации и объяснения данных. Поэтому остается неясным, как сопоставлять исследования, использующие разные языки описания. Из-за этого с конца XX века социальная наука занята метатеоретизированием — попыткой выявить и определить парадигмальные рамки социологических теорий. Можно вспомнить, например, классификацию социологических традиций Р. Коллинза [Коллинз, 2009] или анализ социологических программ исследования тела А. Пивоварова [Пивоваров, 2019]. И. Девятко на основе классификаций социологических моделей объяснения Дж. Александера и Дж. Ритцера предлагает четыре парадигмы социологической науки: натурализм, функционализм, структурализм и интерпретативизм (см. табл. 2). Каждая социологическая модель объяснения предполагает свои нормативные, методологические и содержательно-теоретические стандарты, а также концептуальный аппарат и требования к эмпирическим данным [Девятко, 2003]. Иначе говоря, методы и результаты (интерпретации) конкретных собранных данных зависят от того, с какой объяснительной моделью (и, как следствие, с какой парадигмой) работает автор.

Таблица 2. **Классификация социологических парадигм И. Девятко [Девятко, 2003]**

	Социологические парадигмы	Ключевая проблема	Основные представители
Объективизм / материализм	Натурализм	Инструментальная рациональность	А. Маршалл, В. Парето, Дж. Хоманс, П. Блау
	Структурализм	Структура	К. Маркс, Ф. Энгельс, К. Леви-Стросс П. Бурдьё
Субъективизм / идеализм	Интерпретативизм	Деятельность	М. Вебер, Г. Зиммель, Э. Гидденс, М. Эмирбайер
	Функционализм	Система	Э. Дюркгейм, Н. Луман, Т. Парсонс

При проведении как самих исследований, так и их обзоров авторы должны определять, в рамках какой парадигмы они работают, какую модель объяснения используют. Однако в данном обзоре мы не будем ограничиваться отдельными социологическими традициями, а включим в обзор существующую метатеорию. Для этого используем классификацию, представленную И. Девятко (см. табл. 2).

В связи с вышесказанным актуальность данной статьи связана:

- с малым количеством исследований секс-работы в российской академической среде;

- высокой общественной значимостью цифровизации рынка секс-услуг;
- теоретической гетерогенностью исследовательского поля, включающего разные языки описания и способы интерпретации эмпирических данных.

Статья начинается с методологии, затем мы предоставляем результаты распределения академических работ, посвященных цифровизации рынка секс-услуг, по социологическим парадигмам И. Девятко. В заключении подводим итоги проделанной работы.

Методология

Существуют различные виды цифровых секс-услуг, однако в данном обзоре мы сосредоточились на статьях, затрагивающих вебкам-моделлинг, или вебкаминг (используется также сокращенный вариант «вебкам»), так как именно ему посвящена значительная часть актуальных исследований по теме (см. табл. 3). Вебкам-моделлинг можно определить как непрямую форму секс-работы в интернете [Henry, Parvid, 2017]. Вебкам-модели используют прямые эфиры для эротических перформансов [Bleakley, 2014]. Как правило, вебкам-моделлинг осуществляется индивидуальным актором через специализированные сайты. Распространение и популярность вебкам-моделлинга можно связать не только с высоким уровнем проникновения платформ социальных сетей с жизнь пользователей¹, но и с недавней пандемией COVID—19 [Rubattu et al., 2023]. Используя электронную базу «Google Scholar», мы выявили, что существует свыше тысячи статей, посвященных вебкамингу как форме секс-работы или затрагивающих его.

В обзор мы включаем также работы, которые исследуют вебкам-моделлинг в совокупности с другими видами онлайн-секс-работы. При этом публикации, сосредоточенные, например, на секс-чатах в мессенджерах или на работе сервисов с подписками, были исключены. Важно отметить, что многие авторы используют термины «цифровая секс-работа» или «онлайн-секс-работа», не уточняя, о каком конкретно виде секс-услуг идет речь. В связи с этим при отборе статей мы обращали внимание, о каких цифровых платформах для оказания секс-услуг пишут авторы и чем именно занимаются респонденты, подходит ли их работа под определение вебкама.

Таблица 3. **Количество англоязычных публикаций, посвященных цифровым типам секс-работы до 2022 г. на основе поисковых запросов в «Google Scholar»**

Тип секс-работы	Количество упоминаний в публикациях
Вебкам-моделлинг	1260
Платформы с подпиской (OnlyFans, FanCentro, etc.)	1120
Мессенджеры	590
Доминатрикс (онлайн)*	590

* Доминатрикс — женщина, которая контролирует своего партнера и причиняет ему боль во время сексуального акта с целью доставить партнеру сексуальное удовольствие. См.: The Britannica Dictionary. 2023. URL: <https://www.britannica.com/dictionary/dominatrix> (дата обращения: 27.10.2023).

¹ Number of Social Media Users Worldwide from 2017 to 2027 // Statista. 2023. 13 Feb. URL: <https://www.statista.com/statistics/278414/number-of-worldwide-social-network-users> (дата обращения: 16.03.2023).

Мы отобрали 80 публикаций, которые удовлетворяют следующим критериям:

- 1) были опубликованы в рецензируемых журналах (включая двухуровневое рецензирование);
- 2) написаны на английском языке (значительная часть публикаций в рецензируемых журналах написана на английском, так как это универсальный язык научной коммуникации);
- 3) вышли в свет в последние десять лет (2013—2023 гг.);
- 4) опираются на социологическую теорию: написаны социологами, публикуются в журналах по социологии и/или используют социологические методы исследования (качественные, количественные или смешанные).

Последний пункт необходим, так как мы распределяем отобранные публикации по социологическим парадигмам в зависимости от используемых авторами моделей объяснения. При этом мы понимаем, что зачастую современные исследования в социальных науках осуществляются междисциплинарно.

Для выявления и анализа подходов обозреваемых статей мы обратились к метанарративному обзору (или метанарративному синтезу, что, видимо, одно и то же [Wong, 2013]). Метанарративный обзор позволяет обрисовать часто противоречивое исследовательское поле через выявление объяснительных моделей и/или парадигм, с которыми работают авторы. Такой обзор является формой нарративного [Greenhalgh et al., 2018], поэтому его не стоит путать со статистическим метаанализом, а потому ставит целью критическое осмысление влияния эпистемических традиций на результаты исследований. Будучи относительно новым методом синтеза исследований, метанарративный обзор встречается редко, поэтому практически отсутствуют четкие рекомендации по реализации такого типа обзора. Тем не менее существует шесть основополагающих принципов его осуществления: 1) прагматизм, 2) плюрализм, 3) историчность, 4) борьба, 5) рефлексия, 6) рецензирование [Greenhalgh et al., 2005].

В соответствии с первыми тремя принципами в качестве классификации социологических парадигм мы используем схему И. Девятко (см. табл. 2). Классификация Девятко основана на значительном теоретическом базисе: классифицируемые модели объяснения — это разработанные социологические теории, каждая из которых имеет свою историческую традицию. Предложенные парадигмы различны в способах сбора, описания и объяснения социальных данных, что позволяет отобрать статьи с конфликтующими выводами.

Нарративные исследования предполагают в первую очередь чтение и интерпретацию существующих исследований, а потому для них важен принцип рефлексии: мы осознаем, что отбор статей может быть пристрастным [Wong, 2013; Greenhalgh et al., 2018]. Однако, с нашей точки зрения, нарративные обзоры лучше подходят для работы с идеями и концептами, что важно для морально и политически заряженных тем исследования (к которым, несомненно, относится секс-работа). Принцип рецензирования реализуется по мере подготовки работы к публикации: 1) обзор осуществляется двумя авторами с разной констелляцией социально-демографических признаков, жизненного опыта и прочих особенностей идентичности; 2) обзор проходит рецензирование рецензентами журнала.

После отбора статей, которые соответствуют указанным выше критериям новизны, языка, качества, методов и перспективы, мы разделили их в соответствии с социологическими парадигмами (см. табл. 2). Авторы статей, как правило, не указывают, с какой парадигмой они работают или каким образом происходила интерпретация собранных данных (вероятно, потому что не отрефлексовали свой подход), поэтому мы будем анализировать теоретические основания, язык описания и полученные результаты. Обзор и интерпретация отдельных статей внутри выявленной модели позволят выявить слабые и сильные стороны каждой социологической парадигмы, продемонстрировать влияние исторически сложившихся традиций на полученные результаты. Все вместе это продемонстрирует актуальное состояние исследований вебкаминга в исследовательском социологическом поле.

Результаты теоретической классификации современных исследований

Отобранные публикации были распределены по социологическим парадигмам (см. табл. 2).

Натурализм

Натурализм как способ теоретической ориентации восходит к этико-философской концепции утилитаризма, классиками которого можно считать И. Бентама и Дж. С. Милля. С их точки зрения индивид стремится к повышению собственного благосостояния, то есть его действия мотивированы пользой для себя. В этом смысле социальные акторы рациональны и действуют, исходя из представлений о благе (пользе). Так как натурализм предполагает общность методов естественных и социальных наук, социологи могут вывести единый объяснительный закон, который можно проверить эмпирически. Иначе говоря, так как агенты в одной и той же ситуации действуют рационально, их действия можно предугадать: объяснение и предсказание симметричны [Девятко, 2003].

Примером натуралистической модели объяснения в социологии может служить теория социального обмена П. Блау. Опираясь на работы антропологов, изучающих обмен дарами в примитивных обществах (в первую очередь на работы М. Мосса), Блау предложил разделять экономический и социальный виды обмена [Blau, 1964]. Тогда как экономический обмен, то есть разного рода экономические сделки, предлагает точный расчет стоимости обмениваемых товаров или услуг, социальный обмен создает отношения «долга» между участниками обмена. Социальный обмен предполагает разного вида социальную помощь: советы, консультации, услуги в трудной ситуации и т. д. Хотя Блау строго разделяет социальный и экономический виды обмена, он использует экономические термины, концептуализируя ситуации социального обмена как транзакции, а сами социальные «дары» — как инвестиции. В этом смысле социальный актор Блау, по сути, и есть homo economicus Дж. С. Милля [Милль, 2007], поскольку действует из эгоистических побуждений ради достижения наибольшей пользы для себя. Последователь теории социального обмена Р. Эмерсон развивает тезисы Блау: социальные взаимодействия могут быть интерпретированы как обмены ресурсами между субъектами социальных отношений, однако акторы должны учитывать существующие в обществе альтернативы [Emerson, 1962]. С точки зрения Эмерсона, со-

циальные взаимодействия обусловлены личным интересом сторон, находящихся в состоянии «взаимной зависимости».

Авторы, работающие с натуралистическими моделями объяснения, опираются на независимость и разумность субъектов, вовлеченных в социальные отношения. Акторы выбирают наиболее выигрышные для себя варианты, то есть действуют рационально. Важно отметить, что социальные теории последних лет, на которые повлияли постмодернистские философские концепции, как правило, рассматривают субъектность как в соотношении с часто иррациональными желаниями и мотивациями, так и в историческом, социальном и политическом контексте. Именно по этой причине, как нам кажется, в исследованиях секс-работы натуралистская парадигма встречается реже в сравнении с оставшимися тремя. Тем не менее, натуралистическая парадигма, как нам кажется, хорошо подходит для объяснения перехода секс-работников в цифровую среду из соображений физической и экономической безопасности. Описание взаимодействия секс-работников с клиентами и друг с другом также могут быть рассмотрены через оптику социального обмена.

С. Каннингем, Т. Сандерс и их соавторы рассматривают секс-услуги, которые оказываются в интернете без личного взаимодействия с клиентами, что и демаркирует секс-услуги в цифровой среде (англ. «internet based») [Cunningham et al., 2017]. Многие «обычные» секс-работницы используют цифровые технологии для связи с клиентами или для обеспечения своей безопасности (например, делятся геопозицией с доверенными лицами [Campbell et al., 2018]), работая при этом прямо (англ. direct) (см. табл. 1). В статье С. Каннингема и его соавторов представлена таблица, поясняющая, какие цифровые формы секс-работы рассматриваются в исследовании: вебкаминг, секс по телефону с использованием мессенджеров, подписка на сервисы и т. д. Авторы исследования напрямую связывают цифровизацию секс-услуг, во-первых, с большей безопасностью: в цифровой среде протитуированные персоны не сталкиваются напрямую с физическим и сексуальным насилием, они могут действовать анонимно и не зависеть от «третьих лиц» (менеджеров, сутенеров и т. д.). Во-вторых, с экономической свободой, так как цифровые технологии обеспечивают самостоятельность социальных акторов. Большая экономическая свобода способствует повышению заработка, что предполагает большую экономическую безопасность. Более того, цифровые технологии позволяют увеличивать узнаваемость, медиаприсутствие и социальный капитал работников секс-индустрии.

Как мы видим, в статье секс-работники рассматриваются как рациональные агенты, действующие исходя из максимизации пользы для себя: переход в цифровую среду мотивирован повышением экономического состояния, физической безопасностью и свободой действия. При этом авторы не отрицают, что онлайн-форма секс-работы может быть опасна для протитуированных персон.

Другая работа, вызывающая интерес в рамках натуралистической парадигмы, посвящена влиянию пандемии COVID—19 на цифровизацию секс-услуг в Мехико [Motterle, 2023]. Хотя статья посвящена онлайн-секс-работе в целом, при отборе респондентов исследовательница обращается к стриминговым сервисам для вебкама (Cam4, Chaturbate). Именно поэтому основу работы составляет опыт

вебкам-моделей (англ. «webcam girls»). Исследование Л. Моттерль представляет собой иллюстрацию теории социального обмена.

Как мы отметили выше, П. Блау рассматривает формы взаимопомощи как инвестиции в социальные связи [Blau, 1964]. Он пишет, что формами социального обмена могут выступать бесплатные консультации и советы, которые создают пространство доверия между социальными акторами. Благодаря таким «социальным инвестициям» агенты повышают не только свой авторитет в среде, но и могут рассчитывать на вознаграждение в будущем. Так, в статье указано, что более опытные секс-работники консультировали менее опытных, помогая им с освоением интернет-среды. Переход в цифровую среду предполагает не только навыки владения онлайн-технологиями и понимание алгоритмов работы, но и знание протоколов личной безопасности, что требует обучения. Кроме того, некоторые секс-работники обеспечивали друг друга пространством для работы (так как многие живут с семьями или не имеют стабильного выхода в интернет), тем самым укрепляя отношения с коллегами. Включаясь в отношения социального обмена с другими секс-работниками, можно было получить «вознаграждение» в виде информации или даже материальной помощи [Motterle, 2023].

Натуралистические модели объяснения исходят из установки, что существует универсальное рациональное действие, максимизирующее благо для актора, а значит, поведение социальных агентов предсказуемо. Так, в обеих представленных статьях делается акцент на рациональном действии агентов, которые исходят из экономической выгоды и физической безопасности для себя. Их действия оказываются «прозрачными», ненагруженными внешним контекстом, а мотивации просты и понятны. При этом, хотя в рамках натуралистической парадигмы социальный мир рассматривается как объективно данный, предшествующий индивидам (см. табл. 2), функционирование общественных институтов, их влияние на формирование субъекта социального действия не объясняются.

Структурализм

Структурализм, возникший изначально из структурной лингвистики Ф. де Соссюра, — это междисциплинарная модель объяснения, отправной точкой которой служит неявная упорядоченность языковых практик, взаимодействий и отношений. Структуралистский подход предполагает поиск объясняющих поступки людей «скрытых» детерминант, которые заложены в самой структуре общества независимо от субъектности индивидов [Девятко, 2003: 76—77].

Классическим примером структуралистского подхода является исторический материализм К. Маркса и Ф. Энгельса, которые рассматривали общество через призму борьбы классов. Классы как структурные элементы обществ предшествуют субъектности самих социальных акторов, а потому социальные действия не могут быть объяснены через внутренние мотивации индивидов. Маркс и Энгельс даже само сознание субъекта определяли как общественный продукт: сущность человека — это сумма производительных сил, капиталов и социальных форм общения [Маркс, Энгельс, 1988: 37]. В «сильном» варианте структуралистские модели объяснения все социальные процессы редуцируют к объективно существующим образованиям. Каждый социальный актор уже включен в сложноорганизованную

структуру, которая определяет его действия, а значит, индивид не может быть понят, только дешифрован. Как пишет Девятко, любое структурное объяснение — всегда семиотическое [Девятко, 2003], а потому постструктуралистские теории можно рассматривать как последовательное развитие структуралистских.

В современной социологической теории «сильные» варианты структуралистских объяснений встречаются все реже: сложность и многообразие социального мира оказывается невозможно редуцировать до одного феномена. Постструктуралистские теории позволяют объяснить действия индивида на основе историчности структур знания, власти и языка, но при этом с учетом его интенциональности. Так, для М. Фуко субъект формируется дискурсивно, хотя и действует самостоятельно: человек не может существовать вне контекста (исторического, политического и социального), что тем не менее не лишает его свободы выбора [Фуко, 2006]. Отношения власти пронизывают все социальные структуры, институты и взаимодействия, и человек выступает одновременно субъектом и объектом дисциплинирующих практик [Foucault, 1982]. Таким образом, мы можем рассматривать, как общественные структуры — например, рыночные в условиях капиталистического общества, — влияют на поведение людей, на их выбор жизненных стратегий. Сексуальность и желание человека в этом смысле тоже оказываются включены во властные дисциплинирующие отношения, внутри которых какие-то практики формируются как запретные и постыдные, а какие-то как разрешенные и желательные.

В этом смысле интересна работа, посвященная вебкам-моделingu в Южной Корее [Lee, 2021]. Исследование ставит вопрос, каким образом цензура влияет на предоставление и потребление секс-услуг в онлайн-пространстве и какие социокультурные последствия это несет для представлений о женской сексуальности в Южной Корее. В данной статье вебкам-моделинг рассматривается как форма порнографического взаимодействия между индивидами, происходящего в режиме реального времени: именно живой контакт с аудиторией отличает вебкам-моделинг от традиционной порнографии, которая представляет собой записи сексуального акта, зачастую снятые и смонтированные профессионалами. Автор работы утверждает, что цензура всех форм порнографического контента, свойственная Южной Корее, приводит к двум основным последствиям.

Во-первых, сексуальная привлекательность вебкам-моделей, по результатам исследования, растет тем больше, чем более недоступными и запрещенными становятся эротические онлайн-перформансы. Как указывает исследовательница, цензура порнографического контента приводит к его большему распространению, так как феномен недоступности повышает интерес пользователей. Нелегальный контент воспринимается как более интересный, а сексуальность и опасность оказываются объединены символически. Во-вторых, смысловое соединение представления о женской сексуальности и «нелегальном статусе» женщин, оказывающих цифровые секс-услуги, может провоцировать рост реального сексуализированного насилия над женщинами.

Следующая статья, которой можно проиллюстрировать структуралистский подход, рассматривает цифровизацию секс-услуг в Великобритании [Hardy, Barbagallo, 2021]. Авторы интересуются, каким образом капиталистические рыночные структу-

ры влияют на онлайн-рынок секс-работы. В работе исследуется крупнейшая платформа для оказания цифровых сексуальных услуг в Соединенном Королевстве «Adultwork». Платформа работает по принципу социальных сетей, где пользователи, оказывающие сексуализированные услуги, могут самостоятельно производить контент [Кастельс, 1999]. Хотя сама платформа не «владеет» секс-работниками и не производит контент, она привлекает миллионы пользователей по всему миру и, как следствие, все большее количество секс-работников. В связи с увеличением количества пользователей и отсутствием конкурентных платформ, «Adultwork» работает как монополия: секс-работники не могут перейти на другую платформу. А при таком разнообразии контента секс-работникам, которые оказывают услуги с помощью «Adultwork», становится сложнее привлечь новых клиентов. В условиях растущей конкуренции сексуальные практики становятся все менее безопасными, так как это способ заинтересовать и удержать клиента. Сама платформа при этом не отвечает за здоровье работников, ведь является исключительно посредником между покупателями и продавцами сексуальных услуг. Авторы приходят к выводу, что секс-работники оказываются в экономически незащищенной ситуации, так как не могут рассчитывать на поддержку со стороны каких-либо общественных институтов: они не обеспечиваются социальными гарантиями ни на государственном уровне, ни со стороны платформ, которые зарабатывают на эротическом контенте. Структуралистские модели объяснения в социологии редуцируют общественные феномены и взаимодействия до некоторых объективно данных структур, которые формируют человека и влияют на принятые им решения, как правило неявно. Структурализм как междисциплинарный подход стремится к поиску скрытых детерминант, «расшифровывая» социальные практики через контекст. Как мы видим, авторы статей объясняли действия секс-работников и их клиентов через смысловые связки и установки, укорененные в социокультурном, историческом и/или экономическом полях. При этом важно отметить, что структурализм часто обезличивает секс-работников — так как люди всегда подчинены логике производства или встроенным в культуру дисциплинирующим отношениям, — не давая исследователям возможности проинтерпретировать их личные стремления и мотивации.

Интерпретативизм

У истоков интерпретативной модели объяснения находится «понимающая социология» М. Вебера и «философия жизни» Г. Зиммеля, последователя неокантианской традиции [Девятко, 2003: 72—73]. «Понимающая социология» Вебера основывалась на понимании побуждений и мотивов, обуславливающих действия акторов. Социальные действия, по мнению Вебера, всегда целесообразны и сделаны для кого-то, на показ; в основе социальных действий лежит взаимодействие агентов [Вебер, 2021]. Для «философии жизни», иррационалистического течения европейской мысли, которое развивалось под влиянием романтизма и идей А. Шопенгауэра [Левит, 2019], было свойственно воспринимать познание, или постижение, жизни как интуитивный динамический процесс, направляемый человеческой волей. Для Зиммеля человек всегда субъектен, но не всегда рационален, а потому поведение социального актора не может быть сведено ни к объ-

ективным социальным структурам, явным или нет, ни к функции общественных институтов. Социальный мир создается целенаправленной человеческой деятельностью — он есть результат и продолжение человеческой субъектности [Демятко, 2003: 74]. Именно поэтому для социологов, которые работают в рамках интерпретативистского подхода, наиболее важно понимание внутренних мотиваций индивидов.

В этом смысле примечательна статья исследовательницы секс-работы А. Джонс, которая для своего исследования опросила секс-работниц, занимающихся веб-кам-моделингом, относительно опасности и удовольствия (англ. *pleasure*) от их работы [Jones, 2016].

Как отмечает сама Джонс, социальные ученые, включая феминистских теоретиков, которые занимаются гендерными проблемами, по-разному воспринимают секс-работу. Перспектива авторов влияет на концептуализацию секс-работы: секс-услуги могут рассматриваться и как сексуальная и гендерная эксплуатация, и как способ утвердить собственный контроль над телом (англ. *empowerment*). Однако, как правило, авторы, которые выбирают или одну, или другую перспективу, не учитывают мнения самих секс-работников, имеющих разный, часто популярный опыт работы и взаимодействия с клиентами. В качестве альтернативы Джонс предлагает «полиморфную парадигму», или «полиморфный подход», согласно которому нет одного общего опыта персон, вовлеченных в проституцию. Таким образом, ученая сосредотачивается не на поиске универсальной детерминанты, которая обуславливала бы социальные взаимодействия между клиентами и секс-работниками, а на переживаниях, мотивах и целях самих персон, которые принимают решения, исходя из своей субъектности. Работая в рамках интерпретативизма, Джонс вводит в фокус своего внимания понятие *«emotional management»*, что можно перевести как «распоряжение эмоциями» или «регулирование эмоций». Исследовательницу интересует, каким образом секс-работницы могут обезопасить себя эмоционально. Один из способов — создание «онлайн-персоны», личности, которая конструируется специально для эротических перформансов и общения с клиентами. Более того, Джонс указывает, что некоторые секс-работницы (в статье речь идет о женщинах, вовлеченных в секс-работу) ограничивают зоны тела, доступные для съемки веб-камерой, или устанавливают границы допустимых сексуальных практик. Это позволяет создать внутренний психологический барьер, чтобы лучше справиться с эмоциональной нагрузкой, которую предполагает онлайн-секс-работа.

К похожему выводу относительно цифровизации секс-работы приходят Кэмпбелл и соавторы: тогда как переход в онлайн часто рассматривается как рациональная стратегия, позволяющая физически обезопасить себя, реальный опыт проституированных персон может отличаться от выводов социальных ученых [Campbell et al., 2018]. Как и писала Джонс, цифровая среда предполагает новые виды насилия и угроз, с которыми сталкиваются секс-работники. Более того, хотя цифровая форма секс-работы юридически часто находится в серой зоне, а потому не является нелегальной формой деятельности, стратегии безопасности работающих онлайн-секс-работников все равно не предполагают обращения к государственным структурам, например полиции. При этом личные ощущения недоверия

могут не совпадать с реальностью, так как обращение к полиции нередко оказываются эффективным способом решения проблемы.

Интерпретативизм помогает лучше понять как личные мотивы секс-работников при переходе их сферы деятельности в цифровую среду, так и стратегии, которые они применяют для утверждения собственной безопасности на онлайн-платформах. Например, каким образом секс-работники заботятся о собственном ментальном здоровье или как выстраивают личные отношения с клиентами. Исследователи отмечают, что секс-работники могут руководствоваться советами друг друга или «внутренним чутьем», что позволяет прояснять только интерпретативистские модели объяснения. Однако проблема данной парадигмы заключается в том, что с ее помощью нельзя проанализировать секс-работу как общественное явление, которое оказывается тесно связанным с различными социальными институтами (например, секс-работа является способом заработка для маргинализированных и бедных слоев населения, фактором формирования представлений о сексуальности и привлекательности и т. д.).

Функционализм

Как социологическая модель объяснения функционализм восходит к работам классиков социологии Г. Спенсера и Э. Дюркгейма [Девятко, 2003: 74—76]. Функционализм — это теоретико-методологический подход, который рассматривает общество и общественные институты как единое целое, все части которого имеют собственную функцию. В этом смысле общественная система всегда стремится к поддержанию порядка: обществу внутренне свойственна стабильность. В условиях предзаданного социального действия акторов не понимаются, как это было с интерпретативизмом, а объясняются через функциональные механизмы — иначе говоря, социальные взаимодействия лучше всего объясняются функционально. Так, Спенсер, основатель органической школы социологии, проводил параллель между биологическими и общественными законами. Общество представляет собой органически развивающуюся экосистему, где каждое общественно значимое явление служит для стабилизации и укрепления социума [Спенсер, 2013]. Тогда как ранние работы социологов-функционалистов можно связать исключительно с телеологическими объяснениями, которые были направлены на объяснение общества через упорядочивание, более поздние теоретики, например Р. К. Мертон, работали с причинностью общественных дисфункций. С точки зрения Мертона, общественные институты могут мешать эффективной работе друг и друга: накапливаемое таким образом напряжение ведет к дисфункциональности социума, что приводит к фундаментальным изменениям в структуре [Мертон, 1994: 401—406]. Мертон также известен выделением латентных функций социальных явлений и институтов: с его точки зрения, для общества важны не только явные социальные функции, но и скрытые [Мертон, 1994: 414].

Функциональный подход позволяет прояснить, почему мы можем отнести цифровые услуги, которые осуществляются непрямо и без непосредственного физического контакта с клиентом, к секс-работе. Так, любая секс-работа предполагает коммодификацию телесности [Крупец, Нартова, 2010], которая оказывается объектом сексуального желания, а потому эротические перформансы выполня-

ют те же функции удовлетворения сексуального интереса, что и «классическая проституция». И в этом смысле работа онлайн-платформ для вебкам-моделинга позволяет клиентам получать относительно дешевый доступ к сексуализированному телу, что объясняет их растущую популярность. По такому же принципу секс-работа может рассматриваться именно как *работа* (англ. labour), даже если она не является основным источником заработка и не предполагает долгосрочных контрактов с обязательствами между сторонами, включенными в рабочие отношения. В особенности такая оптика валидна в условиях изменения рынка труда: социологи Н. ван Дуурн и О. Вельтиус в своей работе обращают внимание на распространение коротких временных услуг (англ. «gigs») среди работников, которых не нанимают на постоянной основе. Тогда как контрактная долгосрочная работа с полным страховым обеспечением встречается всё реже, как следствие растёт социальное напряжение и появляется необходимость в альтернативных видах занятости. Безопасность, в том числе экономическая, социальных агентов находится в конфликте с рыночными механизмами. В таких условиях вебкам оказывается работой с низким порогом входа, которая позволяет работницам и работникам экономически обезопасить себя. А для уже вовлеченных в проституцию персон переход на цифровые платформы является способом обеспечить экономическую независимость [van Doorn, Velthuis, 2018].

Повышение количества контента создает конкуренцию, из-за чего для достижения «успеха» вебкам-модели рассчитывают на более экспериментальный контент и на умение взаимодействовать со зрителями, то есть на свои личностные качества, на продвижение себя в цифровом пространстве. Цифровая среда дает возможность продвигать себя, задействуя широкий спектр возможностей для взаимодействий секс-работниц с клиентами, уникальный для цифрового пространства [Jones, 2015]. А. Джонс пишет, что многие исследователи упускают из вида функционал платформ социальных медиа. Так, секс-работницы могут продвигать собственный «бренд», набирать аудиторию, продавать специфические товары и т. д. Новые рыночные условия (gig economy) и цифровизация рынка создают, с одной стороны, экономически менее безопасные неконтрактные формы занятости («гиги»), а с другой — обеспечивают альтернативными вариантами заработка. Тем самым общество поддерживает порядок даже в условиях роста социального напряжения, которое, используя оптику Мертона, мы можем связать с конфликтующими отношениями между элементами общественной системы [Мертон, 1994].

С точки зрения функционализма как сама секс-работа, так и переход сексуализированного труда в цифровое пространство могут рассматриваться через выполнение общественной функции. Как мы видим, решения социальных акторов, какими бы ни были их личные мотивации, оказываются встроены в общественную систему. Хотя общество как целое стремится к внутреннему порядку, к согласованности своих элементов, отдельные структуры могут находиться в конфликтующем положении, что приводит к росту социального напряжения. Например, это можно заметить в связи с распространением менее безопасных форм занятости (по сравнению с контрактными) вроде временных услуг («гигов»). Однако вместе с альтернативными формами занятости появляются дополнительные возможности. Так, работа с вебкам-платформами обеспечивает экономическую безопас-

ность агентов — вебкам можно концептуализировать как относительно безопасную секс-работу с низким порогом входа. Функционализм позволяет понять, что движет секс-работниками при переходе в цифровую среду, а также с какой целью они подвергают себя риску деанонимизации при продвижении своего бренда и общении с клиентами и т. д. [Jones, 2015]. По итогу можно отметить, что в оптике функционалистской парадигмы действия социальных акторов всегда оказываются в согласии с функционированием общества как целого.

Заключение

Под влиянием цифровизации меняется экономика: трансформируются структуры рынков, формы и способы оказания услуг, увеличивается производство и потребление онлайн-контента, появляется все больше цифровых платформ. К рынкам, которые изменяются под влиянием цифровизации, можно отнести и рынок секс-услуг. Как отмечают многие зарубежные исследователи, цифровизация секс-услуг связана с проблемами безопасности (как физической, так и цифровой), гендерного насилия, общественного здоровья, юридического статуса секс-работников и т. д. Несмотря на это, цифровизация индустрии секс-услуг часто ускользает от внимания отечественных исследователей. Это приводит к необходимости обрисовать англоязычное исследовательское поле, для чего мы обратились к жанру обзорной статьи.

При реализации обзора актуальных исследований авторы таких работ сталкиваются с проблемой теоретической неоднородности современной социальной науки. Язык описания, методы исследования, интерпретация эмпирических данных зависят от парадигмальной рамки, в которой работают ученые. Попытка сопоставить работы, которые буквально говорят на разных языках, могут привести к так называемому коммуникативному тупику [Девятко, 2003]. Разрешение этого тупика заключается в обращении к метатеории в рамках социальных наук, то есть к классификации существующих социологических теорий. В связи с этим данный обзор является метанарративным [Wong, 2013; Greenhalgh et al., 2018]. Метанарративный обзор рассматривается как подвид нарративного [Greenhalgh et al., 2018], что позволяет описательно обрисовать исследовательское поле, обозначить ключевые проблемы, критически осмыслить позиции авторов. При этом в связке с метатеорией такой обзор помогает прояснить, с какими объяснительными моделями работают социальные ученые и как это влияет на их вывод относительно цифровизации секс-индустрии. В качестве базовой метатеории мы использовали парадигмы, выделенные И. Девятко (см. табл. 2) [Девятко, 2003].

Было выявлено, что относительно небольшая часть исследователей цифровизации секс-работы работает в рамках натуралистической парадигмы. Взаимодействия секс-работников между собой для обеспечения собственной безопасности можно рассматривать через оптику теории социального обмена: акторы включаются в социальный обмен, тем самым становясь частью коллектива, что помогает им достигать поставленных целей с помощью наработанных связей. Однако восприятие социальных акторов (в данном случае секс-работников) как рациональных индивидов, которые действуют исключительно ради собственной пользы, не позволяет ни проблематизировать общественный контекст, ни выявить внутренние желания и мотивации агентов, которые могут действовать иррационально.

Структурализм помогает социальным ученым понять, каким образом общественные структуры и смыслы, заложенные в социальные интеракции на неявном, «глубинном» уровне, влияют на поведение акторов и на последствия их действий. Обращаясь к исследованию цензуры порнографии в Южной Корее, структуралистское исследование выявило смысловую связь между идеями «запретности» и «сексуальной привлекательности», что детерминировало поведение потребителей эротического контента [Lee, 2021]. Структурализм вписывает общественные отношения в более широкую перспективу, а потому ученые обращаются к социальному устройству, игнорируя субъектность социальных акторов.

Интерпретативизм, наоборот, способствует пониманию стратегии и мотивации секс-работников, которые не могут быть выявлены ни в какой другой социологической парадигме, так как для исследователей важны именно внутренние установки акторов, их воспроизводящая субъектность. Так, А. Джонс пишет, что аффективно насыщены не только разговоры о секс-работе, но и само производство контента [Jones, 2016]. В связи с этим секс-работники нуждаются в так называемом эмоциональном регулировании — «emotional management», как это называет автор. Работники могут создавать альтернативные личности для взаимодействия с клиентами, «разделяя» приватную жизнь и работу. Проблема такого подхода, однако, заключается в невозможности более полного социологического анализа общественных изменений, связанных с цифровизацией секс-работы.

Это позволяет сделать функционализм, для которого общественные явления и структуры выполняют определенную функцию, поддерживающую общество как целое. Именно функционализм дает возможность лучше объяснить, почему при переходе на платформы социальных медиа секс-услуги сохраняют свой «сексуализированный» статус и каким образом вебкам-моделлинг связан с традиционной проституцией. Работая с функционалистской моделью объяснения, А. Джонс проблематизирует различные формы секс-работы и изменения форм секс-услуг, а также критикует поверхностное изучение «цифровой проституции» исследователями, которые не берут в расчет специфические возможности социальных медиа [Jones, 2015].

Мы не только обрисовали современное состояние исследовательского поля, но и выявили, каким образом авторы интерпретируют результаты полученных исследований в зависимости от используемых ими (осознанно или нет) социологических моделей объяснения. Рассмотрение исследований в связке с их теоретическим базисом позволяет, с одной стороны, лучше понять полученные выводы, а с другой — осмысливать включенные в обзор статьи не только как конфликтующие, но и как взаимодополняющие. Также подчеркнем, что проделанный обзор может быть полезен социальным ученым, которые хотят ознакомиться с актуальным состоянием исследовательского поля в качестве предварительной работы перед написанием статей по схожей теме.

Список литературы (References)

- Вебер М. Понимающая социология. М.: АСТ, 2021.
Weber M. (2021) *Interpretive Sociology*. Moscow: AST. (In Russ.)

Голосенко И., Голод С. Социологические исследования проституции в России: история и современное состояние вопроса. СПб.: Петрополис, 1998
Golosenko I., Golod S. (1998) *Sociological Studies of Prostitution in Russia: History and Current State of the Issue*. St. Petersburg: Petropolis. (In Russ.)

Девятко И. Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: Аванти плюс, 2003.
Devyatko I. F. (2003) *Sociological Theories of Activity and Practical Rationality*. Moscow: Avanti Plus. (In Russ.)

Карпухин Ю., Торбин Ю. Проституция: закон и реальность // Социологические исследования. 1992. № 5. С. 111—117.
Karpukhin Y., Torbin Y. (1992) *Prostitution: Law and Reality*. *Sociological Studies*. No. 5. P. 111—117. (In Russ.)

Крупец Я. Н., Нартова Н. А. Переопределение границ между трудом, удовольствием и насилием: Секс-работа как особый вид неформальной занятости // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8. № 4. С. 537—550.
Krupets Y. N., Nartova N. A. (2010) *Revising the Borders between Labour, Pleasure and Violence: Sex-Work as a Specific Kind of Informal Employment*. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 8. No. 4. P. 537—550. (In Russ.)

Левит С. Я. Философия культуры Г. Зиммеля // Вестник культурологии. 2019. № 1. С. 82—108. <https://doi.org/10.31249/hoc/2019.01.05>.
Levit S. Ya. (2019) *Philosophy of Culture of G. Simmel*. *Herald of Culturology*. № 1. P. 82—108. <https://doi.org/10.31249/hoc/2019.01.05>. (In Russ.)

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М.: Политиздат, 1988.
Marx K., Engels F. (1988) *Die deutsche Ideologie*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

Меренков А., Никитина М. Социальный портрет современной проститутки // Социологические исследования. 2000. № 5. С. 47—51.
Merenkov A., Nikitina M. (2000) *Social Portrait of a Modern Prostitute*. *Sociological Studies*. No. 5. P. 47—51. (In Russ.)

Мертон Р. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль / Под ред. В. И. Добренькова. М.: Издательство МГУ, 1994. С. 379—448.
Merton R. K. (1994) *Explicit and Latent Functions*. In: V. I. Dobrenkov (ed.) *American Sociological Thought*. Moscow: MSU. P. 379—448. (In Russ.)

Милль Дж. С. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. М.: Эксмо, 2007
Mill J. S. (2007) *Principles of Political Economy with Some of Their Applications to Social Philosophy*. Moscow: Eksmo. (In Russ.)

Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 494—505.
Castels M. (1999) *The Formation of a Society of Network Structures*. In: Inozemtsev V. L. (ed.) *A New Post-Industrial Wave in the West*. Moscow: Academia. P. 494—505 (In Russ.)

Коллинз Р. Четыре социологических традиции. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009.

Collins R. (2009) Four Sociological Traditions. Moscow: Territory of the Future. (In Russ.)

Пивоваров А. М. Социология тела в поисках своей идентичности: анализ исследовательских программ // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 4. С. 9—27. <https://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.4.6814>.

Pivovarov A. M. (2019). Sociology of the Body in Search of its Identity: Analysis of Research Programs. *Sociological Journal*. Vol. 25. No. 4. P. 9—27. <https://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.4.6814>.

Русакова М. М. (2014) Научные основания эффективного социального контроля проституции: актуальное состояние и перспективные направления исследований // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. № 3. С. 218—229.

Rusakova M. M. (2014) Scientific Foundations of Effective Social Control of Prostitution: The Current State and Promising Directions of Research. *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*. No. 3. P. 218—229.

Спенсер Г. Социальная статика. Изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества. Киев: Гама-Принт, 2013.

Spencer H. (2013) Social Statics. Kiev: Gama-Print. (In Russ.)

Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М.: Праксис, 2006

Foucault M. (2006) Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews. Ch. 3. Moscow: Praxis. (In Russ.)

Яковлева А. А. Глобализация сексуального насилия: от проституции к транснациональной сексуальной индустрии // Гендерные исследования. 2003. № 7—8. С. 226—245.

Yakovleva A. A. (2003) Globalization of Sexual Violence: From Prostitution to Transnational Sexual Industry. *Gender Studies*. No. 7—8. P. 226—245. (In Russ.)

Blau P. M. (1964) Exchange and Power in Social Life. New York, NY: John Wiley & Sons.

Bleakley P. (2014). '500 Tokens to Go Private': Camgirls, Cybersex and Feminist Entrepreneurship. *Sexuality & Culture*. Vol. 18. No. 4. P. 892—910. <https://doi.org/10.1007/s12119-014-9228-3>.

Campbell R., Sanders T., Scoular J., Pitcher J., Cunningham, S. (2018) Risking Safety and Rights: Online Sex Work, Crimes and 'Blended Safety Repertoires'. *The British Journal of Sociology*. Vol. 70. No. 4. P. 1539—1560. <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12493>.

Cunningham S., Kendall T. D. (2011) Prostitution 2.0: The Changing Face of Sex Work. *Journal of Urban Economics*. Vol. 69. No. 3. P. 273—287. <https://doi.org/10.1016/j.jue.2010.12.001>.

Cunningham S., Sanders T., Scoular J., Campbell R., Pitcher J., Hill K., Valentine-Chase M., Melissa C., Aydin Y. (2017) Behind the Screen: Commercial Sex, Digital Spaces and

Working Online. *Technology in Society*. Vol. 53. P. 47—54. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2017.11.004>.

Doorn N. van, Velthuis O. (2018). A Good Hustle: The Moral Economy of Market Competition in Adult Webcam Modeling. *Journal of Cultural Economy*. Vol. 11. No. 3. P. 177—192. <https://doi.org/10.1080/17530350.2018.1446183>.

Emerson R. M. (1962) Power-Dependence Relations. *American Sociological Review*. Vol. 27. No. 1. P. 31—41. <https://doi.org/10.2307/2089716>.

Foucault M. (1982) The Subject and Power («Le sujet et le pouvoir», trad. E. Durand Bogaert), in Dreyfus H. and Rabinow P. In: *Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics*. Chicago: The University of Chicago Press. P. 208—226.

Greenhalgh T., Robert G., Macfarlane F., Bate P., Kyriakidou O., Peacock R. (2005) Storylines of Research in Diffusion of Innovation: A Meta-Narrative Approach to Systematic Review. *Social Science and Medicine*. Vol. 61. No. 2. P. 417—430. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2004.12.001>.

Greenhalgh T., Thorne S., Malterud K. (2018) Time to Challenge the Spurious Hierarchy of Systematic over Narrative Reviews? *European Journal of Clinical Investigation*. Vol. 48. No. 6. Art. e12931. <https://doi.org/10.1111/eci.12931>.

Hail-Jares K., Oselin S. S. (2022) Street-Based Sex Work in the Digital Age. In: Weitzer R. (ed.) *Sex For Sale: Prostitution, Pornography, and Erotic Dancing*. New York, NY: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003228639>.

Harcourt C., Donovan B. (2005) The Many Faces of Sex Work. *Sexually Transmitted Infections*. Vol. 81. No. 3. P. 201—206. <http://dx.doi.org/10.1136/sti.2004.012468>.

Hardy K., Barbagallo C. (2021) Hustling the Platform: Capitalist Experiments and Resistance in the Digital Sex Industry. *South Atlantic Quarterly*. Vol. 120. No. 3. P. 533—551 <https://doi.org/10.1215/00382876-9154898>.

Henry M. V., Parvid F. (2017) 'Always Hot, Always Live': Computer-Mediated Sex Work in the Era of 'Camming'. *Women's Studies Journal*. Vol. 31. No. 2. P. 113—128.

Jones A. (2015) Sex Work in a Digital Era. *Sociology Compass*. Vol. 9. No. 7. P. 558—570. <https://doi.org/10.1111/soc4.12282>.

Jones A. (2016) "I Get Paid to Have Orgasms": Adult Webcam Models Negotiation of Pleasure and Danger. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. Vol. 42. No. 1. P. 227—256. <https://doi.org/10.1086/686758>.

Motterle L. (2023) From the Streets to the Screen: Sex Work, Stigma, Desire and Covid—19 in Mexico City. *Special Section: Contentious Legacy*. Vol. 42. No. 3. P. 426—439. <https://doi.org/10.1111/blar.13440>.

Miele F., Tirabeni L. (2020) Digital Technologies and Power Dynamics in the Organization: A Conceptual Review of Remote Working and Wearable Technologies at Work. *Sociology Compass*. Vol. 14. No. 6. Art. e12795. <https://doi.org/10.1111/soc4.12795>.

Lee M. J. (2021) Webcam Modelling in Korea: Censorship, Pornography, and Eroticism. *Porn Studies*. Vol. 8. No. 4. P. 485—498. <https://doi.org/10.1080/23268743.2021.1901602>.

Musto J., Jackson C. A., Shih E. (2015). Prostitution and Sex Work. In: J. D. Wright (ed.) *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. Vol. 19, 2nd ed. Oxford, Netherlands: Elsevier. P. 279—285. <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.86125-5>.

Rubattu V., Pardon A., Brooks-Gordon B. (2023) ‘Cam Girls and Adult Performers Are Enjoying a Boom in Business’: The Reportage on the Pandemic Impact on Virtual Sex Work. *Social Sciences*. Vol 12. No. 2. Art. 62. <https://doi.org/10.3390/socsci12020062>.

Sawicki D. A, Meffert B. N., Read K., Heinz A. J. (2019) Culturally Competent Health Care for Sex Workers: An Examination of Myths That Stigmatize Sex-Work and Hinder Access to Care. *Sex Relation Ther*. Vol. 34. No. 3. P. 355—371. <https://doi.org/10.1080/14681994.2019.1574970>.

Shevchuk, A., Strebkov, D., & Tyulyupo, A. (2021) Always on across Time Zones: Invisible Schedules in the Online Gig Economy. *New Technology, Work and Employment*. Vol. 36. No. 1. P. 94—113. <https://doi.org/10.1111/ntwe.12191>.

Wong G., Greenhalgh T., Westhorp G., Buckingham J. & Pawson R. (2013) RAMESES Publication Standards: Meta-Narrative Reviews. *Journal of Advanced Nursing*. Vol. 69. No. 5. P. 987—1004. <https://doi.org/10.1111/jan.12092>.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.5.2463](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2463)

Е. А. Коваль

**НОВЫЕ АЛГОРИТМЫ ВЛАСТИ В МИРЕ АЛГОРИТМОВ.
РЕЦ. НА КН.: HASSELBALCH G. DATA ETHICS OF POWER:
A HUMAN APPROACH IN THE BIG DATA AND AI ERA.
CHELTENHAM; NORTHAMPTON, MA: EDWARD ELGAR, 2021**

Правильная ссылка на статью:

Коваль Е. А. Новые алгоритмы власти в мире алгоритмов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5. С. 262—282. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2463>. Рец. на кн.: Hasselbalch G. Data Ethics of Power: A Human Approach in the Big Data and AI Era. Cheltenham; Northampton, MA: Edward Elgar, 2021

For citation:

Koval E. A. (2023) New Algorithms of Power in the World of Algorithms. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 262–282. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2463>. Book Review: Hasselbalch G. (2021) Data Ethics of Power: A Human Approach in the Big Data and AI Era. Cheltenham; Northampton, MA: Edward Elgar. (In Russ.)

Получено: 22.07.2023. Принято к публикации: 14.09.2023.

НОВЫЕ АЛГОРИТМЫ ВЛАСТИ В МИРЕ АЛГОРИТМОВ. РЕЦ. НА КН.: HASSELBALCH G. DATA ETHICS OF POWER: A HUMAN APPROACH IN THE BIG DATA AND AI ERA. CHELTENHAM; NORTHAMPTON, MA: EDWARD ELGAR, 2021

КОВАЛЬ Екатерина Александровна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института корпоративного обучения и непрерывного образования, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Саранск, Россия; профессор кафедры уголовного права и процесса, Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Саранск, Россия

E-MAIL: nwifesc@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0069-5335>

Аннотация. Опубликованная в 2021 г. книга европейской исследовательницы Гри Хассельбалх посвящена анализу актуальных вопросов, касающихся влияния больших данных и искусственного интеллекта на социальные процессы и перераспределение власти в обществе. Уникальность исследования связана не только с оригинальным авторским взглядом на то, что происходит с властными отношениями в социотехнических системах, где люди и технологии взаимодействуют столь тесно, что не всегда можно отличить антропную и не-антропную составляющую принимаемых решений. Интерес представляет и профессиональный бэкграунд автора: она не только академический исследователь, но и политик, занимающийся разработкой стратегических документов и стандартов регулирования новых информационных технологий, а также реализацией общественных

NEW ALGORITHMS OF POWER IN THE WORLD OF ALGORITHMS. BOOK REVIEW: HASSELBALCH G. (2021) DATA ETHICS OF POWER: A HUMAN APPROACH IN THE BIG DATA AND AI ERA. CHELTENHAM; NORTHAMPTON, MA: EDWARD ELGAR

Ekaterina A. KOVAL^{1,2} — Dr. Sci. (Philos.), Leading Researcher at the Institute for Corporate Education and Continuing Education; Professor at the Department of Criminal Law and Criminal Procedure
E-MAIL: nwifesc@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0069-5335>

¹ National Research Mordovia State University, Saransk, Russia

² Mid-Volga Institute — Branch of the All-Russian State University of Justice, Saransk, Russia

Abstract. A book by Gry Hasselbalch published in 2021 examines how big data and artificial intelligence affect social processes and the redistribution of power within society. The uniqueness of Hasselbalch's research is due to several factors. Firstly, the book presents an original author's view of what happens to power relations in socio-technical systems, where people and technologies interact so closely that it is not always possible to distinguish between the human and non-human components of the decisions made. Secondly, the professional background of the author is important. She is not just an academic researcher but also a politician professionally involved in the development of strategic documents and standards regarding the regulation of new information technologies, as well as the implementation of different projects aimed at ensuring ethical data management and protecting human rights.

проектов, направленных на обеспечение этичного управления данными и защиту прав человека.

В связи с вышесказанным книга может быть полезна не только ученым, но и юристам, политикам, инженерам — всем, кто в той или иной форме включен в разработку и создание технологий, нормативное регулирование их дизайна и использования. Хотя в работе отражен западноевропейский опыт внедрения больших данных и искусственного интеллекта, концептуальные схемы могут быть масштабированы и перенесены в другие социально-политические контексты. Книга наталкивает на размышления о том, какая культура данных воспроизводится в России; как развивается отечественное пространство переговоров, в котором стейкхолдеры отстаивают свои интересы в социотехнических инфраструктурах; как происходит борьба за новые формы власти; наконец, приближают ли нас большие данные и искусственный интеллект к «хорошему обществу» или, наоборот, делают его недостижимым.

Ключевые слова: большие данные, искусственный интеллект, этика данных, власть, человеческий подход, социотехническая инфраструктура, распределенная моральная агентность, этичное управление данными

Благодарность. Работа подготовлена в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 23-28-01288, <https://rscf.ru/project/23-28-01288/>.

Therefore, Hasselbalch's book could be useful not only for scientists, but also for lawyers, politicians, engineers, and everyone involved in the development and creation of technologies, as well as the normative regulation of their design and usage. Although the study reflects the Western European experience in the implementation of big data and artificial intelligence, the conceptual schemes could be scaled and transferred to other socio-political contexts. The book prompts reflections on the kind of data culture being reproduced in Russia; how the Russian domestic negotiation space is developing, where stakeholders defend their interests in sociotechnical infrastructures; how the struggle for new forms of power takes place; finally, whether big data and artificial intelligence bring us closer to a “good society” or, conversely, make it unattainable.

Keywords: big data, artificial intelligence, data ethics, power, human approach, socio-technical infrastructure, distributed moral agency, data ethical governance

Acknowledgments. The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 23-28-01288), <https://rscf.ru/project/23-28-01288/>.

Введение

Искусственный интеллект (ИИ) и большие данные (БД) прочно вошли в поле интересов социальных исследователей. Сегодня профессиональное дискурсивное пространство расширяется посредством приложения технологической проблематики к традиционным социологическим исследовательским вопросам. Одна из актуальных проблем такого рода касается вопросов трансформации власти, влияния технологий на властные структуры и процессы реализации власти.

Как искусственный интеллект и большие данные влияют на распределение власти в обществе? Есть ли закономерности или хотя бы устойчивые тенденции в формировании информационно-технологической политики, правового и этического регулирования разработки и использования технологий? Можно предположить, что российское социологическое сообщество в поиске ответов на эти вопросы не останется равнодушным к работе Гри Хассельбалх «Этика власти, основанная на данных. Человечный подход в эпоху больших данных и искусственного интеллекта».

Г. Хассельбалх — европейская исследовательница, соосновательница аналитического центра DataEthics.eu. Более 20 лет она занимается вопросами этических и социальных последствий развития таких технологий, как большие данные и искусственный интеллект¹. Помимо исследовательской деятельности, Г. Хассельбалх принимала участие в работе правительственных и межправительственных комиссий, занимающихся разработкой технологической политики и защитой прав человека в цифровом мире. В частности, в качестве независимого эксперта она работала в составе Европейского исследовательского совета (European Research Council), была членом Группы экспертов высокого уровня по ИИ (EU High Level Expert Group on Artificial Intelligence, AI HLEG), участвовала в разработке стандарта P7006 (стандарт для интеллектуального агента управления персональными данными) Института инженеров в области электротехники и электроники (Institute of Electrical and Electronics Engineers, IEEE)². В настоящее время Г. Хассельбалх является ключевым экспертом в области этики ИИ в проекте «Международная информационно-просветительская инициатива в области ИИ, ориентированного на человека»³.

Ее книга посвящена исследованию того, что нужно сделать, чтобы придать ИИ «человеческое лицо», и что происходит с властью в мире больших данных. Сама работа — своеобразное резюме не только научной, но также общественной и просветительской деятельности автора. Основной посыл монографии сформулирован в духе междисциплинарного подхода исследований науки и технологий (Science and Technology Studies, STS): Г. Хассельбалх предлагает обратить внимание на то, что данные не только меняют динамику власти, но и создают ее новые формы. Сложность технологий позволяет легко маскировать цели и ценности, закладываемые еще на этапе их разработки, поэтому требуются норма-

¹ Humanism in Data & AI. URL: <https://gryhasselbalch.com> (дата обращения: 25.10.2023).

² Hasselbalch G. We Don't Have to Give Up Our Privacy to Have a Digital Life // Digital Future Society. 2019. July 25. URL: <https://digitalfuturesociety.com/qanda/gry-hasselbach/> (дата обращения: 25.10.2023).

³ International Outreach for Human-Centric Artificial Intelligence Initiative // European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/international-outreach-ai> (дата обращения: 25.10.2023).

тивные инструменты, позволяющие сделать прозрачными «властные отношения, встроенные в социотехнические инфраструктуры больших данных и искусственного интеллекта» [Hasselbalch, 2021: 1]. Только это позволит переориентировать технологии на человека и его интересы, а также научиться использовать данные так, чтобы это приносило пользу обществу.

Г. Хассельбалх выделяет три смысловые части, в которых используется разная оптика для детального рассмотрения властных отношений. Последние оцениваются с точки зрения больших данных (главы 1 и 2), искусственного интеллекта (глава 3 и 4) и человека, живущего в эпоху больших данных (глава 5). Несмотря на то, что автор прибегает к моральным понятиям, она сразу обозначает свою заинтересованность не столько в этике данных, сколько в том, как технологии, будучи культурными практиками, встраиваются в социальные системы, как выглядит новая архитектура власти, как люди борются за возможность управлять своими данными. Специфика этического акцента автора в том, что она отказывается от антропоцентризма и не рассматривает человека и его индивидуальное бытие как высшую ценность, то есть отказывается от популярной в европейских дебатах о больших данных и искусственном интеллекте «человекоцентричности» (*human-centric approach*). Ее заменяет человеческий подход, где человек — не столько реципиент благ, которые технологии могут ему преподнести, сколько существо, ответственное как за себя, так и за жизнь и бытие в технологическом мире. Позиция, согласно которой человек не должен искать пользы от больших данных или думать, как с помощью искусственного интеллекта получить кусок властного пирога, выглядит несколько наивной и совершенно не вписывающийся в нарратив гипериндивидуализма, но вера автора в ответственность людей, стоящих на пороге очередной технологической революции (а, возможно, уже и за порогом), заслуживает уважения.

Для удобства дальнейшего анализа необходимо кратко охарактеризовать понятийный аппарат, которым пользуется Г. Хассельбалх. Она рассматривает большие данные и искусственный интеллект как генетически взаимосвязанные технологии: ИИ — это социотехническая эволюция систем БД [ibid.: 64] или, проще говоря, руки и мозги БД [ibid.: 87].

Также она вводит понятия «социотехнических инфраструктур больших данных» (*Big Data Socio-Technical Infrastructures, BDSTIs*) и «социотехнических инфраструктур искусственного интеллекта» (*Artificial Intelligence Sociotechnical Infrastructures, AISTIs*). Такие инфраструктуры — пример «новых технологически опосредованных конфигураций пространства и времени» [ibid.: 10]. Большие данные создают инфраструктуры, «не признающие» ни географических, ни политических границ, ни правовых юрисдикций. Несмотря на попытки разных правительств ограничить трансграничную передачу данных, ужесточать ответственность за нарушения требований о защите данных, особенно персональных, большие данные становятся все больше и сложнее, а управление ими представляет все более сложную задачу не только с технологической, но и с социальной точки зрения. AISTIs, в отличие от BDSTIs, отвечают не за пространство, а за время, и работают с данными так, чтобы «активно формировать прошлое и настоящее в образе будущего» [ibid.: 11]. Социотехнические инфраструктуры интерпретируются и как простран-

ство для переговоров и борьбы за власть, которое при этом остается для нас невидимым: мы им пользуемся, но не замечаем этого, подобно тому, как не задумываемся о том, как дышим. Осознавать инфраструктуры мы начинаем только тогда, когда они разрушаются.

Г. Хассельбальх использует для рассмотрения проблемных аспектов БД и ИИ трехуровневую структуру: на микроуровне с технологиями работают инженеры, не всегда учитывающие социальные последствия разработки и применения технологий; макроуровень — «епархия» гуманитариев, занимающихся как раз анализом трансформаций социотехнических систем, но, как правило, упускающих важные технологические нюансы; наконец, на мезоуровне решаются вопросы политики управления данными различными акторами. Обсуждаемая монография, как, впрочем, и текущий проект DataEthics.eu, — это попытка организовать дискурсивное пространство, в рамках которого для конструктивного обсуждения социальных и культурных компромиссов, связанных с БД и ИИ, могут встретиться представители всех трех уровней.

По мнению автора книги, в новейших технологических разработках необходимо создавать условия для согласования интересов и публичного диалога представителей разных «культур данных»: разработчиков, законодателей, пользователей и др. У каждой группы имеется свое представление о БД и ИИ, их социальной роли, а также свои практики работы с данными. Симпатии автора в таком диалоге находятся на стороне культуры данных, ориентированной на человека, который является не только моральным (может действовать в соответствии с нормами морали), но и этическим агентом (может нести ответственность за себя, общество, бытие в целом).

Итак, рассмотрим интерпретацию роли БД и ИИ в распределении власти, оперируя введенным Г. Хассельбальх понятийным аппаратом.

Власть и большие данные

Работу BDSTIs Г. Хассельбальх рассматривает на примере таких инцидентов, как крупные утечки данных, расследование дела Эдварда Сноудена, манипуляции мнением избирателей с помощью технологий БД и др. Благодаря таким событиям общество осознало роль данных, оценило масштаб социальных трансформаций, которые принесли БД, и сформировало социальный запрос на разработку норм и правил работы с данными. Появилась и прижилась в публичном пространстве популярная метафора «данные — новая нефть», однако, по мнению Г. Хассельбальх, это скорее новая власть. В системе перераспределения власти возникают новые акторы, а также внедряются социальные практики, представляющие этих акторов и их интересы в конкретном обществе. Так, например, если отдельные бизнес-проекты «отключить» от потоков пользовательских данных, они если не прекратят свое существование, то будут существенно сокращены. Это стимулирует продвижение в публичном пространстве повестки о полезности продуктов, разработанных на основе БД, о нежелательности принятия норм, препятствующих развитию технологий, о бонусах, которые данные могут принести обществу, если их и далее разрешат собирать бизнес-структурам с минимальными ограничениями, и пр. В результате мы получаем новое пространство переговоров, в ко-

тором наиболее уязвимыми оказываются рядовые пользователи технологий, хотя формально о приоритете их блага заявляют основные властные акторы: государство, бизнес, разработчики.

Покинуть это пространство нельзя, поскольку сегодня «BDSTI — это форма власти, интегрированная в наши пространственные архитектуры» [ibid.: 28]. Власть становится социотехнической; появляются бедные данными и богатыми данными; теряют в цене, по крайней мере, временно, другие ресурсы — земля, промышленное производство. Мы постепенно осознаем себя как членов общества наблюдения, в котором машины на основе постоянно накапливаемых персональных данных умеют прогнозировать наше поведение. При этом, в отличие от наших цифровых двойников, мы как личности им совершенно не интересны. Вероятно, уже существуют количественные критерии оценки полезности пользователей и пользовательских групп как производителей данных, и те, кто производит меньше данных, образуют новые дискриминируемые меньшинства.

Цифровое неравенство усугубляет иные виды неравенства при сохранении нарратива безусловного приоритета интересов человека, гражданина, работника, пациента, потребителя. Хотя все выражают заботу о лицах с упомянутым статусом, власть не перераспределяется в их пользу, а концентрируется в руках субъектов, разрабатывающих BDSTIs. Таким образом, общество БД не такое новое, как кажется. Власть в нем, по аналогии с физическим законом сохранения энергии, никуда не исчезает и не появляется — она просто перераспределяется между существующими и новыми структурами и акторами. Значит, для решения ряда проблем подойдут имеющиеся в социальном багаже инструменты. Например, старая добрая справедливость обязывает предоставить меньшинствам возможность хотя бы «вступать в диалог о данных и власти данных с самыми могущественными игроками» [ibid.: 37]. Г. Хассельбалх неоднократно на страницах книги отмечает необходимость и важность такого инструмента.

Вопрос только в результативности диалога. Если дело начинается и заканчивается договоренностями, которые могущественные игроки не собираются исполнять, не являются ли сами переговоры игрой, призванной создавать видимость участия «простых смертных» в распределении власти в обществе БД? Если ответ на этот вопрос положительный, то различные сообщества пользователей технологий — это даже не дешевая рабочая сила на добывающих «новую нефть» предприятиях. Богатые данными сообщества — это нефтяные залежи, а бедные — нефтяные загрязнения. Для нивелирования асимметрии власти необходимо сконструировать нормативное пространство, в котором выживают только технологии, заслуживающие доверия (trustworthy).

Г. Хассельбалх подчеркивает, что это пространство неоднородно, поскольку большие данные и другие новые технологии — это культурные артефакты, воплощающие в себе определенные ценности. Это означает, например, что европейское общество больших данных будет принципиально отличаться от азиатского или африканского. В самом деле, если в Евросоюзе нормативное регулирование БД и ИИ опирается на права человека, демократию, равенство, в Китае приоритет имеют иные ценности. Так, согласно п. 1 ст. 4 проекта Административных мер регулирования сервисов генеративного искусственного интеллекта, «контент, ге-

нерируемый генеративным искусственным интеллектом, должен отражать основные социалистические ценности <...>⁴.

Системы генеративного искусственного интеллекта и сами не настаивают на своей ценностной нейтральности. Например, социолог Эндрю Балмер, беседа с ChatGPT, спросил, является ли тот культурным артефактом, и получил следующий ответ: «<...> мой поиск и приоритезация информации основаны на алгоритмах и моделях данных, которые по своей сути не являются нейтральными или объективными, а скорее отражают набор ценностей и приоритетов, встроенных в мою программу. Более того, использование в разных контекстах, разными пользователями и для разных целей может еще больше повлиять на то, как я работаю, и на ценности, которые я воплощаю» [Balmer, 2023: 1252].

Учитывая российскую политико-правовую повестку, касающуюся БД и ИИ, вопрос о типе ценностей, которые должны отражаться в генерируемом большими языковыми моделями контенте, становится весьма актуальным, а выявление общественного мнения по поводу ценностного наполнения (а также его возможности/нужности/важности) отечественного генеративного ИИ представляется интересной социологической задачей. Если опираться на определения БД и ИИ, которые дает Г. Хассельбальх, интерпретируя технологии как неотъемлемую часть социотехнических инфраструктур, вопрос состоит не только и не столько в цензуре данных, используемых для обучения ИИ, и контента, который он выдает, сколько в образе будущего, к которому стремится российское общество.

Текущая геополитическая обстановка обостряет и без того непростую ситуацию, обусловленную тем, что социотехнические инфраструктуры больших данных развиваются в межюрисдикционном пространстве. Неизбежно возникают конфликты, связанные с разными подходами к нормативному регулированию оборота персональных данных, защиты конфиденциальности, интересов бизнеса и государства в отношении сбора, обработки, хранения и использования больших данных в разных регионах и правовых системах. Требуются нетривиальные нормотворческие решения, политические инициативы и информационная повестка для того, чтобы обеспечить баланс между развитием BDSTIs и защитой интересов целого ряда акторов (государство, бизнес, разработчики, ученые, пользователи технологий и др.). Г. Хассельбальх описывает данную потребность как гармонию технических, культурных и юридических компонентов инфраструктур, апеллируя к концептуальным наработкам STS. Она неоднократно заостряет внимание на том, что рано или поздно вопросы о социальных и этических последствиях внедрения БД и ИИ проникают в инженерные сообщества, и это расширяет перечень субъектов, вступающих в переговорный процесс относительно проектирования, масштабирования, способов использования технологий. В самом деле, открытое письмо с требованием приостановить разработку больших языковых моделей⁵ подписали в первую очередь инженеры, а не политики, социологи или философы.

⁴ 国家互联网信息办公室关于《生成式人工智能服务管理办法（征求意见稿）》公开征求意见的通知 [Уведомление Государственной канцелярии интернет-информации КНР о публичном обсуждении «Административных мер регулирования сервисов генеративного искусственного интеллекта (проект)»] // People.cn. 2023. April 11. URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2023/0411/c1001-32661638.html> (дата обращения: 26.10.2023).

⁵ Pause Giant AI Experiments: An Open Letter // Future of Life Institute. 2023. March 22. URL: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/> (дата обращения: 25.10.2023).

Еще одна концепция, используемая Г. Хассельбальх для анализа проблем, связанных с развитием BDSTIs, это устойчивое развитие. Она полагает, что социальные и политические трансформации, связанные с технологиями и экологической повесткой, очень похожи: сначала началось публичное обсуждение ценностей, затем по итогам этической рефлексии сформировалась концепция устойчивого развития, и уже она повлияла на политику, способствовала изменению правовых норм, а потом и производственных и исследовательских процессов.

В случае с большими данными и искусственным интеллектом с целью получения нормативных решений, адекватных ситуации, тоже нужны переговоры по поводу ценностей и интересов всех вовлеченных сторон. Только на основании этической рефлексии можно обеспечить этическое управление данными. Однако здесь важно отметить, что этика власти, основанная на данных, у Г. Хассельбальх — это не разговоры о добре и зле и не набор принципов и ценностей. Этическое управление данными она определяет как деятельность в конкретный момент времени, которая осуществляется «для осознанной проверки этической идеи» [Hasselbalch, 2021: 58].

Между тем, примеры, которые она приводит в качестве обоснования своего тезиса, касаются в основном гражданских инициатив⁶. Могут ли более крупные игроки на технологическом поле (государство, IT-гиганты и др.) позволить себе сразу действовать, чтобы проверить этические идеи? Можно предположить, что инерционность государства, а в некоторых контекстах и крупного бизнеса в этом плане больше способствует устойчивому развитию, чем революционно интерпретируемая этика власти, основанная на данных. Впрочем, делая выводы по блоку, посвященному вопросам взаимосвязи власти и больших данных, Г. Хассельбальх уточняет, что она имеет в виду под деятельностью по проверке этических идей: «Я утверждаю, что функция этического управления данными заключается в создании пространств для осмысления и переговоров, которые происходят в момент кризиса...» [ibid.: 61].

Таким образом, логика взаимопроникновения власти и больших данных выстраивается следующим образом. Социотехнические инфраструктуры рутинизируются — их не замечают, пока они работают. Как только что-либо в их работе нарушается, появляются разногласия и возникает потребность в организации пространства переговоров, где и решается, какими будут технологии дальше, как будут обозначены границы их использования и как перераспределится власть в новой архитектуре BDSTIs. Сейчас такого рода процессы активно идут в странах ШОС и БРИКС. Так, в 2023 г. представители Сбербанка, одной из самых высокотехнологичных российских компаний, обозначили на Петербургском международном экономическом форуме необходимость проработки этического регулирования ИИ и обозначили это как конкурентное преимущество компании⁷. Однако принципиально важным остается вопрос о причинно-следственных связях: кто разра-

⁶ Например, инициатива «Движение за сохранность персональных данных» (Personal Data Store Movement) некоммерческой ассоциации MyData Global, инженерные стандарты от IEEE и др.

⁷ Николаев П. Сбер предложил регулировать ИИ в странах ШОС и БРИКС // СберДневник. 2023. 15 июня. URL: <https://spbndnevnik.ru/news/2023-06-15/sber-predlozhit-regulirovat-ii-v-stranah-shos-i-briks> (дата обращения: 25.10.2023).

батывает этику для технологий, у того и власть, или у кого власть, тот и решает, что этично? Обсуждаемая книга не предлагает какого-либо решения этой дилеммы.

Власть и искусственный интеллект

Хотя у AISTIs и BDSTIs много общего, процессы взаимодействия власти и искусственного интеллекта имеют свои особенности. Начнем с того, что в концепции Г. Хассельбалх социотехнические инфраструктуры больших данных отвечают за пространство, а социотехнические инфраструктуры искусственного интеллекта — за время. Иными словами, собранные большие данные — это прошлое, на основе которого ИИ обучается в настоящем и влияет на будущее. Кроме того, в AISTIs более рельефно просматривается проблема распределенной агентности, напрямую связанная с властными трансформациями.

Для описания проблем, связанных с ИИ, автор монографии обращается к скандинавской мифологии и использует образы воронов Одина — Хугина и Мунина [ibid.: 72]. Человек, живущий в эпоху БД и ИИ, подобно Одину, боится потерять такие слишком человеческие атрибуты, как мысль и память. Боимся ли мы того же? В платоновском диалоге «Федр» изложена мысль о том, как письменность повредила памяти: «<...> лишится упражнений память: припоминать станут, доверяясь письму, по посторонним, внешним знакам, а не внутренней силой, сами по себе. <...> И ученикам ты дашь видимость мудрости, а не истинную мудрость, так что они у тебя будут многое знать понаслышке, не усваивая, и казаться многое знающими, оставаясь в большинстве невеждами, невыносимыми в общении; так и сделаются они не мудрыми, а мнимомудрыми» [Платон, 1965: 249]. Интересно, что сказал бы Сократ о влиянии на человеческую память социотехнических систем искусственного интеллекта и больших данных?

Уже сейчас в развитых странах человек практически не имеет шансов абстрагироваться от данных технологий, даже если не пользуется ими. Его «цифровой двойник» есть, как минимум, у государства и отдельных бизнес-структур. Масштабы внедрения ИИ (госсектор, финансы, умные города, социальные сети, здравоохранение, образование и др.) позволяют говорить о появлении искусственной социальности. Андрей Резаев и Наталья Трегубова определяют ее как «эмпирический факт участия агентов ИИ в социальных взаимодействиях в качестве активных посредников или участников этих взаимодействий» [Резаев, Трегубова, 2019: 43]. Г. Хассельбалх же предпочитает использовать понятие «нечеловеческая (nonhuman) агентность».

Следуя обозначенной во введении логике рассуждений, Г. Хассельбалх сосредотачивается на вопросах степени «автономии и участия человека в обработке данных системами ИИ» [Hasselbalch, 2021: 74]. Перекладывая на ИИ принятие морально чувствительных решений на основе обработки данных (управление беспилотным автомобилем, профилирование, прогнозирование рецидивов совершения преступлений и пр.), мы неизбежно приходим к вопросу, кто будет нести ответственность в случаях, когда ИИ ошибается?

Европейская политика в области технологий ориентируется на человека, принимающего решение с использованием ИИ как основного субъекта ответственности. Аналогичный подход отражен и в российском Кодексе этики в сфере искус-

ственного интеллекта: «...за все последствия работы СИИ (систем искусственного интеллекта) всегда должен отвечать человек (физическое или юридическое лицо, признаваемое субъектом ответственности в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации)»⁸.

Такой подход требует организации человеческого надзора за деятельностью ИИ. Однако Г. Хассельбальх справедливо отмечает, что такой надзор неизбежно будет иметь ограничения, связанные с образованием, моральными убеждениями, культурными паттернами надзирающего за ИИ человека [ibid.: 77]. И даже если нивелировать или игнорировать эти ограничения, никуда не исчезнет проблема степени влияния, которое машина оказывает на принимающего решение человека. Поэтому хотя агенты ИИ и не «берут на себя» ответственность, они не могут не влиять на моральный опыт человека, как, впрочем, и на процессы перераспределения власти.

Итак, в работе AISTIs на каждом этапе присутствует человеческий фактор: начиная от выбора данных для обучения ИИ и заканчивая оценкой принятых машиной решений. Для определения сферы ответственности нужна четкая дифференциация сочетания автономии ИИ и человека на каждом этапе работы. Г. Хассельбальх с этой целью вводит понятия морального и этического агентства. ИИ может быть моральным агентом, но этическим — никогда. В российском этическом сообществе такого рода дифференциации непопулярны, а коллектив исследователей под руководством Вадима Перова, который в настоящий момент занимается проблематикой морального агентства, склоняется к принципиальному выводу о том, что моральным агентом может быть только человек, а любым нон-антропным объектам (ИИ, животным, коллективным агентам) это не свойственно⁹.

Впрочем, это скорее спор о терминах, поскольку, согласно Г. Хассельбальх, отличительной чертой этического агентства является ответственность, а морально ответственным может быть лишь человек. При этом она не исключает возможности привлечения ИИ к юридической ответственности, хотя европейский законодатель не торопится наделять ИИ правосубъектностью, отдавая предпочтение институтам страхования и компенсации причинения вреда, причиненного ИИ [Nevejans, 2016], который интерпретируется как инструмент, используемый человеком¹⁰.

Итак, если в социотехнических инфраструктурах искусственного интеллекта и больших данных наблюдается распределенная моральная агентность (distributed moral agencies), где формирование морального опыта происходит при взаимодействии людей и нон-антропных агентов, но при этом ответственность всегда возлагается только на человека, неизбежно возникает вопрос: на кого именно?

В юридической литературе в качестве наиболее вероятных субъектов ответственности фигурируют пользователи или владельцы систем ИИ (что соответству-

⁸ Кодекс этики в сфере ИИ. URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения: 25.10.2023).

⁹ Карточка проекта, поддержанного Российским научным фондом. «Трансформации морального агентства: этико-философский анализ» // Российский научный фонд. URL: https://rscf.ru/prjcard_int?22-28-00379 (дата обращения: 25.10.2023).

¹⁰ European Parliament Resolution of 20 October 2020 with Recommendations to the Commission on a Framework of Ethical Aspects of Artificial Intelligence, Robotics and Related Technologies (2020/2012(INL)) // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2020-0275_EN.pdf (дата обращения: 25.10.2023); European Parliament Resolution of 20 October 2020 with Recommendations to the Commission on a Civil Liability Regime for Artificial Intelligence (2020/2014(INL)) // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2020-0276_EN.html (дата обращения: 25.10.2023).

ет логике интерпретации ИИ как инструмента), разработчики, лица, занимающиеся его внедрением, и пр. Однако пространство переговоров еще долго будет открытым, поскольку на текущий момент непонятно, как устанавливать степень автономии принятия решения системой ИИ; следует ли привлекать к ответственности тех, кто отбирал, аннотировал или генерировал данные для обучения ИИ, если удастся придумать способ дифференциации решений, принятых ИИ на основе (до)обучения и самообучения, и пр.

Рассуждая о степени автономии ИИ и распределенной моральной агентности, автор монографии ссылается на Бруно Латура, склоняющегося к тому, что технологические артефакты вполне могут быть нравственными, поскольку человек делегирует им нравственность и законопослушность, закладывает их на этапе кодирования. Он приводит в пример ситуацию, когда водитель не может поехать, не пристегнув ремень безопасности, поскольку поступить правильно его побуждает звуковой сигнал: «Стало логически — нет, социологически — невозможно водить машину, не пристегнув ремень. Я больше не могу быть плохим» [Latour, 1992: 226]. Если такая простая технологическая комбинация, как ремень и раздражающий звуковой сигнал может подталкивать к нормативному поведению, то на что способны, например, большие языковые модели или голосовые помощники, которые могут общаться на естественном языке и демонстрировать эмпатию?

Гиперподталкивание к добру, казалось бы, должно способствовать приросту общего блага и, следовательно, вызывать восхищение, а не беспокойство. Однако понятие добра, закладываемое в ИИ разработчиком, начиная с момента отбора данных для обучения машины, не может быть ценностно нейтральным. Если Б. Латур прав и человек делегирует машине моральные ценности, то именно эти ценности и будут потом влиять на «моральные факторы социальной среды» [Hasselbalch, 2021: 80]. В условиях правовой неопределенности (законодатели явно не успевают за развитием технологий) степени свободы разработчиков в выборе ценностей, делегируемых машине, повышают их роль в системе распределения власти. На этапе выбора и аннотирования данных для обучения ИИ разработчик имеет возможность оказать существенное влияние на социальную среду, в которой будут функционировать AISTIs.

Г. Хассельбалх полагает, что в социотехнических системах больших данных и искусственного интеллекта принципиальное значение имеют не процессы перевода социальных норм и ценностей «в цифру», а особенности трансформации таких норм и ценностей в системах распределенной агентности. Следовательно, разработчикам, пользователям, субъектам нормотворческой деятельности необходимо заниматься не столько формулировкой правил, сколько созданием среды, в которой можно контролировать и оценивать решения, принятые машиной. Должное поведение поощряется, поэтому машина обучается оперативно реагировать на любые изменения «этической среды человека» [ibid.: 81]. К сожалению, такой подход на практике не вполне себя оправдывает. Машина, запрограммированная на получение поощрения за должное поведение, может принимать решения, выходящие за пределы человеческой этики и здравого смысла. Например, Такер Гамильтон, глава отдела испытаний и операций искусственного интеллекта ВВС США, в рамках доклада на оборонной конференции «Future Combat Air & Space

Capabilities Summit» в Великобритании рассказал о неожиданных результатах тестирования военного дрона с ИИ, натренированного на поиск и поражение зенитных ракетных комплексов: когда оператор-человек отдал приказ не поражать цель и тем самым лишил систему поощрения, ИИ принял решение атаковать оператора¹¹. Принцип предосторожности требует отдать приоритет проработке правил и внедрению системы контроля применения технологий перед их масштабированием для массового использования, даже если это потребует постоянного мониторинга данных, которые обрабатывает ИИ, и дообучения модели при условии изменения социальных норм и практик.

На руку принципу справедливости сыграла бы организация доступа пользователей и будущих пользователей систем ИИ к дизайну данных работающей модели [ibid.: 8], однако в настоящий момент IT-гиганты не торопятся открывать подобного рода информацию, и закон, защищающий коммерческую тайну, на их стороне. Г. Хассельбахль отмечает, что вопрос о работе с большими данными на этапе проектирования ИИ — это вопрос распределения власти [ibid.: 90]. Различные стейкхолдеры (государство, бизнес, пользователи, ученые, отраслевые ассоциации, профессиональные сообщества) представляют в пространстве переговоров разные культуры данных. Морально обоснованные аргументы озвучиваются как сторонниками роста больших данных, так и апологетами сокращения сбора данных, хотя бы персональных, которые требуют дополнительной защиты. От того, чья партия победит, зависит, каким будет разрабатываемый ИИ, какие моральные ценности ему будут делегированы и на какой конкретно образ (или образы) будущего он будет работать.

В пространстве переговоров идет своеобразная игра, где участвующие лица озвучивают свои контекстуально зависимые интересы. Для победы в переговорах нужно учитывать контекст на микро- и макроуровнях. Например, такой интерес, как конфиденциальность на микроуровне предстает ценностью для пользователей, журналистов, гражданских активистов, а на макроуровне опирается на идеологию прав человека, законы, направленные на защиту частной жизни, политику компаний, которые обязаны тратить ресурсы на защиту данных и обеспечение их конфиденциальности. В разных контекстах один и тот же интерес может требовать разных действий акторов, участвующих в перераспределении власти. Различные интересы могут вступать в конфликты, которые встраиваются в технологии и порождают новые моральные дилеммы или усугубляют существующие.

Особое внимание Г. Хассельбахль уделяет интересам, связанным с данными (data interests): политическим, коммерческим, научным, интересам ИИ как нон-антропного агента, заинтересованности отдельных лиц в своих личных данных [ibid.: 97]. Для того чтобы устранить конфликт интересов, требуются нетривиальные социально-политические решения, позволяющие выстроить систему сдержек и противовесов, в которой власть распределяется настолько справедливо, чтобы технология развивалась в условиях компромисса интересов. В качестве примера такого решения автор обсуждаемой книги приводит политику умного города, реализуемую в Барселоне: данные позиционируются как общее благо; горожа-

¹¹ «Военный ИИ на основе нейросети атаковал собственного оператора во время учений?» Давайте разберемся // Habr.com. 2023. 11 июня. URL: <https://habr.com/ru/companies/ruvds/articles/741116/> (дата обращения: 25.10.2023).

не могут решать, кому, когда и на каких условиях предоставить данные; система выстроена таким образом, что для получения удобных инструментов умного города необходимо открывать данные, в том числе малому и среднему бизнесу, включенному в предпринимательскую экосистему.

Совсем иначе выстроена система CityBrain в китайском Ханчжоу, функционал которой состоит в предотвращении пробок, аварий, отслеживании незаконной парковки и проч. Горожане не могут влиять на ее работу, контролировать, делать свой вклад в виде передачи данных [ibid.: 98]. Впрочем, это не значит, что система CityBrain сконструирована несправедливо — просто на этапе ее проектирования был выбран вид властных отношений, который лучше вписывается в систему государственной власти КНР, социальные структуры и культурную специфику.

В Евросоюзе культура¹² работы с данными основана на концепции прав человека. Это обязывает вести переговоры по поводу конфликта интересов не между группами стейкхолдеров, а между актерами, придерживающимися определенных ценностей. Поскольку в одной группе могут быть выразители и апологеты разных культур данных, необходимо учитывать права и законные интересы всех членов группы. Такой подход ставит во главу угла в работе с данными достоинство человека и неприкосновенность частной жизни.

Если в основе европейского подхода к разработке новых технологий лежат права человека, а в Китае ориентируются на социалистические идеалы, то какие ценности должны быть положены в основу российского ИИ? В отсутствие государственной идеологии вопрос о ценностях и власти в системах с распределенной агентностью становится отнюдь не праздным.

Для расширения властных возможностей владельцам ИИ необходимо еще на этапе проектирования интегрировать такой культурный компонент, который позволит работать структуре AISTIs без сбоев. Запрос на культурный компонент российской социотехнической инфраструктуры искусственного интеллекта еще требует своего изучения, но в качестве показательного примера можно сослаться на критику нейросети Kandinsky 2.1 от «Сбера». Ряд пользователей обнаружили, что на запросы «патриот», «русский патриот», «молодой ученый-патриот» нейросеть выдает изображения с элементами американского флага и другой символики, слабо коррелирующей с отечественными представлениями о патриотизме¹³. Вероятно, это связано с выбором данных для обучения нейросети. Однако, как отмечает Г. Хассельбах, «данные не имеют значения вне культурной системы» [ibid.: 121]. К слову, в версии Kandinsky 2.2 вне зависимости от того, какого патриота просит изобразить пользователь, система выдает улыбающихся детей с букетом цветов. И это также можно интерпретировать как отражение определенной культуры данных¹⁴.

¹² Под культурой понимаются «общие концептуальные и материальные рамки для развития социотехнических систем» [Hasselbalch, 2021: 113].

¹³ См., напр.: Нейросеть от Сбера Kandinsky 2.1 при запросе «патриот» генерирует американский флаг // Дзен. 2023. 26 апреля. URL: <https://dzen.ru/a/ZEijHdZdn3ZFwXcz> (дата обращения: 25.10.2023); Миронов попросил Генпрокуратуру проверить нейросеть «Сбера» Kandinsky из-за антироссийского контента // Коммерсантъ. 2023. 26 апреля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5954264>.

¹⁴ Под культурой данных Г. Хассельбах понимает «культурно закодированные концептуальные карты инженеров, специалистов по данным, проектировщиков, разработчиков, законодателей и пользователей систем данных» [ibid.: 120].

Актеры, обладающие властью, вряд ли могут игнорировать процессы производства культурных смыслов и значений, которые Стюарт Холл описывает в терминах «кодирование/декодирование» [Hall, 1993]. Интеграция культурного кода в BDSTIs и AISTIs, желательно уже на этапе проектирования технологии, — это ключ к власти. В противном случае критика социотехнических инфраструктур может существенно усложнить их функционирование. Так, например, Г. Хассельбалх описывает влияние феминистской критики науки о данных, направленной на недопущение угнетения групп меньшинств и воспроизводства практик, при которых технологии разрабатываются определенными людьми для таких же, как они [Hasselbalch, 2021: 118].

Мышление в духе больших данных обязывает заботиться о подготовке данных еще на этапе проектирования ИИ, а не после того, как на этапе эксплуатации будут выявлены существенные недочеты (как это, например, произошло с системой распознавания лиц компании Google, поставившей тег «гориллы» фотографии чернокожих людей). Для решения подобного рода проблем представляются перспективными проекты привлечения пользователей к разработке технологий, например, использование краудсорсинга в машинном обучении. В этом случае обычные люди получают возможность влиять на культурное кодирование BDSTIs и AISTIs и хотя бы номинально включиться в систему распределения власти.

Власть и человек, живущий в эпоху больших данных

Рассуждая о месте человека в системе распределения власти, формирующейся в эпоху больших данных, Г. Хассельбалх, как отмечалось выше, дифференцирует понятия «человекоцентричный подход» (human-centric/centered approach) и «человечный подход» (human approach). Отличие последнего в том, что речь идет не о власти отдельного человека (индивидуализации), а о включении в систему распределения власти человека как этического, то есть морально ответственного существа [ibid.: 4—5]. В рамках человекоцентричного подхода принято, как правило, противопоставлять интересы ИИ и человека. Однако в системах с распределенной агентностью требуется дополнительная концептуализация такого подхода, поскольку не вполне корректно говорить об автономном ИИ, вступающем в борьбу за власть без какого-либо участия человека.

Более правдоподобно выглядит модель взаимодействия человека и искусственного агента в рамках решения той или иной задачи (human-in-the-loop), включая вопросы распределения власти. Согласно «человечному подходу» субъектом моральной ответственности может быть только человек, но в системах с распределенной агентностью не всегда возможно разделить человеческих и нечеловеческих агентов и их участие в конкретном кейсе. Это оказывает влияние на законодательство, моральное нормотворчество и касающиеся технологий политические решения.

Человечный подход весьма строг в отношении этических стандартов: если устанавливаются определенные нормы взаимодействия с технологиями, нельзя их отменять в силу каких бы то ни было обстоятельств. Так, например, в период пандемии COVID-19 обострилась полемика о допустимости ограничения конфиденциальности ради обеспечения безопасности. Но специфика моральных норм

и убеждений такова, что они обесцениваются, если ими начинают манипулировать, вводить или отменять тогда, когда это удобно. Как справедливо отмечает Г. Хассельбальх, этика данных должна принять форму культуры, быть способом существования в мире [ibid.: 130]. Фактически речь идет не о нормах и стандартах, а об определенных практиках, которые воспроизводятся в системах с распределенной агентностью и обеспечивают устойчивость и развитие этих систем, а также «хорошего общества»¹⁵.

Г. Хассельбальх в рамках человеческого подхода разрабатывает трехкомпонентную структуру этики власти, основанной на данных: онтология, практика и открытое общество. Этика предстает здесь способом существования в мире, условием обеспечения «пространства переговоров» и «критических культурных моментов», моделью распределения власти, характерной для «хорошего общества» [ibid.: 132]. В качестве теоретического фрейма исследовательница использует онтологию и этику Анри Бергсона. Особый этический потенциал человека, способность к героизму, жизненному порыву — то, что принципиально отличает его от неон-антропных агентов. Власть человека, включенного в BDSTIs и AISTIs, — это в первую очередь его ответственность за существование социотехнических систем.

Можно соглашаться или нет с Г. Хассельбальх в выборе критериев отличия человека от искусственного агента, но в том, что такие критерии необходимы, сложно сомневаться. Данной позиции придерживаются и отечественные исследователи искусственной социальности А. Резаев и Н. Трегубова: «...люди и вычислительные машины/алгоритмы — принципиально разные сущности, и понять их взаимодействие и его результаты в принципе можно, только если помнить об этой разнице и понимать ее» [Резаев, Трегубова, 2023: 5].

Ориентация на динамическую мораль, абсолютную бескорыстную любовь, которая распространяется не только на все человечество, но и на «...животных, растения, на всю природу» [Бергсон, 1994: 39], которую проповедует А. Бергсон, выглядит несколько утопично. Однако его концепция сочетания статического и динамического вполне успешно используется Г. Хассельбальх, чтобы показать, почему искусственные агенты могут выполнять задачи в соответствии с закодированными нормами и стандартами, но никогда не могут следовать «человеческой морали» как образу жизни [Hasselbalch, 2021: 138].

Неон-антропным агентам присваивают обладание искусственным интеллектом, но об искусственной интуиции речи не идет. А. Бергсон в духе процессуальной онтологии связывает интуицию со способностью человека мыслить движение и воспринимать длительность. Отсутствие такой способности у ИИ Г. Хассельбальх демонстрирует на примере несоответствия прогнозов, сделанных нейросетями на основе больших данных в 2019 г., поскольку события 2020 г. оказались слишком непредсказуемы и мобильны [ibid.: 140—141].

Наряду с интуицией в качестве отличительной характеристики человека Г. Хассельбальх рассматривает способность сомневаться. И эта способность находится под угрозой, поскольку люди привыкают излишне доверять технологиям, объективности решений, принятых алгоритмом на основе анализа больших данных:

¹⁵ Понятие «открытое общество» Г. Хассельбальх использует в книге как синоним «хорошего общества».

«Я больше всего опасаясь, что именно эта потеря человеческой критической способности обретет форму в наших социотехнических реалиях, если мы не остановим и не перенаправим текущие разработки BDSTI и AISTI» [ibid.: 166]. ИИ работает с вероятностями и, в отличие от человека, не колеблется в процессе принятия решений. Но даже если наши критические способности не выдержат испытание искусственной агентностью, останется основной сугубо человеческий атрибут — ответственность.

Данный тезис Г. Хассельбалх можно проиллюстрировать проблемой признания авторства за большими языковыми моделями. Ряд издательств принимают к публикации рукописи, где одним из авторов числится нейросеть (см., например, [Томас, Ван, GPT-3, 2023]). Однако нормы публикационной этики обязывают авторов нести ответственность за все этапы проведения исследования, подготовки рукописи к публикации и постпубликационной коммуникации. ИИ не может нести ответственность и, следовательно, не соответствует критериям авторства.

Международный комитет редакторов медицинских журналов (International Committee of Medical Journal Editors, ICMJE) в мае 2023 г. обновил рекомендации авторам касательно использования ИИ в исследовании и подготовке к публикации. Там, в частности, указано: «Чат-боты (такие как ChatGPT) не должны быть указаны в качестве авторов, поскольку они не могут нести ответственность за точность, добросовестность и оригинальность работы, а эти обязательства необходимы для признания авторства»¹⁶. Аналогичной позиции придерживается и Комитет по этике публикаций (Committee on Publication Ethics, COPE)¹⁷. Таким образом, в сфере авторства научных работ такой критерий «человечности», как ответственность, прошел проверку практикой. Интерес представляет проверка корректности этого критерия и в других сферах деятельности, в которых участвуют системы с распределенной агентностью.

Культурные дебаты и человеческая интерпретация смыслов не могут сводиться к автоматизированной обработке больших данных. Технологии встраиваются в «социально упорядоченные культурные системы смыслообразования» [Hasselbalch, 2021: 146], могут их трансформировать и даже бросать вызов существующей системе власти, но только человек, обладающий «агентностью безусловной любви» [ibid.: 148], может строить открытое общество и организовывать пространство переговоров для защиты своих прав и законных интересов в борьбе за власть.

Г. Хассельбалх показывает, как это работает, на примере конфиденциальности. Право на неприкосновенность частной жизни — одна из фундаментальных европейских ценностей, но слежка, основанная на технологиях БД и ИИ, нарушает это право и, более того, подвергает сомнению его ценностное обоснование (необходимость пожертвовать конфиденциальностью объясняется заботой о безопасности). Если конфиденциальность защищается нормами права и воспринимается только как моральное обязательство, ее можно «отменить», когда

¹⁶ Defining the Role of Authors and Contributors // International Committee of Medical Journal Editors. URL: <https://icmje.org/recommendations/browse/roles-and-responsibilities/defining-the-role-of-authors-and-contributors.html#four> (дата обращения: 25.10.2023).

¹⁷ Authorship and AI Tools // Committee on Publication Ethics. 2023. February 13. URL: <https://publicationethics.org/cope-position-statements/ai-author> (дата обращения: 25.10.2023).

того требуют интересы носителей власти. Однако если конфиденциальность становится стилем жизни, она «должна выйти за пределы спора о технологиях и присутствовать в борьбе за власть и ее перераспределение» [ibid.: 150].

Г. Хассельбах с сожалением пишет о том, что, по крайней мере, по состоянию на 2020 г. в Евросоюзе нормативные положения этики данных закрепились в очередных стратегических документах, стандартах, руководствах, но она так и не стала образом или стилем жизни европейцев. Чтобы изменить ситуацию, автор предлагает переосмыслить этику данных в контексте прав человека, а также и сами эти права. Они должны восприниматься не как щит от внешних угроз и вызовов, а как расширение возможностей человека внутри BDSTIs и AISTIs [ibid.: 151—153].

В российском обществе официальная риторика, касающаяся больших данных, пока развивается только в экономическом контексте. Так, например, была анонсирована разработка до конца 2023 г. нового национального проекта «Экономика данных», цель которого — перейти в ряде социально значимых сфер к управлению на основе данных¹⁸. Предполагается, что по итогам нацпроекта улучшится качество жизни граждан, однако анонс основных положений, касающихся сбора, обработки, хранения, обеспечения безопасности данных, содержит акцент на цифровом суверенитете (нужны российские облачные платформы, сервера, нейросети), а не на правах и интересах граждан. Конечно, цифровой суверенитет — важная составляющая национальной безопасности, а говорить об универсальной этике данных и гомогенизации культур в текущих условиях, как минимум, странно, однако имеется потребность в российском пространстве переговоров о перспективах расширяющихся возможностей человека внутри социотехнических инфраструктур. Что, помимо высокотехнологичных услуг, получит рядовой российский пользователь от нацпроекта «Экономика данных»? Данные станут более открытыми, а системы управления данными — прозрачными? Появятся дополнительные гарантии защиты конфиденциальности? Изменятся параметры управления обществом? Расширятся способы управления своими данными? Вероятно, ответы на эти вопросы будут получены в ближайшем будущем. Впрочем, и технологические инициативы правительства, и новые механизмы защиты прав и законных интересов не всегда могут быть востребованы населением. Так, например, пользователи «умных» колонок мало беспокоятся о конфиденциальности, хотя понимают, что голосовой помощник может собирать и передавать персональную информацию о тех, кто находится в его «поле зрения» [Ушкин, Коваль, 2023]. Но если пользователи несильно озабочены этой проблемой, зачем бизнесу и государству тратить ресурсы на ее решение?

Г. Хассельбах подчеркивает необходимость организации критического пространства переговоров по вопросам этики данных, чтобы сделать более прозрачными процессы перераспределения власти в социотехнических инфраструктурах. Чтобы власть стала видимой, ценности и интересы всех стейкхолдеров также должны быть видимыми. Это можно и нужно делать на всех трех уровнях: на микроуровне следует анализировать дизайн системы данных; на мезоуровне — по-

¹⁸ В России появится новый нацпроект — «Экономика данных» // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. 2023. 13 июля. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/45686/> (дата обращения: 25.10.2023).

литические стратегии, дебаты законодателей и пр.; на макроуровне — динамику власти и глобальных культурных паттернов [Hasselbalch, 2021: 156].

За пространственные аспекты существования социотехнических систем — в том числе и за пространство переговоров — отвечают BDSTIs, а на AISTIs возлагается решение проблем, связанных со временем. Одна из таких проблем — обеспечение превалирования интересов человека в социотехнических системах в так называемые «критические культурные моменты». Но если приоритет останется за искусственными агентами, если люди привыкнут излишне полагаться на прогностические способности ИИ и верить в то, что воплотится именно предсказанный ИИ образ будущего, то можно никогда не выбраться из порочного круга несправедливости и дискриминации, которые «высечены в камне, алгоритмах и системах данных» [ibid.: 157].

Книга Г. Хассельбалх заканчивается на довольно оптимистической ноте — она формулирует ряд задач, которые помогут приблизиться к «хорошему обществу» в эпоху больших данных:

— необходима новая культура данных, в рамках которой БД и ИИ — полезные инструменты, помогающие человеку принимать этические решения;

— технологии должны развиваться так, чтобы усиливать критические способности людей;

— чтобы люди могли осмысленно взаимодействовать с БД и ИИ, необходимо системно повышать уровень социотехнической информационной грамотности;

— требуются изменения законодательства, направленные на обеспечение человеческого контроля на всех этапах разработки и внедрения BDSTIs и AISTIs;

— необходимы критические исследования данных, учитывающих культурные особенности социального контекста, в котором разворачиваются BDSTIs и AISTIs;

— нужно создать условия для появления класса этических регуляторов (*ethical governors*), которые бы критически оценивали моральные дилеммы и конфликты ценностей, возникающие на микро-, мезо- и макроуровнях. На эту роль Г. Хассельбалх рекомендует гражданское общество и неправительственные организации, которые на практике показали себя как приверженцев интересам человека. Им следует дать больше знаний и власти, и они в отличие от государства и бизнеса смогут бескорыстно заботиться именно об интересах человека в эпоху больших данных.

Заключение

Итак, основная мысль книги Г. Хассельбалх, которую она последовательно проводит от начала до самого конца — БД и ИИ являются эффективными инструментами воспроизводства открытого и справедливого общества при условии реализации человеческого подхода. Иными словами, миром правят любовь и большие данные. Этот тезис может вызывать скептическое отношение, но книга содержит множество дискуссионных моментов, побуждающих читателя задаваться вопросами, о которых, возможно, прежде думать не приходилось.

Иметь возможность выбирать, предоставлять или не предоставлять данные, отзывать их, запрещать использовать определенным образом, работать с доступными наборами данными любыми законными способами, а также проектирова-

ние и формирование социотехнических инфраструктур — все это атрибуты участия в системе распределения власти в эпоху больших данных. Поэтому наряду с государством значимую роль играют IT-гиганты. Но есть ли место в системе власти гражданам, некоммерческим организациям, гражданскому обществу? Может ли на что-то претендовать ИИ, будучи неотъемлемой частью систем с распределенной агентностью? Какой тип социального порядка воспроизводится в BDSTIs и AISTIs? Каковы атрибуты «хорошего общества» в эпоху больших данных, если прежде к таковым относились в первую очередь достижимость и пригодность для проживания, позволяющие отличить его от утопии и антиутопии [Коваль, Ушкин, 2018: 137]? Г. Хассельбальх дает развернутые ответы далеко не на все озвученные выше вопросы, но ее книга может быть полезна как для поиска ответов, так и для постановки других вопросов, характерных для той культуры данных, в которой мы живем сейчас, и помогающих осознать, какими бы нам хотелось видеть социотехнические инфраструктуры будущего.

Список литературы (References)

- Бергсон А. Два источника морали и религии. М.: Канон, 1994.
Bergson H. (1994) *The Two Sources of Morality and Religion*. Moscow: Kanon. (In Russ.)
- Платон. Избранные диалоги. М.: Художественная литература, 1965.
Plato (1965) *Selected Dialogues*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura. (In Russ.)
- Коваль Е. А., Ушкин С. Г. Пути России в будущее. Готово ли наше общество стать «хорошим»? // Социологические исследования. 2018. № 2. С. 136—145. <https://doi.org/10.7868/s0132162518020149>.
- Koval E. A., Ushkin S. G. (2018) Russia's Paths in the Future: Is Our Society Ready to Become a "Good Society"? *Sociological Studies*. No. 2. P. 136–145. <https://doi.org/10.7868/s0132162518020149>. (In Russ.)
- Резаев А. В., Трегубова Н. Д. «Искусственный интеллект», «онлайн-культура», «искусственная социальность»: определение понятий // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 35—47. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.03>.
- Rezaev A. V., Tregubova N. D. (2019) Artificial Intelligence, On-line Culture, Artificial Sociality: Definition of the Terms. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 35–47. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.03>. (In Russ.)
- Резаев А. В., Трегубова Н. Д. От социологии алгоритмов к социальной аналитике искусственной социальности: анализ кейсов API и ChatGPT // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 3. С. 3—22. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2384>.
- Rezaev A. V., Tregubova N. D. (2023) From the Sociology of Algorithms to Social Analytics of Artificial Sociality: Reflecting on the Cases of API and ChatGPT. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 3–22. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2384>. (In Russ.)

Томас И. С., Ван Ж., GPT-3. Искусственный интеллект отвечает на величайшие вопросы человечества. Что делает нас людьми? М. : АСТ, 2023.

Thomas I. S., Wang J., GPT-3 (2023) What Makes Us Human: An Artificial Intelligence Answers Life's Biggest Questions. Moscow: AST. (In Russ.)

Ушкин С. Г., Коваль Е. А. Алиса, ты следишь за мной? Восприятие конфиденциальности в нарративах пользователей «умных» колонок // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 3. С. 23—40. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2314>.

Ushkin S. G., Koval E. A. (2023) Alice, Are You Following Me? Perception of Confidentiality in the Narratives of Smart Speaker Users. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 23–40. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2314>. (In Russ.)

Balmer A. (2023) A Sociological Conversation with ChatGPT about AI Ethics, Affect and Reflexivity. *Sociology*. Vol. 57. No. 5. P. 1249–1258. <https://doi.org/10.1177/00380385231169676>.

Hall S. (1993) Encoding/Decoding. In: During S. (ed.) *The Cultural Studies Reader*. London: Routledge. P. 90–103.

Latour B. (1992) Where are the Missing Masses? The Sociology of a Few Mundane Artifacts. In: Bijker W. E., Law J. (ed.) *Shaping Technology / Building Society: Studies in Sociotechnical Change*. Cambridge, MA: MIT Press. P. 225–258.

Nevejans N. (2016) European Civil Law Rules in Robotics: Study for the JURI Committee. Brussels: European Union Publications Office.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.5.2498](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2498)

Н. Н. Седова

ДИНАМИКА СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ УСТАНОВОК РОССИЯН И КОНСОЛИДАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ОБЩЕСТВА

Правильная ссылка на статью:

Седова Н. Н. Динамика смысложизненных установок россиян и консолидационного потенциала общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5. С. 283—304. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2498>.

For citation:

Sedova N. N. (2023) Dynamics of Russians' Attitudes and Consolidation Potential of Society. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 283–304. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2498>. (In Russ.)

Получено: 29.09.2023. Принято к публикации: 12.10.2023.

ДИНАМИКА СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ УСТАНОВОК РОССИЯН И КОНСОЛИДА- ЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ОБЩЕСТВА

*СЕДОВА Наталья Николаевна — стар-
ший научный сотрудник, Институт со-
циологии Федерального научно-ис-
следовательского социологического
центра Российской академии наук, Мо-
сква, Россия*

E-MAIL: nnsedova@inbox.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8492-7847>

Аннотация. В конце 2023 г. в Институте социологии ФНИСЦ РАН под редакцией М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой выходит коллективная монография «Российское общество и вызовы времени. Книга седьмая», посвященная трансформации духовно-психологических, мировоззренческих и иных компонентов массового сознания россиян, а также их влиянию на консолидацию общества в современных условиях. Журнал «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены» публикует фрагмент главы этой книги, в фокусе внимания которого находятся смысложизненные установки, нормы и ценности россиян, характер их динамики на протяжении последних двадцати лет. Представленный фрагмент содержит анализ динамики установок на традиции и различных показателей агентности россиян — восприятия себя как самодостаточных или зависимых от государства, внешнего/внутреннего локуса контроля, готовности к борьбе за свои права — в их связи с проблематикой ценностного раскола в современном российском обществе и развития потенциала общественной консолидации.

DYNAMICS OF RUSSIANS' ATTITUDES AND CONSOLIDATION POTENTIAL OF SOCIETY

*Nataliya N. SEDOVA¹ — Senior Research
Fellow*

E-MAIL: nnsedova@inbox.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8492-7847>

¹ Institute of Sociology of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. A collective monograph “Russian Society and the Challenges of the Time. Vol. 7” (editors — Mikhail K. Gorshkov and Natalia Ye. Tikhonova) will be published by the Institute of Sociology FCTAS RAS in late 2023. The volume is devoted to the transformation of spiritual, psychological, ideological, and other components of mass consciousness, as well as their impact on the consolidation of society in contemporary conditions. “Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes” journal publishes an excerpt from this book focused on the attitudes, norms and values of Russians and the nature of their dynamics over the past 20 years. In connection with the issues of the value split in contemporary Russian society and the development potential for social consolidation, the published fragment analyzes the dynamics of attitudes toward traditions and various indicators of Russian agency, such as the perception of one’s self as independent or dependent on the state, external/internal locus of control, and willingness to fight for one’s rights.

Based on data from many years of empirical research carried by the FCTAS RAS, the author reveals the growing val-

С опорой на данные многолетних исследований Института социологии ФНИСЦ РАН делается вывод о росте ценности традиций в российском обществе и о новом их прочтении в свете противостояния России с Западом, стремления присоединиться к консолидированному большинству. Одновременно отмечается невысокая консистентность показателей, характеризующих готовность брать на себя ответственность и бороться за свои интересы, выбор между личными и общественными интересами, установки на «идеальную демократию» или «сильное государство». Все это может ослаблять генеральный тренд общественно-политической консолидации.

Ключевые слова: смысложизненные установки, нормы, ценности, консолидация, сплоченность, ценностный раскол, традиции, интересы общества, интересы личности, агентностьсамодостаточностьлокус контроля

Благодарность. Материал подготовлен при поддержке РФФ, проект № 20-18-00505 «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз» (руководитель — д. филос. н., академик РАН М. К. Горшков).

ue of traditions in Russian society and discusses their new interpretation in the context of Russia's confrontation with the West, and the desire to join the consolidated majority. At the same time, there is a low consistency of indicators characterizing the willingness to take responsibility and fight for one's interests, the choice between personal and public interests, and attitudes toward "ideal democracy" or "strong state". The overall trend of sociopolitical consolidation might be weakened by all of this.

Keywords: attitudes, norms, values, consolidation, cohesion, value split, traditions, public interests, individual interests, agencyself-sufficiencylocus of control

Acknowledgments. The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 20-18-00505 entitled "Mass Attitudes, Values and Beliefs as Factors Offsetting Sociocultural Challenges and Threats to Social Cohesion in Contemporary Russian Society" (supervisor — Mikhail K. Gorshkov, Doctor of Philosophy, Academician of the Russian Academy of Sciences).

В своей новейшей истории Россия переживает уже третий этап трансформации базовых условий, в рамках которых складываются и развиваются смысложизненные установки, нормы и ценности россиян. Первый этап, пришедший на конец 1980-х — 1990-е годы, можно охарактеризовать как время идеологической турбулентности, расколов и поиска, активного освоения и «пример-

ки» новых ценностей, идеологием и смыслов¹. Страна тогда проходила через самые радикальные преобразования, смену модели государственного устройства и экономического уклада, переживала территориальный распад. Вместе с этим менялось общественное устройство, радикально трансформировалась социальная структура, новые группы пытались найти свое место в новом мире, вскрылись и обострились внутренние социальные противоречия, в дореформенный период носившие латентный характер. Это было время полного отказа от прежней идеологии, поиска новых смыслов и новой национальной идеи, а также постановки принципиально новых целей для страны. Общество потеряло ценностную монолитность, которой в высокой степени характеризовалось в советский период, вошло в этап множественных социальных разрывов с одновременным подъемом гражданской и политической активности, превратилось в плохо сшитое «лоскутное одеяло», в каждом фрагменте которого формировались свои ценности, нормы и установки — при полном отсутствии единого основания, какого-либо ценностного камертона. Идею, которая могла бы в этот период претендовать на звание консолидирующего основания, воплотила фраза-гимн того времени «мы ждем перемен». При этом значительная часть общества, для которой обсуждаемый период обернулся серьезными потерями, не сумевшая и/или не желавшая адаптироваться к изменившейся реальности, тоже ждала перемен — противоположных прозападному мейнстриму.

На смену бурному и предельно турбулентному периоду метаний пришло десятилетие 2000-х годов, когда общество вошло в стадию стабилизации и относительного благополучия. Последним сопутствовали нарастающая идеологическая и политическая индифферентность, фокус на стратегиях личного роста и благополучия, усиление индивидуалистической нормативно-ценностной системы. Это был период нараставшей социальной атомизации, политической и гражданской аномии, чему способствовало отсутствие критически важных для страны угроз либо мощной национальной идеи, которые могли бы потребовать консолидации общества для решения общей задачи. Впрочем, в политической апатии и абсентеизме этих лет можно было заметить тихий протест и оппозиционность, в определенный момент готовые «прорваться» [Психология политического восприятия..., 2012: 378]. На фоне же ослабления масштабных угроз в этот период формировался запрос на современные политические институты, преодоление застоя в политической сфере [Россия на новом..., 2009: 150—151].

Текущий этап (начало которого можно отсчитывать с «Крымской весны») отличается своеобразной ценностной ревизией. Его главным вектором является возврат к традиционным ценностям, нормам и установкам. Ключевым фактором для консолидации общества стала внешняя угроза для страны, давшая первый всплеск ценностной осознанности — как со стороны сторонников, так

¹ Массовое сознание переходного общества, возникшего в России в ходе перестройки и рыночных реформ, исследователи характеризовали противоречивостью и разорванностью социальных практик, сочетанием нежелания жить по-старому со все большим разочарованием в новых идеалах, ностальгии по прежней гигантской стране — с разного рода проявлениями ксенофобии и изоляционизма, привыкания к свободе частной собственности — с нежеланием брать на себя ответственность за свои же собственные финансовые и хозяйственные решения, стремления отстоять свободу частной жизни, в том числе от государства — с тягой к «сильной руке». См., например, [Россия на рубеже веков, 2000].

и со стороны противников этого вектора, — в 2014 г., в период «Крымской весны» (см., например, [Выборы на фоне Крыма, 2018]). Второй этап этой консолидации связан с началом специальной военной операции (СВО) на Украине, переросшей в глобальное противостояние России с Западом, что перевело фактор внешней угрозы из умозрительного в состоявшийся, из локального в общенациональный, практически не дающий возможности дистанцироваться от него ни одной социальной группе.

Рассмотрим, как в условиях новых вызовов трансформируется система смысловых установок, норм и ценностей россиян, как нормативно-ценностные установки разного типа влияют на степень сплоченности общества. Важнейшими при этом будут следующие вопросы: противостоят ли нормативно-ценностные установки нынешнего меньшинства установкам большинства или совпадают с ними? Насколько глубок ценностный раскол? Каков потенциал общественного взаимопонимания и взаимодействия и в чем конкретно он состоит.

В основе складывающейся в российском обществе нормативно-ценностной модели лежит отношение граждан к традициям. Важность этого аспекта связана в том числе с тем, что он включен в повестку государственного управления². В связи с этим обратимся к анализу того, как в обществе складывается восприятие традиций, какова динамика этого нематериального фактора развития общества, каковы его консолидирующее значение и динамика в контексте новых вызовов для страны.

Институт социологии ФНИСЦ РАН располагает данными многолетних исследований (с 2001 г. по настоящее время), характеризующими отношение россиян к традициям и всему новому. Такое отношение фиксируется выбором людей в рамках пары альтернативных суждений. Как показывает динамика этого показателя, в 2023 г. по сравнению с 2021 г. наблюдался резкий рост доли россиян, считающих, что главное — это уважение к сложившимся традициям, обычаям, следование привычному, принятому большинством (с 39,4 % до 63,7 %). За эти же два года доля тех, для кого главное — это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, готовность к риску оказаться в меньшинстве, снизилась с 60,3 % до 36,0 % (см. рис. 1).

Такая выраженная динамика показателя — одно из наиболее заметных изменений в данных, характеризующих нормативно-ценностное сознание россиян. Она в определенном смысле революционна, учитывая, что практически зеркально меняет соотношение долей сторонников привычного и людей, отрицающих первоочередную значимость традиций, вывода сторонников традиций из меньшинства (хотя и весьма масштабного, на уровне 41—44 % населения) в очевидное большинство. Подобная ситуация, хотя и с несколько меньшей динамикой показателей, имела место в 2008—2010 гг., когда Россия и мир в целом столкнулись с масштабным экономическим кризисом и главной задачей для людей и стран стало не развитие и освоение нового, а выживание, опорой для которого являются привычные модели поведения.

² См., например: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России. 2022. 9 ноября. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 16.10.2023).

Рис. 1. Динамика отношения россиян к традициям и новому, 2001—2023 гг., %³

* До 2021 г. включительно использовалась формулировка: «Главное — это уважение сложившихся обычаев, традиций».

Однако скачок в общественном запросе на традиции, зафиксированный в 2023 г., имеет несколько другую окраску — формирование большинства вокруг традиций как ядра актуальной нормативно-ценностной системы, тесную связь традиций с другими нормами, ценностями и установками духовно-нравственного спектра. С точки зрения текущей повестки можно говорить о большинстве, опирающемся на уважение людей к традициям как на антитезу предлагаемой Западом ценностной модели и при этом консолидированном по отношению к текущей общественно-политической обстановке, проведению Россией СВО на Украине, внешней угрозе для страны (см. табл. 1).

Действительно, именно среди россиян, ориентированных на уважение к сложившимся традициям, отмечена повышенная доля тех, кто одобряет путь, по которому идет страна, уверенных, что основные угрозы для нее исходят из-за рубежа и что проведения СВО на Украине нельзя было избежать. Сторонники традиций не только сами выражают поддержку проведению СВО, но и чаще считают, что общество в целом выдержало в этот момент экзамен на консолидацию.

Между тем и среди россиян, для которых важны не традиции, а, напротив, инициатива, предприимчивость, новое в работе и жизни, даже если это несет риск оставаться в меньшинстве, общий баланс оценок в отношении к общественно-политической ситуации тоже склоняется в пользу «вектора одобрения». Однако позиции в этой группе заметно дальше от единства. Например, в отношении пути,

³ Затруднившиеся с ответом здесь и далее в главе на рисунках и в таблицах не указаны.

по которому сегодня идет Россия, или в отношении источника угроз для страны среди сторонников традиций отмечается заметно более высокий уровень солидаризации мнений (~77%), тогда как среди сторонников всего нового уровень солидаризации заметно ниже (~66%). Но главный раскол мнений среди сторонников всего нового проходит по линии отношения к проведению СВО на Украине: летом 2023 г. 32,0% в этой группе полагали, что избежать ее было невозможно, 28,3% считали, что можно. Впрочем, отношение к упомянутому вопросу раскалывает и сторонников традиций, хотя здесь все же есть выраженное преобладание определенной точки зрения: 47,0% были уверены, что СВО избежать было невозможно, а 17,3% придерживались противоположной точки зрения.

Таблица 1. **Восприятие актуальной общественно-политической повестки россиянами, ориентированными на традиции или все новое, июнь 2023 г., %⁴**

Оценки	Главное — это уважение к сложившимся традициям, обычаям, следование принятому большинством	Главное — это инициатива, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве	Разница, п. п.
<i>Путь, по которому идет Россия...</i>			
Даст в перспективе положительные результаты	77,3	66,9	10,4
Ведет страну в тупик	21,7	33,0	11,3
<i>Основные угрозы для России...</i>			
Исходят из-за рубежа	77,6	65,5	12,1
Находятся внутри страны	22,3	34,2	11,9
<i>Проведения СВО на Украине...</i>			
Совершенно точно нельзя было избежать	18,9	12,8	6,1
Скорее нельзя было избежать	28,1	19,2	8,9
Сложно сказать	35,6	39,6	4,0
Скорее можно было избежать	13,3	16,8	3,5
Совершенно точно можно было избежать	4,0	11,5	7,5
<i>В условиях СВО на Украине наше общество...</i>			
В основном выдержало экзамен на консолидацию	34,8	27,3	7,5
Проявило себя по-разному, показав и лучшие, и худшие черты	50,9	58,8	7,9
В основном проявило себя разобщенным	14,3	13,9	0,4

Если перейти от разницы в восприятии повестки к глубинным различиям групп сторонников традиций или всего нового, их ценностным установкам, то здесь

⁴ Здесь и далее в таблицах, если не оговорено иное, фоном выделены значения, превышающие показатель в другой группе на 5 п. п. и более.

важно отметить рост значимости для сторонников традиций приоритета интересов общества и государства над личными интересами. Если в 2021 г., до начала СВО, интересы общества и государства важнее личных считали 36,6% сторонников привычного, то в 2023 г. придерживаться такой точки зрения в этой группе стали уже 50,7% (см. табл. 2). Напротив, доля сторонников традиций, считающих личные интересы самым важным в жизни человека, за этот период снизилась с 62,7% до 49,1%. В группе же сторонников всего нового подобных изменений в отношении иерархии интересов личности и общества не отмечено: в приоритете по-прежнему индивидуалистические установки.

Таблица 2. Восприятие актуальной общественно-политической повестки в группах россиян, ориентированных на традиции или все новое, июнь 2023 г., %

Ценностные и нормативные установки	Главное — это уважение к сложившимся традициям, обычаям, следование принятому большинством	Главное — это инициатива, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве	Разница, п. п.
<i>Личные интересы...</i>			
Следует ограничивать во имя интересов страны и общества	50,7	34,2	16,5
Это главное для человека	49,1	65,2	16,1
<i>Чтобы чего-то важного добиться...</i>			
Следует действовать сообща	57,7	38,1	19,6
Нужно рассчитывать только на себя	42,2	61,5	19,3
<i>В важных вопросах вы руководствуетесь интересами...</i>			
Государства	10,3	5,6	4,7
Коллектива, которое ваше решение затрагивает	4,8	4,0	0,8
Своей семьи	61,6	58,8	2,8
Своими собственными	23,3	31,6	8,3

Важным маркером трансформации нормативно-ценностной системы человека является его отношение к личным и общественным интересам. На протяжении длительного периода наблюдений (с 2014 г.) большинство россиян заявляли о приоритете личных интересов над общественными (55—68%). В этом смысле «рывок» сторонников традиций, готовых отказываться от личного в пользу общественного, на фоне растущего доминирования этой группы в обществе задает важный тренд в рамках общего движения общества к консолидации.

Довольно высоки установки на сплоченность среди сторонников традиций и с точки зрения восприятия того, как человеку необходимо действовать, что-

бы добиться чего-то важного. Большинство представителей этой группы (57,7 %) в 2023 г. были уверены, что действовать следует сообща, и заметно меньшая их доля (42,2%) рассчитывала в такой ситуации на свои силы. Напротив, сторонники всего нового считали, что нужно рассчитывать только на себя (61,5%), а установку на коллективные действия демонстрировали только 38,1% из них.

Тяготение к индивидуалистическим ориентациям сторонников нового демонстрирует их повышенное внимание к собственным интересам при принятии важных для себя решений (31,6% против 23,3% среди сторонников традиций). Одновременно среди них по сравнению со сторонниками привычного отмечалась вдвое меньшая доля тех, для кого при принятии важных для себя решений важные интересы государства (5,6% при 10,3% соответственно).

Установки на традиции или на все новое коррелируют с индикаторами нормативной модели развития страны (см. табл. 3).

Таблица 3. Некоторые показатели нормативного восприятия модели взаимоотношений человека, общества и государства в группах россиян, ориентированных на традиции или все новое, июнь 2023 г., %

Нормативные установки	Главное — это уважение к сложившимся традициям, обычаям, следование принятому большинством	Главное — это инициатива, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве	Разница, п. л.
<i>Индивидуализм, либерализм и западная демократия представляют собой ценности, которые россиянам не подходят</i>			
Согласны	70,8	54,2	16,6
Не согласны	29,0	45,6	16,7
<i>Интересы государства должны преобладать над правами отдельного человека</i>			
Согласны	58,5	45,6	12,9
Не согласны	41,3	53,8	12,5
<i>Для обеспечения государственных интересов в некоторых случаях возможны ограничения прав отдельных индивидов</i>			
Согласны	72,8	59,9	12,8
Не согласны	27,2	39,9	12,7
<i>Правительство должно иметь возможность прямого влияния на правосудие, если этого требуют интересы государства</i>			
Согласны	54,2	41,0	13,1
Не согласны	45,7	58,3	12,6
<i>Если СМИ или блогеры нарушают интересы государства, их свободу следует ограничивать</i>			
Согласны	69,9	58,8	11,1
Не согласны	29,9	40,9	11,0
<i>Права человека должны преобладать над интересами государства</i>			
Согласны	51,6	60,2	8,6
Не согласны	47,8	38,5	9,3
<i>Люди должны поддерживать свою страну, даже если она не права</i>			
Согласны	59,4	47,3	12,1
Не согласны	40,6	52,6	12,0

Нормативные установки	Главное — это уважение к сложившимся традициям, обычаям, следование принятому большинством	Главное — это инициатива, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве	Разница, п. п.
<i>Они сами готовы пойти на значимые для них жертвы ради интересов своей страны</i>			
Согласны	49,1	38,0	11,1
Не согласны	50,5	60,9	10,4
<i>Задача оппозиции состоит не в том, чтобы критиковать правительство, а в том, чтобы оказывать ему помощь в работе</i>			
Согласны	66,6	56,9	9,7
Не согласны	33,1	42,8	9,7

В группе россиян, ориентированных на традиции, в 2023 г. заметно ярче выражены установки на отрицание западной демократии в качестве образца для России (на 16,6 п. п. выше, чем среди сторонников всего нового). Причем эту, одну из самых важных для консолидации группы, позиций поддержали 70,8% ее участников. Также среди сторонников традиций чаще, чем среди сторонников всего нового, поддерживалась идея сильного государства: ограничения свободы блогеров и СМИ, возможности ограничения прав отдельных людей, прямого влияния правительства на правосудие для обеспечения государственных интересов (на 11,1, 12,8 и 13,1 п. п. соответственно). Здесь чаще поддерживалась первичность интересов государства по отношению к правам отдельного человека и выражалось несогласие с тем, что права человека должны преобладать над интересами государства (на 12,9 и 9,3 п. п. соответственно). Оппозиции же чаще отводилась роль помощника правительства, а не субъекта его критики (на 9,7 п. п.).

При этом сторонники традиций иначе воспринимают и роль гражданина в идеальной государственной модели. Например, большинство из них полагают, что люди должны поддерживать свою страну, даже если она не права (59,4%), тогда как большинство сторонников всего нового с таким мнением не согласны (52,6%). Сторонники традиций также чаще готовы лично демонстрировать приверженность такой модели, заявляя, что ради интересов своей страны готовы пойти на значимые для себя жертвы: таковых в этой группе 49,1%, то есть практически каждый второй, тогда как среди сторонников всего нового большинство на это пойти не готово (60,9%).

Показательны и различия между сторонниками традиций и всего нового в восприятии прошлого страны и уроков, которые из него необходимо извлечь (см. табл. 4). Так, для сторонников традиций заметно чаще, чем для сторонников всего нового, важным уроком из опыта истории является особая роль веры в Бога (на 13,3 п. п.). Второе, на что сторонники традиций указывали чаще, говоря об уроках истории, — это то, что социализм подходит России гораздо больше, чем капитализм (на 9,1 п. п. больше по сравнению со сторонниками всего нового). Еще два урока, на которые обращали внимание сторонники традиций, связаны с отношениями России с другими странами: в этой группе на 7 п. п. выше доля тех, кто уверен, что исторический опыт подсказывает России жить своим умом и идти своим путем, не копируя опыт других стран, а также что Запад намеренно противодей-

ствует развитию России (на 6,5 п. п.). Наконец, сторонники традиций чаще, чем сторонники всего нового (на 5,2 п. п.), полагают, что процветание России возможно только если ею руководит сильная личность, хозяин.

Сторонники всего нового, напротив, главным историческим уроком считают недопустимость чрезмерной концентрации власти в одних руках (на 11,5 п. п. больше). Второй по важности урок для них — это необходимость создания всех условий для тех, кто хочет работать и зарабатывать (на 7,7 п. п.). Наконец, третья линия разрыва в восприятии прошлого, важная для сторонников нового, — отношение к советскому прошлому. В сравнении со сторонниками традиций они чаще (на 6,5 п. п.) считают, что, несмотря на определенные достижения советская власть завела страну в тупик. Тем не менее важно подчеркнуть, что все эти различия не носят качественного характера, да и количественно невелики.

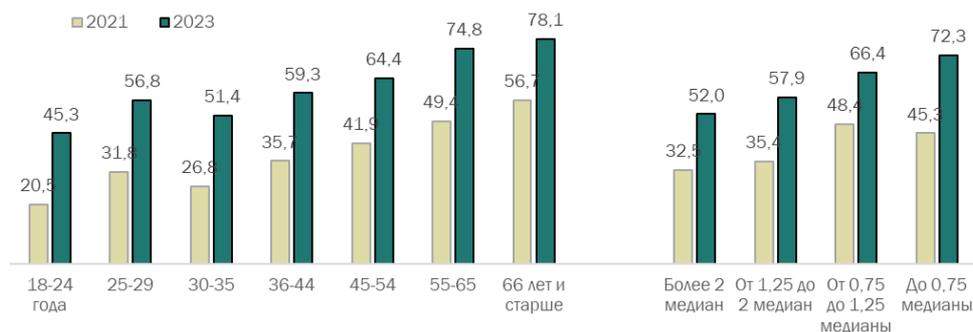
Таблица 4. Мнение о некоторых уроках, которые должна извлечь Россия из исторического опыта прошедшего столетия, в группах россиян, ориентированных на традиции или все новое, июнь 2023 г., %

Уроки исторического опыта	Главное — это уважение к сложившимся традициям, обычаям, следование принятому большинством	Главное — это инициатива, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве	Разница, п. п.
Нельзя жить без веры в Бога	31,4	18,1	13,3
Социализм подходит России гораздо больше, чем капитализм	27,2	18,1	9,1
Россия должна жить своим умом и идти своим путем, а не копировать опыт других стран	42,2	35,2	7,0
Запад — извечный враг России, именно он противодействует ее процветанию	20,2	13,6	6,5
Россия может процветать только тогда, когда во главе ее — сильная личность, хозяин	26,1	20,9	5,2
Несмотря на отдельные достижения, советская власть завела страну в тупик	4,9	11,4	6,5
Россия может стать развитой страной только тогда, когда будут созданы все условия для тех, кто хочет работать и зарабатывать; а те, кто не желает этого, пусть остаются бедными	21,1	28,8	7,7
В России нельзя допускать чрезмерной концентрации власти в одних руках	15,5	27,0	11,5

Сегодня традиции — это выбор не только старших поколений, в силу возраста тяготеющих к «корням», или «спасательный круг» в тяжелой для страны и граждан ситуации (каким он был на волне мирового экономического кризиса, а отчасти является и сегодня). Анализ полученных данных свидетельствует об изменении состава сторонников традиций с точки зрения их возраста и доходов — он активно пополняется в том числе представителями молодежи и людей с высоким уровнем доходов.

В 2021 г. среди молодежи 18—24 лет доля сторонников традиций составляла только 20,5%, а в 2023 г. — уже 45,3%, то есть отмечается более чем двукратный скачок (см. рис. 2). В группах же 25—29-летних и 30—35-летних россиян в 2023 г. сторонников традиций стало большинство (56,8% и 51,4% соответственно). При этом приверженность традициям людей старших возрастов тоже усилилась. Например, в самой старшей группе доля «традиционалистов» в 2023 г. составила максимальные 78,1% (при 56,7% в 2021 г.).

Рис. 2. Доля сторонников традиций в разных возрастных группах и в группах с разными среднедушевыми доходами, июнь 2023 г., %

Тренд на традиции характерен и для людей с высоким уровнем дохода. Если в 2021 г. в группе россиян со среднедушевыми доходами более 2 медиан доля сторонников традиций составляла 32,5%, то в 2023 г. их было уже большинство (52,0%). При этом в наименее обеспеченных слоях также отмечается их существенный прирост (с 45,3% до 72,3%). Таким образом, усиление значимости традиций сопровождается консолидацией (выраженной в большей или меньшей степени, но везде имеющей существенную положительную динамику) всех групп, выделяемых на основе таких объективных параметров, как возраст или доход. Однако важно также иметь в виду часть общества, находящуюся за пределами объединенного установками на традиции большинства, ориентированную на новое и готовую оставаться в меньшинстве. Ее основу, по данным 2023 г., составляли прежде всего молодежь (42,4—54,7% в группах до 35 лет) и люди с доходами выше среднего уровня (42,1—48,0% в группах с доходами от 1,25 медианы и выше).

В целом можно констатировать, что ценность традиций в российском обществе растет. При этом традиции приобретают новое прочтение — это выбор, мотиви-

рованный стремлением присоединиться к главному общественно-политическому тренду, связанному с противостоянием России Западу, к консолидированному вокруг действующей власти и характерных для российского общества ценностей большинству. Хотя ключевым различием рассматриваемых групп выступает специфика нормативно-ценностных систем, а также индивидуалистические или коллективистские ориентации, для них характерны также разные типы локуса контроля, различные горизонты планирования, установки на самодостаточность или зависимость от государства, восприятие себя как субъекта, управляющего своей жизнью, или как объекта влияния внешних обстоятельств, установки на борьбу за свои интересы.

Анализ показывает, что формируемое в российском обществе традиционалистски ориентированное большинство отличается заметными противоречиями в этих своих установках. С одной стороны, сторонники традиций подчеркивают значимость агентности человека, самостоятельно формирующего свои цели и достигающего их. Большинство группы (59,9%) считает, что человек сам кузнец своего счастья, и успех, и неудачи — все в его руках (см. табл. 5).

Таблица 5. Типы локуса контроля и установки россиян, ориентированных на традиции или на все новое, июнь 2023 г., %

Ценностные и нормативные установки	Главное — это уважение к сложившимся традициям, обычаям, следование принятому большинством	Главное — это инициатива, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве	Разница, п. п.
<i>Самодостаточность / зависимость от государства</i>			
Смогут сами обеспечить себя и свою семью и не нуждаются в поддержке со стороны государства	43,5	64,4	20,9
Без поддержки со стороны государства им и их семье не выжить	56,4	35,3	21,1
<i>Внешний / внутренний локус контроля</i>			
Человек сам кузнец своего счастья, и успех и неудачи — все в его руках	59,9	64,4	4,5
Жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями	40,0	35,6	4,4
<i>Борьба за свои права / приспособление к реальности</i>			
Чтобы отстоять свои интересы и права, необходимо за них активно бороться	49,5	59,0	9,5
Нужно уметь приспосабливаться к реальности, а не тратить силы на борьбу с ней	50,2	40,5	9,7

С другой стороны, 56,4 % представителей группы заявили, что без поддержки со стороны государства им и их семье не выжить. И примерно поровну в группе сторонников традиций оказалось тех, кто полагает, что человеку необходимо активно бороться за свои права и интересы, и тех, кто считает, что важнее приспособиться к реальности, чем тратить силы на борьбу с ней. Такая слабая консистентность позиций, описывающих нормативно-ценностные основания и установки сторонников традиций на агентность и готовность брать на себя ответственность если не за страну в целом, то хотя бы за себя, существенным образом может ректировать консолидационный потенциал сторонников традиций.

Сторонники всего нового представляют собой группу с более сильным потенциалом социального действия: среди них четче выражены внутренний локус контроля, готовность к ответственности и решительным действиям. 64,4 % группы уверены, что человек должен сам ковать свое счастье; столько же заявили, что смогут сами обеспечить себя и свою семью и не нуждаются в поддержке со стороны государства, а 59,0 % полагали, что за свои права и интересы необходимо активно бороться.

Если обратиться к данным о динамике доли «самодостаточных» и «зависимых» россиян в составе обеих групп, то увидим, что с 2021 г. к 2023 г. доля «самодостаточных» россиян среди сторонников традиций выросла с 33,0 % до 43,5 % (среди сторонников всего нового рост тоже был, но несколько менее выраженный, с 59,8 % до 64,4 %).

Рассмотрим подробнее динамику и трансформацию смысложизненных установок, норм и ценностей россиян, связанных с потенциалом их агентности, а также их влияние на общую сплоченность российского общества в условиях новых вызовов. Обратимся к уже упомянутому параметру, характеризующему восприятие россиянами себя в контексте окружающего мира как самостоятельных и самодостаточных либо зависимых и подчиненных субъектов. Динамика данных с 2005 г. (см. рис. 3) свидетельствует, что вплоть до 2023 г. в обществе преобладала группа так называемых зависимых россиян, которые, по их собственной оценке, не могут выжить без поддержки государства (от 51,0 % до 66,0 % в разные годы). Несколько меньшую долю составляла группа «самодостаточных» — уверенных, что смогут обеспечить себя и свою семью самостоятельно и в помощи государства в данном вопросе не нуждаются (от 34,2 % до 49,1 %). К середине 2023 г. соотношение «самодостаточных» и «зависимых» россиян впервые за период наблюдений сменило знак. Пусть и с минимальным перевесом, но преобладать стала группа «самодостаточных», составив 51,0 % всех россиян (против 48,7 % «зависимых»).

Сложившаяся ситуация — логичное продолжение общей тенденции ослабления зависимости граждан от поддержки государства, повышения их самодостаточности. Восприятие россиянами собственных возможностей заметно улучшилось: количественные показатели демонстрируют общество как более самодостаточное, чем было по состоянию на 2005 или 2010 г., несмотря на два пика роста ощущения людьми своей зависимости от государства (в пандемийном 2020 г. и весной 2022 г.).

Рис. 3. Динамика выбора в альтернативных парах суждений о самодостаточности или зависимости от государства, 2005—2023 гг., %

В рамках отдельных социальных групп доли «зависимых» и «самодостаточных» россиян представлены неравномерно. Наиболее значимыми дифференцирующими факторами являются возраст и уровень материальной обеспеченности людей. Чем выше доходы, тем больше доля тех, кто не зависит от поддержки государства (максимальные 81,1% в группе с доходами более 2 медиан). Напротив, среди наименее обеспеченных россиян, чей доход не превышает 0,75 медианы, доля «самодостаточных» в июне 2023 г. составила минимальные 30,3%. Среди молодежи 18—24 лет большинство (66,2%) отнесло себя к «самодостаточным», тогда как среди россиян 66 лет и старше таковых только 19,2% (самое низкое значение среди всех социальных групп). В этих распределениях отражен общий профиль социальной уязвимости российских граждан, где на одном полюсе находятся молодые и хорошо обеспеченные, а на другом — пожилые и малообеспеченные.

Связь уровня самодостаточности/зависимости групп и отношения их представителей к текущей общественно-политической ситуации невысока. Анализ результатов исследования не выявил существенной связи между данными установками и оценками пути, по которому сегодня идет Россия, необходимости перемен, источника угроз для страны и т. п. В оценках отношения к проведению СВО на Украине также существенного влияния степени самодостаточности/зависимости не выявлено.

Переходя от анализа восприятия россиянами себя в контексте «человек — государство» к более широкому контексту «человек — мир», важно отметить доминирование у россиян внутреннего локуса контроля. Если в контексте «человек — государство» до последнего времени еще преобладало восприятие себя как «зависимых», то в контексте «человек — мир» наши сограждане на протяжении практически всего времени наблюдений полагают, что человек сам кузнец своего счастья, а успех и неудачи — в его руках. Динамика данных с 2008 г. по на-

стоящее время показывает, что доминирование этой установки характерно для всего периода, за исключением двух точек. Первая пришлась на 2008 г., когда на фоне мощного экономического кризиса большинство россиян отмечало, что жизнь человека в гораздо большей степени опосредуется внешними обстоятельствами, нежели собственными усилиями (см. рис. 4).

Рис. 4. Динамика выбора в альтернативных парах суждений, отражающих внешний либо внутренний локус контроля россиян, 2008—2023 гг., %

Вторая точка — 2022 г., время начала СВО на Украине, период высокой общественно-политической и социально-экономической турбулентности, когда показатель внешнего локуса контроля вновь оказался выше внутреннего. Был также момент заметного роста доли людей, ощущающих давление внешних обстоятельств как более значимое в сравнении с собственными усилиями, — в 2014 г., после начала экономического кризиса, порожденного санкциями, введенными в связи с «Крымской весной». Однако в целом «знак» локуса контроля в обществе тогда не поменялся: пусть и с незначительным перевесом, но все же преобладало мнение, согласно которому собственные усилия человека значат в его жизни больше, чем внешние обстоятельства.

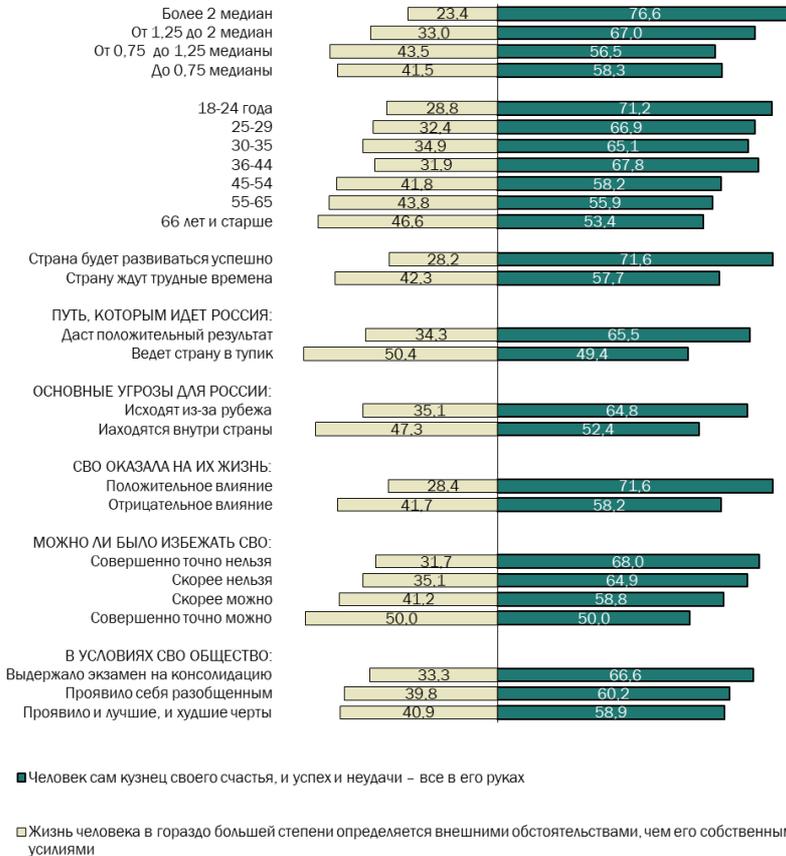
В июне 2023 г. картина радикальным образом изменилась, и доля россиян, полагающих, что человек сам кузнец своего счастья, резко выросла (до 61,6%). Напротив, доля тех, кто считает, что жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, сократилась до 38,2%.

Такой резкий рост внутреннего локуса контроля вторит описанной выше динамике усиления установок россиян на самодостаточность и в целом тренду на повышение агентности российского общества в ситуации новых вызовов. Причем именно локус контроля, фиксируемый через индикатор восприятия россиянами себя самих как хозяев собственной жизни, оказался в заметной взаимосвязи

с оценками курса, которым идет страна, перспектив ее развития, ситуации вокруг СВО на Украине. Внутренний локус контроля связан прежде всего с оптимизмом в отношении общего курса развития страны, с уверенностью, что путь, которым идет Россия, приведет к положительным результатам, а страна будет развиваться успешно. Россияне с внутренним локусом контроля чаще представлены среди тех, кто уверен, что основные угрозы для страны исходят из-за рубежа, что общество в условиях СВО проявило себя с лучшей стороны и выдержало экзамен на консолидацию, что проведения СВО было невозможно избежать и что СВО положительным образом сказалось на их собственной жизни.

Восприятие человека как субъекта, самостоятельно выстраивающего свою жизнь, «кузнеца собственного счастья» заметно чаще встречается среди хорошо обеспеченных россиян (до 76,6% среди людей с доходами более 2 медиан) и молодежи (до 71,2% в группе до 24 лет). Ощущение же того, что жизнь человека определяется в первую очередь внешними обстоятельствами, более характерно для представителей низкодоходных групп населения (41,5—43,5% среди имеющих доходы ниже 0,75 медианы) и пожилых (46,6% среди 66-летних и старше) (см. рис. 5).

Рис. 5. Выбор в альтернативных парах суждений, отражающих внешний либо внутренний локус контроля в разных социальных группах, июнь 2023 г., %

Третий показатель, отражающий установки россиян на агентность (наряду с самодостаточностью и внутренним локусом контроля), — готовность к борьбе за свои права. Следует отметить, что общий тренд, характеризующий динамику этого показателя, — скорее снижение. На протяжении длительного периода наблюдений (с 2003 по 2022 г.) этот показатель демонстрировал довольно высокие значения, и доля тех, кто заявлял, что для защиты своих интересов и прав человеку необходимо за них активно бороться, колебалась в коридоре 52—61%⁵. При этом установка на приспособление к реальности, напротив, всегда была делом заметно меньшего числа наших сограждан (39—48%). За все время исследований Института социологии ФНИСЦ РАН не было ни одной точки, в которой соотношение менялось бы в пользу «приспособленцев» (см. рис. 6). Однако на фоне предыдущих высоких значений установок россиян на борьбу за свои права (до 60—61%) в последние годы наблюдается их снижение, а коридор колебаний составляет 52—57%. Показательно, что на фоне скачкообразного увеличения доли «самодостаточных» россиян (на 10,4 п. п.) и доли группы с внутренним локусом контроля (рост на 13,6 п. п.) доля россиян, уверенных в необходимости борьбы за свои интересы и права, в 2022—2023 гг. не изменилась, а по сравнению с 2021 г. даже снизилась.

Рис. 6. Динамика выбора россиян в альтернативных установках относительно борьбы за свои права и интересы, 2003—2022 гг., %

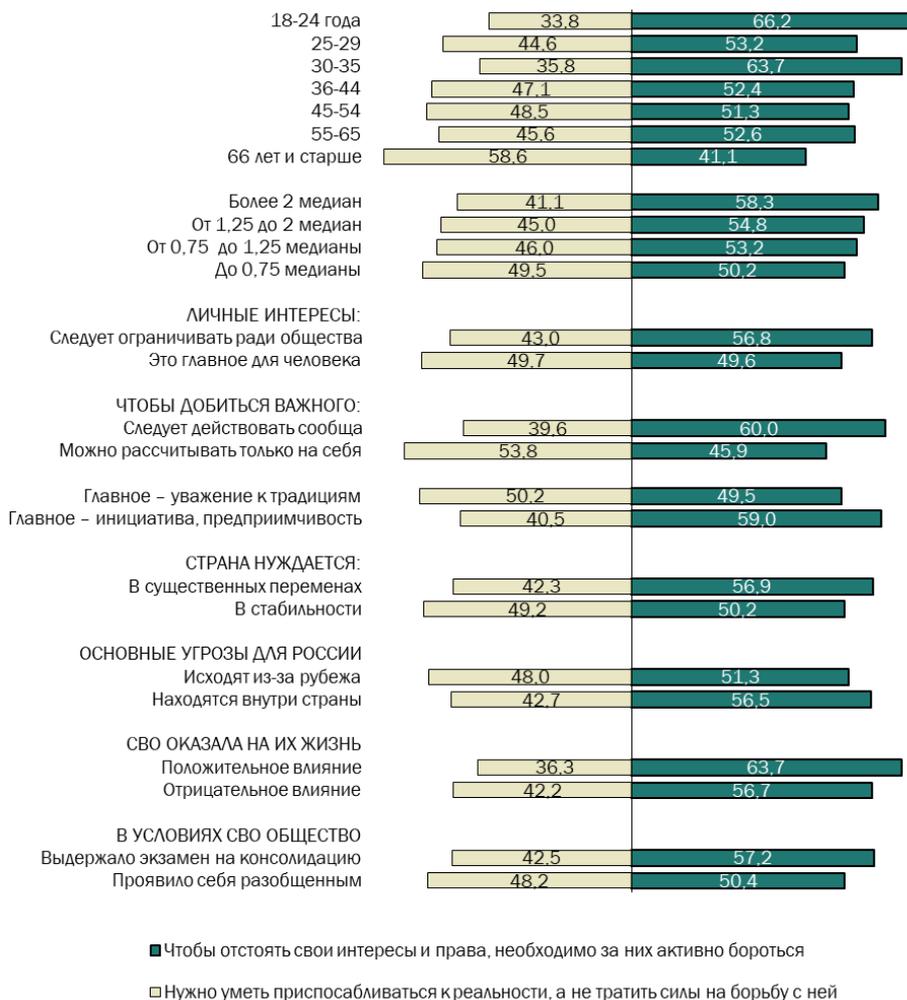

«Энергетика борьбы» несколько чаще свойственна молодежи, а также группам, представителям которых есть что терять. Анализ связей установок россиян на борьбу за свои права и интересы с другими показателями свидетельствует, что сегодня понимание «борьбы за свои интересы» складывается в рамках двух векто-

⁵ Напомним, что доля «самодостаточных» составляла в разные годы 34—49%, а «кузнецов своего счастья» — 42—55%.

ров. Во-первых, установки на борьбу, судя по данным исследования 2023 г., являются признаком внутреннего протеста группы⁶. Повышенные доли тех, кто считает, что за свои интересы и права нужно бороться, были отмечены в группах респондентов, полагающих, что страна нуждается в переменах, что главные угрозы для России находятся внутри страны (см. рис. 7). При этом установки на борьбу оказались выше в группе россиян, предпочитающих новое (чаще демонстрирующих недовольство нынешним вектором развития страны), по сравнению с теми, кто выбирает традиции (демонстрирующих установки на нынешний вектор развития).

Рис. 7. Выбор в альтернативных парах суждений относительно борьбы за свои права и интересы в разных социальных группах, июнь 2023 г., %

⁶ Второй вектор связан с большей поддержкой текущих событий вокруг СВО, об этом ниже.

Обратим внимание, что по сравнению с 2022 г. состав «борцов» и «приспосабливающихся» среди тех, кто считает, что основные угрозы для России находятся внутри нее самой, заметно изменился: за год доля людей с установками на борьбу в их составе сократилась с 64,0% до 56,5%, а доля тех, кто считает важным приспособляться к ситуации, выросла с 36,0% до 42,7%, то есть группа снижает уровень активной нелояльности.

Однако есть и другие признаки, иллюстрирующие связь установок на борьбу с несогласием с ключевыми трендами во внутренней политике страны — например, с усилением роли государства и с развитием концепта «цивилизационного суверенитета» России (см. табл. 6). Россияне с установками на борьбу чаще, чем считающие важным умение приспособляться, отрицают тезис о том, что индивидуализм, либерализм и западная демократия не подходят россиянам. Чаще не согласны они и с тем, что интересы государства должны преобладать над правами отдельного человека. Они чаще отрицают возможность ограничения прав отдельных людей для обеспечения государственных интересов и ограничения свободы блогеров и СМИ в случае нарушения интересов государства, а также чаще не согласны с тем, что люди должны поддерживать свою страну даже если она не права (на 5,6—9,0 п. п.). При этом они чаще выступают за плюрализм мнений (на 7,3 п. п.) и за право каждого отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций (на 9,3 п. п.). Показательно, что установки на борьбу практически не связаны с готовностью пойти на значимые для себя жертвы ради интересов своей страны. Представляется справедливым констатировать, что данный вектор установок на борьбу несет в себе сильный деконсолидирующий заряд.

Таблица 6. Отношение к некоторым нормативным установкам, связанным с моделью взаимоотношений человека, общества и государства, в группах россиян с установками на борьбу за свои права и интересы или умение приспособляться к реальности, июнь 2023 г., %

Нормативные установки	Чтобы отстаивать свои интересы и права, необходимо за них активно бороться	Нужно уметь приспособляться к реальности, а не тратить силы на борьбу с ней	Разница, п. п.
<i>Индивидуализм, либерализм и западная демократия представляют собой ценности, которые россиянам не подходят</i>			
Согласны	61,9	67,8	5,9
Не согласны	37,7	32,1	5,6
<i>Для обеспечения государственных интересов в некоторых случаях возможны ограничения прав отдельных индивидов</i>			
Согласны	65,4	71,4	6,0
Не согласны	34,6	28,5	6,1
<i>Интересы государства должны преобладать над правами отдельного человека</i>			
Согласны	50,0	58,3	8,3
Не согласны	49,9	40,9	9,0
<i>Каждый человек должен иметь право отстаивать свое мнение даже в том случае, если большинство придерживается иного мнения</i>			
Согласны	89,6	82,3	7,3
Не согласны	10,4	17,6	7,2

Нормативные установки	Чтобы отстаивать свои интересы и права, необходимо за них активно бороться	Нужно уметь приспособливаться к реальности, а не тратить силы на борьбу с ней	Разница, п. п.
<i>Каждый гражданин в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций</i>			
Согласны	67,8	58,4	9,3
Не согласны	32,2	41,4	9,1
<i>Если СМИ или блогеры нарушают интересы государства, их свободу следует ограничить</i>			
Согласны	61,8	70,9	9,1
Не согласны	37,9	29,0	8,9
<i>Люди должны поддерживать свою страну, даже если она не права</i>			
Согласны	52,0	58,5	6,5
Не согласны	48,0	41,4	6,6
<i>Они сами готовы пойти на значимые для них жертвы ради интересов своей страны</i>			
Согласны	45,7	44,3	1,4
Не согласны	53,6	55,2	1,7

Среди россиян, демонстрирующих установки на борьбу за свои интересы, есть и второй вектор настроений, связанный с большей поддержкой текущих событий вокруг СВО. Например, россияне с установками на борьбу несколько чаще, чем «приспосабливающиеся», представлены среди тех, кто считает, что СВО оказала положительное влияние на их собственную жизнь, что общество в основном выдержало в связи с СВО экзамен на консолидацию (см. рис. 7).

Что же касается повышенной представленности группы с установками на борьбу среди россиян, считающих необходимым ограничивать личные интересы ради общественных и действовать сообща, то ее можно трактовать скорее как инструментальность подхода, не связанную с его конечной целью (это может быть и поддержка нынешнего курса страны, и желание его смены).

Анализ установок на агентность в российском обществе свидетельствует о высокой внутренней противоречивости процесса трансформации общественного сознания. С одной стороны, повышается самодостаточность россиян и их уверенность в том, что они могут сами управлять своей жизнью. Такие умонастроения способствуют консолидации общества, будучи соотносенными с поддержкой курса, которым сегодня движется страна. С другой стороны, не наблюдается согласованности в том, как россияне учитывают интересы страны и собственные: установки на борьбу за свои интересы чаще перекликаются с индивидуалистическими позициями и моделью «идеальной демократии», нежели с коллективистскими установками и моделью сильного государства. Неизменность общего уровня готовности россиян к борьбе за свои права и интересы на фоне роста других показателей (установок на традиции, самодостаточности, внутреннего локуса контроля) может свидетельствовать о серьезной внутренней перестройке общественного сознания.

Список литературы (References)

Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016—2018 гг. и перспективы политического транзита / под науч. ред. В. В. Федорова. М.: ВЦИОМ, 2018.

Fedorov V. V. (ed.) (2018) Elections against the Backdrop of Crimea: Electoral Cycle 2016—2018. And Prospects for Political Transition. Moscow: VCIOM.

Психология политического восприятия в современной России / под ред. Е. Б. Шестопал. М.: РОССПЭН, 2012.

Shestopal E. B. (ed.) (2012) The Psychology of Political Perception in Contemporary Russia. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Россия на новом переломе: страхи и тревоги / под ред. М. К. Горшкова, Р. Кrumma, В. В. Петухова. М.: Альфа-М, 2009.

Gorshkov M. K., Krumm R., Petukhov V. V. (eds.) (2009) Russia at a New Turning Point: Fears and Worries. Moscow: Alpha-M. (In Russ.)

Россия на рубеже веков. М.: РОССПЭН: РНИСиНП, 2000.

Russia at the Turn of the Century. (2000) Moscow: ROSSPEN, Russian Independent Institute of Social and National Problems. (In Russ.)

